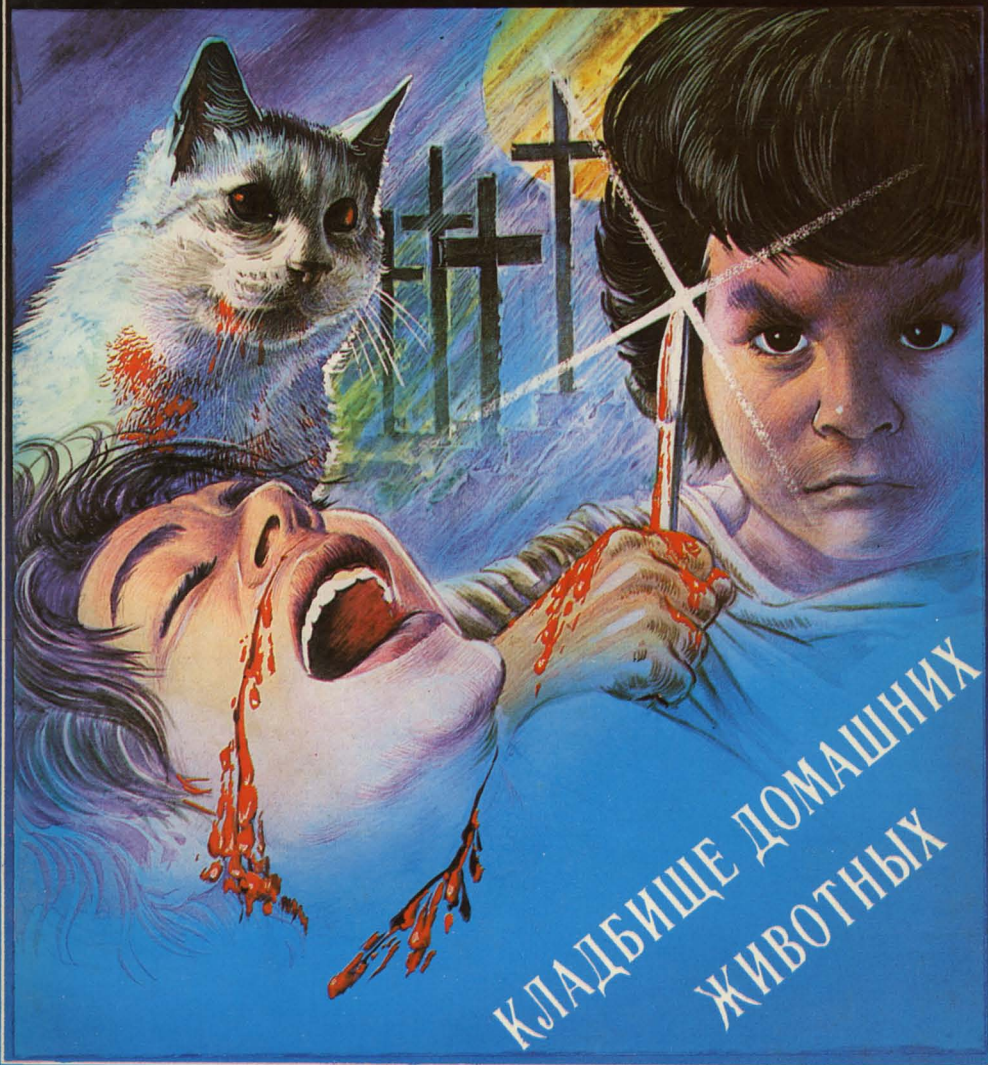

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

КЛАДБИЩЕ ДОМАШНИХ
ЖИВОТНЫХ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг

КЛАДБИЩЕ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

«ТАТЬЯНА»
Санкт-Петербург
1993

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 3

Иллюстрации С.Петрика

Оформление В.А.Кормина

Стивен Кинг. «Кладбище домашних животных»

Очаровательная семья поселяется в загородном доме, но вместо идиллии ее ожидают испытания более страшные, чем сама смерть.

ISBN 5-85743-003-8

© Издательство АОЗТ «Кэдмэн» 1993, составление, оформление, * перевод

**КЛАДБИЩЕ
ДОМАШНИХ
ЖИВОТНЫХ**

КЛАДБИЩЕ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

Вот несколько людей, которые написали книги о том, что они делали и зачем они делали это:

Джон Дин. Генри Киссинджер. Адольф Гитлер. Кэрил Чессмэн. Джеб Магрудер. Наполеон. Талейран. Дизраэли. Роберт Циммерман, известный также как Боб Дилан. Локк. Чарлтон. Гестон. Эррол Флинн. Аятолла Хомейни. Ганди. Чарльз Олсон. Чарльз Колсон. Викторианский джентльмен. Доктор Чис.

Большинство людей также верят, что Бог написал Книгу или книги, в которых говорилось о том, что и зачем он делал, и, поскольку эти люди верят в то, что человек создан по образу и подобию Божию, они считают, что Бог также подобен человеку или, на худой конец, Человеку.

А вот несколько людей, которые не писали книг о том, что они делали... и что они видели:

Человек, который закапывал Гитлера. Человек, проводивший вскрытие Джона Уилкса Бута. Человек, который бальзамировал Элвиса Пресли. Человек, бальзамировавший — и весьма плохо, как считают специалисты, — папу Иоанна XXIII. Гробовщики-дилетанты, очищавшие Джонстаун от заваливших улицы трупов. Человек, который кремировал Уильяма Голдена. Человек, заливший тело Александра Македонского золотом, чтобы оно не испортилось. Люди, мумифицировавшие фараонов.

Смерть — загадка, похороны — таинство.

Часть первая.

КЛАДБИЩЕ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

«Иисус сказал им: «Лазарь, друг наш, уснул; но я иду разбудить его».

Ученики его сказали: «Господи! Если уснул, то проснется». Иисус говорил о смерти его, а они думали, что он говорил о сне обыкновенном.

Тогда Иисус сказал им прямо: Лазарь умер; но пойдем к нему».

(Евангелие от Иоанна)

1

Луис Крид, потерявший отца в возрасте трех лет и никогда не видевший деда, никак не думал найти отца в зрелые годы, но такое случилось... хотя он называл этого человека своим другом, как и должно быть, наверное, если находишь отца так поздно. Он встретил его вечером, когда он с женой и двумя детьми въехал в большой белый дом в Ладлоу. С ними приехал и Уинстон Черчилль, сокращенно Черч — кот его дочери Эйлин.

Отборочная комиссия в Университете работала медленно, нелегко было и отыскать дом на приемлемом расстоянии от места работы, и к тому моменту, как они достигли места, где, по всем признакам, этот дом должен был находиться, — все признаки совпали... как знамения небес в ночь перед убийством Цезаря, подумал мрачно Луис, — они все устали и измучились. У Гэджа резался зуб, и он почти непрерывно хныкал. Он не желал засыпать, сколько бы Рэчел его ни укачивала. Наконец, она заткнула ему рот грудью, хотя время кормления еще не настало. Но Гэдж знал свой график не хуже нее — а может быть, и лучше, — и тут же укусил ее своим свежепрорезавшимся зубом. Рэчел, так и не свыкшаяся еще с неизбежностью этого переезда в Мэн из Чикаго, где она прожила всю жизнь, расплакалась. Эйлин тут же присоединилась к ней. Позади в машине начал возиться

Черч, беспокойный все три дня, в течение которых длился переезд. Его мяуканье из кошачьей корзины было неприятно, но возня, когда его пустили свободно гулять по машине, оказалась еще хуже.

Луис и сам едва не плакал. Внезапно его посетила дикая, но не лишенная привлекательности мысль. Он мог отвезти семью в Бангор перекусить в ожидании фургона с вещами, и, пока эти трое заложника его переменчивой фортуны обедали, он мог нажать на газ и, не оглядываясь, рвануть на юг, в Орландо, штат Флорида, и устроиться там под другим именем на работу в Диснейуорлд, в качестве врача. Но еще до того, как он бы выехал на шоссе, доброе старое шоссе номер 95, — он бы остановился у обочины и вышвырнул проклятого кота.

Но тут они заехали за последний поворот, и за ним неожиданно вырос их дом. Они выбрали его по фотографии из семи вариантов, которые предложил им Мэнский Университет. Это был большой старинный дом в колониальном стиле (но заново отстроенный, с отоплением, стоимость которого, хоть и высокая, оговаривалась в условиях контракта), три больших комнаты внизу, четыре наверху, длинная прихожая, где при желании также можно было жить — и вокруг всего этого раздолье зелени, ослепительно яркой даже в эту августовскую жару.

За домом расстиралось обширное поле, где могли играть дети, а за полем — лес, уходящий куда-то далеко, за горизонт. Участок граничил с государственными землями и агент рассказал, что остатки индейского племени микмаков предъявили иск на почти восемь тысяч акров земли в Ладлоу и других городах к востоку, и что их тяжба с федеральными властями и с правительством штата грозила перейти в следующее столетие.

Рэчел внезапно перестала плакать. Она подалась вперед.
— Это и есть...

— Да, вот это, — сказал Луис. Он почувствовал тревогу — нет скорее испуг. Да что там — он почувствовал ужас. Он ухлопает на выплату двенадцать лет жизни; к тому времени Эйлин стукнет семнадцать.

Он вздохнул.

— Ну, что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что это чудесно, — сказала Рэчел, и с его груди будто свалился камень. Он видел, что она не выглядела огорченной, нет: как только они свернули на асфальтовую подъездную дорожку, ее глаза принялись ощупывать пустые окна, располагая в воображении за ними занавески, гардины и еще Бог знает что.

— Папа? — подала голос Элли с заднего сиденья. Она тоже перестала плакать. Даже Гэдж не хныкал. Луис наслаждался тишиной.

— Что, моя хорошая?

В ее глазах, карих под темными волосами, тоже отражались дом, лужайка, крыша еще одного дома слева и обширное поле, уходящее к дальнему лесу.

— Это наш дом?

— Он им будет, милая, — ответил он.

— Ура-а! — завопила она, заставив его вздрогнуть. Тут Луис, которого Элли часто сердила, решил, что вряд ли он когда-нибудь увидит Диснейуорлд в Орландо.

Он поставил машину возле пристройки и заглушил мотор.

В тишине, кажущейся оглушительной после Чикаго и суматохи на дорогах и переездах, где-то запела птица.

— Дома, — сказала тихо Рэчел, все еще глядя за окно.

— Дома, — подтвердил Гэдж, сидевший у нее на коленях. Луис и Рэчел поглядели друг на друга. В зеркальце обзора глаза Эйлин расширились.

— Ну вот...

— А ты...

— Это же... — сказали они все разом, и одновременно рассмеялись. Гэдж не обратил на них внимания; он сосал палец. Он впервые произнес «мама» почти месяц назад, и уже делал попытки сказать «па» или еще что-нибудь в адрес Луиса.

Но это было правильное слово, как его не произноси. Они были дома.

Луис взял Гэджа с колен жены и обнял его.

Вот так они приехали в Ладлоу.

В памяти Луиса Крида этот момент навсегда запечатлелся в каком-то ореоле волшебства — в основном потому, что остаток вечера оказался просто безумным. В следующие три часа ни мира, ни волшебства не осталось и следа.

Луис держал ключи от дома (он был очень аккуратным и методичным человеком) в небольшом кошелечке, на котором написал «Дом в Ладлоу — ключи получены 29 июня». Он положил его в бардачок машины. Он был абсолютно в этом уверен. Но там его не было.

Пока он искал ключи, чувствуя растущее раздражение, Рэчел взяла на руки Гэджа и вслед за Эйлин направилась в поле к одиноко стоящему дереву. Он в третий раз заглядывал под сиденье, когда дочь завопила, а потом начала плакать.

— Луис! — крикнула Рэчел. — Она порезалась!

Эйлин упала и разбила коленку о камень. Царапина была небольшой, но она вопила так, будто ей оторвало ногу. Он поглядел на дом напротив, где в жилой комнате горел свет.

— Хватит, Элли, — сказал он. — Перестань. Люди вокруг подумают, что здесь кого-то убивают.

— Но мне бооооольно!

Луис, преодолев вспыльчивость, молча вернулся к поискам. Ключей не было, но пакет первой помощи оказался на месте. Он взял его и вылез. Когда Элли увидела, что он несет, она закричала еще громче.

— Нет! Не хочу, оно жжется! Папа, я боюсь! Оно...

— Эйлин, это всего-навсего ртутная примочка, она не жжется...

— Будь взрослой, — вмешалась Рэчел, — это же просто...

— Нет-нет-нет-нет!..

— Прекрати, или у тебя заболит и задница! — не выдержал Луис.

— Она устала, Лу, — сказала тихо Рэчел.

— Да, я знаю. Подержи ей ногу.

Рэчел опустила Гэджа на траву и держала ногу Элли, пока Луис мазал ее лекарством, невзирая на истерические вопли.

— Кто-то вышел на крыльцо вон в том доме через улицу, — сказала Рэчел. Она поспешно схватила Гэджа, который уже намеревался уползти.

— Чудесно, — пробормотал Луис.

— Лу, она просто...

— Да, устала, я знаю, — он закрыл лекарство и мрачно поглядел на дочь. — И это ведь правда не больно. Элли, замолчи.

— Нет, больно! Нет, больно! Нет, бооо...

Рука его потянулась, чтобы ее шлепнуть, и он с большим трудом сдержался

— Ты нашел ключи? — спросила Рэчел.

— Нет еще, — сказал Луис, пряча пакет первой помощи.

— Я сейчас...

Тут заревел Гэдж. Он уже не хныкал, а ревел во весь голос, извиваясь в руках у Рэчел.

— Что еще с ним? — крикнула Рэчел, почти отшвыривая ребенка Луису. Он заметил, что это обычное следствие, когда вы замужем за доктором — вы всегда швыряете ребенка мужу, когда с ним что-нибудь не в порядке. — Луис! Что с ним...

Гэдж с диким ревом хватал себя за шею. Луис пригляделся и увидел растущую на шее опухоль. Кроме того, на джемпере мальчика ползало что-то темное и жужжащее.

Эйлин, которая было уже успокоилась, завопила опять:

— Пчела! Пчела! Пчела-а-а!

Она отпрыгнула назад, споткнулась о тот самый камень, о который уже поцарапалась, плюхнулась на землю и заплакала от смеси боли, изумления и страха.

«Я схожу с ума», — с удивлением подумал Луис.

— Сделай же что-нибудь! Что ты сидишь?!

— Надо вынуть жало, — раздался голос сзади них.

— Вынуть жало и приложить туда соду. Опухоль быстро сойдет. — Голос, однако, говорил с таким акцентом, что Луис сначала мало что разобрал.

Он повернулся и увидел старика лет семидесяти — хотя выглядевшего здоровым для своих лет, — стоящего на траве. Одет он был в жилетку поверх синей рубашки, из-за ворота которой торчала его морщинистая, укутанная платком шея.

Лицо его было загорелым, и он курил сигарету без фильтра. Пока Луис смотрел на него, старик затушил сигарету пальцами и сунул ее в карман. Он стоял и как-то виновато улыбался — Луису сразу понравилась эта улыбка, — и явно был не из тех людей, кто сторонится незнакомцев.

— Только не говорите, док, что это не мое дело, — сказал он. Так Луис встретил Джуда Крэндалла, который стал ему как бы вторым отцом.

3

Он следил за их прибытием с другой стороны улицы и пришел посмотреть, не может ли он чем-нибудь помочь, когда у них, как он выразился, «возникнут сложности».

Пока Луис держал ребенка на руках, Крэндалл подошел ближе, осмотрел опухоль и протянул к ней руку. Рэчел открыла рот, пытаясь возразить — его рука казалась ужасно неуклюжей и почти такой же большой, как голова Гэджа, — но не успела она и слова сказать, как пальцы старика сделали одно молниеносное движение, словно показывая фокус, — и жало оказалось у него на ладони.

— Большое, — заметил он, — не рекорд, но на приз потянет. — Луис рассмеялся.

Крэндалл улыбнулся ему в ответ и сказал:

— А ты, плакса, чего реवेशь?

— Мама, что он говорит? — спросила Эйлин, и тогда Рэчел тоже рассмеялась. Конечно, это просто невежливо, но по-видимому старик не обиделся. Он достал из кармана пачку «Честерфилда», сунул в рот сигарету, благодушно кивнул в ответ на их смех — даже Гэдж улыбался, несмотря на боль в укушенном месте, — и потом неожиданно зажег спичку о ноготь большого пальца. «У старика свои шутки, — подумал Луис, — хоть и немудреные, но порой довольно удачные.»

Он остановил смех и достал руку из-под зада Гэджа — довольно, к слову сказать, увесистого.

— Рад познакомиться, мистер...

— Джуд Крэндалл, — сказал старик, пожимая ему руку. — А вы ведь доктор?

— Да. Луис Крид. Это моя жена Рэчел, моя дочь Элли, а этот мальчик, которого укусила пчела — Гэдж.

— Рад вас всех видеть.

— Я смеялся не над... то есть, мы смеялись... в общем, мы просто... немного устали.

Такое преуменьшенное заявление снова заставило его усмехнуться. На самом деле он чувствовал себя полностью обессиленным.

Крэндалл кивнул.

— Еще бы, — сказал он со своим невероятным акцентом. Он взглянул на Рэчел. — Почему бы вам не завести этого малыша и вашу дочь на минутку ко мне, миссис Крид? Мы разведем соды и сделаем ему примочку. Моя жена была бы рада познакомиться с вами. Она редко выходит. Артрит совсем ее замучил в последние годы.

Рэчел посмотрела на Луиса, он кивнул.

— Вы очень добры, мистер Крэндалл.

— О, я откликаюсь только на Джуда, — сказал старик. Тут внезапно послышался гудок, зарокотал мотор, и из-за поворота показался большой голубой фургон.

— О Боже, а я так и не нашел ключи, — сказал Луис.

— Ничего, — сказал Крэндалл. — У меня есть связка. Мистер и миссис Кливленд — они тут жили до вас, — дали мне ключи, о, давно, четырнадцать или пятнадцать лет назад. Они долго здесь жили. Джоан Кливленд была лучшей подругой моей жены. Она умерла два года назад, и Билл переехал в квартиру для стариков в Орингтоне. Теперь эти ключи будут вашими.

— Вы очень добры, мистер Крэндалл, — сказала на этот раз Рэчел.

— Ерунда, — сказал он. — Вы лучше посмотрите, чтобы ваши малыши не очень-то разбегались. — Особенно экзотически для их среднезападного слуха звучало это его «млыш-шы». — Смотрите, чтобы они не выбегали на дорогу, миссис Крид. Здесь слишком много тяжелых грузовиков.

Теперь они услышали, как открылись дверцы машины, и вылезшие из нее люди направились к ним.

Элли, которая уже отошла в сторону, вдруг спросила:

— Папа, что это там?

Луис, уже собравшийся встречать приехавших, оглянулся. У кромки поля, где кончалась лужайка и начиналась высокая летняя трава, тянулась тропа фута в четыре шириной. Она поднималась на холм, вилась между низких кустов и березок и исчезала из виду.

— Похоже на какую-то тропинку, — сказал Луис.

— Ага, — сказал Крэндалл, улыбаясь, — я как-нибудь расскажу вам. Так вы идете?

— Да-да, — сказала Элли и добавила с явной безнадежностью. — А сода жжется?

4

Крэндалл вынес ключи, но в это время Луис нашел, наконец, свой комплект. В бардачке был зазор, и маленький кошелек провалился туда. Он выудил ключи оттуда, но Крэндалл все равно отдал ему вторую связку. Они висели на старом потускневшем брелоке. Луис поблагодарил, сунул ключи в карман и стал наблюдать, как грузчики вносят в дом мебель, ящики с одеждой и прочим добром, накопившимся у них за двенадцать лет семейной жизни. Вырванные из привычного окружения, вещи казались меньше. «Словно в коробках узлы с тряпьем», — подумал он, внезапно почувствовав печаль и угнетенность, то, что называют иногда страхом новизны.

— Вырвали и пересадили в другое место, — сказал неожиданно возникший рядом Крэндалл, и Луис слегка подскочил.

— Вы будто читаете мои мысли, — сказал он.

— Да нет, конечно, — Крэндалл зажег сигарету, спичка ярко вспыхнула в ранних сумерках. — Тот дом через дорогу выстроил мой отец. Привел в него жену, и она родила здесь ребенка, то есть меня, еще в 1900-м году.

— Так, выходит, вам...

— Восемьдесят три, — сказал Крэндалл, и Луис был рад, что не услышал слов, которые он ненавидел всем сердцем: «Всего восемьдесят три».

— Вы выглядите гораздо моложе.

Крэндалл пожал плечами.

— Может быть. Я всегда жил здесь. Во время великой войны меня забрали в армию, но я так и не уехал дальше Байонны, штат Нью-Джерси. Мерзкое местечко. Оно было таким даже в 1917-м. Я был очень рад, когда вернулся домой. Женился на Норме, отработал свое на железной дороге и вот, до сих пор живу здесь. Но я повидал немало всего и здесь, в Ладлоу. Всякое бывало.

Грузчики задержались у входа с громадным ящиком, в котором была двухспальная кровать, где они с Рэчел спали.

— Куда это, мистер Крид?

— Вверх... погодите, я покажу. — Он пошел впереди них, потом повернулся и поглядел на Крэндалла.

— Идите, идите, — сказал Крэндалл, улыбаясь. — Помогите им. Покажите, куда ее поставить. Знаете, от перетаскивания вещей чертовски хочется пить. Я обычно сижу часов в девять у себя на крыльце и пью пиво. Когда тепло, засиживаюсь до темноты. Если будет настроение, заходите.

— Спасибо, может быть и зайду, — сказал Луис, вовсе не собираясь этого делать. Следующей должна была стать просьба посмотреть артрит больной жены. Крэндалл нравился ему, нравились его виноватая улыбка, странная манера говорить, его акцент янки, который вовсе не резал слух, а был мягким, почти певучим. Хороший человек, подумал Луис, но люди часто хитрят с врачами. К несчастью, даже лучшим твоим друзьям рано или поздно требуется медицинская консультация. А со стариками этому просто не будет конца. — Но особенно меня не ждите, у нас был чертовски тяжелый день.

— Тогда приходите как-нибудь потом, без приглашения, — сказал Крэндалл, и что-то в его тоне подсказало Луису, что старик понял, о чем он думает.

Он еще немного посмотрел на Крэндалла, прежде чем присоединиться к грузчикам. Старик шел легко и прямо, будто ему было шестьдесят, а не больше восьмидесяти. Луис почувствовал что-то вроде белой зависти.

В девять часов грузчики уехали. Элли с Гэджем, выбившиеся из сил, спали в своих новых комнатах, Гэдж в кровати, Элли на матрасе, постеленном на пол среди пирамиды коробок с ее игрушками, целыми и поломанными, с ее детскими книжками, с ее вещами и Бог знает, с чем еще. И конечно же, с ней был Черч, тоже спящий, утробно мурлыкающий во сне.

Рэчел до этого без усталости металась по дому с Гэджем на руках, по второму разу осматривала места, где Луис велел грузчикам поставить вещи, и заставляла переставлять их по-своему. Луис еще не отдал чек, который предусмотрительно положил в нагрудный карман вместе с пятью десятидолларовыми бумажками сверх таксы. Когда фургон в конце концов опустел, он вытащил и отдал грузчикам чек вместе с деньгами, кивнул в ответ на их благодарности, подписал ведомость и остался стоять на крыльце, глядя, как они уезжают. Он подумал, что сейчас они поедут в Бангор и выпьют там пива. Пиво бы и ему не помешало. Эта мысль снова напомнила ему про Джуда Крэндалла.

Он и Рэчел уселись за стол на кухне, и он увидел синие круги у нее под глазами.

— Эй, — сказал он, — иди-ка спать.

— Приказ врача? — спросила она, улыбаясь.

— Так точно.

— Ладно, — сказала она, вставая, — я совсем замучилась.

И Гэдж, наверно, опять разбудит среди ночи. Ты идешь?

Он поколебался.

— Да нет еще. Этот старикан с той стороны улицы...

— Дороги. Называй это дорогой, мы же не в городе. Или, раз уж ты так подружился с Джудом Крэндаллом, можешь называть ее «дырогой».

— Ну хорошо, с той стороны «дыроги». Так вот, он приглашал меня на пиво. Думаю, что надо его навестить. Я устал, но спать что-то не хочется.

Рэчел улыбнулась.

— Тебе придется выслушивать Норму Крэндалл — что у нее болит, и на каком матрасе ей приходится спать.

Луис рассмеялся, думая, как глупо, что жены тут же читают мысли своих мужей.

— Он был здесь, когда мы в нем нуждались, — сказал он. — Надо же его как-то отблагодарить.

— Ты мне, я тебе?

Он пожал плечами, не зная, как она воспримет его внезапно возникшую привязанность к Крэндаллу.

— Как тебе его жена?

— Очень мила, — сказала Рэчел. — Гэдж сразу уселся к ней на колени. Я удивилась, ведь у него был тяжелый день, ты знаешь, он не очень хорошо принимает новых людей даже в нормальной обстановке. И у нее была кукла, которую она дала Элли поиграть.

— Как, у нее действительно плохо со здоровьем?

— Очень плохо.

— Она что, в инвалидном кресле?

— Нет... Но она ходит очень медленно, и пальцы у нее... — Рэчел согнула свои тонкие пальцы, чтобы показать. Луис кивнул. — Ну ладно, не задерживайся. Я боюсь спать в незнакомых домах.

— Надеюсь, скоро он перестанет быть незнакомым.

6

Луис вернулся поздно, чувствуя себя пристыженным. Никто не просил его осмотреть Норму Крэндалл; когда он перешел улицу («дырогу», поправил он себя), леди уже пошла спать. Джуд темным силуэтом вырисовывался на фоне окон незнакомого крыльца. Был слышен уютный скрип кресла-качалки. Луис постучался в дверь крыльца, которая дружелюбно отворилась. Сигарета Крэндалла мерцала в сумерках, как большой светлячок. По радио играли «Ред Сокс», и все это вселяло в душу Луиса Крида странное ощущение домашнего тепла.

— Док, — сказал Крэндалл. — Я так и думал.

— Надеюсь, вы не шутили насчет пива? — спросил Луис, заходя внутрь.

— О, насчет пива я никогда не вру, — ответил Крэндалл. — Тот, кто это делает, наживет врагов. Садитесь, док. Я только принесу еще пару холодного.

Крыльцо было длинным и узким, здесь стояли плетеные стулья и диванчик. Луис сел на стул, удивившись тому, какой он удобный. По левую его руку стояла бадья с кубиками льда и несколькими банками пива «Блэк Лэйбл». Он взял одну.

— Спасибо, — сказал он и открыл банку. Первые два глотка показали ему блаженством.

— Еще раз добро пожаловать, — сказал Крэндалл. — Надеюсь, вам здесь будет хорошо, док.

— Аминь, — сказал Луис.

— Если вы хотите крекеров или еще чего, могу принести. У меня стоит крысиный, но он еще не поспел.

— Что-что?

— Крысиный сыр. «Мистер Рэт».

— Да нет, спасибо, обойдусь пивом.

— Ну что ж, тогда все в порядке.

— Ваша жена уже спит? — спросил Луис, удивляясь, почему открыта дверь.

— Ага. Иногда она сидит со мной, но редко.

— Ее очень мучают боли?

— А вы видели артрит без болей? — ответил Крэндалл вопросом на вопрос.

Луис покачал головой.

— Надеюсь, сейчас ей лучше. Она ведь не любит жаловаться. Она хорошая старуха, моя Норма, — в голосе его мелькнула теплота. По дороге номер 15 проехала цистерна, такая длинная, что в какой-то момент Луис не видел за ней своего дома. На боку цистерны в последних лучах света поблескивало слово «Оринко».

— Откуда эти чертовы грузовики? — спросил он.

— «Оринко» недалеко от Оррингтона, — ответил Крэндалл. — Фабрика химических удобрений. Все время ездят здесь. И цистерны с горючим, и мусоровозы, и люди, которые едут на работу в Бангор или Брюэр, а потом возвращаются домой, — он покачал головой. — В Ладлоу есть только одна вещь, которая мне не по вкусу. Эта

проклятая дорога. Никакого покою от нее. Они ездят всю ночь и весь день. Иногда даже будят Норму. Да что там, они и меня будят, а я-то сплю, как бревно.

Луис, который думал о непривычной тишине Мэна, особенно разительной после шумного Чикаго, только кивнул.

— Ничего, скоро арабы перекроют краны, и им останется выращивать цветочки, — сказал Крэндалл.

— Может, вы и правы, — Луис поднял свою банку и удивился, найдя ее пустой.

Крэндалл засмеялся.

— А вы увлеклись, док. Давайте, давайте.

Луис, колебавшись, сказал:

— Спасибо, не больше одной. Мне уже пора.

— Конечно. Небось, устали перетаскивать?

— Еще бы, — согласился Луис, и какое-то время они молчали. Молчание было уютным, как будто они знали друг друга очень давно. Это было чувство, о котором Луис читал в книгах, но сам никогда не испытывал. Он устыдился своих недавних мыслей о бесплатной медицинской консультации.

По дороге пророкотал грузовик, его фары мерцали, как упавшие с неба звезды.

— Да, чертова дорога, — повторил Крэндалл рассеянно и опять повернулся к Луису. На губах его появилась едва заметная улыбка. Он прикрыл ее сигаретой и зажег спичку о ноготь большого пальца. — Помните тропу, которую заметила ваша дочь?

Какое-то время Луис не мог вспомнить; Элли заметила великое множество вещей, прежде чем свалилась спать. Потом он припомнил. Широкая тропа, выходящая по полю и уходящая куда-то на холм.

— Да. Вы обещали рассказать что-то о ней.

— Обещал, и расскажу, — сказал Крэндалл. — Эта тропа уходит в лес на полторы мили. Здешние дети с дороги номер 15 хорошо знают эту тропу. Дети вырастают... многое изменилось с тех пор, когда я сам был мальчишкой, но они продолжают туда ходить. Должно быть, рассказывают друг другу. Каждую весну ходят туда толпой, и так все лето. Не все в городе знают о нем — многие, но не все,

так что там не оченьлюдно, — но все, кто знает, ходят туда.

— Ну, и что же там такое?

— Кладбище домашних животных, — сказал Крэндалл.

— Что-что? — переспросил изумленный Луис.

— Это не так уж странно, как кажется, — сказал старик, затягиваясь. — Это все дорого. На ней гибнет много животных. Кошки, собаки, и не только. Один из этих грузовиков «Оринко» сбил ручного енота, которого завели дети Райдеров. Это было — дай Бог памяти, в семьдесят третьем, а может, и раньше. До того, как запретили держать енотов или этих вонючих скунсов.

— А почему запретили?

— Бешенство, — ответил Крэндалл. — В Мэне появилось много случаев. Здоровенный сенбернар как-то взбесился пару лет назад и убил четверых. После этого поднялся страшный шум. Собак-то можно привить, и им никакое бешенство не страшно. А этих вонючек коли хоть два раза в год — и никакого толку. Но этот енот у Райдеров был действительно то, что называют «лапочка». Он был толстый, прямо круглый, и лез к вам лизаться, как собачонка. Их отец даже заплатил ветеринару, чтобы тот его кастрировал, и это влетело ему в копеечку. Райдер, он работал на Ай-Би-Эм в Бангоре. Они переехали в Колорадо пять лет назад ... или, может, шесть. Глупо было уезжать, они ведь уже почти старики. Жалели ли они этого енота? Я думаю, да. Мэтти Райдер так ревел, что мать перепугалась и хотела вести его к доктору. Потом все прошло, но он, наверно, так и не забыл. Когда такие славные зверушки гибнут на дороге, дети ведь никогда не забывают.

Мысли Луиса обратились к Элли, которая спала дома с мурлыкающим Черчем у ног.

— У моей дочери есть кот, — сказал он, — Уинстон Черчилль. Мы сокращенно зовем его Черч.

— Когда он ходит, у него болтается?

— Прошу прощения? — Луис не понял вопроса.

— Вы его не кастрировали?

Из-за этого еще в Чикаго у них возник спор с ветеринаром. Луис запротестовал. Он не мог сказать, почему.

Даже не из мужской солидарности с котом дочери, и не из-за боязни мышей — все это были второстепенные причины; нет, он не хотел вытравлять в Черче нечто такое, чем тот, вероятно, дорожил, и боялся потом встретить укоризненный взгляд зеленых кошачьих глаз. Наконец, он сказал Рэчел, что, когда они переедут, вопрос решится. А теперь вот Джуд Крэндалл из Ладлоу говорит ему про дорогу и советует кастрировать кота. Немного иронии, доктор Крид — это всегда помогает в жизни.

— Я бы его кастрировал, — сказал Крэндалл, гася окурок пальцами. — Кастрированный кот не очень-то любит бегать. А так он станет метаться туда-сюда, и в конце концов с ним будет то же, что и с енотом Райдеров, и спаниелем Тимми Десслера, и с попугаем миссис Брэдли. Попугай не мог перелететь через дорогу, понимаете? И однажды решил по ней пройтись.

— Я подумаю над вашим советом, — сказал Луис.

— Подумайте, — сказал Крэндалл и поднялся. — Как вам пиво? Я пойду закушу ломтиком старого «Мистера Рэта».

— Пиво пошло хорошо, — сказал Луис, тоже вставая. — Ну, и я пошел. Завтра тяжелый день.

— Пойдете в университет?

Луис кивнул.

— Студентов не будет еще две недели, но должен же я узнать, что мне надо делать.

— Да уж, если вы не будете знать, где какие таблетки лежат, то неприятностей не оберетесь, — Крэндалл протянул ему руку, и Луис потряс ее, снова подумав о том, какие у стариков хрупкие кости. — Заходите как-нибудь вечером. Познакомлю с моей Нормой. Думаю, вы ей понравитесь.

— Я зайду, — пообещал Луис. — Рад был познакомиться, Джуд.

— Я тоже. Заходите. Можно и пораньше.

— Спасибо, зайду.

Луис подошел к дороге и остановился, пропуская колонну из пяти машин, следующих в направлении Бакспорта. Потом, помахав рукой, он перешел улицу («дырогу», снова поправил он себя) и вошел в свой новый дом.

Там царил сон. Элли спала крепко, не двигаясь, а Гэдж лежал в кровати в своей обычной позе, на спине. Луис поглядел на сына, сердце его внезапно захлестнула волна почти безумной любви. Он подумал, что причина этого в том, что все знакомые чикагские места и лица исчезли, и их семья очутилась здесь, где ничего и никого еще не знали.

Он подошел к сыну и, поскольку его никто не видит, поцеловал свои пальцы и осторожно поднес их к щеке Гэджа между прутьев кровати.

Гэдж агукнул и повернулся на бок.

— Спи спокойно, малыш, — сказал Луис.

Он не спеша разделся и улегся на свой край двухспальной кровати, что пока была только матрасом, уложенным на пол. Он почувствовал, как проходит дневное напряжение. Рэчел не шевелилась. Нераспакованные коробки причудливо громоздились вокруг.

Прежде чем уснуть, Луис приподнялся на локте и поглядел в окно. Их комната выходила на дорогу, и он мог видеть дом Крэндалла. Было слишком темно, чтобы разглядеть очертания, но он видел огонек сигареты. «Все сидит, — подумал он. — Он может сидеть еще долго. Старики ведь плохо спят. Может быть, они ожидают. Но чего?»

Луис думал об этом, когда уснул. Ему приснилось, что он разъезжает по Диснейуорлду в белом фургоне с красным крестом на боку. Гэдж был рядом, и во сне ему было уже десять лет. И Черч сидел на кресле белого фургона, глядя на Луиса ярко-зелеными глазами, и на Мэйн-стрит, у вокзала 1890-х годов Мики-Маус пожимал руки столпившимся ребятишкам, их ручонки тонули в его громадных картонных перчатках.

7

Следующие две недели семья была очень занята. Мало-помалу Луис начал втягиваться в новую работу (насколько мог в условиях, когда в университет съехались после долгого отсутствия десять тысяч студентов, среди них алкоголики и наркоманы, многие в депрессии от тоски по дому, немало девушек, большинство из них страдают от-

сутствием аппетита и неврозами). И пока Луис знакомился со своими обязанностями главы медицинской службы университета, Рэчел знакомилась с домом.

Гэдж был занят знакомством с предметами, составлявшими его новое окружение, и первое время катастрофически выбивался из своего ночного графика, но к середине второй недели в Ладлоу его сон пришел в норму. Только Элли, которой предстояло скоро отправиться в садик на новом месте, оставалась беспокойной и вспыльчивой. Периоды хорошего настроения неожиданно сменялись у нее депрессией или приступом раздражения. Рэчел считала, что это пройдет, когда Элли увидит, что садик не так уж и страшен, как ей кажется, и Луис согласился с ней. Большую часть времени Элли все же была, как и раньше, прекрасным ребенком.

Вечернее пиво у Джуда Крэндалла почти уже вошло в обычай. Когда Гэдж начал спать спокойнее, Луис приходил уже каждый второй или третий вечер со своей собственной упаковкой. Он познакомился с Нормой Крэндалл, очень милой пожилой женщиной с ревматическим артритом — застарелым, убивающим так много старых мужчин и женщин, которые иначе могли бы прожить еще долго, — но она относилась к этому спокойно. Она не сдавалась болезни, не выкидывала белый флаг. Пусть болезнь попробует одолеть ее, если сможет. Луис подумал, что она может еще прожить пять, а то и семь лет довольно спокойно.

Против своих правил и опасений он сам предложил осмотреть ее, спросил, что ей советовал лечащий врач, и нашел его рекомендации правильными. Он не чувствовал, что можно что-либо добавить к методу лечения доктора Уэйбриджа, который держал болезнь под контролем — внезапный прорыв был не невозможен, но маловероятен.

Она понравилась и Рэчел, и скоро они закрепили свою дружбу обменом рецептами, как дети меняются фантиками. Норма одарила ее яблочным пирогом в глубоком блюде, а Рэчел в ответ научила ее готовить бефстроганов. Норма подружилась и с обоими детьми Кридов, особенно с Элли, о которой она сказала, что девочка обладает «настоящей старинной красотой». Луис сказал Рэчел вечером в постели:

«Странно, что она не назвала ее «лапочкой», как того енота». Рэчел рассмеялась так, что разбудила Гэджа за стеной.

Настал первый день садика. Луис, который уже хорошо ориентировался в своем лазарете и в его порядках, взял выходной (лазарет был абсолютно пуст; последний больной, летний студент, сломавший ногу на ступеньках, выпи-сался неделю назад). Он стоял на лужайке рядом с Рэчел, держащей на руках Гэджа, глядя, как большой желтый автобус сворачивает с дороги и останавливается возле их дома. Передняя дверь открылась, оттуда в мягкий сентябрь-ский воздух вылился гвалт множества ребячьих голосов.

Элли странно, страдальчески оглянулась на родителей, будто прося их как-то вмешаться, но их лица показали ей, что уже поздно, и все, что далее последует, просто неизбежно — как развитие артрита Нормы Крэндалл. Она отвернулась и влезла в автобус. Двери сомкнулись с дра-коньим хрипом. Автобус отъехал. Рэчел заплакала.

— Ну не надо, ради Бога, — сказал Луис. Сам он не плакал. Но не сказать, чтобы ему не хотелось. — Это же только на полдня.

— Этого уже достаточно, — ответила Рэчел и заплакала еще сильнее. Луис обнял ее, и Гэдж с комфортом вытянулся на руках обоих родителей. Когда Рэчел плакала, Гэдж обычно тоже не молчал. Но не в этот раз. «Мы ведь в полной его власти, — подумал Луис, — и он это знает.»

Они с трепетом ждали возвращения Элли, выпив немало кофе и рассуждая о том, с каким настроением она вернется. Луис ушел в заднюю комнату, где собирался устроить свой кабинет, и сидел там, лениво вороша бумаги, но ничего серьезного не делая. Рэчел до абсурда рано начала готовить ланч.

Когда в четверть одиннадцатого зазвонил телефон, Рэ-чел схватила трубку и выдохнула «Алло?», прежде чем раздался второй звонок. Луис возник в двери, ведущей из кабинета на кухню, уверенный в том, что звонит учитель Элли, чтобы сообщить, что девочка им не подходит, желу-док публичного образования не может ее переварить. Но это оказалась Норма Крэндалл, которая сказала, что Джуд

снял остаток кукурузы, и они могут ей поделиться. Луис вышел из дома с большой сумкой и попенял Джуду, что тот не позвал его на помощь.

— А, она все равно дерьмовая, — сказал Джуд.

— Будь любезен подождать с такими выражениями, пока я уйду, — вмешалась Норма. Она вышла на крыльцо с холодным чаем на старинном подносе.

— Прости, дорогая.

— Без вас он не очень-то извиняется, — сказала Норма Луису и присела, поморщившись от боли.

— Видел, как Элли уезжала на автобусе, — сказал Джуд, закуривая «Честерфилд».

— Все будет нормально, — сказала Норма. — Почти всегда так и бывает.

«Почти», — подумал Луис мрачно.

Но с Элли в самом деле все было нормально. Она вернулась домой днем, сияющая, в синем платье, потешно раздувавшемся над ее исцарапанными коленками (на одной из них виднелась свежая царапина), держа в руке картинку с двумя то ли детьми, то ли просто гуляющими джентльменами, одна туфля развязалась, лента из прически исчезла. Она кричала:

— Мы пели «Старого Макдональда»! Мама! Папа! Мы пели «Старого Макдональда»! Прямо как в школе на Картер-стрит!

Рэчел поглядела на Луиса, который сидел на подоконнике, держа на коленях Гэджа. Ребенок почти уснул. Во взгляде Рэчел была какая-то печаль, и хотя она быстро пропала, Луис испытал момент панического страха. «Стареем, — подумал он. — Так и есть. Никто не сделает для нас исключения. Особенно Рэчел. Да и я...»

Элли подбежала к нему, пытаясь показать картинку, свою удивительную царапину и рассказать про «Старого Макдональда» и миссис Берримэн одновременно. Черч терся о ее ноги, громко мурлыкая, и Элли только чудом не упала.

— Тсс, — сказал Луис и поцеловал ее. Гэдж все еще спал, не подозревая о происходящем. — Я только уложу малыша, и ты мне все потом расскажешь.

Он отнес Гэджа наверх по лестнице, согретой сентябрьским солнцем, и на лестничной площадке его вдруг поразило такое ощущение ужаса и отчаяния, что он остановился и в изумлении оглянулся, не понимая, что могло на него так повлиять. Он крепче прижал к себе сына, почти сдавил, и Гэдж недовольно заворочался. Руки и спина Луиса покрылись мурашками.

«Что случилось?» — подумал он в испуге. Сердце его забилось сильнее, волосы у корней похолодели и даже немного поднялись, он чувствовал прилив адреналина к глазам. Он знал, что глаза человека при сильном страхе действительно вылезают из орбит; не просто расширяются, но выпучиваются, когда подскакивает кровяное давление. «Что за черт? Привидения? Боже, мне кажется, что что-то реальное коснулось меня здесь, на этой лестнице, я его почти увидел.»

Внизу со скрипом приоткрылась входная дверь.

Луис Крид подскочил, едва не закричал, а потом рассмехался. Это был всего лишь один из приступов беспричинного страха, порой посещающего людей — ни больше, ни меньше. Минутная паника. И все. Что там Скрудж говорил духу Джекоба Марли?

«Вы всего-навсего недожаренный ломтик картошки. В вас больше подливки, чем веса.» Психологически, да и физиологически, это было, пожалуй, более верно, чем казалось самому Диккенсу. Здесь не было духов, по крайней мере он в них не верил. Он повидал за свою врачебную карьеру две дюжины мертвецов, и ни у одного из них не было никаких признаков души.

Он отнес Гэджа в его комнату и уложил в кроватку. Когда он укрывал сына одеялом, руки его еще дрожали, и он внезапно вспомнил о «выставке» его дяди Карла, где не было ни новых автомобилей, ни телевизоров с ультрасовременными приставками, ни моек со стеклянным окошечком, через которое можно было видеть все чудесные операции. Там стояли только гробы с поднятыми крышками, заботливо подсвеченные. Брат его отца был могильщиком.

«Великий Боже, отчего же этот ужас? Прогони его
Бог, меня от него!»

Он поцеловал сына и сошел вниз послушать рассказ Элли о ее первом учебном дне.

8

В эту субботу, когда закончилась учебная неделя Элли, а студенты еще не вернулись в кампусы, Джуд Крэндаль перешел через дорогу и подошел к семейству Кридов, расположившемуся на лужайке. Элли только что слезла с велосипеда и теперь пила холодный чай. Гэдж ползал по траве, изучая жуков, а некоторых, возможно, и поедая; он не был особенно разборчив в источниках протеина.

— Джуд, — сказал Луис, поднимаясь. — Позволь предложить тебе стул.

— Нет, не надо, — Джуд был одет в рубашку с открытым воротом, джинсы и зеленые ботинки. Он поглядел на Элли. — Ты еще хочешь узнать, куда ведет эта тропа, Элли?

— Да! — воскликнула Элли, немедленно вскакивая. Глаза ее засверкали. — Джордж Бак в садике сказал, что это звериное кладбище, и я рассказала маме, но она велела не ходить туда без тебя.

— Вот я и пришел, — сказал Джуд. — Если ты не против, то давай сходим туда прямо сейчас. Только надень башмаки покрепче. Земля там болотистая.

Элли умчалась в дом.

Джуд посмотрел ей вслед.

— Луис, пойдем с нами?

— Можно, — сказал Луис. Он поглядел на Рэчел. — Ты хочешь пойти, дорогая?

— А Гэдж? Это ведь довольно далеко.

— Я посажу его в рюкзак.

— Ну ладно... Но если что, пеняй на себя.

Они вышли через десять минут. Все, кроме Гэджа, надели ботинки. Гэдж сидел в рюкзаке, выглядывая из-за плеча Луиса и улыбаясь. Элли постоянно убегала вперед, гонясь за бабочками и срывая цветы.

Трава на краю поля доходила почти до пояса; это был золотарник, без умолку шепчущий что-то на осеннем ветру.

Но осень в тот день почти не чувствовалась; солнце было еще августовским, хотя август уже две недели как прошел. Когда они достигли вершины первого холма, двигаясь по извилистой тропе, спина Луиса взмокла от пота.

Джуд остановился. Сначала Луис подумал, что старик просто устал, но потом он заметил открывшийся впереди вид.

— Смотрите, как здесь красиво, — сказал Джуд, зажав в зубах стебель тимофеевки. Луис подумал, что это заявление классического янки.

— Здесь просто чудесно, — выдохнула Рэчел и повернулась к Луису почти обиженно. — Почему ты не сказал мне про это место?

— Потому что сам не знал, — ответил Луис, несколько уязвленный. Это была их собственность, но он так и не нашел времени забраться на этот холм.

Элли ушла далеко вперед. Теперь она вернулась, тоже захваченная зрелищем. Черч вертелся у ее ног.

Холм был невысоким, но его высоты было достаточно. К востоку глухой лес закрывал обзор, но на западе далеко открывались поля, охваченные золотой осенней дремотой. Повсюду расстилались покой и тишина. Их не нарушали в этот момент даже грузовики «Оринко».

Они видели речную долину; это был Пенобскот, по которому когда-то лесорубы сплавляли лес в Бангор и Дерри. Но сейчас они находились южнее Бангора и namного севернее Дерри. Река выглядела широкой и спокойной, словно тоже погруженная в глубокий сон. Луис мог видеть вдаль Хэмпден и Винтерпорт и вообразить вьющуюся параллельно реке до самого Бакпорта темную ленту дороги номер 15. Они смотрели на реку, на рощи, на дороги, на поля. Из-под полога старых вязов виднелся шпиль баптистской церкви в Ладлоу, а справа было видно грузное кирпичное здание детского сада Элли.

Вдали медленно двигались к горизонту белые облака. Под ними повсюду расстилались осенние поля, уснувшие, но не умершие, неповторимого рыжеватого оттенка.

— Да, чудесно, это верное слово, — сказал наконец Луис.

— Раньше его называли Обзорным холмом, — сказал Джуд. — Некоторые и сейчас его так зовут, но те молодые, что переехали в город, уже забыли. Я не думаю, что сюда ходит много людей. Они ведь не предполагают, что с такого невысокого холма можно столько увидеть. Но сами видите, — он только сделал широкий жест рукой и замолчал.

— Мы видим все, — сказала Рэчел тихим, зачарованным голосом. Она обернулась к Луису. — Дорогой, это наше? И прежде чем Луис успел ответить, заговорил Джуд:

— Да, это входит в вашу собственность.

Это, как подумал Луис, все таки было не совсем одно и то же.

В лесу было холоднее, быть может, восемь-десять градусов. Тропа, еще широкая и окруженная цветами в горшках или в банках из-под кофе (большинство их завяли), была теперь усыпана высохшей хвоей. Они прошли еще четверть мили, спускаясь с холма, когда Джуд окликнул Элли.

— Это легкая дорога для маленькой девочки, — сказал Джуд мягко, — но ты должна пообещать маме с папой, что, если придешь сюда еще раз, то не сойдешь с тропы.

— Обещаю, — с готовностью согласилась Элли. — А почему?

Он взглянул на Луиса, который остановился отдохнуть. Нести Гэджа, даже в тени, было довольно тяжело.

— Ты знаешь, где мы? — спросил Джуд.

Луис уже приготовил ответ: Ладлоу, за моим домом, между дорогой номер 15 и веткой. Он кивнул.

Джуд указал пальцем назад.

— Это длинная тропа, — сказал он. — Она углубляется в лес на пятьдесят миль, а может, и больше. Это лес Северного Ладлоу, но он уходит дальше за Оррингтон, а потом тянется до самого Рокфорда. На краю его находятся те самые государственные земли, про какие я тебе говорил, которые индейцы требуют обратно. Я знаю, как смешно слышать, что ваш дом там, на дороге, где есть свет, телефон, телевизор и все такое, стоит на краю цивилизации, но это так и есть. — Он взглянул на Элли. — Потому я и говорю: лучше тебе не забредать сюда, Элли. А то собьешься с дороги, и Бог знает, куда тебя может занести.

— Я не буду этого делать, мистер Крэндалл, — Элли была явно заинтригована, но не испугана. Но Рэчел смотрела на Джуда тревожно, и Луис тоже чувствовал смутное беспокойство. Ему казалось, что это был инстинктивный страх горожанина, оказавшегося в лесу. Луис не держал в руках компаса с бойскаутских времен, уже двадцать лет, и очень смутно помнил, как определять направление по Полярной звезде или по мху на стволах деревьев.

Джуд оглянулся на них и засмеялся.

— Да нет, вообще-то здесь никто не терялся с 1934 года, — сказал он. — Во всяком случае, никто из местных. Последний был Уилл Джепсон — невелика потеря. После Стэнни Бушара Уилл был самым большим пьяницей по эту сторону Бакпорта.

— Вы сказали, никто из местных, — сказала Рэчел, и Луис тут же прочел в ее голосе: «Мы ведь тоже не местные».

Джуд кивнул.

— Да, каждые два-три года тут теряется какой-нибудь турист, который думает, что нельзя заблудиться так близко от дороги. Но и с ними ничего страшного не случалось, миссис. Не бойтесь.

— А здесь есть лоси? — спросила Рэчел без всякого перехода, и Луис улыбнулся. Если уж Рэчел хотела испугаться, она всегда находила причину.

— Да, встречаются, — сказал Джуд, — но они совершенно безобидные. Во время гона немного волнуются, но и то только с виду. Они не любят только приезжих из Массачуссетса, не знаю уж, почему, — Луис подумал, что старик шутит, но он говорил вполне серьезно. — Сколько раз наблюдал: какой-нибудь парень из Согуса или Милтона сидит на дереве, а внизу — стадо лосей, громадных, что твой грузовик. Как будто они чуют массачуссетсцев по запаху. Или это просто запах их вещей от Л.Л.Бина, не знаю. Я думал, кто-нибудь из этих зоологов из колледжа напишет об этом, но что-то не слышно.

— А что такое «гон»? — спросила Элли.

— Ничего, — строго ответила Рэчел. — Рано тебе еще знать о таких вещах.

Джуд казался огорченным.

— Я не хочу пугать вас, Рэчел, или вашу дочь — незачем пугаться в этих лесах. Это хорошая тропа, только немного грязная. Тут нет даже каких-нибудь ядовитых дубов, как на школьном дворе — вот от чего тебе надо держаться подальше, Элли, если ты не хочешь три недели принимать крахмальные ванны.

Элли фыркнула.

— Это безопасный путь, — с нажимом сказал Джуд Рэчел, которая все еще выглядела обеспокоенной. — Я думаю, даже Гэдж сможет сюда ходить, и городские ребята часто сюда ходят, я уже говорил. Они берегут это место. Никто им не говорит, они сами. Я не хочу скрывать это от Элли, — он нагнулся к девочке и подмигнул. — Это как многие другие вещи, Элли. Только не сходи с тропы, и все будет хорошо. А сойдешь с нее — и легко можно заблудиться, если не повезет. И кому-то придется тебя искать.

Они шли дальше. Луис начал чувствовать тупую боль в спине от тяжести Гэджа. Время от времени Гэдж запускал ему в волосы пятерню и с энтузиазмом начинал тянуть или жизнерадостно пинал его по почкам. Поздние москиты кружили у лица с отвратительным жужжанием.

Путь петлял между древних елей, а потом врезался в поросший ежевикой подлесок. Здесь было влажно, и башмаки Луиса тонули в грязи и стоячей воде. В одном месте им пришлось переходить болото, из которого, как камни, торчали травянистые кочки. Это было хуже всего. Тропа снова пошла в гору. Гэдж, казалось, весил уже на десять фунтов больше, и каждый шаг прибавлял ему веса. Пот заливал лицо Луиса.

— Как ты, дорогой? — спросила его Рэчел. — Хочешь я понесу его немного?

— Да нет, все нормально, — ответил он, и это было так, хотя сердце у него в груди билось довольно тяжело. Он больше привык прописывать физические упражнения, чем делать их самому.

Джуд шел рядом с Элли; ее лимонные брючки и красная блузка ярким пятном выделялись на мрачном зелено-буром фоне.

— Луис, как ты думаешь, он правда знает, куда идти? — спросила Рэчел шепотом.

— Конечно, — ответил Луис.

Джуд бодро отозвался через плечо:

— Еще немного... ты не устал, Луис?

«О Боже, — подумал Луис, — ему за восемьдесят, а он даже не вспотел.»

— Да нет, — ответил он немного агрессивно. Гордость требовала от него такого ответа, даже если бы у него был спазм коронарных сосудов. Он ухмыльнулся, передвинул стropy рюкзака и пошел дальше.

Они взобрались на второй холм, и там тропа пошла вниз среди кустов и густого подлеска. Она стала уже, и Луис увидел, как впереди Луис и Элли проходят под аркой, сколоченной из старых, трухлявых досок. На ней выцветшей черной краской были выписаны едва видные слова: «Кладбище домашних животных».

Они с Рэчел обменялись заинтересованными взглядами и прошли за арку, инстинктивно взявшись за руки, словно на бракосочетании.

Второй раз за это утро Луис испытал удивление.

Тут не было ковра опавшей хвои. Это оказался большой круг скошенной травы, до сорока футов в диаметре. С трех сторон его окружал густой подлесок, а с четвертой — старый валежник, нагромождение упавших деревьев, выглядевшее довольно зловеще.

«Тот, кто попытается через него перебраться, легко может напороться на эти сучья», — подумал Луис.

На поляне виднелось множество знаков, вероятно, установленных детьми и сделанных из подручных материалов — доски, крышки от ящиков, куски жести. Казалось, что эти памятные доски, располагающиеся по всему периметру низких кустов и кривых деревьев, борющихся здесь за выживание, размещены в некоем порядке. Лес позади придавал всему пейзажу глубину и загадочность, не христианскую, а какую-то языческую.

— Как мило, — сказала Рэчел с сомнением.

— Ух ты! — вскрикнула Элли.

Луис снял с плеч рюкзак и вынул из него ребенка так, чтобы тот мог ползать. Спина его разогнулась с облегчением.

Элли носилась от одного памятника к другому, издавая восклицания. Луис пошел за ней, оставив Рэчел смотреть за малышом. Джуд уселся, скрестив ноги, опираясь спиной о камень, и закурил.

Луис заметил, что порядок в расположении могил был не кажущимся, они образовывали грубые концентрические круги.

Одна из досок гласила: «Кот Смэки». Надпись, выведенная детской рукой, но аккуратно: «Он был послушным». И ниже: «1971-1974». Невдалеке он обнаружил шиферную плиту с надписью, выполненной уже осыпавшейся, но заботливо подведенной краской: «Биффер». Под ней эпитафия в стихах: «Биффер, Биффер, твой чуткий нос, пока ты не умер, радовал нас».

— Биффер — это был кокер-спаниель Дессперов, — сказал Джуд. Он носком ботинка расчистил на земле участок и стряхивал туда пепел. — Попал под мусоровоз в прошлом году. Там еще есть стихи?

— Да, — сказал Луис.

Некоторые могилы были украшены цветами, иногда свежими, но все больше старыми. Почти половина надписей, сделанных краской или карандашом, выцвела настолько, что Луис не смог их прочесть. На некоторых досках вовсе не было надписей, и Луис решил, что их писали мелом.

— Мама! — закричала Элли. — Здесь золотая рыбка! Иди погляди!

— Иду! — отозвалась Рэчел, и Луис посмотрел на нее. Она стояла у ближайшего круга и казалась еще более встревоженной. Луис подумал: «Даже такое кладбище действует на нее». Она никогда не могла спокойно воспринимать смерть (как, впрочем, и большинство людей), может быть, из-за своей сестры. Сестра Рэчел умерла очень молодой, и это оставило в ее душе травму, которую Луис старался не задевать. Ее звали Зельда, и она умерла от спинного менингита. Болезнь ее была, вероятно, долгой и очень тяжелой, а Рэчел как раз пребывала тогда в самом

впечатлительном возрасте. Но он думал, что нельзя помнить об этом бесконечно.

Луис подмигнул ей, и она благодарно улыбнулась в ответ.

Луис осмотрелся. Это была естественная поляна. Это объясняло появление здесь травы; солнце беспрепятственно освещало это место. Как бы то ни было, его поливали и заботливо ухаживали. Об этом свидетельствовали банки с водой и целые канистры потяжелее Гэджа — быть может, их привозили на тележках. Он снова подумал о странной привязанности здешних детей. То, что он помнил о своем детстве, в сочетании с наблюдением за Элли заставляло его думать, что детская любовь быстро вспыхивает и так же быстро гаснет.

Внутри могилы были старше; все меньше записей можно было прочесть, а те, что еще читались, уводили далеко в прошлое. Здесь был «Трикси, сбитый на дороге 15 сент. 1968-го». Рядом виднелась широкая доска, укрепленная у самой земли. Мороз и дожди сильно повредили ее, но Луис мог еще прочитать: «Памяти Марты, нашей любимой крольчихи, умершей 1 марта 1965г.» Чуть дальше были «Ген. Паттон» («наш! любимый! пес!» — добавляла надпись), который умер в 1958 году, и «Полинезия» (видимо, попугай, если Луис правильно помнил «Доктора Дуллитла»), произнесшая в последний раз «Полли хочет крекер» летом 1953 года. На следующих двух досках ничего нельзя было разобрать, а потом на куске песчаника было грубо написано: «Ханна, лучшая собака из всех живущих. 1929-1939». Хотя песчаник казался мягким — в результате надпись едва можно было прочитать, — Луис подумал о том, сколько часов ушло у ребенка, чтобы вырезать в камне эти восемь слов. Такое выражение любви и печали потрясло его; так могли поступить родители по отношению к своим детям, умершим молодыми.

Джуд окликнул его:

— Иди сюда, Луис. Я тебе кое-что покажу.

Они подошли к третьему ряду от центра. Здесь круговое расположение могил, почти невидимое снаружи, было очень заметным. Джуд остановился перед маленьким кус-

ком шифера, повалившимся наземь. Нагнувшись, старик бережно поставил его обратно.

— Тут было что-то написано, — сказал Джуд. — Я поставил этот камень сам, уже давно. Я похоронил здесь своего первого пса, Спота. Он умер уже старым, в 1914-м, когда началась великая война.

Захваченный мыслью о том, что это кладбище старше многих кладбищ, где похоронены люди, Луис подошел к самому центру и осмотрел некоторые могилы. Надписи почти не читались, и большинство плит ушло в землю. Трава совсем скрыла одну из могил, и, когда он раздвинул ее, раздалось недовольное шуршание, звук протеста из земных недр. Кругом ползали жуки. Он почувствовал легкую дрожь и подумал: «Бут-Хилл для животных. Что-то мне здесь не очень нравится».

— Как давно это все началось?

— Не знаю, — сказал Джуд, глубоко засовывая руки в карманы. — Оно уже было, когда умер Спот. У меня была тогда куча друзей. Они мне помогали рыть яму для Спота. Рыть здесь нелегко — земля чертовски твердая, ты знаешь. И я тоже помогал им. — Он прервался и поднял вверх палец. — Здесь лежит пес Пита Лавассера, если не ошибаюсь, а вот здесь — трое котят Альбиона Гроутли, все в ряд. Старик Фритчи разводил голубей. Мы с Элом Гроутли и Карлом Ханна похоронили тут одного из них, которого загрызла собака. Он лежит здесь. — Он задумался. — Я остался последний из этой компании. Все уже умерли. Никого нет.

Луис ничего не говорил, только стоял, глядя на звериные могилы, засунув руки в карманы.

— Каменистая земля, — сказал Джуд. — Здесь ничего не растет, самое место для трупов.

Тут Гэдж заревел, и Рэчел бросилась к нему и подхватила на руки.

— Он голоден, — сказала она. — Я думаю, нам пора возвращаться, Лу. «Ну, пожалуйста», — просили ее глаза.

— Конечно, — сказал он. Он снова надел рюкзак и оглянулся на Рэчел, которая засовывала туда Гэджа. — Элли! Эй, Элли, где ты там?

— Вон она, — сказала Рэчел, показав на валежник. Элли карабкалась на него, как обезьянка.

— Эй, крошка, ты хочешь перейти на ту сторону? — позвал ее почему-то встревожившийся Джуд. — Сейчас сунешь ногу не в ту дырку, и эти старые коряги упадут и сломают тебе лодыжку!

Элли тут же спрыгнула.

— Ой! — крикнула она и побежала к ним, потирая ногу. Она не сломала ее, нет, но сухая ветка больно оцарапала ей кожу.

— Ну вот, видишь, — сказал Джуд, потрепав ее по голове. — Не пытайся лучше без особой надобности лезть на эти бревна. Эти упавшие деревья — они ведь живые. Они поцарапают тебя, как только смогут.

— В самом деле? — спросила Элли.

— Конечно. Видишь, как они навалены? Если ступишь на одну, то все могут повалиться.

Элли посмотрела на Луиса.

— Это правда, папа?

— Я думаю да, дорогая.

— Ох ты! — она оглянулась на валежник и засмеялась. — Вы порвали мне штаны, нехорошие деревья!

Все трое взрослых рассмеялись. Валежник молчал. Он только белел под солнцем, как и долгие годы до того. Луису он показался похожим на скелет какого-то древнего чудища, сраженного добрым и благородным рыцарем. Кости дракона, сложенные в гигантский курган.

Это почудилось ему еще до того, как он узнал что-либо про валежник и о пути, который уходил от Кладбища домашних животных в глубь лесов, которые Джуд Крэндалл как-то потом окрестил «индейскими лесами». Еще тогда он почувствовал в этом что-то помимо причудливой игры природы. Еще тогда...

Тут Гэдж ухватил его за ухо и крутанул, радостно смеясь, и Луис забыл о всем этом валежнике и о Кладбище домашних животных. Пора было идти домой.

Элли на следующий день пришла к нему, опечаленная. Луис в своем кабинете работал над моделью. Это был «роллс-ройс» 1917 года выпуска. «Серебряный призрак» — 680 деталей, более 50 движущихся частей. Он был почти готов, и он уже воображал шофера, прямого наследника английского кучера восемнадцатого или девятнадцатого столетия, решительно сажающегося за руль.

Он увлекался моделями с десятилетнего возраста, когда дядя Карл подарил ему пушку времен Первой мировой. Потом он соорудил почти все самолеты из набора «Ревелл», а после перешел к более сложным вещам. Он прошел через стадии кораблей-в-бутылках, военной техники и даже стадию, когда он воспроизводил оружие так реалистически, что трудно было понять, почему оно не стреляет — кольца, и винчестеры, и люгеры, и даже «Бэнтлайн Спешизл». За последние пять лет это были большие теплоходы. Модели «Лузитании» и «Титаника» стояли на полках в его университетском кабинете, а «Андреа Дория», законченный перед самым отъездом из Чикаго, украшал каминную доску в их комнате. Теперь он перешел к классическим автомобилям, и если предыдущий график будет соблюдаться, он надеялся, что лишь через четыре-пять лет это увлечение сменится каким-нибудь другим. Рэчел смотрела на это его единственное настоящее хобби снисходительно, с некоторым презрением; после десяти лет брака она еще надеялась, что ему это когда-нибудь надоест. Быть может, нечто в таком отношении исходило от ее отца, который до сих пор считал, как и во время замужества дочери, что зять должен лизать ему задницу.

«Может быть, — подумал он, — Рэчел права. Может, одним прекрасным утром, когда мне стукнет тридцать семь, я встану, отнесу все эти модели на чердак и брошу их там.» Тут и вошла Элли.

Вдалеке, в чистом осеннем воздухе он слышал звук воскресных колоколов, созывающих прихожан на молитву.

— Привет, папа, — сказала она.

— Здравствуй, крошка. Что-то случилось?

— Да нет, ничего, — сказала она, но ее лицо говорило о другом — что-то все-таки случилось. Волосы ее были только что вымыты и рассыпались по плечам. В рассеянном свете они казались более светлыми, чем обычно. На ней было платье, и Луис вдруг подумал, что его дочь всегда надевает платье по воскресеньям, хотя они и не ходят в церковь. — Что это ты делаешь, папа?

Тщательно полируя крыло, он стал ей объяснять.

— Погляди, — он бережно дал ей колесо. — Видишь, какие тут шины? Когда мы поедem в Шайтаун на День Благодарения на Л-1011, то ты увидишь у него такие же.

— Подумаешь, шины, — она отдала ему колесо.

— Ладно, — сказал он. — Вот если бы у тебя был свой роллс-ройс, ты могла бы говорить «подумаешь». Если бы у нас хватало денег на такие вещи, можно было бы немного поважничать. Ничего, вот заработаю второй миллион и куплю. «Роллс-ройс Корниш».

«Так о чем же ты все-таки думаешь, Элли?»

— А мы богатые, папа?

— Нет, — сказал он, — но до нищеты нам тоже далеко.

— А Майкл Бернс в садике сказал, что все доктора богатые.

— Знаешь что: скажи Майклу Бернсу, что многие доктора могут стать богатыми, но на это уходит двадцать лет... а в университетском лазарете вообще разбогатеть трудно. Разбогатеть можно, когда ты специалист. Гинеколог, ортопед или невропатолог. Вот они богатеют быстрее. А такие, как я, — медленнее.

— А почему ты тогда не стал специалистом?

Луис снова подумал о своих моделях, о дне, когда он не захочет больше трудиться над самолетами, танками «тигр» или автоматами; когда ему покажется, что корабли в бутылках — это просто хлам; и тут же подумал, что не менее глупо всю жизнь осматривать детские ноги или в резиновых перчатках лазить в вагинальный канал женщин в поисках опухолей или повреждения.

— Мне этого просто не хотелось, — сказал он.

Черч вошел в кабинет, постоял, изучая ситуацию своими яркими зелеными глазами, молча вспрыгнул на подоконник и вознамерился там уснуть.

Элли посмотрела на кота, нахмурившись, что показалось Луису странным. Обычно Элли смотрела на Черча с такой горячей любовью, что это выглядело почти болезненным. Она начала ходить по кабинету, разглядывая модели, и, наконец, сказала:

— А на этом зверином кладбище много могил, да?

«Ах, вот в чем дело», — подумал Луис, но не обернулся: после сверки с инструкцией он как раз начал прилаживать к роллс-ройсу задние фары.

— Ну да, — сказал он. — Больше сотни, я думаю.

— Папа, почему животные не живут так же долго, как люди?

— Почему, некоторые живут столько же, а некоторые и намного дольше. Слоны живут очень долго, а есть морские черепахи, которые живут столько, что люди даже не могут определить, сколько им лет... а может, могут, но просто не верят.

— Слоны и черепахи — они ведь не домашние. Домашние живут совсем мало. Майкл Бернс говорит, что каждый год жизни собаки равен нашим девяти.

— Семи, — автоматически поправил Луис. — Я вижу, к чему ты клонишь, малышка, и в этом есть своя правда. Собака, которая прожила двенадцать лет, уже старая. Видишь ли, это называется «метаболизмом» и относится не только ко времени, но и к другим вещам. Вот, например, некоторые люди едят много и остаются худыми, как твоя мама, из-за метаболизма. А другие, как я, не могут есть много, чтобы не растолстеть. У нас разный метаболизм, вот и все. У большинства живых существ этот метаболизм работает, как часы. У собак он очень быстрый, а у людей гораздо медленнее. Мы живем в среднем семьдесят два года, и, поверь мне, это очень долго.

Из-за того, что Элли выглядела по-настоящему расстроенной, он постарался ее успокоить и немного покривил душой. Ему было тридцать пять, и казалось, что эти годы прошли очень быстро.

— Вот у черепах метаболизм очень ме...

— А у кошек? — спросила Элли, снова взглянув на Черча.

— Кошки живут столько же, сколько и собаки, — сказал он, — во всяком случае, большинство. — Тут он приврал. Кошки вели опасную жизнь и часто умирали жестокой смертью, пожалуй даже чаще, чем люди. Черч грелся на солнышке (или делал вид); Черч мирно спал каждую ночь на постели его дочери; Черч был так очарователен, когда играл с веревочкой или мячом. Но Луис видел, как он подкрадывался к птице с перебитым крылом, и его зеленые глаза горели азартом и, как казалось Луису, холодным удовольствием.

Он редко убивал кого-либо; исключением была только большая крыса, которую он поймал где-то на улице и приволок домой. Зрелище было таким омерзительным, что Рэчел, которая была тогда на шестом месяце, тут же вырвало. Жестокая жизнь, жестокая смерть. Их губят собаки, не гоняются, как глупые псы из мультфильмов, а догоняют и убивают, и другие животные, и отравленная приманка, и проезжающие машины. Кошки — гангстеры животного мира, живущие вне закона и так же умирающие. Многие из них так и не доживают до старости.

Но как было объяснить все это твоей пятилетней дочери, которая впервые столкнулась с понятием смерти?

— Что ж, — сказал он, — Черчу сейчас три года, а тебе пять. Он еще будет жив, когда тебе исполнится пятнадцать, и ты перейдешь в высшую школу. Это еще долго.

— А мне не кажется, что это долго, — возразила Элли, и теперь ее голос дрожал. — Это совсем не долго.

Луис, наконец, оставил свою модель и поманил дочь к себе. Она села к нему на колени, и он снова поразился ее красоте, которая еще подчеркивалась огорчением. Она была смуглой, как левантинка. Один из врачей, с которыми он работал в Чикаго, Тони Бентон, прозвал ее «индейской принцессой».

— Дорогая, — сказал он, — если бы это зависело от меня, я сделал бы так, чтобы Черч жил сто лет. Но я не могу ничего изменить.

— А кто может? — спросила она и тут же сама ответила. — Наверно, Бог.

Луис проглотил смешок. Все было слишком серьезно.

— Бог или кто-то еще, — сказал он. — Часы идут, вот и все, что я знаю. Но у них нет гарантии.

— Я не хочу, чтобы Черч стал, как все эти мертвые животные! — закричала она, и на глазах ее показались слезы. — Я не хочу, чтобы Черч умирал! Он мой! Он не Бога! Пусть Бог заведет себе кота! Пускай он заведет сколько угодно проклятых старых котов и убивает их! Черч мой!

Из кухни слышались шаги, и вошла Рэчел. Элли уже рыдала на груди у отца. Она поняла; ужас предстал перед ней во весь рост. Теперь, даже если ничего нельзя было изменить, можно было хотя бы поплакать.

— Элли, — сказал он, глядя ее по голове. — Элли, Черч же не умер, вот он спит, живой и здоровый.

— Но он может, — рыдала она. — Он может умереть когда угодно!

Он держал ее и гладил по голове, думая, верно или нет, что Элли плачет от неумолимости смерти, от ее неподвластности аргументам или слезам маленьких девочек, или от способности человека претворять абстрактные понятия в реальность, прекрасную или мрачную и жестокую. Если все эти животные умерли и были похоронены, то и Черч может умереть

(когда угодно!)

и быть похоронен; и если это может случиться с Черчем, то может случиться и с ее папой, мамой, и с ее маленьким братиком. С ней самой. Смерть была отвлеченной идеей; Кладбище домашних животных — реальностью. В этих грубых памятниках была правда жизни, которую мог почувствовать и ребенок.

Можно было солгать, как он солгал чуть раньше, говоря о продолжительности жизни кошек. Но позже эта ложь все равно будет разоблачена и может нанести непоправимый удар по отношениям детей с родителями, как это часто бывает. Так Луису однажды солгала его мать, рассказав, как одна женщина, которая хотела завести детей, нашла ребенка в капусте — и он так никогда и не простил ей этого; не простил и себе то, что поверил ей.

— Дорогая, — сказал он, — это часть жизни.

— Это плохая часть! — закричала она. — Это самая плохая часть!

На это было нечего возразить. Она рыдала. Нужно было как-то остановить ее слезы и сделать тем самым первый шаг на пути нелегкого примирения с правдой.

Он держал дочь и слушал звон воскресных колоколов, проплывающий над осенними полями, и даже не заметил, когда она перестала плакать и уснула.

Он отнес ее в кровать и спустился на кухню, где Рэчел с преувеличенной энергией взбивала крем. Он выразил удивление, что Элли уgomонилась так рано утром; для нее это было необычно.

— Ничего, — сказала Рэчел, свирепо встряхивая чашку. — Я думаю, она не спала всю ночь. Я слушала, как она возилась, и Черч мяукал где-то около трех. Это ведь все из-за него.

— Почему ты...

— О, ты знаешь, почему! — сказала Рэчел. — Из-за этого проклятого звериного кладбища, вот почему. Это ее очень расстроило, Луис. Это было первое кладбище, которое она видела, и оно ее... расстроило. Не думаю, что я буду очень благодарить твоего друга Джуда Крэндалла за эту маленькую прогулку.

«Он тут же оказался моим другом», — отметил Луис, одновременно смущенный и встревоженный.

— Рэчел...

— И я не хочу, чтобы она туда еще ходила.

— Рэчел, но Джуд только показал, куда ведет тропа.

— Это не тропа, и ты это знаешь, — сказала Рэчел. Она снова взяла чашку и принялась взбивать крем еще энергичнее. — Это проклятое место. Нездоровое. Дети ходят туда, поливают эти могилы... все это чертовски мрачно. Но, как бы они в этом городе ни развлекались, я не хочу, чтобы Элли во всем этом участвовала.

Луис смотрел на нее, не прерывая. Он был больше, чем наполовину, уверен, что их брак держался, когда каждый год два-три брака их знакомых заканчивались разводом, каким-то полуосознанным ощущением тайны, близости к

месту, где не имеют значения ни брак, ни семья, где каждая живая душа стоит в одиночку, нагая и беззащитная. И неважно, насколько хорошо знали они друг друга — в их отношениях могли встречаться белые пятна или черные дыры. И иногда (слава Богу, редко) вы вступали в область неведомого, как авиалайнер, неожиданно падающий в воздушную яму. И после приходилось долго трудиться, чтобы восстановить мир и согласие в семье, и вспоминать, что подобные открытия могут быть неожиданностью лишь для дураков, считающих, что один человек способен до конца понять другого.

— Дорогая, это всего навсего животные.

— Этого достаточно, — сказала Рэчел, сделав в воздухе жест перемазанной в креме ложкой. — Ты думаешь, для нее это просто звериное кладбище? Этого вполне достаточно, чтобы вызвать страх. Нет. Я не пущу ее больше туда. Это не тропа, это мрачное место. Теперь она уже думает, что Черч может умереть.

В какой-то момент у Луиса возникло безумное ощущение, что он все еще говорит с Элли, которая просто надела платье матери и очень разумную, рассудительную маску Рэчел. Даже выражение было тем же внешне сердитым, а в глубине страдающим.

Он задумался, внезапно поняв, что для нее это не обычный спор, она словно потеряла что-то большое, заполнявшее весь мир, и теперь для нее очень важно это найти.

— Рэчел, — сказал он, — Черч должен умереть.

Она сердита посмотрела на него.

— Необязательно об этом говорить, — отчеканила она, будто разговаривая с отсталым ребенком. — Черч не должен умереть ни сегодня, ни завтра...

— Но я только пытался объяснить...

— ...Ни послезавтра, ни, может быть, через год...

— Дорогая, мы же не можем быть уверены...

— Нет, можем! — закричала она. — Мы о нем заботимся, он не умрет, никто здесь не должен умереть, и зачем тебе непременно нужно расстраивать ребенка, пытаясь объяснить ей то, чего она еще не может понять?

— Рэчел, послушай...

Но Рэчел не хотела ничего слушать. Она была в ярости.

— Смерть ужасна сама по себе — животного, друга или родственника, — и незачем еще устраивать эти дурацкие аттракционы... п-п-придумали тоже, кладбище для зверей!.. — по щекам ее покатились слезы.

— Рэчел, — сказал он, пытаюсь положить ей руки на плечи. Она стряхнула их резким движением.

— Оставь, — сказала она. — Ты даже не понимаешь, о чем я говорю.

Он вздохнул.

— Я чувствую себя так, будто меня пропускают через мясорубку, — изрек он, надеясь вызвать улыбку. Но улыбки не было; были только ее глаза, устремленные на него, черные и сердитые. Она была разгневана, а не просто рассержена.

— Рэчел, — внезапно спросил он, не уверенный, что хотел спросить именно это, — как ты спала сегодня ночью?

— О господи, — сказала она с презрением, отводя взгляд, но он успел заметить боль в ее глазах, — вот уж действительно разумный подход. Ты никогда не изменишься, Луис. Когда что-нибудь не так, во всем виновата эта проклятая Рэчел, да? У Рэчел просто слишком много эмоций.

— Я этого не говорил.

— Нет? — она взяла чашку с кремом и опять встряхнула ее. Потом она принялась мазать кремом пирог, крепко сжав губы.

Он терпеливо сказал:

— Нет ничего страшного в том, что ребенок узнает о смерти, Рэчел. На самом деле это необходимо. Реакция Элли, этот ее плач, кажется мне очень естественной. Это...

— О да, это очень естественно, — сказала Рэчел. — Очень естественно слышать, как твоя дочь плачет из-за смерти кота, который и не думал умирать.

— Да я же тебе об этом и говорю!

— Все, я не хочу больше это обсуждать.

— Да нет, — возразил он, тоже разозлившись. — Ты высказалась, позволь теперь мне.

— Она больше не пойдет туда. И все, давай закроем эту тему.

— Элли уже с прошлого года знает, откуда берутся дети. Мы показали ей книгу Майерса и все ей рассказали, помнишь? Мы же тогда оба согласились, что дети должны знать, откуда они взялись.

— Но какое это имеет отношение...

— Имеет! — сказал он жестко. — Когда я говорил с ней в кабинете про Черча, я думал о моей матери, которая подсунула мне старую историю про капусту, когда я ее спросил, откуда берутся дети. Я так никогда и не забыл эту ложь. Я не думаю, что дети забывают то, что родители им лгут.

— Откуда берутся дети — не имеет никакой связи с этим чертовым кладбищем! — закричала она, а глаза ее говорили: «Говори хоть весь день, Луис; говори, пока не посинеешь, все равно тебе меня не убедить».

Но он еще пытался.

— Она знает уже про детей, а это место в лесу может сказать ей кое-что и про другую сторону жизни. Это же естественно. Я думаю, самая естественная вещь в ми...

— Ты можешь замолчать или нет?! — закричала она внезапно так, что Луис отшатнулся. Он задел локтем пакет с мукой, и тот упал на пол. Раздался мягкий удар, мука белым облаком поднялась вверх.

— Черт, — сказал он.

Наверху заплакал Гэдж.

— Прекрасно, — сказала она, тоже плача. — Ты и его разбудил. Спасибо за чудесное, тихое воскресное утро.

Он положил ей руку на плечо.

— Позволь мне спросить тебя кое о чем. Я ведь врач, и знаю, что с любым живым существом может что-нибудь — именно что-нибудь, — случиться. Ты хочешь объяснять ей это все, когда ее кот подхватит чумку или лейкемию — кошки ведь болеют лейкемией, ты это знаешь? — или его собьет машина? Ты хочешь этого, Рэчел?

— Пусти, — почти прошипела она. За ее сердитым голосом он чувствовал боль и неприкрытый страх. «Я не могу об этом говорить, и ты не можешь меня заставить» — словно говорили ее глаза. — Пусти, мне надо успокоить Гэджа, пока он не...

— Потому что что-нибудь может случиться, — закончил он. — Можешь ей не говорить об этом, добропорядочные люди никогда об этом не говорят; они просто зарывают — раз, и все! — но никогда не говорят об этом. Можешь привить ей этот комплекс.

— Я тебя ненавижу! — прокричала Рэчел, выбегая из кухни.

Луис остался сидеть, тупо глядя на рассыпанную муку.

10

Луис сидел у Крэндаллов и пил чай со льдом.

— Понимаете, — говорил он, — мысль о смерти слишком сильно действует на людей, и они предпочитают закрытые гробы, чтобы даже не видеть тех, кого они так любили при жизни... будто хотят их поскорее забыть.

— И в то же время они смотрят по телевизору все эти фильмы про то, — Джуд покосился на Норму и откашлялся, — что люди обычно делают за закрытыми дверями, — закончил он. — Удивительно, как меняются понятия у разных поколений, правда?

— Да, — сказал Луис. — Мне тоже так кажется.

— Мы жили в другое время, — сказал Джуд почти торжественно. — У нас были более близкие отношения со смертью. После Великой войны была эпидемия гриппа, и матери умирали вместе с детьми, и дети умирали от отсутствия медицинской помощи, а доктора еще казались какими-то волшебниками. Когда мы с Нормой были молоды, рак означал верную смерть. Да еще две войны, и убийства, и самоубийства...

Он помолчал немного.

— Мы знали, где друг, а где враг, — сказал он наконец. — Мой брат Пит умер от аппендицита в 1912-м, когда президентом был Тафт. Ему было четырнадцать, и он играл в бейсбол лучше всех мальчишек в городе. Нет, в те дни смерть не изучали в колледже. Она просто приходила к вам в дом и садилась с вами ужинать, и вы могли чувствовать, как она колотит вас по жопе.

Норма на этот раз не ругала его, а только молча кивнула.

Луис встал.

— Нужно идти. Завтра тяжелый день.

— Да, завтра у тебя начнется свистопляска, — сказал Джуд, тоже вставая. Норма тоже попыталась встать, и Джуд протянул ей руку. Она поднялась с гримасой боли.

— Ночью было плохо? — спросил ее Луис.

— Да нет, не очень, — ответила она.

— Приложите что-нибудь теплое перед сном.

— Я знаю, — сказала Норма. — Я всегда так и делаю. И Луис... не бойтесь за Элли. Она сейчас будет слишком занята — новые друзья и все такое, — чтобы много думать об этом месте. Может, она еще когда-нибудь сходит туда, поправит могилы или принесет цветы. Многие дети так делают. И ничего страшного в этом не будет.

«Если не узнает моя жена.»

— Заходи завтра, расскажешь, как там работа, — сказал ему Джуд. — Сыграем в криббидж.

— Да, я тебя сначала напою, а потом оставлю в дураках.

— Док, — сказал Джуд с величайшей убежденностью. — Не таким шарлатанам, как ты, оставлять меня в дураках.

Еще смеясь, Луис пересек дорогу и в сумерках подошел к своему дому.

Рэчел спала с малышом, свернувшись калачиком вокруг него, словно оберегая. Он надеялся, что все обойдется, хотя из многих ссор и размолвок их супружеской жизни эта была хуже всех. Он чувствовал досаду и некоторую вину, хотел как-то исправить дело, но не знал как, не будучи уверен, что первый же его встречный шаг не наткнется на стену. Все ведь началось из-за сущего пустяка — легкий ветерок, раздутый фантазией до размеров урагана. Ее аргументы и страхи были ненамного разумнее, чем слезы Элли. Но он всей душой надеялся, что в их жизни будет не слишком много подобных размолвок, иначе их брак даст трещину, и то, о чем читал раньше только в письмах друзей («Я думаю, что лучше сказать тебе это, Лу, прежде чем ты услышишь от кого-нибудь другого: мы с Мэгги решили разойтись...») или в газетах, коснется и тебя.

Он неторопливо разделся и завел будильник на шесть утра. Потом он помыл голову, побрился и, прежде чем почистить зубы, проглотил таблетку — холодный чай Нормы вызвал у него изжогу. А может, не чай, а вид Рэчел, сжавшейся на своей стороне кровати?

Все было сделано, пора спать; он лег в постель... но не мог уснуть. Было что-то, мучившее его. Последние два дня вновь и вновь прокручивались в его мозгу, пока он слушал согласное дыхание Рэчел и Гэджа. «Гэн. Паттон»... «Ханна, лучшая собака из всех живущих»... «Марта, наша любимая крольчиха»... Разъяренная Элли. «Не хочу, чтобы Черч умирал! Он не Бога! Пусть Бог заведет себе кота!»... Рэчел, тоже в гневе. «Ты, как врач, должен знать»... Норма Крэндалл, говорящая: «И ничего страшного в этом не будет»... И Джуд с его поразительной уверенностью, голос из другого времени: «Садилась с вами ужинать, и вы могли чувствовать, как она колотит вас по жопе».

И это голос заглушался голосом его матери, которая солгала ему насчет деторождения в четыре года, но сказала правду о смерти в двенадцать, когда его кузина Рути погибла при дурацком несчастном случае. Она разбилась с мальчишкой, который нашел ключи от отцовской машины, решил покатать ее, а потом обнаружил, что не знает, как остановиться. Сам мальчишка отделался небольшими царапинами, и это особенно потрясло дядю Карла. «Она не могла умереть», — заявил Луис, когда мать сказала ему об этом. Он слышал слова, но не понимал их смысла. «Что это значит — «умерла»? О чем ты говоришь?» Хотя отец Рути, дядя Карл, был могильщиком, Луис не мог представить, что он будет хоронить собственную дочь. В его потрясенном сознании этот вопрос почему-то казался самым важным и превращался в неразрешимую головоломку, вроде загадки: «Кто стрижет городского парикмахера?»

«Наверно, это сделает Донни Донахью, — ответила мать на его вопрос. Глаза ее были заплаканы, и она выглядела очень уставшей. — Он лучший приятель твоего дяди. О, Луис... такая чудесная Рути... я не могу поверить, что она... помолись со мной, Луис. Помолись за Рути. Ты должен мне помочь.»

Так они и стали на колени прямо на кухне, он и его мать, и молились, и эта молитва окончательно дала ему понять: если мать молит Всевышнего за душу Рути Крид, значит, ее тела уже нет. Перед его закрытыми глазами встал ужасный образ Рути, пришедшей на свое тринадцатилетие с глазами, вытекшими на щеки, с землей, налипшей на ее рыжие волосы, и этот образ вызвал у него приступ не только острого страха, но и не менее острой любви.

Он зарыдал в самом большом потрясении своей жизни: «Она не могла умереть! Мама, она не могла умереть — Я ЛЮБЛЮ ЕЕ!»

И ответ матери, ее ровный голос, тоже навевал множество образов: мертвые под ноябрьским небом; увядшие лепестки розы, побуревшие по краям, высохшие лужи с пыльными водорослями:

«Она умерла, дорогой. Прости, но это так. Рути нет больше.»

Луис содрогнулся, думая: «Смерть есть смерть — чего тебе еще?»

Внезапно Луис понял, что он забыл сделать, и встал среди ночи перед первым своим рабочим днем.

Он встал и прошел через холл в комнату Элли. Она мирно спала, с открытым ртом, одетая в голубую кукольную пижаму, из которой уже выросла. «Боже мой, Элли, — подумал он, — ты растешь, как трава.» Черч лежал у нее в ногах, тоже умерший для мира. «Что за дурацкий каламбур!»

Внизу у телефона на стене висела доска объявлений, где они вывешивали, чтобы не забыть, разные записки, счета, квитанции и прочее. Наверху почерком Рэчел было написано: «Откладывать все возможно дольше.» Луис взял телефонную книгу, отыскал номер и записал его на доске. Под номером он написал: «Квентин Л. Джоландер, ветеринар — позвонить насчет Черча — если он не кастрирует животных, пусть порекомендует кого-нибудь.»

Он посмотрел на записку, раздумывая, нужно ли это, но уже зная, что нужно. Нужно было сделать что-то конкретное, чтобы отогнать беду — и он решил в какой-то момент этого тяжелого дня, сам того не зная, что не позволит Черчу бегать через дорогу.

В уме его снова встали старые мысли, что кастрация повредит коту, превратит его в старого толстого лентяя, способного только спать у батареи, пока не принесут еду. Он не хотел, чтобы Черч стал таким. Он тоже по-своему любил Черча... но таким, каким он был.

Снаружи, в темноте по дороге прогрехотал тяжелый грузовик, и это решило дело. Он поглядел в последний раз на доску и пошел спать.

11

На другое утро за завтраком Элли заметила на доске новую надпись и спросила, что это.

— Это значит, что мы сделаем Черчу маленькую операцию, — сказал Луис. — Может, ему придется на одну ночь отлучиться к ветеринару. А когда он вернется, он будет сидеть во дворе и не захочет куда-то убежать.

— И перебежать дорогу? — спросила Элли.

«Ей всего пять, — подумал Луис, — а соображает неплохо.»

— Или перебежать дорогу, — согласился он.

— Угу! — сказала Элли, и больше они к этой теме не возвращались.

Луис, уже готовый к тяжелому спору на повышенных тонах, был ошеломлен легкостью, с которой она согласилась. И тут он понял, насколько она была расстроена. Быть может, Рэчел была права насчет влияния на нее этого Кладбища.

Сама Рэчел, готовящая завтрак Гэджу, одарила его благодарным взглядом, и Луис почувствовал, что холод проходит; на этот раз мир готов был вернуться. И он надеялся, что навсегда.

Позже, когда большой желтый автобус увез Элли, Рэчел пришла к нему, обняла за шею и нежно поцеловала.

— Ты молодец, что это сделал, — сказала она. — Прости, что я была такой стервой.

Луис ответил на ее поцелуй, чувствуя, тем не менее, некоторую неловкость. Такие заявления от нее он слышал не впервые, и обычно они значили, что она добилась, чего хотела.

Тем временем Гэдж приковылял к передней двери и стал смотреть через стекло на дорогу.

— Бус, — сказал он. — Элли. Бус.

— Как он быстро растет, — сказала Рэчел.

— Подожди, пока не будет влезать в одежду, — сказал Луис. — Тогда остановится.

Она рассмеялась, и все снова было нормально. Она поправила ему галстук и отошла, окинув его заботливым взглядом с ног до головы.

— Прошел осмотр, сержант? — осведомился он.

— Хорош, хорош.

— Да, я знаю. Но похож я на специалиста? На человека, получающего двести тысяч в год?

— Да нет, все тот же старый Лу Крид, — сказала она, хихикнув. — Танцующее животное.

Луис взглянул на часы.

— Танцующему животному пора напяливать туфли и бежать.

— Ты волнуешься?

— Да, немного.

— Брось, — сказала она. — Шестьдесят семь тысяч в год за перевязку, рецепты от гриппа, противозачаточные пилюли для девиц...

— Не забудь еще успокоительное, — сказал Луис, снова улыбнувшись. Одной из вещей, удививших его во время первого осмотра лазарета, были ненормально большие запасы успокоительного, скорее уместные в лазарете военной базы, чем в университете.

Мисс Чарлтон, старшая сестра, цинично усмехнулась тогда: «Наш кампус — довольно нервное место, доктор Крид. Вы еще увидите».

Сегодня он увидит.

— Удачи тебе, — сказала Рэчел, опять целуя его. Но она была серьезна. — Помни, что ты администратор, а не санитар на побегушках.

— Хорошо, доктор, — сказал Луис смиренно, и они опять рассмеялись. Какой-то миг ему хотелось спросить: «Что, опять Зельда? Она все еще сидит в тебе? Ты так и не можешь забыть Зельду и то, как она умерла?» Но он,

конечно, не собирався этого спрашивать. Как врач, он знал множество вещей, и главным среди них, быть может, являлся тот факт, что смерть так же естественна, как рождение.

Так ничего и не спросив, он только поцеловал ее еще раз и вышел.

На улице потеплело, лето все еще не сдавало позиций, небо было голубым и безоблачным, температура семьдесят два градуса. Луиса удивило отсутствие палой листвы, смотреть на которую он так любил. Но он мог подождать.

Он залез в «хонду-сивик», которую они получили от университета, и выехал на дорогу. Рэчел должна была позвонить ветеринару, договориться насчет Черча, и все это должно было отогнать прочь все эти страхи смерти и чепуху насчет Кладбища домашних животных (просто удивительно, как это засело в голове!). Ни к чему было думать о смерти в такое прекрасное сентябрьское утро.

Луис включил радио и крутил, пока не наткнулся на «Рамонес», исполняющих «Рокэвэй Бич». Он прибавил звук и запел тоже — плохо, но с большим удовольствием.

12

Первое, что он заметил, подъехав к университету, было непривычно оживленное движение. Машины, велосипеды, мотоциклы. Он резко затормозил, чтобы пропустить два последних, мчащихся от Дунн-холла. Его всегда раздражала убежденность мотоциклистов (и велосипедистов тоже), что все должны уступать им дорогу. Один из них помахал Луису, даже не оглянувшись, Луис, вздохнув, поехал дальше.

Второй неожиданностью было то, что на маленькой стоянке лазарета отсутствовала машина «скорой помощи». Это его насторожило. Лазарет был оборудован всем необходимым для лечения почти любой болезни. В нем было три оборудованных кабинета, выходящих в обширное фойе, а наверху размещались две палаты по пятнадцать коек каждая. Однако не было операционной или чего-нибудь похожего. На случай серьезных болезней имелась машина «скорой помощи», чтобы доставить пострадавшего в меди-

динский центр Восточного Мэна. Стив Мастертон, помощник врача, который показывал Луису лазарет, посвятил его в историю последних двух лет; не без гордости он заявил, что за это время «скорая помощь» выезжала всего лишь тридцать восемь раз... не так уж плохо, если вспомнить, что здесь более десяти тысяч студентов, а всего в университете и около него обитает до семнадцати тысяч человек.

И вот, в его первый рабочий день, машины не было.

Он поставил машину там, где свежей краской было написано: «Место доктора Крида», и поспешил внутрь.

Он застал там Чарлтон, седеющую, но моложавую женщину лет пятидесяти, которая мерила температуру девице в джинсах. Луис увидел, что девица недавно хорошо пожарилась на солнце, кожа у нее облезала.

— Доброе утро, Джоан, — сказал он. — Где машина?

— О, у нас тут настоящая трагедия, — сказала Чарлтон, вынимая термометр изо рта девицы. — Стив Мастертон во вторник пришел и увидел под машиной громадную лужу. Радиатор полетел. Они отвезли ее в ремонт.

— Жаль, — сказал Луис, но без особого сожаления. Самое главное, машина была не на вызове. — Когда мы получим ее обратно?

Джоан Чарлтон засмеялась.

— Вы еще не знаете наших университетских мастеров, — сказала она. — Они вернут ее к Рождеству, перевязанную ленточкой. — Она поглядела на студентку. — У вас легкая простуда. Примите две таблетки аспирина и не сидите на сквозняке... особенно в баре.

Девица вышла, бросив попутно оценивающий взгляд на Луиса.

— Наш первый клиент в новом семестре, — сказала Чарлтон. Она стряхивала термометр.

— Вы, кажется, не очень-то ей довольны.

— Я знаю таких, — сказала она. — Конечно, есть и другой тип — атлеты, которые продолжают играть даже с переломом, потому что не хотят подводить команду и стремятся прослыть суперменами, даже с риском для жизни. А это — мисс Легкая Простуда, — она мотнула головой в сторону окна, где Луис увидел девицу с загаром, шествую-

щую в направлении общежития. В лазарете она выглядела измученной болезнью, но теперь шла проворно, кокетливо покачивая бедрами.

— Наш главный ипохондрик, — Чарлтон опустила термометр в стерилизатор. — Она побывала у нас за год две дюжины раз. Особенно часто перед экзаменами. За неделю или чуть позже она обязательно подхватывала грипп или пневмонию. Такие всегда заболевают, когда боятся экзаменов.

— Что-то вы сегодня строги, — сказал Луис. Однако он слегка растерялся.

Она подмигнула ему.

— Я давно уже не принимаю таких вещей близко к сердцу. И вам не советую.

— Где сейчас Стивен?

— В вашем кабинете, отвечает на письма и пытается разобраться во всякой бюрократической ерунде, — сказала она.

Луис вышел. Несмотря на цинизм Чарлтон, на работе ему нравилось.

Оглядываясь назад, Луис мог бы подумать — если бы был в состоянии думать об этом, — что все кошмары начались с того, когда в лазарет около десяти утра принесли умирающего парня, Виктора Паскоу.

До этого все было спокойно. В девять, спустя полчаса после прихода Луиса, пришли две медсестры, работающие с девяти до трех. Луис дал им по пончику и по чашке кофе и говорил с ними пятнадцать минут, разъясняя их обязанности и самое важное в них. Потом вошла Чарлтон. Когда она уводила их из кабинета, он расслышал ее вопрос:

— У вас нет аллергии на дерьмо или рвоту? Тут вы этого насмотритеесь.

— О Боже, — прошептал Луис и закрыл глаза. Но он смеялся. Эта грубая дама говорила правду.

Луис начал заполнять длинные списки имущества, наличия лекарств и оборудования («Каждый год, — жаловался Стив Мастертон, — каждый чертов год одно и то же. Почему просто не написать: «Комплект оборудования для

пересадки сердца, стоимость восемь миллионов долларов?» Вот бы они удивились!»), и совершенно запутался в них, мечтая о чашке кофе, когда откуда-то из фойе раздался крик Мастертона:

— Луис! Эй, Луис, идите сюда! У нас несчастье!

Панические нотки в голосе Мастертона заставили Луиса поспешить. Он сорвался со стула, как будто ожидал чего-то подобного. Оттуда, откуда шел голос Мастертона, раздался визг, высокий и резкий, как звон разбитого стекла, а следом звук пощечины и голос Чарлтон:

— Заткнись или убирайся к черту! Замолчи немедленно!

Луис ворвался в комнату и прежде всего увидел кровь. Ее было очень много. Одна из медсестер рыдала, другая, бледная, как сметана, прижала кулаки ко рту, растянув губы в кошмарной ухмылке. Мастертон стоял на коленях, пытаясь поднять голову парня, распростертого на полу.

Стив посмотрел на Луиса расширенными от страха глазами. Он попытался что-то сказать, но не смог. Люди, толпящиеся у входа, заглядывали внутрь, пытаясь что-либо увидеть. Луису представился гротескный образ: дети, смотрящие телевизор, пока мама не ушла на работу. Старое шоу «Сегодня» с Дэйвом и Фрэнком Блэр и добрым старым Дж. Фредом Муггсом. Он огляделся и заметил, что и у окон толпятся люди. С дверями он ничего не мог поделать, но...

— Закройте шторы, — обратился он к медсестре, которая визжала. Когда она не подчинилась, Чарлтон шлепнула ее по заду.

— Ты что, не слышишь?

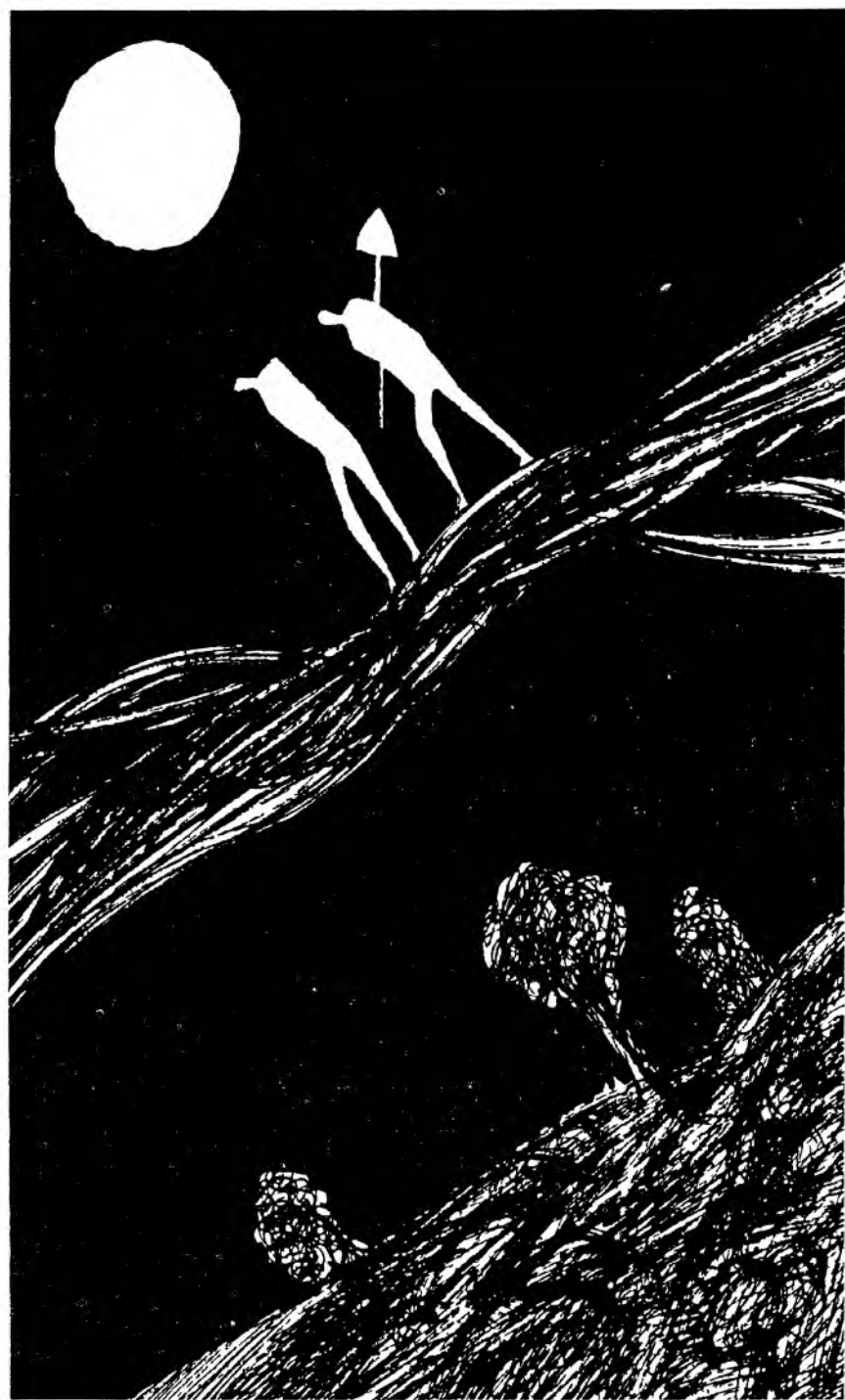
Сестра взялась за механизм. Через минуту зеленые шторы закрыли окна. Чарлтон и Мастертон инстинктивно витали между парнем на полу и дверями, заслоняя его от зрителей.

— Принести носилки, доктор? — спросила Чарлтон.

— Несите, если хотите, — сказал Луис, стоящий позади Мастертона. — Я еще не видел, что с ним.

— Иди сюда, — велела Чарлтон девушке, которая все еще держалась за шторы. Она посмотрела на Чарлтон и всхлипнула.

— О, ах!

— Да-да, «о, ах» самое подходящее тут слово. Иди сюда! — она рванула медсестру к себе, отчего у той взметнулась юбка в красно-белую полоску.

Луис приступил к осмотру своего первого пациента в Мэнском университете.

Это был молодой человек, лет двадцати, и Луис поставил ему диагноз за пару секунд: он умирал. Половина головы у него была снесена. Шея сломалась. Одна из ключиц прорвала кожу и торчала справа. Из головы на ковер обильно стекали кровь и желтая, напоминающая гной, жидкость. Луис мог видеть его мозг, серовато-белый, пульсирующий сквозь дыру в черепе. Это было как смотреть через разбитое окно. Дыра была шириной около пяти сантиметров; если бы в голове у него сидел ребенок, он мог бы вылезти через это отверстие, как Афина из головы Зевса. Казалось невероятным, что он до сих пор жив. Неожиданно он вспомнил слова Джуда Крэндалла: «Вы могли чувствовать, как она колотит вас по жопе», — и его матери: «Смерть есть смерть». Он почувствовал безумное желание рассмеяться. Смерть есть смерть, на самом деле. Все верно.

— Беги за машиной, — бросил он Мастертону.

— Луис, машина же...

— Ах, черт, — сказал Луис, хватаясь за голову. Он поглядел на Чарлтон. — Джоан, что вы делаете в таких случаях? Звоните в полицию или в госпиталь?

Джоан тоже выглядела взволнованной — большая редкость для нее. Но голос ее звучал четко.

— Доктор, я не знаю. При мне таких ситуаций никогда не возникало.

Луис подумал: «Надо вызвать полицию. Нельзя ждать, пока из госпиталя придет их машина.»

— Может, отвезти его в Бангор на пожарке? У них, во всяком случае, есть сирена. Джоан, попробуйте их вызвать.

Она вышла, но он успел перехватить ее печальный взгляд и понял его причину. Этот молодой человек, крепкий и мускулистый — может быть, работавший летом маляром или дорожником, — и одетый только в красные спортивные шорты с белыми полосами, должен был умереть

в любом случае. Он умер бы, даже если бы их машина была на ходу.

Но он еще двигался. Глаза его мигнули и открылись. Голубые глаза, радужная оболочка залита кровью. Он слепо водил ими вокруг. Лежащий пытался пошевелить головой, и Луис удержал его от этого, подумав о его сломанной шее. Видимо, травма мозга не устраняла боли.

«Дырка в голове, Боже мой, у него дырка в голове.»

— Что с ним случилось? — спросил он Стива, подумав, что вопрос звучит довольно глупо. Вопрос стороннего наблюдателя. Но дырка в голове парня подтверждала: ему осталось только наблюдать. — Его привезла полиция?

— Какие-то студенты принесли его на одеяле. Не знаю, что там было.

Надо было предпринять следующий шаг. Это тоже входило в его обязанности.

— Пойди найди их, — сказал Луис. — Проведи через другую дверь. Мне хочется с ними поговорить, но не хочу, чтобы они это видели.

Мастертон с явным облегчением направился к двери и открыл ее, впустив хор взволнованных, испуганных, любопытных голосов. Луис услышал и вой сирены. Полиция была уже здесь. Луис почувствовал странное облегчение.

Умиравший издал булькающий звук. Он пытался что-то сказать. Луис слышал звуки, но слова нельзя было разобрать.

Луис нагнулся и сказал:

— Все будет хорошо, парень. — Говоря это, он подумал о Рэчел и Элли, и в желудке у него заурчало. Он зажал рот рукой.

— Гааа, — сказал молодой человек. — Гаааааа...

Луис оглянулся и увидел, что остался с умирающим один на один. За дверью он слышал, как Чарлтон кричала медсестрам, что носилки лежат в комнате номер два. Луис сомневался, что они знают, где это: они работали первый день. Замечательное вступление в мир медицины! Зеленый ковер на полу был теперь посередине грязно-кровавым на том месте, где лежала голова умирающего, мозговая жидкость, к счастью, больше не вытекала.

— Кладбище домашних живо... — простонал парень... и улыбнулся. Эта улыбка была поразительно схожей с истерической ухмылкой одной из медсестер. Луис уставился на него, не поверив своим ушам. Потом он подумал, что это слуховая галлюцинация. «Он произнес несколько звуков, и мое подсознание соединило их в нечто связное в соответствии с мыслями.» Но произошло другое, и он понял это. Безумный страх приковал его к месту, по коже прошла дрожь... но даже тогда он отказывался верить услышанному. Да, окровавленные губы умирающего прошептали какие-то звуки, но это тоже могла быть галлюцинация.

— Что вы сказали? — пробормотал он.

И тут прозвучали, четко, как у попугая или говорящей вороны, слова:

— Это не простое кладбище.

Глаза, залитые кровью, были слепы; рот кривился в мертвой усмешке.

Ужас сжал сердце Луиса холодными руками и сдавил. Ему нестерпимо захотелось бежать из этого лазарета, от окровавленной головы на полу. У него не было глубоких религиозных познаний, не было веры в потусторонние силы. Он оказался не готов к тому, с чем столкнулся... что бы это ни было.

Борясь с желанием бежать, он склонился еще ниже.

— Что вы сказали? — спросил он еще раз.

Усмешка.

— Земля тверже человеческого сердца, Луис, — прошептал умирающий. — Человек растит, что он может... и пожинает плоды.

«Луис, — подумал он, не поняв сначала всего остального. — О Боже, откуда он знает мое имя?»

— Кто вы? — спросил Луис дрожащим голосом. — Кто вы?

— Индеец... принес мне рыбу.

— Откуда вы знаете мое...

— Слушай. Ты...

— Вы...

— Гааа, — сказал молодой человек, и Луису показалось, что он чувствует в его дыхании запах смерти, разложения, распада.

— Что? — Луису захотелось потрясти его.

— Гаааааааа...

Молодой человек в красных шортах начал дергаться. Внезапно его мускулы напряглись. Отсутствующее выражение глаз пропало; он, казалось, искал взглядом Луиса. Потом все исчезло. Луис подумал, что он заговорит снова, но глаза снова подернулись мутиью... и начали гаснуть. Человек был мертв.

Луис сел, чувствуя, как одежда прилипает к телу; он насквозь пропотел. Темнота закрыла ему глаза, мир начал медленно кружиться вокруг него. Медленно осознавая, что произошло, он отвернулся от мертвеца, спрятал голову в колени и до крови сдавил ногтями десны.

Через какое-то время все опять прояснилось.

13

После комната наполнилась людьми, словно они все ждали за дверью. Это еще усугубило охватившее Луиса чувство нереальности и дезориентации, о котором он читал в учебниках психологии, но никогда не испытывал, и это чувство еще больше его напугало. Ему казалось, что именно так должен чувствовать себя человек после большой дозы ЛСД.

«Как в бенефисе знаменитого актера, — подумал он. — Вначале сцена очистилась, чтобы умирающая Сивилла могла изречь пророчество, а потом входят статисты.»

Появились медсестры, волоча тяжелые носилки. Следом шла Чарлтон, сказавшая, что полиция уже кое-что выяснила. Молодого человека сбила машина, когда он ехал на мотоцикле. Луис вспомнил о мотоциклистах, которых он встретил по пути.

За спиной Чарлтон стоял Стив Мастертон с двумя университетскими полицейскими.

— Луис, ребята, которые его принесли... — он прервался и тревожно спросил. — Луис, с вами все в порядке?

— Да-да, — сказал Луис, вставая. Его шатало. — Так как его звали?

Один из полицейских ответил:

— Виктор Паскоу. Это сказала девушка, которая ехала с ним на мотоцикле.

Луис взглянул на часы и отнял две минуты. Из комнаты, куда Мастертон завел свидетелей, он слышал рыдания девушки. «Добро пожаловать в школу, леди, — подумал он. — Учитесь хорошо.»

— Мистер Паскоу умер в десять часов девять минут, — сказал он.

Один из полицейских вытер рот ладонью.

Мастертон опять сказал:

— Луис, что с тобой? У тебя ужасный вид.

Луис открыл рот для ответа, когда одна из сестер неожиданно выронила носилки и бросилась прочь. По пути ее рвало в фартук. Зазвонил телефон.

Девушка, которая рыдала, теперь принялась выкрикивать имя умершего: «Вик! Вик! Вик!» — еще и еще. Бедлам. Один из полицейских спросил, могут ли они забрать ковер, и Чарлтон ответила, что не имеет права своей властью разрешить подобную реквизицию. Луис подумал в стиле Мориса Сендака: «Пусть все горит огнем!»

В его глотке опять родилось сдавленное хихиканье, но он смог его подавить. Действительно ли этот Паскоу произнес слова: «Кладбище домашних животных»? Называл ли он его по имени? Эти вопросы сбивали его с толку, сводили с ума. Но сознание уже обволакивало их успокоительным покровом. Конечно же, он говорил что-то другое (если вообще говорил). А Луис в шоке придал его словам неверный и невозможный смысл. Скорее всего Паскоу просто произносил бессвязные звуки, как он и думал с самого начала.

Луис мобилизовал все силы, все те качества, из-за которых администрация отдала ему эту работу, отвергнув еще пятьдесят трех претендентов. Вокруг не было никакого порядка; люди переходили с места на место.

— Стив, дай этой девушке успокоительное, — сказал он, и тут же почувствовал себя лучше. Иррационализм происшедшего куда-то отодвинулся. Луис снова мог принимать решения.

— Джоан. Отдайте им ковер.

— Доктор, как мы его запи...

— Все равно отдайте. Потом отпустите ту сестру, — он поглядел на другую медсестру, которая еще держала свой край носилок. Она смотрела на тело Паскоу, как загипнотизированная.

— Сестра! — громко сказал Луис, и она оторвала взгляд от трупа.

— Д-д-д...

— Как зовут другую девушку?

— К-к-кого?

— Ту, которую тошнило, — жестко выговорил он.

— Джу-Джуди. Джуди Делессио.

— А вас?

— Карла, — теперь голос девушки был чуть потверже.

— Карла, приведите сюда Джуди. И уберите этот ковер. Сверните и уберите в кладовку за смотровой. Идите все. Дайте поработать специалистам.

Все задвигались. Скоро стихли крики в соседней комнате. Телефон, который было замолчал, зазвонил опять. Луис нажал на рычаг, не снимая трубки.

Старший из полицейских выглядел более дружелюбным, и Луис обратился к нему:

— Ну, что вы установили? Наверно, для вас это тоже неожиданно?

Полицейский кивнул и сказал:

— Да, за шесть лет это первый случай. Не очень-то хорошо начинается семестр.

— Еще бы, — сказал Луис. Он подошел к телефону и поднял трубку.

— Алло! Кто это... — начал возмущенный голос, но Луис, не слушая, набрал номер.

14

Суэта продолжалась до четырех дня, когда Луис и глава университетской полиции Ричард Ирвинг сделали заявление для прессы. Молодой человек, Виктор Паскоу, ехал на мотоцикле с двумя другими, в числе которых была его невеста. Машина, управляемая Тремонтом Уитерсом, двадцати трех

лет, шла по дороге из Ленгиллской женской гимназии к центру кампуса на скорости, превышающей допустимую.

Машина сбила Паскоу и ударила его головой о дерево. Паскоу доставили в госпиталь его друзья и двое прохожих. Он умер через несколько минут. Уитерс был задержан за убийство.

Редактор студенческой газеты спросил, можно ли сказать, что Паскоу умер от травмы головы. Луис, думая об окошке, через которое он видел мозг, сказал, что предоставляет установить это судебному эксперту графства Пеннобскот. Редактор спросил еще, не могли ли четверо молодых людей, принесших Паскоу в лазарет на одеяле, каким-либо образом ускорить его смерть.

— Нет, — ответил Луис. — Вовсе нет. По моему убеждению, мистер Паскоу был смертельно ранен в момент удара.

Были и еще вопросы, хотя немного, но этот ответ закончил пресс-конференцию. Потом Луис сидел в своем кабинете (Стив Мастертон ушел час назад, сразу после пресс-конференции — чтобы успеть к вечерним новостям, подумал Луис), пытаясь как-то осознать случившееся за этот день, набросить на него хоть какой-то покров обыденности. Они с Чарлтон просмотрели карты «группы риска» — студентов, угрюмо продолжающих учиться, невзирая на тяжкие недуги. В эту группу входили двадцать три диабетика, пятнадцать эпилептиков, четырнадцать парализованных и другие: студенты с лейкемией, с церебральным параличом и мускульной дистрофией, слепые, двое глухих и один случай клеточной анемии, который Луис еще никогда не встречал.

Может быть, спокойнее всего в этот день был момент после ухода Стива. Чарлтон вошла и положила на стол Луиса розовую записку. «Ковер из Бангора будет завтра в 9.00», — прочитал он.

— Ковер?

— Его же надо заменить, — сказала она твердо. — Нельзя оставлять это пятно, доктор.

Нет, конечно. Если бы он каждый раз глядел из-за своего стола на это розовое пятно, то он вряд ли просидел бы здесь долго.

Он уже почти успокоился, когда миссис Бейлингс, ночная сиделка, сунула голову в дверь и сказала:

— Ваша жена звонит, доктор Крид.

Луис поглядел на часы и увидел, что уже полшестого; он должен был уйти полтора часа назад.

— Хорошо, Нэнси. Спасибо.

Он поднял трубку.

— Привет, дорогая. Я как раз...

— Луис, с тобой все в порядке?

— Да, конечно.

— Я слышала по новостям, Лу. Мне так жаль, — она прервалась. — По радио. Они передавали, как ты отвечал на какой-то вопрос. Звучало это очень солидно.

— Да? Я рад.

— Но ты уверен, что с тобой все нормально?

— Да, Рэчел. Все хорошо.

— Приезжай, — сказала она.

— Да-да, еду. — Дом казался ему спасением.

15

Она встретила его в дверях, и у него просто отвалилась челюсть. Она была в лифчике сеточкой, который ему так нравился, в полупрозрачных трусиках и... больше ни в чем.

— Выглядишь просто прелестно, — сказал он. — А где дети?

— Мисси Дэнбридж взяла их. Мы одни до восьми тридцати... то есть, у нас два с половиной часа. Не будем терять их зря.

Она прижалась к нему. Он ощутил дивный аромат — розовое масло, что ли? Он обнял ее, сперва за талию, потом его руки дошли до ягодиц в то время, как ее язык вытанцовывал между его губ, все глубже забираясь в рот.

Наконец они разняли губы, и он несколько хриплым голосом осведомился:

— Ты ужинала?

— Только десерт, — и она принялась медленно тереться низом живота о его пах, постепенно наращивая скорость. — Но обещаю, что накормлю тебя только тем, что тебе по вкусу.

Он потянулся к ней, но она отстранилась.

— Сперва наверх, — сказала она.

Она подвела его к горячей ванне, медленно раздела и окунула в воду. Затем взяла жесткую губку, обычно без дела висящую на двери, густо намылила его и принялась тереть. Он чувствовал, как весь этот день — дьявольски трудный первый день, — смывается с него вместе с потом. Она сама вымокла, и трусики облегали ее, как вторая кожа.

Луис попытался вылезти, но она мягко толкнула его обратно.

— Что...

Она осторожно сжала его губкой — осторожно, но с едва заметным трением, вверх-вниз.

— Рэчел... — его прошиб пот, и не только от горячей воды.

— Тсс...

Это длилось почти вечность — когда блаженство достигло предела, рука,двигающая губку, замерла. Потом снова принялась сжимать и тереть, пока он не кончил с такой силой, что почувствовал боль в барабанных перепонках.

— О Господи, — сказал он, когда снова смог говорить. — Где тебя этому научили?

— В скаутах, — ответила она жеманно.

Она приготовила бефстроганов, который разогревался во время сцены в ванной, и Луис еще в четыре дня думавший, что захочет есть не раньше Хэллуина, с аппетитом съел две порции.

Потом она снова повела его наверх.

— Вот теперь, — сказала она, — покажи, что ты для меня можешь сделать.

Луис подумал, что все кончилось не так уж плохо.

После Рэчел надела свою старую пижаму, а Луис натянул фланелевую рубашку и почти бесформенные штаны, которые она именovala не иначе как «ветошь», и так пошел за детьми.

Мисси Дэнбридж хотела узнать о происшествии, и он рассказал ей немного, меньше, чем она могла назавтра прочитать в «Бангор дейли ньюс». Он чувствовал себя сплетником, но Мисси не брала денег за сидение с детьми, он был благодарен ей за чудесный вечер, доставшийся им с Рэчел, и решил отблагодарить хотя бы таким образом.

Гэдж уснул еще до того, как Луис прошел мимо, отделяющую дом Дэнбриджей от его собственного, да и Элли уже зевала. Он переодел малыша и уложил его в кроватку. Потом он почитал Элли книжку. Как обычно, она потребовала «Где живут дикари», но Луис уговорил ее согласиться на «Кота в шляпе». Она уснула через пять минут, и Рэчел подоткнула ей одеяло.

Когда он спустился вниз, Рэчел сидела в комнате со стаканом молока. На бедре у нее лежала открытая книжка Дороти Сэйерс.

— Луис, с тобой правда все в порядке?

— Конечно, дорогая, — сказал он. — Спасибо тебе. За все.

— Мы должны жить друг для друга, — сказала она, улыбаясь довольно весело. — Ты не пойдешь к Джуду выпить пива?

Он покачал головой.

— Ты что? Я совсем вымотался.

— Надеюсь, я смогла тебя хоть немного взбодрить?

— По-моему, да.

— Тогда налей себе молока, док, и пошли спать.

Он думал, что не сможет заснуть после всего пережитого за день, но стал медленно погружаться в сон, будто спускаясь по гладкой поверхности. Он читал где-то, что у среднего человека уходит всего семь минут на то, чтобы стереть все впечатления дня. Семь минут на обновление сознания и подсознания, как смена мишеней в тире. Во всем этом было что-то жуткое.

Он уже почти заснул, когда Рэчел откуда-то издалека произнесла: «...послезавтра».

— Ммм?

— Джоландер. Ветеринар. Он заберет Черча послезавтра.

— Ааа, — «Черч. Прощайся со своими яйцами, старина Черч.» Тут он окончательно заснул, крепко и без сновидений.

16

Что-то разбудило его позднее, какой-то шум, заставивший присесть в кровати, раздумывая, то ли это Элли упала на пол, то ли сломалась кровать Гэджа. Тут луна вышла из-за туч, осветив комнату холодным белым сиянием, и он увидел стоящего в двери Виктора Паскоу. Шум раздался, когда Паскоу открывал дверь.

Он стоял там, со своей проломленной с левой стороны головой. Кровь у него на лице засохла, и он стал похож на индейца в боевой раскраске. Белела сломанная ключица. Он усмехался.

— Пойдем, доктор, — сказал Паскоу. — Нам нужно сходить в одно место.

Луис оглянулся. Жена его спала мирным сном, свернувшись под желтым одеялом. Он снова поглядел на Паскоу, который умер, но стоял тут, живой. Луис не испугался. Он почти сразу понял, почему.

«Это сон, — подумал он с облегчением, что не нужно опять бояться. — Мертвые не возвращаются. Это физиологически невозможно. Этот молодой человек сейчас в Бангоре, на столе у патологоанатома. Может быть, тот положил ему мозг в грудную клетку после анализа ткани, а черепную коробку проложил бумагой — это легче, чем запихивать мозг обратно в череп, как деталь из конструктора.» Дядя Карл, отец несчастной Рути, говорил ему, что патологоанатомы иногда так делают, и еще всякое, что могло бы вызвать у Рэчел, с ее страхом смерти, непреодолимый ужас. Но Паскоу не было здесь. Он лежал в холодильнике, с биркой на ноге. «И уж во всяком случае, с него сняли те дурацкие красные шорты.»

Однако встать было необходимо. Паскоу смотрел прямо на него.

Он откинул одеяло и спустил ноги на пол. Ковер, свадебный подарок от бабушки Рэчел, впился холодным ворсом ему в пятки. Сон был потрясающе реальным.

Настолько реальным, что он не решался последовать за Паскоу, пока тот не повернулся и не пошел назад. Луис не хотел, чтобы его касался живой мертвец, пусть даже во сне.

Шорты Паскоу блестели в лунном свете.

Они прошли через комнату, через столовую, через кухню. Луис ожидал, что Паскоу отодвинет засов двери, отделяющей кухню от пристройки, где стояли старый «форд» и «сивик», но Паскоу не стал этого делать. Вместо того, чтобы открыть дверь, он просто прошел сквозь нее. Луис, глядя на это, подумал: «Вот как просто! Наверно, любой может это сделать».

Он попробовал — и был слегка удивлен, натолкнувшись на деревянную преграду. Даже во сне он оказался твердолобым реалистом. Луис нажал на кнопку замка, поднял засов и прошел в гараж. Паскоу там не было, и Луис не удивился бы, если бы тот просто исчез. В снах это часто бывает. Может быть, исчезновение Паскоу знаменует собой начало следующего акта.

Но как только Луис вышел из гаража, он снова увидел его, стоящего в лучах луны на краю лужайки — там, где начиналась тропа.

Теперь пришел страх, мягко вползающий в душу, обволакивающий ее удушливым дыханием. Он не хотел идти туда. Он остановился.

Паскоу оглянулся через плечо, и глаза его в лунном свете показались серебряными. Луис почувствовал холодный безнадежный ужас. Сломанная ключица, полосы засохшей крови на лице. Но хуже всего были эти глаза. Во сне он не мог ни сопротивляться, ни изменить что-либо... как не мог изменить факт смерти Паскоу. Можно учиться двадцать лет, и все равно ты не сможешь помочь человеку с дыркой в черепе. Тут у тебя не больше возможностей, чем у водопроводчика или вызывателя дождя.

И, пока все эти мысли мелькали в его мозгу, он ступил на тропу и пошел вслед за шортами Паскоу, которые отсвечивали красным, как и засохшая кровь на его лице.

Ему не нравился этот сон. Совсем не нравился. Он был чересчур реален. Холодный ворс ковра, то, что он не мог пройти через дверь, как это бывает во сне... и теперь роса

под его босыми ногами, и ночной ветерок, обдувающий тело. Когда начались деревья, он почувствовал под ногами хвою... еще одна деталь, слишком реальная для сна.

«Не думай об этом. Ты дома, в своей постели. Это всего лишь сон, неважно, насколько он правдоподобен. Как все другие сны, утром он покажется тебе смешным.»

Сухая ветка больно оцарапала ему руку, и он вздрогнул. Впереди двигалась неясная тень Паскоу, и ужас Луиса отлился теперь в одну четкую мысль: «Я иду по лесу вслед за мертвецом. Я иду за мертвецом на Кладбище домашних животных, и это не сон. Господи, спаси, это не сон. Это наяву».

Они вышли к лесистому холму. Путь плавно изогнулся среди деревьев и углубился в подлесок. Теперь земля у него под ногами превратилась в холодный кисель, чавкающий, засасывающий. Он чувствовал, как грязь просачивается между пальцев.

Он тщетно попытался проснуться.

Никаких результатов.

Они достигли поляны, и луна снова показалась из-за облаков, озарив Кладбище призрачным светом. Памятники — доски и куски жести, выпрошенные у родителей и неуклюже обработанные ножницами и молотком, вырисовывались четко, в трех измерениях, отбрасывая густые тени.

Паскоу остановил возле «кота Смэки, он был послушным» и повернулся к Луису. Ужас нарастал по мере того, как увеличивалось мягкое, но непреклонное давление на его мозг. Паскоу усмехался. Окровавленные губы раздвинулись, обнажив зубы; обезображенное лицо под луной светилось мертвенной белизной.

Он поднял руку и указал на что-то. Луис поглядел туда и застонал. Глаза его расширились, и он поднес кулаки ко рту. Щеки его были мокрыми, и он осознал, что плачет от предельного ужаса.

Валежник, от которого Джуд Крэндальл отозвал Элли, превратился в груды костей. Кости шевелились. Они шуршали и щелкали, челюсти, зубы, бедра, ключицы; он видел ухмыляющиеся черепа людей и животных. Кости ног сгибались и разгибались в суставах.

И они шевелились; они ползали.

Паскоу подошел к нему; окровавленное лицо блестело в лунном свете, и остатки сознания Луиса свелись к навязчивой мысли: «Ты должен закричать, чтобы проснуться; неважно, что ты скажешь Рэчел, Элли, Гэджу, соседям, ты должен закричать, чтобы проснуться, закричать чтобы проснутьсязакричатьчтобы...»

Но он смог только слабо прохрипеть. Такой звук мог издать мальчик, не научившийся еще свистеть.

Паскоу подошел еще ближе и заговорил.

— Нельзя открывать дверь, — сказал он. Он смотрел на Луиса сверху, потому что тот упал на колени. Выражение его лица Луис принял сперва за сочувствие. Но это, конечно, было не сочувствие; просто холодное упорство. Тут он показал на шевелящиеся кости. — Не ходи туда, как бы тебе этого ни хотелось. Нельзя разрушать этой границы. Помни: там больше силы, чем ты думаешь. Это древняя сила, и она не знает покоя. Помни об этом.

Луис снова попытался закричать, но не смог.

— Я пришел, как друг, — сказал Паскоу, но было ли «друг» тем словом, что он действительно сказал? Луис не знал этого. Паскоу словно говорил на иностранном языке, который Луис понимал каким-то чудом... и вместо слова «друг» Паскоу употребил какое-то другое слово, которое Луис не мог перевести. — Помни, что твоя гибель и гибель всех, кого ты любишь, совсем близко. — Он подошел к Луису вплотную, и можно было чувствовать исходящий от него запах смерти.

Паскоу, говорящий с ним.

Тихое, безумное щелканье костей.

Луис попытался отодвинуться от мертвеца и зацепил памятник, который повалился на землю. Лицо Паскоу опустилось вниз.

— Доктор, помни.

Луис опять попробовал закричать, и мир завертелся вокруг — но он все еще слышал щелканье шевелящихся костей в тишине ночи.

На то, чтобы заснуть, в среднем уходит, если верить учебнику физиологии, семь минут; на то, чтобы проснуться — от пятнадцати до двадцати. Как будто вы спите в воде, из которой труднее вылезти, чем в нее погрузиться. Пробуждение проходит через несколько стадий, от глубокого сна до легкой дремоты, при которой спящий уже слышит звуки и даже может отвечать на вопросы... но фрагменты сна могут еще присутствовать.

Луис слышал щелканье костей, но постепенно звук стал более резким, более металлическим.

Звон... или вопли?.. Что-то покатилося. «Ну вот, — промелькнуло у него в голове, — кости рассыпались».

Он услышал голос дочери, зовущей:

— Гэдж, лови! Лови!

Вслед за этим послышались радостные вопли Гэджа, после которых Луис открыл глаза и увидел потолок собственной спальни.

Он все время был дома, у себя в комнате. Все это сон. Пускай ужасный, пускай до безумия реальный — это был сон. Только отголоски его подсознания.

Металлический звук возник опять. Это каталась одна из игрушечных машинок Гэджа.

— Гэдж, лови!

— Лови! — запищал Гэдж. — Лови-лови-лов-и!

Бум-бум-бум. Маленькие ножки Гэджа простучали по полу. И он, и Элли хохотали.

Луис поглядел направо. Рэчел не было, одеяло заправлено. Солнце поднялось уже высоко. Он посмотрел на часы и увидел, что уже восемь. Рэчел не разбудила его... скорее всего, нарочно.

В отличном состоянии это рассердило бы его, но сейчас ему было не до того. Он сделал глубокий вдох и вытянулся на кровати, вбирая в себя блаженство реального, пронизанного солнцем мира. В солнечном луче танцевали пылинки.

Рэчел позвала снизу:

— Элли, иди завтракать, скоро придет автобус.

— Сейчас! — Топот ног. — Вот твоя машинка, Гэдж. Я пошла.

Гэдж недовольно захныкал. Хотя разобрать было трудно — слышалось только «Гэдж», «бибика» и «элли-бус», — он, без сомнения, требовал, чтобы Элли осталась. Ему она нужнее, чем дошкольному образованию.

Снова голос Рэчел:

— Иди попрощайся с папой, Элли.

Элли вошла в комнату в своем красном платице, волосы ее были завязаны в хвост.

— Я сейчас встану, малышка, — сказал он. — Иди, а то опоздаешь.

— Пока, папа! — она вбежала, чмокнула его в небритую щеку и бросилась вниз.

Сон начал терять очертания, отступать. Но он еще не исчез.

— Гэдж! — позвал он. — Иди поцелуй папу!

Гэдж игнорировал призыв. Он со всей возможной скоростью последовал за Элли, повторяя «лови-лови-лови» во всю силу легких. Луис заметил его неуклюжую маленькую фигурку в распашонке и штанишках.

Рэчел опять подала голос:

— Луис, где ты там? Проснулся?

— Да, — ответил он, садясь в кровати.

— Я пошла. Пока! — голос Элли, и вслед за этим скрип входной двери и рев Гэджа.

— Тебе одно яйцо или два? — спросила Рэчел.

Луис откинул одеяло и ступил на ворс ковра, готовясь сказать, что он не хочет яиц, только овсянки... и слова замерли у него на губах.

На ногах его налипла грязь и хвоя.

Сердце подпрыгнуло к горлу, как чертик в коробочке. Глаза вылезли на лоб, зубы непроизвольно прикусили язык. Он поднял одеяло. Простыни были мокрыми и грязными.

— Луис?

Он увидел на коленях сосновые иглы и внезапно взглянул на правую руку. Там была царапина, свежая царапина, от сухой ветки, оцарапавшей его... во сне.

«Я сейчас закричу.»

Холодный страх опять затопил его сознание. Реальность исчезла. Реальностью было вот это — хвоя, грязь на простынях, кровоточащая царапина на руке.

«Я сейчас закричу, а потом свихнусь и смогу ни о чем этом не думать.»

— Луис? — Рэчел стояла внизу у лестницы. — Ты что, опять заснул.

Какое-то время он боролся с собой, собирал в кулак все свои силы, как в тот момент, когда умирающего Паскоу принесли в лазарет на одеяле. Он победил. Победила мысль, что она не должна видеть его таким, с грязными ногами, с выпученными глазами, раздавленного страхом.

— Иду, — сказал он бодрым голосом. Язык ворочался с трудом, но сознание работало, и он вдруг подумал о том, как же близко к повседневной жизни находится безумная иррациональность.

— Одно яйцо или два? — спросила она во второй или третий раз. Слава Богу.

— Два, — сказал он, почти не сознавая, что говорит. — Яичницу.

— Хорошо, — сказала она, снова спускаясь вниз.

Он закрыл глаза, но в темноте перед ним снова предстал серебряный взгляд Паскоу. Он открыл глаза опять и быстро, как можно быстрее, чтобы отогнать мысли, направился в ванную, захватив с собой грязные простыни. Их он по дороге запихнул в корзину.

Почти бегом он вошел в ванную, пустил горячую воду и смыл грязь с ног и коленей.

Теперь он чувствовал себя лучше, по крайней мере, мог себя контролировать. Его поразила мысль, что так ведут себя убийцы, считающие, что скрыли все следы преступления. Он даже засмеялся. Он вытирался полотенцем и смеялся, не в силах остановиться.

— Эй, иди сюда! — позвала Рэчел. — Что это тебя так развеселило?

— Вспомнил старую шутку, — ответил Луис, продолжая смеяться, несмотря на испуг. Смех вырывался из его губ тяжело, как камни, ударяющиеся о стену. Он подумал, как хорошо поступил, запихнув простыни в корзину с грязным

бельем. Рэчел ни в коем случае не должна их увидеть, пока они снова не окажутся на постели — чистыми. Стирала их Мисси Дэнбридж. Он заколебался, не скажет ли она Рэчел о своем открытии, но потом успокоился. Представив только, как Мисси шепотом сообщает мужу о странных сексуальных играх Кридов, которые подразумевают посыпание постели грязью и хвоей.

Эта мысль вызывала у него все больший смех.

Последние смешки стихли, пока он одевался, и он осознал, что чувствует себя лучше. Он не понимал, как это возможно, но это было так. Комната имела нормальный вид, если не считать растерзанной постели. Он быстро заправил ее.

«Может быть, именно так ведут себя люди при встречах с необъяснимым, — подумал он. — Может, так и надо себя вести, сталкиваясь с иррациональным, выходящим за грань нормальных причин и следствий нашего нормального мира. Может, так ты будешь реагировать и на летающую тарелку, что пролетит однажды над твоим домом, отбрасывая маленькую черную тень, и на дождь из лягушек, и на руки из-под кровати, которые среди ночи вдруг ухватят тебя за ногу. Можно смеяться или плакать... но, если ты хочешь оставаться собой и сохранить рассудок, научись не замечать эти ужасы, как камни в почках.»

Гэдж сидел на своем стульчике, поедая какао и обильно поливая им стол. Он измазал какао и пол под стулом.

Рэчел вышла из кухни с яичницей и чашкой кофе.

— Так что это за шутка, Лу? Ты смеялся, как приведение. Я даже испугалась.

Луис открыл рот, не зная, что сказать, и тут вспомнил шутку, которую услышал неделю назад в магазине — про еврея-портного, купившего попугая, который знал только одну фразу: «Ариэль Шарон свихнулся».

Когда он закончил, Рэчел тоже смеялась, и Гэдж тут же присоединился к матери.

«Замечательно. Наш герой сумел объяснить все — и грязные простыни, и смех в ванной. А теперь он читает утреннюю газету — или делает вид, чтобы никто ничего не заметил.»

Думая так, Луис развернул газету.

«Только так, — думал он с неизъяснимым облегчением. — Как камень в почках, и все... и рассказывать об этом можно только у камина, сидя с друзьями, когда за окном темно, и поднимается ветер, и разговор заходит о необъяснимом. Таким рассказам грош цена.»

Он съел яичницу. Поцеловал Рэчел и Гэджа. Поглядел, выходя, на белый бак с грязным бельем. Все было о'кей. Стояло по-летнему теплое спокойное утро, и все было о'кей. Он прошел мимо тропы, когда направлялся к гаражу, но ничего не случилось. Он не обращал внимания.

Все было о'кей, пока он не проехал десять миль, а потом его так затрясло, что он был вынужден свернуть с дороги и остановиться на пустынной утром площадке перед китайским ресторанчиком Синга недалеко от Медицинского центра восточного Мэна... где должно было лежать тело Паскоу. В центре, а не у Синга. Вик Паскоу больше не зайдет сюда отведать «му-гу гай панг».

Дрожь сотрясала его тело. Луис ощущал полную беспомощность и ужас не от страха перед чем-то непостижимым, а от сознания, что он может лишиться рассудка. Он чувствовал себя так, словно голову ему сдавливала невидимая проволока.

— Не надо, — прошептал он. — Ну пожалуйста.

Он включил радио и наткнулся на Джоан Баэз, поющую об алмазах и ржавчине. Ее мягкий, холодный голос успокоил его, и, когда песня закончилась, он смог ехать дальше.

Войдя в лазарет, он поздоровался с Чарлтон и напрямик направился в ванную, уверенный, что у него ужасный вид. Ничего подобного. Под глазами были небольшие синяки, но этого не заметила даже Рэчел. Он смочил лицо холодной водой, пригладил волосы и вышел.

В его кабинете сидели Стив Мастертон и индеец-врач Сурендра Харду, которые пили кофе и просматривали карты «группы риска».

— Привет, Лу, — сказал Стив.

— Доброе утро.

— Надеюсь, сегодня не будет такого, как вчера, — сказал Сурендра.

— Да уж, мы все перенервничали.

— У Сурендры тоже были приключения этой ночью, — сказал Стив, ухмыляясь. — Расскажи ему.

Харду протер очки и улыбнулся.

— В час ночи двое парней притащили свою подружку. Она была совсем пьяная, отмечали начало учебы, понимаешь? Она оцарапала бедро довольно глубоко, но я сказал, что ничего страшного нет. Тогда она попросила перевязать, ну и я...

Сурендра нагнулся над воображаемым бедром. Луис тоже начал улыбаться, сообразив что произошло.

— Ну и, когда я нагнулся, она наблевала мне прямо на голову.

Мастертон прыснул, и Луис вслед за ним. Харду вежливо улыбался, как будто это случалось с ним тысячи раз в тысячах жизней.

— Сурендра, с какого часу ты здесь? — спросил Луис.

— С полуночи. Я уже закончил. Но я жду, когда ты меня отпустишь.

— Что ж, иди, — сказал Луис, пожимая его маленькую коричневую руку. — Иди домой спать.

— Мы уже почти просмотрели карты, — сказал Мастер-тон. — Благодарю Бога, Сурендра.

— Воздержусь, — улыбаясь, ответил Харду. — Я ведь не христианин.

— Тогда спой «Харе Кришна» или что-нибудь такое.

— Всего хорошего, — сказал Харду, продолжая улыбаться, и вышел.

Луис и Стив какое-то время смотрели ему вслед, а потом поглядели друг на друга и рассмеялись. Для Луиса этот смех был просто необходим.

— Ну вот, с «группой риска», считай, покончили, — сказал Стив. — Теперь пора разобраться с наркоманами.

18

Когда в десять часов не явился агент фирмы по продаже лекарств, которого они ждали, он позвонил в регистратуру и запросил все сведения о Викторе Паскоу. После явился агент и вместо лекарств предложил Луису сезонный билет на игры «Новоанглийских патриотов» со скидкой.

— Нет, спасибо, — сказал Луис.

— Я и не ожидал, что вы согласитесь, — сказал агент и ушел.

Днем Луис сходил в закусочную и взял сэндвич с тунцом и коку. Он перекусил в кабинете, просматривая полученные документы Паскоу. Он искал какую-либо связь с собой или хотя бы с Северным Ладлоу, где находится Кладбище домашних животных... тщетно надеясь найти рациональное объяснение всему происшедшему. Может быть, этот парень вырос в Ладлоу — может, он даже похоронил в том месте собаку или кошку.

Он не смог обнаружить никакой связи. Паскоу был родом из Бергенфилда, штат Нью-Джерси и учился на инженера-электрика. В нескольких отпечатанных листках Луис не нашел ничего, касающегося себя.

Он допил коку, слушая, как соломинка скребет по дну стакана, и выбросил мусор в ведро. Ланч был легким, но он наелся. Чувства постепенно приходили в норму, ночной кошмар казался все более далеким и нереальным.

Он полистал записную книжку и опять позвонил. На этот раз ему был нужен морг Медицинского центра.

Когда его соединили с клерком, занимающимся патологией, он представился и сказал:

— У вас там наш студент, Виктор Паскоу...

— Нет, — сказал голос. — Его уже здесь нет.

У Луиса внутри все сжалось. Наконец он выдавил:

— Что?

— Его тело прошлой ночью увезли к родителям. Приехал парень из похоронной компании и забрал. Его увезли на «Дельте», — зашуршали бумаги, — да, на «Дельте», рейс 109. А вы думали, что он сбежал на танцы?

— Да нет, — сказал Луис. — Я только... — Что «только»? Нельзя было думать об этом. Нужно забыть, стереть все из памяти. Новые вопросы могли лишь добавить неприятностей. — Я только удивился, что все так быстро, — закончил он наконец.

— Ну, его вскрыли еще вчера, — снова призрачное шуршание бумаг, — в три двадцать, доктор Ринсвик. Тем

временем его отец оформил все документы. Думаю, тело прибыло в Ньюарк в два ночи.

— Ну что ж, тогда...

— Если только они не отправили его по ошибке куда-нибудь еще. Такое бывает, но не с «Дельтой». «Дельта» всегда аккуратна. У нас был парень, который утонул во время рыбалки в графстве Аростук, возле одного из городишек, которые обозначены далеко не на всех картах. Он перебрал пива и булькнул с лодки. Приятели двое суток вытаскивали его из этой глуши, и вы догадываетесь, во что он превратился. Потом его отослали домой в Грэнд-Фоллс, штат Миннесота, и ошиблись. Сначала он попал в Майами, потом в Де-Мойн, потом в Фарго в Северной Дакоте. Наконец кто-то смекнул, но к тому времени прошло уже три дня. Парень был черный, и вонял, как протухшая свинина. Шестерым носильщикам стало плохо.

Голос на другом конце провода рассмеялся.

Луис закрыл глаза и сказал:

— Хорошо, спасибо.

— Могу дать вам домашний телефон доктора Ринсвика, если хотите, но он по утрам обычно играет в гольф в Ороно.

— Нет, не надо, — Луис повесил трубку.

«Пора кончать с этим, — подумал он. — Когда тебе снился этот дурацкий сон, тело Паскоу лежало в Бергенфилде. И все, нечего больше об этом думать.»

Пока он ехал домой, у него появилось очень простое объяснение грязных следов на постели.

Это единичный случай хождения во сне, вызванный нервным шоком от смерти студента на его глазах в первый же день работы.

Это объяснило все. Сон казался таким реальным потому, что большая часть его и было реальной, ворс ковра, роса, сухая ветка, оцарапавшая ему руку. Это объясняло и то, что Паскоу смог пройти через дверь, а он нет.

В голове у него встала картина, как Рэчел ночью сходит вниз и застаёт его колотящимся в закрытую дверь в попытке пройти сквозь нее. Эта мысль вызвала у него усмешку. Это само по себе уже плохо.

С помощью этой гипотезы он мог объяснить и причины столь странного сна — и сделал это с облегчением. Он отправился на Кладбище домашних животных из-за того, что оно было в его сознании связано с ближайшим по времени стрессом. Это была причина серьезной ссоры с женой... И еще, думал он с растущим чувством освобождения, связанная с первым постижением его дочерью идеи смерти, что в его подсознании как-то соединилось со смертью его первого пациента.

«Чертовски удачно я вернулся домой — даже не помню, как это произошло. Должно быть, дошел на автопилоте.»

Действительно, удачно. Он представил, как просыпается возле могилы кота Смэки, растерянный, мокрый от росы и, возможно, обделавшийся от страха — а Рэчел ищет его.

Но все, с этим покончено.

«Вот и все, — подумал Луис с невероятным облегчением. — Слушай, а как же с тем, что он говорил, когда умирал?» — Но он быстро подавил эту мысль.

Вечером, пока Рэчел гладила, а Элли с Гэджем сидели у телевизора, захваченные «Маппет-шоу», Луис сказал, что хочет пройтись подышать воздухом.

— Ты вернешься помочь мне уложить Гэджа? — спросила Рэчел, не поднимая глаз от утюга. — Ты же знаешь, он лучше засыпает с тобой.

— Конечно.

— Ты куда, папа? — спросила Элли, не отрываясь от телевизора, где миссис Пигги готовилась залепить в глаз Кермиту.

— Недалеко, дорогая.

— А-а.

Луис вышел.

Через пятнадцать минут он был на Кладбище домашних животных, с любопытством оглядываясь и борясь с сильным чувством «дежа вю». Он, без сомнения, был здесь ночью: табличка, обозначающая место последнего упокоения кота Смэки, была повалена. Он вспомнил, где во сне стояло видение Паскоу и направился к валежнику.

Здесь ему не нравилось. От одного воспоминания о превращении этих мертвых деревьев в груды костей бросало в дрожь. Он заставил себя подойти и потрогать одно дерево. Сучок, на котором оно держалось, вдруг обломился, и Луис едва успел отскочить, прежде чем ствол придавил ему ногу.

Он прошелся вдоль валежника. С обеих сторон его ограждал непроходимый подлесок. Луис подумал, что пройти на ту сторону можно только преодолев эту кучу. Вокруг у самой земли стлались обильно разросшиеся заросли крапивы — Луис часто слышал похвальбы разных людей, якобы невосприимчивых к ней, но знал, что на самом деле таких почти нет. Дальше он заметил громадные и невероятно колючие кусты терновника.

Луис отошел назад, к центру кучи. Он смотрел на нее, засунув руки в карманы.

«Не хочешь ли попробовать перелезть через нее, а?

Нет-нет, босс. Зачем мне эти глупости?

Замечательно. Иначе это был бы прямой путь в твой же лазарет, Лу, со сломанной ногой.

Конечно! Какая глупость.»

Несмотря на эти мысли, он вдруг начал карабкаться на валежник.

Он уже был на полпути вверх, когда под ногой что-то сдвинулось с тяжелым треском.

«Кости рассыпались, док.»

Когда треск раздался снова, Луис начал поспешно карабкаться обратно. Рубаха вылезла у него из штанов.

Он достиг земли без происшествий, ладони его были в бурой пыли от коры. Он пошел назад, к тропе, ведущей к дому, где дети ждали от него вечерней сказки, к Черчу, который проводил сегодня последний день в качестве донжуана, к чаепитию на кухне с женой.

Он еще раз оглядел поляну, подавленный ее молчанием. Откуда-то появился туман, начинающий обволакивать могилы. Эти концентрические круги... словно, сами того не зная, поколения детишек Северного Ладлоу воздвигали копию Стоунхенджа.

«Но, Луис, ты уверен, что это все?»

Хотя он успел бросить только беглый взгляд за валежник, прежде чем треск заставил его спуститься, ему показалось, что он увидел тропу, уходящую дальше в леса.

«Не твое дело, Луис. Пусть себе уходит.»

«Правильно, босс.»

Луис повернулся и пошел домой.

Он не спал этой ночью еще через час после того, как улеглась Рэчел. Перелистал стопку медицинских журналов, которые уже читал, не признаваясь себе, что мысль о сне заставляла его нервничать. У него никогда раньше не бывало снохождения, и откуда он знал, что это единичный случай... что это не произойдет опять?

Он услышал, как Рэчел встала, и потом она нежно позвала:

— Лу? Дорогой, ты идешь?

— Сейчас, — сказал он, выключая свет над столом.

В этот раз засыпание заняло у него больше семи минут. Во всяком случае, когда он лежал и слушал сонное дыхание Рэчел, видение Паскоу показалось ему меньше похожим на сон. Вот сейчас он закроет глаза и услышит скрип двери, и войдет наш домашний призрак, Виктор Паскоу, в своих красных шортах, с торчащей ключицей.

Луис поежился, представив почему-то, как холодно сейчас вылезать из постели и тащиться на Кладбище домашних животных, снова видеть эти грубые круги, залитые лунным сиянием, и тропу, уходящую в дальние леса. Думая об этом, он немедленно просыпался.

Уже за полночь сон сморил его. В этот раз ему ничего не снилось. Он проснулся в семь тридцать от звуков бьющего в окно холодного дождика. С преувеличенным вниманием осмотрел простыни. Они были белоснежными. Ноги его, хоть и со свежими мозолями, тоже были чистыми.

Луис, насвистывая, отправился в ванную.

Мисси Дэнбридж сидела с Гэджем, пока Рэчел отвозила Черча к ветеринару. В этот вечер Элли не могла заснуть до одиннадцати, объясняя, что она не может спать без Черча, и требуя воду стакан за стаканом. Наконец, Луис отказался давать ей еще, боясь, что она описается. Это вызвало такой приступ ярости, что Луис с Рэчел недоуменно уставились друг на друга.

— Она боится за Черча, — сказала Рэчел. — Не трогай ее, Лу.

— Ничего, я надеюсь, это ненадолго.

Луис был прав. Крики Элли скоро перешли в сдавленные всхлипывания. Потом настала тишина. Когда Луис зашел к ней, она спала на полу, обняв кошачью корзинку, где Черч почти никогда и не спал.

Он взял ее на руки, перенес на кровать, бережно убрал с ее лба растрепавшиеся волосы и поцеловал. По внезапному наитию он прошел в комнату, взял листок бумаги, написал: «Буду завтра, люблю, Черч» — и приладил листок к кошачьей корзинке. Потом он вернулся к Рэчел. Она ждала его. Они уснули в объятиях друг друга.

Черч вернулся домой в пятницу, когда кончилась первая рабочая неделя Луиса; Элли приготовила ему подарок, потратив часть денег, выдававшихся ей, на коробку кошачьих лакомств, и едва не отшлепала Гэджа за попытки подергать кота за хвост. Гэдж захныкал, но не очень недовольно — для него выговор Элли был равносителен Божьему наказанию.

Вид Черча опечалил Луиса. От его бывшего проворства не осталось и следа. Он больше не расхаживал с гордым видом; теперь его походка была медленной и осторожной, как у инвалида. Он позволял Элли таскать себя на руках. Он не собирался выходить, даже в гараж. Он изменился. Может, это было и к лучшему.

Ни Рэчел, ни Элли, казалось, ничего не заметили.

Бабье лето пришло и прошло. Листья пожелтели, потом быстро пожухли. После одного холодного дождя в середине октября они начали опадать. Элли начала приносить из садика украшения, которые они готовили к Хэллуину, и рассказывала Гэджу историю про Всадника без головы. Гэдж радостно лопотал про какого-то Дядю Чихача, когда его укладывали спать. Рэчел смеялась до слез. Это было для них хорошее время.

Работа Луиса вошла в нормальную колею. Он осматривал пациентов, ходил на собрания Совета колледжей, писал очерки в студенческую газету о борьбе с наркоманией и способах предупреждения гриппа, который должен был опять свирепствовать грядущей зимой. Во вторую неделю октября он поехал на Новоанглийскую конференцию работников университетской медицины в Провиденс с докладом о юридическом обеспечении лечения студентов. Виктор Паскоу упоминался в этом докладе под псевдонимом «Генри Монтес». Доклад приняли хорошо. Он начал работать над бюджетом лазарета на будущий год.

Вечера также приобрели обыденность: возня с детьми после ужина, потом пиво у Джуда Крэндалла. Иногда Рэчел тоже ходила с ним, если Мисси соглашалась часок посидеть с детьми, а временами к ним присоединялась Норма, но обычно Луис сидел вдвоем с Джудом. Старик казался Луису уютным, как домашние тапки, и он знал всю историю Ладлоу за последние триста лет, как будто жил здесь все это время. Он рассказывал, но никогда не спорил. Он никогда не надоедал Луису. Хотя Рэчел частенько украдкой зевала, слушая его.

Он переходил дорогу в течение десяти или больше вечеров, а в остальные дни они с Рэчел занимались любовью. Никогда с первых лет брака они не любили друг друга так часто и с таким удовольствием. Рэчел говорила, что всему виной здешняя артезианская вода; Луис был склонен обвинять мэнский воздух.

Смерть Виктора Паскоу в первый день семестра начала стираться в памяти как студентов, так и самого Луиса, хотя

родные Паскоу, без сомнения, еще горевали. Луис слушал по телефону плачущий, безутешный голос его отца, который хотел только услышать от Луиса, что он сделал все возможное, и Луис заверил его в этом. Он ничего не рассказал о своем страхе, о кровавом пятне на ковре и о всех вещах, в которые сам теперь с трудом верил. Но все прочие уже стали забывать о существовании Паскоу.

Луис еще помнил про сон и свое хождение во сне, но это будто произошло с кем-то другим, или он увидел нечто подобное по телевизору. Это было похоже на его единственный в жизни визит к проститутке в Чикаго шесть лет назад: так же отдаленно и неправдоподобно, как дальнее эхо.

Он уже не думал о том, что сказал (или не сказал) умирающий Паскоу.

В ночь Хэллуина ударил мороз. Луис и Элли начали с Крэндаллов. Элли с завыванием проехала на метле через кухню Нормы и была вознаграждена словами:

— Самое остроумное, что я видела... правда, Джуд?

Джуд согласился и зажег сигарету.

— Луис, а где Гэдж? Я думал, ты и его нарядишь.

Они действительно хотели взять Гэджа, тем более, что Рэчел с Мисси Дэнбридж соорудили ему чудесный костюм привидения с бумажными крыльями — но он покашливал, и, после прослушивания легких и осмотра термометра за окном, который показывал всего лишь сорок градусов, было решено оставить его дома.

Элли обещала принести Гэджу конфет, но не особенно опечалилась, что заставило Луиса подумать, что она даже рада, что Гэдж не помешает ей... или не украдет у нее часть похвал.

— Бедный Гэдж, — протянула она тоном, припасенным для случаев недомогания, хотя Гэдж совсем не казался бедным, сидя на диване рядом с Черчем и смотря телевизор.

— Элли — ведьма, — отозвался Гэдж без особого интереса и опять повернулся к экрану.

— Бедный Гэдж, — сказала Элли еще раз, вздыхая. Луис подумал о крокодиловых слезах и усмехнулся. Элли потянула его за руку.

— Папа, пошли, пошли, ну, скорее.

— Гэдж подхватил простуду, — сказал теперь Луис.

— Да, жаль, — сказала Норма, — придется подождать до следующего года. Подставляй-ка сумку, Элли... о-оп!

Она вынула из стола яблоки и плитку «Сникерса», но они тут же выпали у нее из рук. Луиса немного шокировала ее неуклюжая, скрюченная рука. Он нагнулся и подобрал подарки. Джуд засунул их в сумку Элли.

— Положите-ка еще вон то яблоко, с бочком, — сказала Норма.

— Чудесно, — сказал Луис, пытаясь засунуть яблоко в сумку Элли, но она отступила.

— Не хочу с бочком, папа, — сказала она, глядя на отца, как на ненормального. — Пятна... фу!

— Элли, это очень невежливо!

— Не ругайте ее за правду, Луис, — сказала Норма. — Только дети говорят то, что думают. Это и делает их детьми. Пятна действительно не очень красиво выглядят.

— Спасибо, миссис Крэндалл, — сказала Элли, с торжеством поглядев на отца.

— На здоровье, дорогая.

Джуд проводил их до крыльца. Двое маленьких призраков шли по дороге, и Элли признала в них приятелей по садику. Она зазвала их назад на кухню, и какое-то время Джуд с Луисом остались вдвоем.

— Ей, кажется, хуже, — сказал Луис.

Джуд кивнул, гася окурок в пепельнице.

— Да. Это у нее каждую зиму, но сейчас хуже всего.

— Что говорит доктор?

— Да ничего. Что он может сказать, если она не хочет, чтобы он ее смотрел?

— Но почему?

Джуд поглядел на Луиса, и при свете яркой лампы, выставленной для духов, лицо его показалось очень беззащитным.

— Я не хотел просить тебя в лучшие времена, Луис, но надеюсь, сейчас ты мне не откажешь. Можешь ты посмотретье?

Из кухни Луис слышал вопли двух призраков и завывания Элли, в которых она практиковалась всю неделю. Звучало все это довольно дико — как и должно быть в Хэллуин.

— Так что случилось с Нормой? — спросил он. — Ты боишься, что у нее что-то еще?

— Теперь у нее боли в груди, — сказал Джуд тихо. — Она не хочет вызывать доктора Уэйбриджа. Я немного волнуюсь.

— А она?

Джуд, поколебавшись, ответил:

— Мне кажется, она боится. Именно поэтому она не хочет показаться врачу. Одна из ее старых подружек, Бетти Кослоу, умерла в больнице только в прошлом месяце. От рака. Она была того же возраста, что Норма. И она боится.

— Я с удовольствием осматрю ее, — сказал Луис. — Никаких проблем.

— Спасибо, Луис. Тогда позвони как-нибудь...

Джуд прервался, голова его склонилась набок. Он тревожно посмотрел на Луиса.

Позже Луис не мог припомнить, когда ему показалось, что на кухне что-то неладно. Но они оба поняли это, еще не осознав до конца.

— Угу-гу-гу-гу! — завывали духи на кухне. — Угу-гу-гу! — Потом внезапно этот звук сменился другим, испуганным. — О-о-о-о-о!

И потом один из духов закричал.

— Папа! — голос Элли был пронзительным, полным тревоги. — Папа! Миссис Крэндалл упала!

— О боже, — почти простонал Луис.

Элли выбежала на крыльцо в своем черном одеянии в одной руке она держала метлу. Ее зеленое лицо, искаженное страхом, походило на физиономию карлика на последней стадии опьянения. Следом, плача, бежали два маленьких призрака.

Джуд метнулся к двери поразительно быстро для своих лет. Он звал жену.

Луис нагнулся и положил руки на плечи дочери.

— Стой здесь, Элли, на крыльце. Поняла?

— Папа, мне страшно, — прошептала она.

Двое призраков бросились бежать по дороге, размахивая сумкой с конфетами, громко плача.

Луис бросился в кухню, не обращая внимания на Элли, которая звала его назад.

Норма лежала на линолеуме возле стола среди рассыпанных яблок и плиток «Сникерса». Наверное, падая, она зацепила чашку и рассыпала все, что в ней лежало. Джуд стоял рядом на коленях, взяв ее за руку, и с надеждой поднял глаза на Луиса.

— Помоги мне, — сказал он. — Помоги Норме. Мне кажется, она умирает.

— Отойди, — сказал Луис. Он тоже стал на колени и, как шпион, подполз к Норме. По пути он раздавил яблоко, и кухню заполнил запах яблочного сока.

«Вот оно, опять призрак Паскоу», — подумал Луис и быстро подавил эту мысль.

Он пощупал ее пульс, слабый и учащенный — не удары, а, скорее, спазмы. Предельная аритмия, недалекая от полной остановки сердца.

«Как у Элвиса Пресли», — мелькнуло у него в сознании.

Он растегнул ей платье, обнажив желтую шелковую сорочку. Слушая свой собственный ритм, начал делать искусственное дыхание.

— Джуд, послушай, — сказал он. Его левая кисть лежала в четырех сантиметрах от грудины, правая — на запястье, нагнетая давление. «Только осторожнее — у стариков хрупкие кости. Еще ничего страшного. И, ради Бога, не раздави ей легкие.»

— Я здесь, — сказал Джуд.

— Бери Элли и перейди через дорогу. Только осторожнее — не попади под машину. Скажи Рэчел, что случилось. Скажи, что мне нужна моя сумка. Не та, что в кабинете, а та, что стоит в ванной, на верхней полке. Она знает. Попроси, чтобы она позвонила в Бангор и вызвала «скорую».

— Бакспорт ближе, — сказал Джуд.

— Из Бангора приедет быстрее. Иди. Сам не звони; пускай Рэчел это сделает. Принеси мне сумку.

Джуд ушел. Луис слышал, как хлопнула дверь. Он остался наедине с Нормой Крэндэлл и рассыпанными яблоками. Из комнаты доносилось медленное тиканье часов.

Норма внезапно глубоко, тяжело вздохнула. Веки ее дрогнули, Луис вдруг испытал холодную, давящую уверенность.

«Вот, сейчас она откроет глаза и начнет говорить про Кладбище домашних животных.»

Но она только поглядела на Луиса, вряд ли узнавая его, и глаза опять закрылись. Луис устыдился своего дурацкого страха. Он почувствовал одновременно жалость и надежду. В ее глазах была боль, но не было особого выражения умирающих.

Луис теперь дышал тяжело. Кроме телевизионных шарлатанов, никто не мог делать искусственное дыхание без труда. Хороший массаж груди поглощает массу калорий, и завтра у него будут болеть руки.

— Могу я помочь?

Он оглянулся. Сзади стояла женщина в брюках и коричневом свитере. Мать призраков, подумал Луис.

— Нет, — ответил он, и тут же поправился. — Намочите тряпку, пожалуйста. Приложите ей ко лбу.

Она пошла в ванную. Луис поглядел вниз. Норма опять открыла глаза.

— Луис, я упала, — прошептала она. — Думала, я умираю.

— У вас какой-то коронарный спазм. Ничего серьезного. Расслабтесь и ничего не говорите.

Он передохнул и снова нащупал ее пульс. Теперь он был чересчур быстрым. Сердце у нее работало, как телеграф: длинные удары перемежались с краткими, и снова все приходило в норму. «Тук-тук-тук, тук... тук... тук, тук-тук-тук.» Это было не очень хорошо, но все же лучше, чем аритмия.

Женщина вернулась с тряпкой и положила ее на лоб Нормы. Тут появился Джуд с сумкой.

— Луис?

— Ей лучше, — сказал Луис, глядя на Джуда, но обращаясь, главным образом, к Норме. — «Скорая» выехала?

— Твоя жена звонит, — сказал Джуд. — Я не стал ждать.

— Не хочу... в больницу, — прошептала Норма.

— Ничего, — сказал Луис. — Пятидневное лечение, профилактика, а потом сами вернетесь домой. И если вы еще что-нибудь скажете, я вас заставлю съесть все эти яблоки с семенами.

Она улыбнулась и опять закрыла глаза.

Луис открыл сумку, отыскал и вытряхнул одну пилюлю, которая могла бы уместиться на ногте его мизинца. Он зажал пилюлю в пальцах.

— Норма, слышите меня?

— Да.

— Откройте рот. Я положу вам пилюлю под язык. Держите, пока она не рассосется. Она немного горькая, но ничего. Ладно?

Она покорно открыла рот. Оттуда вырвался запах испорченных зубов, и Луис на миг испытал острую жалость к этой старухе, лежащей на полу своей кухни среди рассыпанных яблок и конфет. Он подумал, что, когда ей было семнадцать, все окрестные парни пялились на ее груди, зубы были целыми, а сердце работало, как мотор.

Она почувствовала вкус пилюли и немного поморщилась. Да, пилюля была горькой, что поделать. Но это был не Виктор Паскоу. Норма будет жить. Она пошевелила рукой, Джуд осторожно удержал ее.

Луис встал, подобрал чашку и начал собирать яблоки. Женщина, представившаяся миссис Баддингер, живущей ниже по дороге, помогла ему и сказала, что ей пора. Ее дети очень испугались.

— Спасибо вам, миссис Баддингер, — сказал Луис.

— А я ничего и не делала, — сказала она спокойно. — Но я сегодня буду благодарить Бога, что здесь оказались вы, доктор Крид.

Луис в смущении махнул рукой.

— Да и я тоже, — сказал Джуд. Он посмотрел на Луиса, и взгляд его был спокоен. Минутные страх и растерянность прошли. — Я твой должник, Луис.

— Брось, — сказал Луис, помахав миссис Баддингер. Она улыбнулась и махнула рукой в ответ. Луис нашел яблоко и начал его есть.

Яблоко было таким сладким, что у него заныли зубы, но он продолжал его грызть. «Ты сегодня молодец, Лу», — подумал он.

— И все же, — сказал Джуд. — Если тебе понадобится помощь, в первую очередь иди ко мне.

— Ладно, учту, — сказал Луис.

«Скорая» из Бангора приехала через двадцать минут. Когда Луис вышел, глядя, как Норму выносят на носилках, он увидел в окне своего дома через дорогу силуэт Рэчел. Он помахал ей.

Они с Джудом стояли и смотрели, как «скорая» уезжает, мигая огнями.

— Надо мне ехать в больницу, — сказал Джуд.

— Они все равно не пустят тебя туда ночью. Им нужно сделать ей ЭКГ и полечить немного. Никаких посетителей в первые двенадцать часов.

— С ней правда все в порядке?

Луис пожал плечами.

— Гарантировать нельзя. Это был сердечный приступ. Если он не повторится, то все будет нормально. Может, даже лучше, если она пройдет лечение.

— Ага, — Джуд закурил «Честерфилд».

Луис улыбнулся и взглянул на часы. Было только без десяти восемь. Ему казалось, что прошло гораздо больше времени.

— Джуд, я хочу все же отнести Элли какой-нибудь подарок.

— Да-да, конечно. Пусть берет все, что сможет унести.

— Так и скажу, — пообещал Луис.

Элли все еще не сняла свой костюм ведьмы, когда Луис пришел домой. Рэчел пыталась переодеть ее в ночную рубашку, но Элли отказывалась, в надежде, что игра, прерванная каким-то дурацким сердечным приступом, может еще продолжиться. Когда Луис велел ей одеваться, Элли захлопала в ладоши.

— Уже поздно, Луис.

— Ничего, Рэчел. Она будет вспоминать об этом целый месяц.

— Ну ладно, — она улыбнулась. Элли, увидев это, кинулась к вешалке. — С Нормой все в порядке?

— Думаю, да. — Он чувствовал себя довольным. Уставшим, но довольным. — Небольшой приступ. Когда тебе семьдесят пять, и к этому приходится быть готовым.

— Хорошо, что ты оказался рядом. Как по воле providения.

— Это моя работа, — он оглянулся на Элли. — Ты готова, Дикая Газель?

— Готова, — сказала она. — Пошли-пошли-пошли!

По пути домой с сумкой конфет через полчаса (Элли запротестовала, когда Луис в конце концов велел собираться, но она тоже устала), дочь спросила у него:

— Может, это из-за меня у миссис Крэндалл был приступ? Из-за того, что я не захотела взять яблоко с бочком?

Луис удивленно посмотрел на нее, думая, откуда у детей берутся такие странные идеи. Мама упадет с лестницы и сломает себе шею. У папы желудок, у папы голова. Папа умрет. Это снова навело его на мысль о Кладбище домашних животных и его кругах. Ему хотелось смеяться над собой.

— Да нет, дорогая, — сказал он. — Когда ты была там с этими призраками...

— Это не призраки, а просто двойняшки Баддингеров.

— Ну хорошо, с ними. Так вот, в это время мистер Крэндалл говорил мне, что у его жены болит грудь. На самом деле ты еще помогла спасти ей жизнь или, по крайней мере, избежать худшего.

Теперь уже Элли удивилась.

Луис кивнул.

— Ей был нужен врач, дорогая. А я врач. Но я оказался там вечером только благодаря тебе.

Элли долго смотрела на него, потом кивнула.

— Но она ведь все равно умрет, — сказала она. — Люди с сердечным приступом всегда умирают. Если они и остаются жить, то потом у них бывает другой, третий, а потом — бум!

Кухня была пустой, но Луис слышал движения Рэчел наверху. Он положил конфеты в шкаф и сказал:

— Это совсем не обязательно. У Нормы был совсем маленький приступ, я смог его остановить сразу же. Сомневаюсь, что у нее так уж плохо с сердцем. Она...

— Да, я знаю, — перебила его Элли почти весело. — Но она же старая и все равно скоро умрет. И мистер Крэндалл. Можно мне съесть яблоко перед сном, папа?

— Нет, — сказал он, внимательно глядя на нее. — Иди и почисти зубы.

«Неужели кто-то думает, что понимает детей?» — подумал он.

Когда, наконец, они улеглись, Рэчел тихо спросила:

— Луис, Элли это сильно расстроило?

«Да нет, — подумал он. — Она уже знает, что старики имеют свойство умирать, как кузнечики зимой... и знает, что, если прыгнешь через скакалку тринадцать раз, то твой лучший друг умрет... и еще знает про эти могилы на Кладбище домашних животных.»

— Нет, — сказал он. — Она держалась молодцом. Рэчел, давай спать, ладно?

В эту ночь, когда они спали у себя дома, а Джуд не спал у себя, снова ударили заморозки. Утром подул сильный ветер, сдув большую часть оставшихся листьев, уже пожухших.

Ветер разбудил Луиса, и он приподнялся на локте, прислушиваясь. Шаги на ступеньках... медленные, шаркающие. Это Паскоу. Но ведь прошло уже два месяца, подумал он. Когда откроется дверь, он увидит полусгнившие красные шорты, мясо, отваливающееся от костей, мозг, превратившийся в бурую слизь. Только глаза останутся живыми... и сияющими адским светом. Паскоу не будет в этот раз говорить, его связки уже разрушились. Но глаза... он позовет его глазами.

— Нет, — выдохнул он, и шаги стихли.

Он встал, подошел к двери и распахнул ее. Губы его сжались в гримасе страха и отвращения. Сейчас он увидит Паскоу с поднятыми руками, как дирижера, готового исполнить первые такты «Вальпургиевой ночи».

Но ничего такого не случилось. За дверью было пусто... тихо. Слышался только свист ветра. Луис вернулся в постель.

На другой день Луис позвонил в больницу. Ему сказали, что ее состояние критическое, но так говорили обо всех пациентах в первые двадцать четыре часа после сердечного приступа. Но Луис удостоился похвалы от ее врача, доктора Уэйбриджа.

— Это был микроинфаркт, — сказал он. — Она очень обязана вам, доктор Крид.

Чуть позже Луис явился в госпиталь с букетом цветов и обнаружил, что Норму уже перевели в общую палату — хороший признак. С ней был и Джуд.

Норма очень обрадовалась цветам и послала сестру за вазой. Потом она велела Джуду налить воды и поставить цветы на тумбочку.

— Ты с ними возишься больше, чем со мной, — проворчал Джуд, в третий раз переставляя вазу.

— Не вредничай, Джудсон.

— Не буду, милая.

Наконец Норма посмотрела на Луиса.

— Я хочу поблагодарить вас за все, — сказала она с какой-то робостью. — Джуд сказал, что вы спасли мне жизнь.

— Джуд преувеличивает.

— Но ненамного, — сказал Джуд. Он чуть-чуть улыбался. — Мать не говорила тебе, Луис, что нехорошо отказываться от благодарности?

Она ничего такого не говорила, по крайней мере, он не помнил, но говорила что-то о ложной скромности, которая хуже гордыни.

— Норма, — сказал он, — я сделал только то, что был обязан сделать.

— Вы молодец. Заберите от меня этого типа, и пусть он угостит вас пивом. Мне хочется спать, а он опять будет мне надоедать.

Джуд поднялся с видом оскорбленного достоинства.

— Черт возьми! Пошли, Луис, быстрее, а то она переживает.

Первый снег выпал за неделю до Дня Благодарения. Он продержался до 22 ноября, но к празднику растаял. Луис отвез семью в Бангорский аэропорт, откуда они улетали в Чикаго, к родителям Рэчел.

— Это неправильно, — сказала Рэчел раз в двадцатый, продолжая начатый еще месяц назад спор. — Я не хочу, чтобы ты бродил тут по дому один в День Благодарения. Это все же семейный праздник.

Луис держал Гэджа, который казался громадным в новой меховой куртке. Элли смотрела в окошко, разглядывая самолеты.

— Я вовсе не собираюсь плакать в кружку с пивом, — сказал Луис. — Джуд с Нормой пригласили меня на индейку. Потом, я никогда не любил все эти праздники. Целый день ешь и торчи перед телевизором, в семь часов уже тянет ко сну, а наутро такое чувство, будто у тебя в голове пляшет толпа ковбоев, причем на лошадях. Я буду только доволен, что отправил вас.

— Ну ладно, — сказала она. — В первом классе я чувствую себя принцессой. И Гэдж проспит до самого О'Хара.

— Надейся, надейся, — сказал он, и они рассмеялись. Объявили посадку, и Элли сорвалась с кресла.

— Это нас, мама! Пошли-пошли-пошли! А то они улетят!

— Не улетят, — сказала Рэчел. В одной руке она держала три розовых билета. На ней была шуба, выкрашенная в рыжий цвет, под ондатру.

Будто заметив что-то в его глазах, она порывисто прижалась к нему, почти сдавив Гэджа между ними. Гэдж казался удивленным, но не очень огорченным.

— Луис Крид, я люблю тебя, — сказала она.

— Мама-а-а, — протянула Элли в нетерпении. — Пошли-пошли-по...

— Ну ладно, — сказала она. — Всего хорошего, Луис.

— Привет предкам, — сказал он, усмехнувшись.

— Да-да. — Рэчел была совсем неглупа; она прекрасно поняла, почему Луис отказался ехать.

Он смотрел, как они прошли на посадку... и исчезли на целую неделю. Он уже скучал. Он подошел к окну, где

сидела Элли, засунув руки в карманы, глядя, как развозят багаж.

Правда была проста. И мистер и миссис Голдмэны из Лейк-Форест невзлюбили Луиса с самого начала. Он был не того круга, но это была лишь первая из причин. Что хуже, он желал, чтобы их дочь помогала ему, когда он поступал в медицинское училище без особых шансов на успех.

Потом случилось то, о чем Рэчел, да и никто другой, кроме Луиса, не знали. Ирвин Голдмэн предложил оплатить весь курс учебы Луиса в обмен на одно маленькое условие — прекратить все отношения с Рэчел.

Луис Крид был не в том возрасте, чтобы согласиться с подобным предложением (или сделкой, если называть вещи своими именами) — но такие предложения редко делаются людям в том возрасте — лет в восемнадцать. Он очень устал. Восемнадцать часов в неделю в классах, двадцать часов за учебниками, еще пятнадцать работал официантом в пиццерии рядом с отелем «Уайтхолл». Он нервничал. Странно приветливая манера мистера Голдмэна, так непохожая на его предыдущую холодность, когда он пригласил Луиса к себе в кабинет и предложил сигару, заставила его насторожиться. После, когда он смог взглянуть на это событие в перспективе, он подумал, что то же самое чувствуют мустанги, учуяв первый дымок пожара в прериях. Он в любой момент ожидал, что Голдмэн прямо спросит, что ему нужно от его дочери.

Когда вместо этого Голдмэн сделал свое невероятное предложение — даже достал из кармана чековую книжку, — Луис был взбешен. Он обвинил Голдмэна в том, что он хочет превратить дочь в музейный экспонат, что он заботится только о себе, и что он вообще бестолковый, самодовольный ублюдок. Уже потом он пожалел о том, что сказал.

Хотя сказанное, несомненно, было отчасти верно, но излишне резко; поэтому остаток разговора прошел в гораздо более вульгарных тонах. Голдмэн предложил Луису убираться и сказал, что если он еще раз ступит на порог, его выкинут как собаку. Луис в ответ посоветовал ему засунуть чековую книжку себе в задницу. Голдмэн возразил, что в его заднице больше ума, чем в голове у Луиса

Крида. Луис сказал, что тем не менее пусть он засунет туда же золотую карту «Америкэн экспресс».

После этого доброго знакомства их отношения так и не улучшились.

В конце концов Рэчел ослушалась родителей. Никаких мелодрам («с этой минуты у меня больше нет дочери») не было; Ирвин Голдмэн, вероятно, смог бы перенести замужество дочери даже за Чудовищем Черной лагуны. При всем при том его лицо, торчащее из воротничка на их с Рэчел свадьбе, удивительно напоминало лицо, высеченное на египетском саркофаге. Их свадебным подарком был сервис китайского фарфора и микроволновая печь. Никаких денег. Пока Луис учился в медицинском училище, Рэчел работала продавщицей и твердо знала, что помощи у родителей лучше не просить... по крайней мере, не сообщать об этом Луису.

Луис мог поехать в Чикаго вместе с семьей, хотя график работы не предусматривал столь длительного отгула. Не страшно. Но это были бы четыре дня с Фараоном Имхотепом и его женой Сфинкс.

Дети, как часто бывает, смягчили их отношения. Луис надеялся, что постепенно та давняя сцена в кабинете Голдмэна когда-нибудь забудется. Но он не очень стремился к примирению. За двенадцать лет он так и не мог забыть кислого вкуса бренди Голдмэна и этой его идиотской чековой книжки, вытащенной из кармана. Он еще тогда пожалел, что старик не знает о ночах — их было пять, — которые они с Рэчел успели провести в его узкой, прогнувшейся кровати, и годы не затушили этого сожаления.

Он мог ехать, но предпочел отправить тестю его внуков, его дочь и привет.

«Дельта-727» вырулил на взлетную полосу... и он увидел в одном из передних окон отчаянно машущую дочь. Луис помахал в ответ, и они — Рэчел и Элли, — поднесли к окну Гэджа. Он тоже махал ему, то ли действительно увидев отца, то ли просто подражая Элли.

— Довези их в целости, — прошептал он, застегнул куртку и вышел на стоянку. Там завывал ветер, едва не сдувший с его головы охотничью фуражку, и он придержал

ее рукой. Он отпер дверцу машины и увидел, как взлетает их самолет.

Он снова помахал, чувствуя себя очень одиноким, едва не плача.

Это чувство так и не исчезло до вечера, когда он пересек дорогу после пива у Джуда и Нормы — Норма выпила стакан вина, что ей рекомендовал доктор Уэйбридж. К вечеру они перешли в кухню из-за холода.

Джуд затопил маленькую печку, и они уселись вокруг нее, наслаждаясь теплом и холодным пивом, и Джуд стал рассказывать, как микмаки двести лет назад прогнали англичан из Мичиаса. Тогда микмаки были очень воинственными, сказал он, добавив, что и тогда в это верили далеко не все.

Это был прекрасный вечер, но Луис думал о своем пустом доме, ожидающем его прихода. Пересекая лужайку и чувствуя, как мороз забирается ему под куртку, он услышал, как в доме звонит телефон.

Он подбежал, ворвался в переднюю дверь и едва не упал в кухне, когда его скользкие туфли проехали по линолеуму. Он схватил трубку.

— Алло?

— Луис? — голос Рэчел, далекий, но очень четкий. — Мы тут. Доехали нормально.

— Замечательно! — сказал он и сел поговорить, думая: «Хорошо бы, чтобы вы поскорее вернулись».

22

Праздничный стол у Джуда с Нормой был в высшей степени удачным. Когда трапеза закончилась, Луис побрел домой, сытый и сонный. Он поднялся в спальню, скинул туфли и лег. Было всего три часа; за окном светило зимнее неяркое солнце.

«Вздремну немного», — подумал он и тут же уснул.

Что-то неуловимое разбудило его. Он сел, пытаясь собраться с мыслями, дезориентированный тем фактом, что за окном было почти совсем темно. Он слышал вой ветра и странный сиплый голос издалека.

— Алло, — сказал он. Наверно, Рэчел звонила из Чикаго поздравить его с праздником. Она могла дать трубку Элли и Гэджу, и они тоже сказали бы ему что-нибудь — и как его угораздило проспять весь день, когда он собирался посмотреть футбол?

Но это была не Рэчел. Это был Джуд.

— Луис? Боюсь, что я тебя слегка огорчу.

Он встал с кровати, все еще пытаясь отогнать сон.

— Джуд? Что случилось?

— У меня на лужайке мертвый кот, — сказал Джуд. — Я подумал, что это, может быть, твой.

— Черч? — сон как рукой сняло. — Джуд, ты уверен?

— Нет, не на сто процентов, но ты лучше посмотри сам.

— Ох. О, черт. Иду, Джуд.

— Давай.

Он повесил трубку и сидел еще какое-то время. Потом он встал и сходил в ванную, после чего обулся и вышел из дома.

«Ну ладно, может это не Черч? Джуд сам сказал, что не уверен на сто процентов. Господи, он же даже не сходил вниз, если его кто-нибудь не отнесет... зачем его понесло через дорогу?

В глубине души он уже понял, что это был Черч... и если вечером позвонит Рэчел, а она обязательно позвонит, то что он скажет Элли?

Он сразу же вспомнил, как говорил Рэчел: «Я ведь врач и знаю, что с любым живым существом может что-нибудь случиться. Ты хочешь объяснять ей это, когда его собьет машина?» Но он же и сам в глубине души не верил, что с Черчем может случиться такое!

Он вспомнил, как один из приятелей по покеру, Викс Салливен, спрашивал его, почему ему хочется свою жену, а не хочется тех раздетых женщин, которых он осматривает каждый день. Луис попробовал объяснить, что эти женщины показывают какую-то часть тела — грудь, вульву, зад. Остальное прикрыто рубашкой. В кабинете постоянно дежурит сестра — скорее всего, для охраны репутации врача. Викс не понял его. Он считал, что грудь есть грудь, а задница есть задница. Ты должен или хотеть все время или

не хотеть вообще. Он не мог понять, что грудь твоей жены — это совсем другое.

«Как и твоя семья — совсем другое», — думал он теперь. Черч не мог погибнуть, потому что он находился за магическим кругом их семьи. Грудь твоей жены — совсем не та грудь, что в больнице. Там она была «случаем». Вы могли спокойно выступать на медицинской конференции, предъявляя цифры о лейкемии у детей, пока вам не скажут, что белокровием страдает ваш собственный ребенок. Мой ребенок? Или кот моего ребенка? Этого не может быть! Доктор, вы шутите!

«Не думай об этом.»

Но он не мог не думать, когда вспоминал, как истерически Элли восприняла перспективу возможной смерти Черча.

«Проклятый кот, ну почему он оказался таким идиотом?

Пусть проклятый, пусть идиот — только бы он был жив!»

— Черч? — позвал он, но ответом был только вой ветра.

Диван в комнате, где Черч в последнее время проводил чуть не целый день, был пуст. Не было его и возле батарей. Луис пошевелил его миску, что гарантировало моментальное появление Черча, если он не оглох, но... ничего, никаких признаков.

Он надел куртку и фуражку и открыл дверь. Потом вернулся. Действуя по подсказке сердца, он открыл посудный шкаф за дверью. Там висели два пластиковых пакета — маленький белый для ведра и большой зеленый, в котором они относили отходы в мусоровоз. Луис взял второй. Он должен был выдержать вес Черча.

Он сложил пакет и засунул его в карман куртки, чувствуя, как пластик неприятно холодит пальцы. Потом он вышел и направился через дорогу к дому Джуда.

Было где-то полшестого. Уже почти стемнело. Последние лучи солнца окрасили горизонт в странный оранжевый цвет. Ветер дул вдоль дороги номер 15, леденя щеки Луиса и завивая его дыхание белым столбом. Он дрожал, но не от холода. Дрожь наводило сильное чувство одиночества, которое не поддавалось точным определениям, не имело формы.

Он увидел Джуда, стоящего у дороги в зеленом шерстяном пальто, в широкополой шляпе, скрывающей лицо.

Посреди лужайки он казался статуей, замерзшей в этом сумеречном пейзаже.

Луис пошел к нему, и тут Джуд сделал движение — махнул рукой, чтобы он шел назад. Он кричал что-то, что Луис не мог разобрать из-за ветра. Луис отскочил, почувствовав, как внезапно окреп ветер. Через мгновение прозвучал гудок, и большой грузовик «Оринко» промчался рядом с ним. Словно он давно поджидал его здесь.

В этот раз он посмотрел в обе стороны, прежде чем переходить. Он увидел лишь задние огни проехавшего грузовика.

— Я уж думал, он задел тебя, — сказал Джуд. — Будь осторожен, Луис. — Даже подойдя близко, Луис не видел его лица, и у него возникло неприятное чувство, что лица у Джуда просто не было.

— Где Норма? — спросил он, не спеша подходить к замерзшему комку меха у ног Джуда.

— Пошла в церковь, — сказал Джуд. — Останется там до ужина, а сама ничего не ела. Проголодается. — Ветер сдул поля шляпы, и Луис, наконец, убедился, что это на самом деле Джуд — а кто это мог быть еще? — Она, правда, днем и не ест ничего, кроме сэндвичей. К восьми обещала вернуться.

Луис подошел взглянуть на кота. «Только бы это был не Черч», — горячо пожелал он, аккуратно поднимая голову животного пальцами перчатки. «Пусть окажется чей-нибудь еще, мог же Джуд ошибиться?»

Но это, конечно же, был Черч. Он не был раздавлен или обезображен; он не попал под цистерну или тяжелый грузовик («А что грузовик «Оринко» делал здесь в День Благодарения?» — подумал он). Глаза Черча были полукруглыми и мерцали, как зеленый мрамор. Из рта вытекла небольшая лужица крови. Совсем немного; она лишь окрасила его белую грудку.

— Твой, Луис?

— Мой, — сказал он и вздохнул.

Он впервые осознал, как он любил Черча — может быть, не так горячо, как Элли, но достаточно глубоко. После кастрации Черч изменился, стал медлительным и толстым,

подчинился распорядку, включавшему диван, кровать Элли и его миску с едой, но решительно исключавшему улицу. Что понесло его на дорогу? Теперь он казался похожим на прежнего Черча. Рот, оскаленный и окровавленный, был скован морозом. Мертвые глаза казались злобными. Словно после краткого периода в жизни Черч вновь обрел в смерти свою истинную природу.

— Да, это Черч, — сказал он. — Черт меня возьми, если я знаю, как сказать об этом Элли.

Внезапно у него появилась идея. Он мог бы закопать Черча на Кладбище домашних животных без всяких знаков и прочей ерунды. Он мог ничего не говорить Элли по телефону вечером; на другой день он притворится, что не может его разыскать, а еще через день позволит себе предположить, что Черч убежал. Кошки ведь часто убегают. Элли, конечно, расстроится, но это не будет иметь так пугающего Рэчел отношения к смерти... только исчезновение.

«Трус», — прошептала часть его сознания.

— Она ведь его любила, так? — спросил Джуд.

— Да, — отсутствующе ответил Луис. Он снова поднял голову Черча. Кот уже начал коченеть, но голова двигалась легче, чем должна была. У него сломана шея. Он подумал, что может восстановить происшедшее. Черч переходил дорогу — Бог знает, зачем, — и машина или грузовик ударила его, сломала шею и отбросила на лужайку Джуда Крэндалла. Или шея сломалась при ударе о мерзлую землю. Неважно. Черч был мертв.

Он поглядел на Джуда, думая, что тот что-нибудь скажет, но Джуд смотрел на оранжевый горизонт. Поля шляпы опять наполовину опустились, и его лицо казалось задумчивым и строгим... даже суровым.

Луис достал из кармана зеленый пакет и развернул его, стараясь держать против ветра. Треск пластика, казалось, оторвал Джуда от созерцания.

— Да, мне тоже кажется, что она его очень любила, — опять сказал Джуд. Прошедшее время в его словах звучало жутко... Все это сочетание сумеречного света, холода и ветра выглядело жутким, почти готическим.

«Хэтклиф пришел с отдаленных болот, — подумал Луис, — чтобы запихнуть любимца семьи в пакет. Увы!»

Он взял Черча за хвост, открыл пакет и опустил туда кота. Раздался мерзкий звук — «взззиикк», — когда замерзшее тело проскользнуло в пакет. Кот казался невероятно тяжелым, словно смерть прибавила ему веса. «Боже, он как ведро с песком.»

Джуд поддержал пакет, и Луис поднял Черча, желая поскорее уйти от этого малоприятного зрелища.

— Что ты с ним теперь будешь делать? — спросил Джуд.

— Положу в гараж, — ответил Луис. — А утром закопаю.

— На Кладбище домашних животных?

Луис пожал плечами.

— Наверно.

— Скажешь Элли?

— Я... я подумаю.

Джуд немного помолчал, а потом, казалось, принял наконец-то решение.

— Подожди минутку, Луис.

Джуд удалился, даже не подумав, что Луис не захочет ждать его на таком холоде. Он шел необычайно быстро для своих лет. И Луис ничего не сказал. Он остался ожидать Джуда.

Когда дверь скрипнула, он поднял лицо навстречу ветру, все еще держа пакет с телом Черча.

«Что-то случится скоро, брат. Что-то очень странное, как мне кажется.»

Он запрокинул голову и увидел в черном небе холодные зимние звезды.

Как долго он так стоял, он не знал. Потом на крыльце у Джуда зажегся свет, который вдруг начал двигаться по ступенькам. Это был Джуд с большим фонарем на четыре батарейки. В другой руке он держал что-то, что Луис сперва принял за большой крест... и что оказалось киркой и лопатой.

Он подал лопату Луису, который взял ее свободной рукой.

— Джуд, что ты собрался делать? Мы не можем хоронить его прямо сейчас!

— Можем. И мы пойдем, — лица Джуда опять не было видно за кругом света.

— Джуд, сейчас темно. Уже поздно. И холодно.

— Пойдем, — сказал Джуд. — Надо идти.

Луис покачал головой и хотел возражать дальше, но слова не находились — слова разумных объяснений. Они казались бессмысленными в вое ветра и в мерцании далеких звезд на черном небе.

— Можно подождать до завтра, когда...

— Она его любила?

— Да, но...

Голос Джуда был мягким и уверенным.

— А ты ее любишь?

— Конечно, люблю, она же моя до...

— Тогда пошли.

Луис пошел.

Дважды — или трижды — этим вечером по пути на Кладбище домашних животных Луис пытался заговорить с Джудом, но тот не отвечал. Почему-то Луис испытывал странное в этих обстоятельствах удовлетворение. Оно, казалось, исходило отовсюду. Даже тупая боль в мускулах от веса Черча в одной руке и лопаты в другой не мешала этому чувству. Холодный ветер леденил кожу и дико завывал в ветвях деревьев, но и он был частью этого необычного чувства. И колеблющийся свет фонаря Джуда. Луис ощущал неоспоримое, магнетическое присутствие какой-то тайны. Мрачной тайны.

Тени расступились, и открылась широкая поляна, на которой призрачно поблескивал снег.

— Отдохнем, — сказал Джуд, и Луис поставил пакет. Он вытер пот со лба. «Отдохнем?» Но они ведь уже пришли. В свете фонаря он мог видеть могилы и Джуда, усевшегося на снег и закрывшего лицо руками.

— Джуд, что с тобой?

— Все нормально. Только немного согреюсь.

Луис сел рядом с ним и долго не мог отдышаться.

— Знаешь, Джуд, я сейчас чувствую себя лучше, чем все последние шесть лет. Это, конечно, глупо, когда хорошишь кота своей дочери, но это чистая правда.

Джуд тоже раз-другой глубоко вдохнул воздух.

— Да, я знаю, — сказал он. — Так здесь бывает. Это место действует на людей, но не совсем хорошо. Это как героин — тем, кто вводит его в руку, тоже на первых порах приятно, а потом он их отравляет. Отравляет их тело и душу. Так и это место, Луис, и ты не должен этого забывать. Но, может, я и не прав. Иногда я что-то начинаю заговариваться. Наверно, старость.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Это место имеет силу, Луис. Не очень большую, но... то место, куда мы идем.

— Джуд...

— Пора, — сказал Джуд и снова встал на ноги. Луч фонарика осветил валежник. Джуд шел прямо к нему. Луису внезапно вспомнился его сон. Что там говорил Паскоу?

«Не ходи туда, как бы тебе этого не хотелось. Нельзя нарушать границу.»

Но этой ночью казалось, что с тех пор прошли годы. Луис чувствовал себя бодрым и уверенным, готовым нарушить любую границу. Он подумал, что все это тоже похоже на сон. Тут Джуд повернулся к нему, лица из-под шляпы опять было не разглядеть, и Луис на миг представил, что это сам Паскоу, ухмыляющийся череп под шапкой волос, и страх опять коснулся его холодными пальцами.

— Джуд, — сказал он, — мы не сможем перелезть. Мы переломаем ноги и замерзнем тут до смерти.

— Иди за мной, — сказал Джуд. — Иди прямо за мной и не смотри вниз. Иди уверенно, не оглядываясь. Я знаю дорогу, но идти надо быстро и уверенно.

Луис опять подумал, что это сон, что он так и не проснулся после дневного праздничного обеда. «Если я проснусь, — решил он, — ни за что больше не подойду к этому валежнику. Но мне кажется, я смогу перелезть. На самом деле. Значит, я действительно сплю?»

Джуд свернул влево от центра кучи. Луч фонаря ярко осветил груды

(костей)

поваленных деревьев и веток. Когда они подошли ближе, пятно света стало меньше и еще ярче. Без промедления,

даже не осмотревшись, Джуд полез вверх. Он не карабкался, не цеплялся за сучья; он просто поднимался, как по ступенькам. Он шел, как человек, хорошо знающий, куда ведет путь.

Луис последовал за ним.

Он не смотрел вниз или по сторонам. К нему пришла странная уверенность, что валежник не причинит ему вреда, пока он идет. Это, конечно, было так же глупо, как верить в охранительную силу медальона или крестика.

Но это действовало.

Не было ни выстрелов сухих веток под его ногами, ни тяжелого скрипа стволов, готовых расплющить ему ступню. Его туфли («Хаш-Паппи» — рекомендуется для лазания по валежнику) не скользили по сухому мху, которым поросли многие деревья. Он не падал ни вперед, ни назад. Только ветер дико завывал в ветвях вокруг них.

В какой-то момент он увидел Джуда, стоящего на вершине кучи, а потом тот начал спускаться, постепенно исчезая из виду. Свет мелькал между спутанных веток на той стороне... границы. Да, это была именно граница — зачем это скрывать?

Луис сам добрался до вершины и на миг остановился, расставив ноги на ненадежных скользких стволах. Он не стал оглядываться, только переложил тяжелый пакет с телом Черча из правой руки в левую, переменив его с лопатой. Он повернул лицо к ветру и почувствовал, как тот взметнул его волосы. Холодный, чистый... всегда неизменный.

Осторожно, но уверенно он начал спускаться. Тут же под ногой его хрустнула толстая ветка, но он не обратил внимания — и нога его твердо опустилась на другую ветку несколькими дюймами ниже. Луис вздохнул с облегчением. Теперь он, казалось, понял, как во время войны командиры вели бойцов в атаку под ураганным огнем, насвистывая «Типперэри». Это, конечно, было безумием, но очень ободряло.

Он спустился вниз, глядя вперед, на фонарь Джуда. Джуд ожидал его. Когда он ступил на землю, бодрость влилась в него, как масло в огонь.

— Мы перешли! — воскликнул он. Он поставил лопату и хлопнул Джуда по плечу. Он вспомнил, как в детстве

карабкался на яблоню, раскачивающуюся на ветру, как мачта корабля. Это было двадцать лет назад, но к нему будто снова вернулись те годы. — Джуд, мы перешли!

— А ты как думал? — спросил Джуд.

Луис открыл рот, чтобы что-то ответить («Просто чудо, что мы не убились»), и опять закрыл. Он не сомневался в успехе с тех пор, как ступил на кучу. И вовсе не волновался по поводу обратного пути.

— Я что-то не верил, — сказал он.

— Пошли. Еще немного. Три мили или чуть побольше.

Они пошли. Тропа пошла вверх. Местами она казалась очень широкой, хотя фонарь освещал не так много; было просто ощущение пространства, будто деревья расступились. Раз или два Луис глядел наверх и видел звезды, мерцающие между темных крон деревьев. Один раз что-то перебежало тропу, и в луче фонаря мелькнули зеленые точки глаз... мелькнули и пропали.

Временами тропа сужалась так, что подлесок задевал за одежду. Луис теперь чаще перекладывал пакет с лопатой, но боль в руках не ослабевала. Он вошел в ритм ходьбы и был почти загипнотизирован. Да, здесь была сила, он это чувствовал. Он вспомнил школьные годы. Он со своей девочкой и еще одна пара пошли гулять и забрели в тупик возле электростанции. Вскоре девочка Луиса сказала, что у нее заболели все зубы. Они поспешили уйти. Воздух вокруг станции заставлял их нервничать. Здесь было что-то похожее, но посильнее. Это было...

Джуд остановился у подножия холма. Луис подошел к нему.

— Мы почти дошли, — сказал Джуд спокойно. — Сейчас будет, как тот валежник — ты должен идти медленно и уверенно. Иди за мной и не оглядывайся. Помнишь, где мы шли?

— Конечно.

— Это край того, что микмаки называли Чертовым болотом. Торговцы пушниной, которые проходили здесь, прозвали это место Мертвой трясинной, и многие из них никогда не вернулись назад.

— Там что,zybучие пески?

— Да, через этот песок проходит вода прямо с ледника. Его называют силикатным песком, но «зыбучий» звучит вернее.

Джуд посмотрел на него, и Луису показалось, что глаза старика сверкнули ярко и как-то нехорошо.

Потом Джуд опустил фонарь, и взгляд пропал.

— Тут много странных вещей, Луис. Воздух наэлектризованный... или что-то вроде этого.

Луис напрягся.

— Что с тобой?

— Да нет, ничего, — ответил он, думая о том вечере в тупике возле станции.

— Ты можешь видеть огни Святого Эльма, которые моряки зовут злыми огнями. Они иногда принимают странную форму, но это не страшно. Если посмотреть на них подольше, их форма изменится. Еще ты можешь услышать голоса, но это всего лишь птицы, летящие на юг. Это они кричат.

— Птицы? — сказал Луис с сомнением. — В это время года?

— Ну да, — сказал Джуд странным, неузнаваемым голосом.

В какой-то момент Луис испугался смотреть ему в лицо. Этот взгляд... и голос.

— Джуд, куда мы идем? Что нам здесь нужно?

— Все скажу, когда придем. Смотри за кочками.

Они пошли опять, перешагивая с кочки на кочку. Луис не смотрел на них, нога находила их автоматически. Только однажды он поскользнулся, пробив левой ногой тонкий лед и погрузившись в холодную и тинистую воду. Он быстро вытащил ногу и поспешил вперед, за фонарем Джуда. Этот колеблющийся свет среди лесов воскрешал в памяти детские истории про пиратов. Злодеи зарывают в лесу золотые дублоны... и обязательно оставляют у клада одного из своих с пульей в сердце, потому что верят — или так считали авторы этих историй, — что дух мертвого товарища будет надежно охранять их сокровища.

«Но мы-то закапываем не сокровища, а всего лишь кастрированного кота моей дочери.»

У него вырвался сдержанный смешок.

Он не слышал никаких голосов, не видел огней Святого Эльма, но, переступив на очередную кочку, посмотрел вниз и увидел, что его ноги до колен скрылись в густом тумане, совершенно белом и непроницаемом. Он словно шел по самому легкому в мире снегу.

Воздух, казалось, тоже наполнился светом, и стало теплее. Он видел медленно идущего впереди. Джуда, над плечом которого раскачивалась кирка. Это усиливало впечатление человека, идущего закапывать сокровища.

Безумное возбуждение сохранялось, и он внезапно предположил, что в этот момент ему звонит Рэчел, телефон звонит и звонит в пустом доме. Если она...

Он едва не уткнулся в спину Джуда. Старик остановился. Он наклонил голову, к чему-то прислушиваясь.

— Джуд? Что...

— Тссс!

Луис замер, оглядываясь вокруг. Туман здесь был не таким густым, но он по-прежнему не видел туфель. Потом он услышал, как трещат ветки. Что-то двигалось неподалеку — что-то большое и грузное.

Он открыл рот, чтобы спросить Джуда, не лось ли это («медведь», возникла мысль, но он отогнал ее), и закрыл его. «Голоса», — говорил Джуд.

Он тоже склонил голову, неосознанно копируя Джуда, и прислушался. Звук был сперва отдаленным, потом приблизился. Луис почувствовал, как пот стекает у него со лба. Он перебросил пакет с телом Черча в другую руку. Кисть была влажной, и пакет едва не выскользнул. Теперь неизвестное существо приблизилось настолько, что на какой-то миг Луис смог разглядеть очертания чего-то темного и громадного, заслонившего звезды.

Это не мог быть медведь. Но что это, он не знал. Потом оно скрылось.

Луис опять открыл рот, уже собираясь спросить: «Что это было?» Но тут из темноты раздался жуткий, безумный хохот, громкий, нарастающий и убывающий, пробирающий до костей. Луису показалось, что все его члены сковало холодом, и что он внезапно отяжелел настолько, что не мог даже бежать из этого проклятого болота.

Хохот перешел в сухой, захлебывающийся кашель, потом в утробное хихиканье, которое, перед тем, как умолкнуть, сменилось жалобным всхлипом.

Где-то журчала вода и завывал ветер. Другие звуки Чертова болота смолкли.

Луиса начало трясти. Кожа покрылась мурашками. Во рту совершенно пересохло. Казалось, там вовсе не осталось слюны. Но странное возбуждение сохранялось.

— Что это такое? — прошептал он хрипло. — О Боже, что это?

Джуд повернулся к нему, и в зыбком свете Луису показалось, что он состарился на сто лет. Теперь в его глазах не было этого странного, пляшущего блеска. Лицо было опущено, глаза смотрели с ужасом. Но, когда он заговорил, голос его был спокоен.

— Птицы, — сказал он. — Пошли. Уже близко.

И они пошли. Болото сменилось твердой землей. Несколько раз Луис опять испытывал ощущение открытого пространства, хотя он мог видеть только спину Джуда в трех футах впереди. Под ногами шуршала короткая мерзлая трава. При каждом шаге она ломалась, как стекло. Потом снова начались деревья. Запахло смолой и свежей хвоей. Под ногой хрустнула ветка.

Луис потерял всякое представление о времени и направлении, но скоро Джуд опять остановился и повернулся к нему.

— Тут ступеньки, — сказал он. — Вырезанные в скале. Сорок две или сорок четыре, я забыл. Иди за мной. Поднимемся вверх, и мы на месте.

Он начал подниматься, и Луис последовал за ним. Каменные ступени были довольно широкими, но часто осыпались. То и дело из-под его ноги вылетали камешки и голыши.

«Двенадцать... тринадцать... четырнадцать...»

Ветер стал резче и холоднее. «Неужели мы поднялись над деревьями?» — подумал он. Он поднял голову и увидел миллиарды звезд, холодные огоньки в бескрайней темноте. Никогда в жизни он не казался себе таким маленьким и ничтожным. В который раз он спросил себя — «есть ли там

разум?» — но вместо обычного любопытства, эта мысль вызвала теперь холодок отвращения, словно он спрашивал, приятно ли съесть клопа.

«Двадцать шесть... двадцать семь... двадцать восемь...»

«Кто их здесь вырубил? Индейцы? Микмаки? Были ли у них орудия? Надо узнать у Джуда.» «Индейцы, имеющие орудия» напомнили ему «зверей, имеющих мех», а это, в свою очередь, навело на мысль о том, что прошло возле них в лесу. Нога соскользнула, и он ухватился за скалу, удерживая равновесие. Стена казалась старой, выщербленной и оббитой. «Как высохшая, облезшая кожа», — подумал он.

— С тобой все в порядке, Луис? — пробормотал Джуд.

— Да-да, — ответил он, хотя почти задышался, и все мускулы ныли от тяжести пакета.

«Сорок два... сорок три... сорок четыре...»

— Сорок пять, — сказал Джуд. — Я забыл. Я ведь не был здесь с двенадцати лет. Не думал, что придется идти сюда еще раз.

Он взял Луиса за руку и помог ему преодолеть последнюю ступеньку.

— Вот здесь, — сказал он.

Луис осмотрелся. При свете звезд он увидел достаточно. Они стояли на скалистом плато, которое спускалось к земле, как гигантский черный язык. С другой стороны он мог видеть верхушки елей, через которые они проходили на пути к ступенькам. Похоже, они поднялись на скалу с плоской вершиной, геологическую аномалию, гораздо более уместную где-нибудь в Аризоне или Нью-Мексико. Из-за того, что здесь не росли деревья, солнце растопило снег. Повернувшись к Джуду, Луис увидел сухую траву, колышущуюся под ветром. Да, в Новой Англии с ее пологими холмами это было странно.

«Индейцы, имеющие орудия», — подумал он снова.

— Пошли, — сказал Джуд и повел его к деревьям. Луис увидел мрачные тени, сгустившиеся под сенью самых старых и самых высоких елей, какие он когда-либо встречал. Место это создавало ощущение пустоты — но пустоты дышащей, живущей.

Тени казались каменными курганами.

— Микмаки стесали вершину этого холма, — сказал Джуд. — Никто не знает, как; как не знает никто, как майя строили свои пирамиды. И сами микмаки это забыли.

— Зачем? Зачем они это сделали?

— Это было их кладбище. Я привел тебя сюда, чтобы ты похоронил кота своей дочери. Микмаки не делали различий. Они хоронили своих животных рядом с собой.

Это заставило Луиса вспомнить про египтян, которые делали еще лучше: убивали животных правителя, чтобы он не расставался с ними и в загробном мире. Он вспомнил прочитанное где-то — с одной дочерью фараона было похоронено больше десяти тысяч домашних животных, среди них шестьсот свиней и две тысячи кур. Свиней умастили розовым маслом, которое любила принцесса, прежде чем перерезать им глотки.

«И они тоже строили пирамиды. Никто не знает, зачем их строили майя — для ориентирования или для счета времени, как Стоунхендж, — но для чего служили египетские пирамиды, все знают чертовски хорошо... памятники смерти, самые большие в мире надгробия. Здесь лежит Рамзес Второй, он был послушным.»

Джуд смотрел на него.

— Иди и закопай его. Я пока покурю. Я бы помог, но ты должен сделать это сам. Каждый хоронит только своих. Вот как это нужно делать.

— Джуд, что это все значит? Зачем ты меня сюда привел?

— Потому что ты спас жизнь Норме, — сказал Джуд, и, хотя это звучало искренне, у Луиса вдруг мелькнуло подозрение, что старик лжет... или что он лгал себе, чтобы потом убедить в этом Луиса. Он вспомнил о взгляде Джуда там, в лесу.

Но это беспокоило его не больше, чем ветер, обтекающий его холодной рекой и ерошащий ему волосы.

Джуд сел возле дерева, зажег спичку и закурил.

— Хочешь немного передохнуть?

— Да нет, я не устал, — сказал Луис. Он мог задавать вопросы, но не видел в этом надобности. Все казалось

одновременно и очень странным, и почему-то правильным. Он хотел узнать только одно.

— А что, обязательно рыть яму? Земля кажется тонкой. Джуд медленно кивнул.

— Ага. Земля тонкая. Но ее достаточно для травы — значит, хватит и для того, чтобы закопать его. В ней хоронили очень многих.

Он начал копать. Земля была твердой и каменистой. И очень скоро он увидел, что ему понадобится кирка. Поэтому он то и дело сменял кирку на лопату. Руки начали уставать. Он опять вспотел. Ему почему-то очень хотелось выполнить эту работу на совесть. Он начал напевать, как всегда делал за работой. Иногда кирка натывалась на слишком твердый камень и деревянная рукоятка дергалась в его руках. Он чувствовал, как на ладонях набухают мозоли, но не обращал внимания, хотя, как все врачи, очень следил за руками. Над ним ветер продолжал выводить свою однообразную мелодию.

За спиной он услышал возню и скрежет камня. Он оглянулся и увидел Джуда, который подтаскивал ближе крупные камни, складывая их в кучу.

— Для кургана, — пояснил он.

— А-а, — сказал Луис и вернулся к работе.

Он вырыл яму в два фута шириной и три длиной — «проклятый кот разместится здесь, как в «кадиллаке», — подумал он, — и около тридцати дюймов глубиной, когда кирка принялась высекать искры при каждом ударе, и он остановился.

Джуд подошел и оценивающе оглядел сделанное.

— По-моему, хватит, — сказал он. — По крайней мере, для кота достаточно.

— Теперь ты можешь мне сказать, для чего это?

Джуд улыбнулся.

— Микмаки верили, что это волшебное место, — сказал он. — Весь этот лес, от болота к северу и востоку. Они хоронили здесь своих мертвых. И другие племена знали про это — пенобскоты говорили, что в этих лесах полно духов. Позже про это много болтали торговцы пушниной.

Думаю, кое-кто из них видел на болоте блуждающие огни и принял их за духов.

Джуд опять улыбнулся, а Луис подумал: «Это совсем не то, о чем ты думаешь».

— А потом и сами микмаки перестали сюда ходить. Один из них сказал, что встретил здесь Вендиго, и земля испортилась. Они тогда очень испугались... Во всяком случае, так рассказывал мне этот старый пьяница Стэнни Б. — мы так называли Стэнли Бушара, — а он что не знал, то придумывал.

Луис, который знал только то, что Вендиго — это, кажется, дух северной страны, спросил:

— Ты тоже думаешь, что земля испортилась?

Джуд улыбнулся — во всяком случае, губы его растянулись.

— Я думаю, что это опасное место, но не для кошек или собак. Поэтому иди и похорони твоего кота.

Луис опустил в яму свой пакет и забросал его землей. Теперь он чувствовал спокойствие и усталость. Стук комьев земли о пластик угнетал, вся бодрость куда-то подевалась, и ему хотелось, чтобы все это поскорее кончилось. Он кинул в яму последнюю лопату («Никогда не хватает, — вспомнил он сказанные тысячу лет назад слова его дяди-могильщика. — Земли никогда не хватает, чтобы засыпать могилу до конца.»), и повернулся к Джуду.

— Курган, — сказал тот.

— Джуд, я уже устал и...

— Это же кот Элли, — сказал Джуд, и голос его был непреклонен. — Она хочет, чтобы ты это сделал.

Луис вздохнул.

— Ну, надеюсь.

Сооружение пирамиды из камней заняло еще десять минут. Когда все было готово, над могилой Черча возвышался каменный курган, и Луис почувствовал небольшое удовлетворение. Он надеялся, что Элли никогда не побывает здесь — его пугала сама мысль о том, чтобы вести ее сюда через эту трясины с зыбучими песками, — но ему сделанное его руками казалось удачным.

— Многие из них развалились, — сказал он Джуду, поднимаясь и отряхивая колени. Теперь он мог оглядеться

внимательнее, и увидел, что некоторые курганы вокруг рассыпались. Но Джуд хотел, чтобы он выстроил свой курган только из выкопанных камней.

— Ага, — сказал Джуд. — Я говорил: место старое.

— Теперь все?

— Да, — он похлопал Луиса по плечу. — Молодец. Я знал, что у тебя получится. Теперь пошли домой.

— Джуд... — начал он снова, но Джуд уже взял кирку и начал спускаться. Луис подхватил лопату и набрал в грудь воздуха для ходьбы. Он еще раз оглянулся, но курган, под которым лежал Уинстон Черчилль, кот его дочери, скрылся в густой тени.

«Ну вот, теперь крутим пленку назад», — подумал Луис устало, когда они пробивались через лес и болото на пути к дому. Он не знал, сколько сейчас времени, днем он снял часы, когда ложился, и они теперь лежали возле его кровати. Он только знал, что полностью измотан. Такого чувства у него не было с тех пор, как он однажды летом, шестнадцать или семнадцать лет назад, работал мусорщиком в Чикаго.

Они вернулись тем же путем, но он почти ничего не помнил. Он так же перебирался через валежник, почувствовал твердую, надежную руку Джуда, протянутую ему — и через миг оказался на последнем отрезке пути, у могил кота Смэки, Трикси и Марты, нашей любимой крольчихи. Здесь он бывал уже не только с Джудом, но и со всем своим семейством.

Это был тот же путь, по которому он проходил с Виктором Паскоу во время своего сна, но сейчас он не вспоминал об этом. Он лишь подумал, что этот поход был опасным не в мелодраматическом смысле Уилки Коллинза, но совершенно реально. Он мог убиться на этом валежнике. Они оба могли. Его поведение было безумным. Он даже не мог понять, как огорчение по поводу смерти их любимца переросло в такой эмоциональный подъем.

Через какое-то время они были дома.

Они прошли до конца тропы, не разговаривая, и остановились у дома Луиса. Ветер все еще завывал. Так же, молча, Луис протянул Джуду кирку.

— Я пошел, — сказал Джуд. — А то Луэлла Биссон или Рут Паркс придут с Нормой и удивятся, куда я подевался.

— А сколько времени? — спросил Луис, удивленный, что Нормы может еще не быть дома; ему казалось, что уже очень поздно.

Джуд выудил часы из кармана штанов.

— Уже полдевятого.

— Полдевятого? — тупо переспросил Луис. — Всего-то?

— А ты как думал?

— Я думал, гораздо больше.

— Ну, до завтра, — сказал Джуд, поворачиваясь.

— Джуд...

Он опять повернулся к Луису.

— Джуд, зачем мы ходили туда?

— Как зачем? Мы хоронили кота твоей дочки.

— И это все?

— А что же еще? — сказал Джуд. — Ты хороший человек, Луис, но задаешь слишком много вопросов. Иногда люди делают то, что им кажется правильным. А потом, когда они подумают над тем, что они сделали, начинают сомневаться и задавать вопросы. И им кажется, что они сделали глупость. Понимаешь, о чем я?

— Да, — сказал Луис, опять подумав о том, что старик читает его мысли.

— А они не думают, что прежде всего, когда что-то делаешь, нужно спрашивать свое сердце? Как ты думаешь?

— Я думаю, — медленно сказал Луис, — что может быть, ты и прав.

— И то, что в сердце — об этом много не расскажешь, так ведь?

— Ну...

— Нет, — сказал Джуд, словно Луис что-то возразил. — Не расскажешь. — Его голос был таким уверенным и убежденным, что Луис вздрогнул. — Потому что это тайна. Женщины не могут хранить тайны, но ни одна женщина не разболтает то, что лежит у нее на сердце. Земля тверже человеческого сердца, Луис — как земля в этих старых индейских могилах. Человек растит, что он может... и пожинает плоды.

— Джуд...

— Не спрашивай ничего, Луис. Что сделано, то сделано. Слушай зов своего сердца.

— Но...

— Никаких «но». Смирись с тем, что сделано, и слушай зов своего сердца. Мы сделали все, как нужно... по крайней мере, мне так кажется. В другое время это было бы неправильно.

— Но можешь ты ответить хотя бы на один вопрос?

— Ну, посмотрим.

— Откуда ты знаешь про это место? — этот вопрос тоже возник у Луиса на обратном пути, вместе с подозрением, что в жилах самого Джуда течет кровь микмаков — хоть и не похож, но где гарантия, что все его предки были стопроцентными американцами?

— От Стэнни Б. — сказал Джуд с удивленным видом.

— Он что, просто рассказал тебе?

— Нет. Это не то место, о котором можно просто рассказать. Я похоронил там своего пса Спота, когда мне было десять лет. Он гнался за кроликом и напоролся на проволоку. Раны загноились, и это его убило.

Что-то в этом было не так, что-то не согласовывалось с фактами, уже известными Луису, но он слишком устал, чтобы разобраться. Больше Джуд ничего не говорил, только смотрел на него загадочным стариковским взглядом.

— Спокойной ночи, Джуд.

— Спокойной ночи.

Старик пошел через дорогу, неся кирку и лопату.

— Спасибо! — крикнул Луис почему-то.

Джуд не обернулся, только помахал ему рукой.

И тут в доме зазвонил телефон.

Луис побежал, преодолевая боль в спине и в ногах, но пока он добрался до кухни, телефон прозвонил шесть или семь раз. Он схватил трубку, но оттуда раздавался только длинный гудок.

«Это Рэчел, — подумал он. — Позвоню ей.»

Но внезапно ему показалось невероятно утомительным набирать номер, объясняться с ее матерью — или, еще

хуже, с отцом, — говорить с Рэчел, а потом с Элли. Элли еще не спит; в Чикаго на час раньше. Элли спросит его про Черча.

«О, с ним все в порядке. Он попал под грузовик. Да-да, под грузовик «Оринко». Не волнуйся. Грузовик его убил, но не изувечил. Мы с Джудом закопали его на старом индейском кладбище — такое дополнение Кладбища домашних животных, если помнишь. Превосходная работа, малышка. Я как-нибудь отведу тебя туда, и мы положим цветы к памятнику — пардон, к кургану. Когда зыбучие пески замерзнут, и все медведи уснут до весны.»

Он снова положил трубку и пошел в ванную. Сняв рубашку, он умылся. Он вспотел, как свинья, невзирая на холод, и пах не лучше этого животного.

В холодильнике нашлось несколько кусочков мяса. Луис разогрел их, положил на хлеб и добавил пару кружочков бермудского лука. После этого он полил их кетчупом и накрыл еще одним куском хлеба. Если бы здесь были Рэчел и Элли, они бы одинаково наморщили нос — фу, как вульгарно.

«Но вас тут нет, леди», — подумал Луис с некоторым удовлетворением и откусил кусок. Вкус показался ему восхитительным. «Мудрец Конфуций сказал: кто пахнет, как свинья, тот ест, как волк», — подумал он и улыбнулся. Он запил бутерброд молоком прямо из пакета — еще одна привычка, которой Рэчел не выносила, — и потом поднялся наверх, разделся и рухнул на кровать, даже не почистив зубы. Все его боли слились в одну сплошную ноющую боль, которая даже как-то успокаивала.

Часы были на месте, и он посмотрел на них. Десять минут девятого. Просто невероятно.

Луис потушил свет, повернулся на бок и уснул.

Он встал в три утра и пошел в ванную. Он мочился, щурясь от яркого света, когда внезапно в голову ему пришла мысль, заставившая его проснуться совсем.

Вечером Джуд сказал ему, что его пес умер, когда ему было десять лет — умер после того, как напоролся на проволоку. Но летом, когда они все вместе ходили на Кладбище домашних животных, Джуд говорил, что пес

умер уже старым и похоронен там — он даже указал место, хотя надпись за годы стерлась.

Луис вышел из ванной, потушил свет и вернулся в постель. Что-то здесь было не так — и через миг он понял это. Джуд был ровесником века, и тогда на Кладбище говорил, что его пес умер в первый год Великой войны. То есть, ему тогда должно было быть четырнадцать. Или даже семнадцать — если он подразумевал год, когда Америка вступила в войну.

Но вечером он сказал, что Спот умер, когда ему, Джуду, было десять.

«Ладно, он же старик, они часто путают даты, — подумал он. — Он сам говорил, что иногда забывает совсем простые вещи. Хотя для своих лет он чертовски хорошо соображает... и помнит. Но ничего странного, если старик забыл, когда умерла его собака. Или при каких обстоятельствах. Не обращай внимания, Луис.»

Но он долго не мог уснуть; он лежал в пустом доме, прислушиваясь к завываниям ветра.

Он так и не помнил, когда он заснул; во всяком случае, очевидно, он уже спал, когда ему показалось, что скрипнула входная дверь, и затем послышался медленный скрип ступенек. Он подумал: «Оставь меня в покое, Паскоу, оставь меня, что сделано, то сделано, и мертвые мертвы», — и шаги стихли.

И хотя в этом году случилось еще много невероятных вещей, Луису никогда больше, ни во сне, ни наяву, не являлся призрак Виктора Паскоу.

23

Он проснулся утром в девять. За окном сияло солнце. Звонил телефон. Луис схватил трубку.

— Алло?

— Привет, — сказала Рэчел. — Ты что, спал?

— Ты меня разбудила, свинья, — сказал он, улыбаясь.

— Ох, какие выражения! В таком случае, ты старый облезлый хряк. Я тебе звонила весь вечер. Опять сидел у Джуда?

Он колебался не больше секунды.

— Да, — сказал он. — Пили пиво. Норма устроила праздничный ужин. Я хотел тебе позвонить, но... ты знаешь.

Они поболтали немного. Рэчел рассказала семейные новости, которые слабо интересовали Луиса, хотя он почувствовал некоторое удовлетворение от известия, что лысина у ее отца начала быстро расти.

— Хочешь поговорить с Гэджем? — спросила Рэчел.

Луис улыбнулся.

— Да, конечно. Только не давай ему ронять телефон, как в прошлый раз.

На другом конце слышалась возня. Он услышал, как Рэчел учит ребенка говорить «Привет, папа».

Наконец, Гэдж соизволил сказать:

— Привет, па.

— Привет, Гэдж, — сказал Луис. — Как у тебя дела? Как живешь? Ты еще не разбил дедушкин телефон? Ничего, надеюсь, скоро ты до него доберешься.

Гэдж радостно что-то пробормотал, перемежая лепет всеми известными ему словами — «мама», «Элли», «деда», «баба», «бибика» и «кака».

Наконец Рэчел забрала у него трубку, и Луис почувствовал облегчение — он очень любил сына, но разговаривать по телефону с ребенком, которому не исполнилось и двух лет — все равно, что играть в криббидж с лунатиком.

— Как там у тебя? — спросила Рэчел.

— Все в порядке, — сказал Луис, не колеблясь; он уже переступил черту, когда Рэчел спросила его, где он был, и он солгал, что сидел у Джуда. В уме его внезапно всплыли слова Джуда: «Земля тверже человеческого сердца». — Немного скучаю, ты же знаешь.

— Ты же говорил, что обожаешь спокойствие?

— Ну да, но через сутки это уже надоедает.

— Дай мне папу! — голос Элли сзади.

— Луис? Тут Элли.

— Ладно, давай ее сюда.

Он говорил с Элли минут пять. Она рассказывала о кукле, которую ей подарила бабушка, и о том, как они с дедушкой ездили на скотный двор («Папа, там так воня-

ет», — сказала Элли, и Луис подумал: «Твой дедушка воняет ничуть не меньше, малышка.», и о том, как она помогала печь хлеб, и как Гэдж убежал от мамы и описался прямо под дверью дедушкиного кабинета («Ай да Гэдж!» — подумал Луис, усмехаясь).

Он уже подумал, что гроза миновала — по крайней мере, этим утром, — и собирался попросить ее передать трубку маме, когда она спросила:

— А как там Черч, папа? Он меня не забыл?

Усмешка сползла с лица Луиса, но он сразу же ответил:

— С ним все в порядке. Я вечером скормил ему целый кусок мяса и пошел спать. Сегодня еще не видел, я ведь только что встал.

«Эх, парень, из тебя бы вышел чудесный убийца, самый хладнокровный. Доктор Крид, когда вы в последний раз видели жертву? Он заходил поужинать. Съел целый кусок мяса. С тех пор я его не видел.»

— Ну ладно, поцелуй его за меня.

— Фу, сама целуйся с ним, — сказал он, и Элли засмеялась.

— Хочешь еще поговорить с мамой?

— Да, конечно.

Они поговорили с Рэчел еще пару минут; вопрос о Черче на время был снят. Они попрощались, и Луис повесил трубку.

— Вот так, — сказал он пустой комнате, и может быть, хуже всего было то, что он совсем не чувствовал вины.

24

В полдесятого позвонил Стив Мастертон и спросил, не хочет ли Луис приехать и сыграть в теннис — в лазарете ни души, жизнерадостно сообщил он, и они могут играть хоть целый день.

Луис мог понять его радость — каникулы продлятся еще два дня, — но ему было не до игры, и он сказал Стиву, что собирается писать статью для медицинского журнала.

— Ты уверен? Знаешь, что случилось с Джеком? Работал-работал — и, наконец, спятил.

— Перезвони попозже, — сказал Луис. — Может, и приеду.

Стив обещал позвонить. Луис лгал только наполовину; он действительно собирался писать статью, но отказал Стиву главным образом из-за того, что у него все болело. Он обнаружил это, как только закончил говорить с Рэчел и отправился в ванную. Мускулы спины поскрипывали, плечи ныли от тяжести проклятого пакета, а сухожилия ног дрожали, как перетянутые гитарные струны.

«Боже, — подумал он, — и ты еще раздумывал?» Он представил, как гоняет шарик со Стивом, ползая, как старый артритик.

Тут он вспомнил, что накануне с ним ходил старик восьмидесяти трех лет. Интересно, как себя чувствует Джуд?

Часа полтора он пытался работать над статьей, но это не очень получалось. Пустота и молчание начали действовать ему на нервы, и наконец он задвинул бумаги в шкаф, надел куртку и перешел через дорогу.

Джуда и Нормы не было, но к двери был пришпилен конверт с его именем. Он открыл его.

«Луис,

мы со старухой уехали в Бакспорт посмотреть шкаф, который она хотела купить уже давно. Может быть, мы останемся там на ленч и вернемся поздно. Заходи вечером на пиво, если хочешь.

Твоя семья — это твоя семья, и я не хочу вмешиваться, но, если бы Элли была моей дочерью, я не стал бы говорить ей про кота — зачем портить праздник?

И еще, Луис, я не хочу, чтобы ты говорил о том, что мы сделали прошлым вечером. Есть еще люди, которые знают про это место и которые хоронили там своих животных... можно сказать, что это продолжение Кладбища домашних животных. Можешь не верить, но там похоронили даже быка! Старый Макговерн, который жил на Стэкпулской дороге, похоронил там своего призового быка Хэнрэтти году в 67-м или 68-м. Он рассказал мне, что они с сыновьями отвезли его туда, и я смеялся, пока живот не заболел! Но об этом не любят говорить, и не любят, когда люди со стороны узнают про это место, не из-за предрас-

судков, которым уже за триста лет (хотя и из-за них тоже), а потому, что им кажется, что над ними станут смеяться за то, что они верят в эти предрассудки. Так что уважь меня, пожалуйста, и не болтай об этом, хорошо?

Мы еще поговорим об этом, может, даже сегодня вечером, и тогда ты поймешь кое-что, но сейчас хочу сказать, что ты держался молодцом. Я был в тебе уверен.

Джуд.

P.S. Норма не знает, про что я пишу — я ей что-то наврал, — и я хочу предупредить, чтобы ты и ей не говорил об этом. Многие лгут своим женам, но ты знаешь, что большинству при этом не в чем каяться перед Богом.

Так что заходи вечером, и тогда поговорим.»

Луис стоял на верхней ступеньке перед крыльцом Крэндаллов — теперь пустым; удобная плетеная мебель была убрана до весны, — и думал о прочитанном. Не говорить Элли — он и так ей не сказал. Другие животные, похороненные там? Предрассудки, которым за триста лет?

«...и тогда поймешь кое-что.»

Он подчеркнул эту строчку ногтем и впервые вернулся мысленно к тому, что они сделали прошлым вечером. Это всплыло в его памяти полуюявью-полусном, чем-то, совершенным словно в наркотическом дурмане. Он мог припомнить валежник и странное свечение на болоте — и то, что там было гораздо теплее, — но это было как разговор с анестезатором во время действия наркоза.

«Многие лгут своим женам.»

«И женам, и дочерям», — подумал Луис, — странно, Джуд как будто знал, что случится утром, и что он скажет по телефону.

Он медленно сложил записку и засунул ее обратно в конверт. Положив конверт в карман, он пересек дорогу.

25

Было около часа, когда Черч вернулся домой, словно кот из колыбельной. Луис был в этот момент в гараже, где он последние шесть недель трудился над сооружением

полок; он хотел убрать все острые, ядовитые и горючие предметы из пределов досягаемости Гэджа. Он как раз попал молотком по пальцу, когда в гараж вошел Черч. Луис не уронил молоток, но сердце подпрыгнуло у него в груди, горячая проволока, казалось, вошла в желудок и моментально остыла там, как волосок выключенной лампочки. Позже он подумал, что он будто дожидался возвращения Черча все утро; будто знал об этом в какой-то дальней инстинктивной части сознания с того момента, как закопал его на этом индейском кладбище.

Он осторожно положил молоток, вынул изо рта ушибленный палец, подошел к Черчу и поднял его.

«Весит, как живой, — подумал он с легким удивлением, — он весит столько же, сколько и раньше. В пакете он был тяжелее. Он был тяжелее, когда умер.»

Сердце подпрыгнуло опять, еще сильнее — казалось, гараж на мгновение закачался.

Черч прижал уши и попытался вырваться. Луис вынес его на свет и стал разглядывать. Теперь его сердце прыгало регулярно.

Он осторожно потрогал шерсть на шее Черча, пытаясь обнаружить перелом. Там были обычные мускулы и жилы. Тогда он посмотрел на морду кота. То, что он увидел, заставило его опустить кота на траву и спрятать лицо в ладони. Теперь весь мир кругом завертелся — чувство напоминало сильное опьянение за миг до тошноты.

На морде Черча запеклась кровь, к длинным усам пристали кусочки зеленого пластика. От пакета.

«Мы еще поговорим об этом, и тогда ты поймешь кое-что.»

О Господи, он понял уже больше, чем хотел бы.

«Ничего, еще немного, — подумал он, — и я пойму остальное в ближайшей психушке.»

Он впустил Черча в дом, принес его синюю миску и открыл банку кошачьих консервов. Пока он вытряхивал серо-бурую массу в миску, Черч нетерпеливо мурлыкал и терся о ноги Луиса. Прикосновение кота бросало Луиса в дрожь, и он с трудом сдерживался, чтобы не пнуть его

ногой. Он казался скользким, грязным... одним словом, отвратительным. Луис подумал, что вряд ли когда-нибудь еще захочет взять его на руки.

Когда он поставил миску на пол, Черч бросился к ней, и Луис вдруг почувствовал, что от него пахнет сырой землей, словно комья ее запутались в шерсти.

Он стоял и смотрел, как кот ест. Он слышал его чавканье — чавкал ли он так раньше? Вполне возможно; Луис никогда не обращал внимания. Но это был неприятный звук. «Противный», — сказала бы Элли.

Луис повернулся и поднялся наверх. На последних ступеньках он уже почти бежал. Он разделся и покидал всю одежду в корзину, хотя переменял ее только утром. Он налил горячую ванну и влез в нее.

Пар обдал его и он почувствовал, как вода приятно освежает его усталые мускулы. В голове у него тоже прояснилось. К моменту, когда вода начала остывать, он снова был в форме.

«Кот вернулся, словно кот из колыбельной, чудесно.»

Конечно, здесь была ошибка. Разве он не подумал еще вчера, что Черч выглядит слишком целым для животного, сбитого машиной?

«Вспомни всех этих кошек и собак на дорогах, — подумал он, — раздавленных, с вылезшими кишками.»

Теперь все было ясно. Черча ударила машина, и он потерял сознание. Они с Джудом отнесли его на старое индейское кладбище оглушенным, а не мертвым. Говорят же, что у кошки десять жизней! Хорошо, что он не успел сказать Элли! Она никогда не узнает, как близко к смерти был ее любимец.

«Но эта кровь из рта... и как у него была вывернута шея...»

Но он же врач, а не ветеринар — он мог и ошибиться. Лужайка Джуда на морозе — не самое удобное место для диагноза, да и света почти не было. И он был в перчатках. Потому и...

На стене ванной отразилась зловещая черная тень, похожая на голову маленького дракона или какой-то другой гадины; что-то коснулось его плеча. Луис молниеносно отпрянул, расплескав воду на коврик. Повернувшись, он

увидел прямо перед собой мутные желто-зеленые глаза кота его дочери, сидящего на туалетном бачке.

Черч медленно покачивался взад-вперед, как пьяный. Луис следил за ним с ужасом, из его сжатых зубов готов был вырваться крик. Черч никогда не был таким, он никогда не качался, как змей, пытающийся загипнотизировать жертву — ни до того, как его кастрировали, ни после. В первый и последний раз к нему пришла мысль, что это другой кот, похожий на Черча, который просто забрел к нему в гараж, а настоящий Черч мирно лежит под курганом в лесах. Но цвет... и надорванное ухо... и сломанный коготь, который Элли прищемила дверью, когда Черч был еще котенком.

Это на самом деле был Черч.

— Иди отсюда, — сказал Луис хрипло.

Черч смотрел на него еще немного — Господи, и глаза у него теперь были другие, — а потом спрыгнул с бачка. Он приземлился не с обычной кошачьей ловкостью, а неуклюже, зацепив ванну, и потом, наконец, ушел.

«Оно, — подумал Луис, — не он: оно. Помни об этом.»

Он вылез из ванны и быстро, нервно вытерся досуха. Он успел побриться и почти оделся, когда опять зазвонил телефон. Услышав этот звук, Луис отшатнулся, вскинув руки. Он медленно опустил их, слушая, как колотится его сердце.

Это был Стив Мастертон, опять насчет тенниса, и Луис пообещал заехать на часок. Теннис сейчас был тем, чем он меньше всего хотел заниматься, но ему нужно было сбежать отсюда. Он хотел оказаться подальше от кота, от этого проклятого кота, который не должен был вернуться.

Он быстро влез в рубашку, брюки, куртку, бросил в сумку полотенце и спустился вниз.

Черч лежал на четвертой ступеньке снизу. Луис споткнулся об него и чуть не упал. Он схватился за перила, с трудом удержавшись от ругательства.

Он стоял на лестнице, глядя на Черча... который, казалось, усмехался.

Луис ушел. Он должен был выгнать кота из дома, но в тот момент ему совершенно не хотелось дотрагиваться до него.

Джуд зажег сигарету, потушил спичку и кинул ее в жестяную пепельницу с полосатой рекламой «Джим Бим» на донышке.

— Ну так вот, про это место мне рассказал Стэнли Бушар, — он остановился, задумавшись.

Перед ними на исцарапанной клеенке, покрывавшей кухонный стол, стояли непочатые стаканы с пивом. Луис днем уже перекусил со Стивом, сжевав пару сэндвичей в полупустом буфете. Подкрепившись, он начал спокойнее относиться к возвращению Черча, но ему по-прежнему не хотелось оставаться одному в темном, пустом доме, где бродил этот кот.

Норма какое-то время молча сидела с ними, смотря телевизор и вышивая домик на фоне заходящего солнца. Она сказала, что готовит вышивку для рождественской распродажи. Пальцы ее двигались довольно споро, артрит почти не был замечен. Луис подумал, что это из-за погоды, холодной, но сухой. Она уже совсем оправилась после сердечного приступа, и этим вечером, десять недель спустя, он подумал, что она даже как-то помолодела. Сейчас в ней можно было разглядеть былую девушку.

В четверть десятого она пожелала им спокойной ночи, и они остались вдвоем с Джудом, который сначала молчал, поглощенный своей сигаретой.

— Стэнни Б., — сказал, наконец, Луис.

Джуд вздрогнул, вспомнив о чем-то.

— А, да-да. Все в Ладлоу, и в Бакспорте, и в Оррингтоне тоже звали его Стэнни Б. В том году умер мой пес Спот — в 1910-м, да, когда он умер в первый раз, — Стэнни был уже стариком и малость чокнутым. Были и другие, кто знал про это индейское кладбище, но мне рассказал Стэнни Б. А он узнал о нем от отца, а тот от деда. Все они были натуральные французы.

Джуд улыбнулся и отхлебнул пива.

— Я еще слышу его ломаный английский. Тогда он встретил меня в хлеву возле дороги номер 15 — кроме дороги Бангор-Бакспорт она была в то время единствен-

ной, — как раз там, где сейчас стоит фабрика «Оринко». Спот тогда еще не умер, но уже был совсем плох, и отец отослал меня якобы купить корма для цыплят, который он потом отдал старому Йорки. Этот корм был нам нужен, как корове классная доска, и я сразу понял, зачем он меня отослал.

— Он собирался убить пса?

— Он знал, как я любил Спота, потому и отправил меня за этим цыплячьим кормом. Я вернулся и уселся на старый точильный камень во дворе. И вот тут меня и нашел Стэнни Б. Половина людей в городе считала его тихим, а другая половина — буйным. Его дед был траппером и торговцем пушниной еще в начале века, и ходил от побережья до самого Дерри, и на юг, до Скоухегана покупать меха. У него была коляска, вся обшитая кожей; кроме того, он считал себя истинным христианином и любил толковать о воскресении, когда напивался — так говорил Стэнни Б.; он вообще обожал рассказывать про своего деда. Так вот, на этой его коляске были разные индейские знаки — он считал, что все индейцы, неважно какого племени, происходят от потерянного колена Израилева. Еще он говорил, что все они попадут в ад, но их магия имеет большую силу, потому что они те же христиане, только наоборот.

Дед Стэнни торговал с микмаками и делал это очень успешно, так, что никто не мог с ним тягаться из-за того, что он давал им хорошую цену и кроме того, говорил Стэнни, он знал назубок Библию, и микмаки любили его слушать.

Джуд опять замолчал. Луис терпеливо ждал.

— Микмаки и рассказали деду Стэнни Б. об этом месте, которым они не пользовались с тех пор, как Вендиго испортил землю, и о Чертовом болоте, и о ступеньках.

Рассказы про Вендиго тогда ходили по всей северной стране. Это были такие же страшные сказки, как наши, христианские. Норма проклянет меня, если услышит, но это так и есть. В холодные и долгие зимы, когда было мало еды, некоторые индейцы на севере оказывались в плохом месте, где они голодали... и все такое.

— Ели людей?

Джуд пожал плечами.

— Может быть. Они могли пожертвовать стариками или больными, чтобы остальные могли выжить. И после этого они говорили, что Вендиго прошел через их селение, когда все спали, и дотронулся до них. И это Вендиго заставил их есть своих сородичей.

Луис кивнул.

— Да-да, дьявол соблазнил.

— Ага. Я думаю, что и микмаки, которые жили здесь, делали это, а потом хоронили кости съеденных на том месте — одного, двух или целой дюжины.

— И потом решили, что земля испортилась.

— Так вот, Стэнни Б. подошел ко мне, уже пьяный. Его дед имел, быть может, миллион долларов, когда он умер — так говорили люди, — а Стэнни Б. был совсем нищим. Он спросил, что со мной, и я ему рассказал. Тогда он сказал, что это дело можно поправить, если я очень захочу и буду смелым.

Я сказал, что сделаю все, чтобы Спот снова был здоров, и спросил его, не знает ли он хорошего ветеринара. «Не знаю, — ответил Стэнни Б., — но я знаю, как тебе помочь, парень. Иди домой и скажи отцу, чтобы он положил пса в мешок, но не закапывай его. Отнеси его на Кладбище домашних животных и спрячь возле валежника, а потом возвращайся.»

Я спросил его, что будет потом, и он велел мне этой ночью не спать и ждать, пока он бросит в окно камешком. «И если ты, парень, забудешь про Стэнни Б., то попрощайся со своим псом, пусть идет прямо в ад!»

Джуд поглядел на Луиса и закурил еще сигарету.

— И так я и сделал. Когда я пришел домой, отец сказал мне, что он всадил пулю в голову Спота, чтобы тот не мучился. Мне не пришлось даже говорить про Кладбище; отец сам попросил меня отнести туда собаку. Так я и пошел, волоча мешок с моим псом. Отец спросил, не помочь ли мне, но я помнил, что сказал Стэнни Б.

Той ночью я не спал, хотя очень хотелось. Ты знаешь, как это бывает у детей. Мне показалось, что уже утро, но часы пробили только десять или одиннадцать. Пару раз я

задремал, но каждый раз будил себя. Будто кто-то тряс меня и говорил: «Вставай, Джуд! Вставай!» Будто кто-то хотел, чтобы я не уснул.

Луис удивленно поднял брови, и Джуд пожал плечами.

— Когда часы пробили двенадцать, я уселся на постели одетый и стал ждать. Пробило полпервого, потом час, а Стэнни Б. все не было. Я подумал, что этот чертов француз забыл про меня, и хотел уже раздеваться, когда два голыша чуть не расколотили мне окно. Один из них даже сделал трещину в стекле, но я не заметил этого до утра, а мать не замечала до самой зимы, когда в дом начал проходить холод.

Я тут же подбежал к окну и выглянул, и там стоял Стэнни Б., который шатался, словно от ветра, хотя ветер тогда был совсем слабый. Я не думал, что он вообще может куда-то идти — так он был пьян. И он прошептал мне — вернее, ему казалось, что он прошептал, — «Эй, парень, спускайся вниз или я сам поднимусь!» «Тсс!» — ответил я, до смерти боясь, что отец проснется и задаст мне трепку. Но Стэнни повторил то же еще громче. Хорошо, что родители были в спальне, где сейчас Норма, со стороны реки.

— И как же ты спустился, у тебя ведь такая скрипучая лестница? — спросил Луис.

— Конечно, потому я и не стал по ней спускаться. Я вылез через окно, цепляясь за плющ. Я боялся лезть, но еще больше боялся отца, чтобы он не узнал, что я иду на Кладбище домашних животных со Стэнни Б.

И вот мы пошли, вдвоем с ним. По дороге он упал раз десять. Но он тащил с собой кирку и лопату. Когда мы пришли на Кладбище, я подумал, что он даст мне все это и велит копать яму.

Но вместо этого он только позволил мне передохнуть. Он сказал, что мы пойдем дальше, за валежник и в леса, где есть другое место для похорон. Я посмотрел на Стэнни, который был так пьян, что едва держался на ногах, а потом на этот валежник и сказал: «Стэнни, ты не влезешь на него, ты сломаешь шею».

И тогда он сказал: «Я не собираюсь ломать шею ни себе, ни тебе. И я пройду, и ты похоронишь там своего пса». И он был прав. Он перешел через валежник совершенно

спокойно, даже не глядя под ноги, и я за ним, таща Спота, хотя он весил фунтов тридцать пять, а я тогда — не больше девяноста. Знаешь, Луис, на другой день я чувствовал себя не очень хорошо. А как ты себя чувствовал?

Луис не ответил, только кивнул.

— Мы шли и шли. Мне казалось, что мы идем целую вечность. Леса в то время были еще более дикими. Разные птицы кричали, и не всегда можно было понять, что это были за крики. Бродили какие-то звери, может быть, олени, а может, лоси или даже медведи. Я тащил Спота. Через какое-то время у меня возникла дурацкая идея, что старый Стэнни Б. превратился в индейца, и сейчас повернется ко мне, весь раскрашенный, смуглый и черноволосый, что его кирка с лопатой на самом деле томагавки, и он ударит меня по голове и снимет скальп. Стэнни больше не шатался и не падал, он шел прямо вперед, с поднятой головой, и это только укрепляло мои подозрения. Но когда мы добрались до края Чертова болота, и он повернулся, я увидел, что это тот же Стэнни, а не шатался он потому, что боялся. Все лицо у него было белым и блестело от пота.

Он говорил мне то же, что я тебе прошлым вечером — про птиц, и про огни Святого Эльма, и чтобы я не обращал внимание на то, что увижу и услышу. Самое главное, сказал он, не отвечать, если с тобой кто-нибудь заговорит. И я кое-что там увидел. Я не хочу говорить об этом, Луис, но я был там с тех пор раз пять, и не видел ничего подобного. И я думаю, что вчера я был там последний раз в жизни.

«Не верить же всему, что он говорит», — сказал себе Луис, хотя три пива сделали его более доверчивым. — Не верить же этим рассказам про старого француза, и какого-то Вендиги, и зверей, которые воскресают. Это просто проклятый кот, его оглушило, а потом он вылез, вот и все. А остальное — просто стариковские байки.»

Но это было не так, и Луис знал, что это не так, и три пива не могли подавить в нем это знание, как не смогли бы и тридцать три.

Черч умер, теперь он был жив, и что-то в нем изменилось, что-то было не так. Что-то случилось. Джуд не хотел говорить, что он видел, но медицина этого индейского

кладбища была недоброй, и что-то в глазах Джуда подтверждало это. Луис подумал об этом странном взгляде Джуда прошлым вечером и вспомнил свою мысль о том, что Джудом словно кто-то управлял.

«Но кто?» — спросил его ум. И, не зная ответа, Луис отогнал от себя эту мысль.

— Я зарыл Спота и сложил курган, — сказал Джуд, — и пока я это делал, Стэнни Б. уснул. Я тряс его, пока не разбудил, но, когда мы прошли эти сорок четыре ступеньки...

— Сорок пять, — пробормотал Луис.

Джуд кивнул.

— Да, верно, сорок пять. Когда мы прошли эти сорок пять ступенек, он снова шел уверенно, как и раньше. Мы пошли обратно через болото и через валежник, и, наконец, перешли через дорогу, и я опять увидел свой дом. Мне казалось, что прошло десять часов, но на самом деле еще даже не стемнело.

«И что теперь?» — спросил я Стэнни Б. «Теперь жди и увидишь, что будет», — ответил он и пошел прочь, опять шатаясь и спотыкаясь. Я думаю, он спал ту ночь в хлеву, и так уж получилось, что мой Спот пережил Стэнни Б. на два года. У него что-то испортилось в кишечнике, и 4 июля 1912-го двое детей нашли его на дороге, мертвого, как кочерга.

А тогда я просто залез по плющу обратно, забрался в постель и заснул, едва моя голова коснулась подушки.

Наутро я проснулся только в десять, когда мать позвала меня. Отец работал на железной дороге и уходил в шесть. И мать никогда еще не звала меня так. Она прямо вопила.

Джуд подошел к холодильнику, достал банку пива и открыл ее. Лицо его в свете лампочки было желтым, цвета никотина. Отхлебнув пива, он громко рыгнул и опять повернулся к Луису.

— Дальше мне нелегко говорить. Я вспоминал это снова и снова, но так никому и не рассказывал. Другие знали, что случилось, но никогда не говорили со мной об этом. Это как секс, наверно. Тебе я скажу, Луис, потому что твой кот теперь уже другой. Не обязательно опасный, но... другой. Как тебе кажется?

Луис подумал о Черче, неуклюже спрыгнувшем с бачка, о его мутных глазах, тупо глядящих на него.

Наконец он кивнул.

— Когда я сбежал вниз, моя мать стояла в углу между ледником и одним из наших шкафов. На полу лежало что-то белое — это была занавеска, которую она собиралась вешать. А у двери стоял мой пес Спот. Он был весь в грязи, и оставлял грязные следы. Шерсть на брюхе свалилась. Он просто стоял, не рычал, ничего, но было ясно, что именно из-за него она забилась в угол. Она была в ужасе, Луис. Я не знаю, как ты относился к родителям, но я своих очень любил. Обоих. Я понял, что до смерти перепугал свою мать, когда увидел стоящего там Спота. Но сам я даже не удивился.

— Я знаю, — сказал Луис. — Когда я утром увидел Черча, я просто... мне показалось, что это... — он помедлил. «Естественно»? Это слово сразу пришло на ум, но оно было не самым верным. — Должно было случиться.

— Вот-вот, — сказал Джуд. Он зажег новую сигарету. Руки его немного дрожали. — И моя мать увидела меня, в белье, и закричала мне: «Забери своего пса, Джуд! Забери, пока он не запачкал занавеску!»

Тогда я позвал его, и сначала он не шел, как будто не узнавал своего имени, и я уже подумал, что это вовсе не Спот, а просто похожий пес...

— Да! — воскликнул Луис.

Джуд кивнул.

— Но когда я позвал его второй или третий раз, он пошел. Он не мог идти прямо, а весь шатался, едва не свалился с крыльца, а когда я дал ему похлебки, накинулся на нее, как волк. Тут я впервые испытал страх, потому что понял, что случилось. Но я стал на колени и обнял его — все-таки я был очень рад, что он вернулся. И он облизал мое лицо, и...

Джуд допил пиво и продолжил:

— Луис, его язык был холодным. Будто к твоему лицу прикасаласьдохлая рыба.

Какой-то момент они оба молчали. Потом Луис сказал: — Продолжай.

— Он поел, и потом я принес старую ванну, которую мы держали специально для него на заднем крыльце, и вымыл его. Спот всегда не любил мыться; обычно мы купали его вдвоем с отцом, и к концу были мокрыми с ног до головы, а сам Спот выглядел виноватым — собаки умеют делать такой вид.

Но в тот день Спот сидел в ванне совсем смиренно. Он не шевелился. Мне это не понравилось. Это было как... мыть кусок мяса. Я взял старое полотенце и досуха вытер его. Я видел все места, где его зацепила проволока — там не было шерсти, и мясо казалось вырванным клочьями. Так выглядят зажившие раны лет через пять.

Луис кивнул. По роду занятий ему приходилось видеть такие вещи. Раны никогда не затягиваются полностью, и он снова подумал о могилах, которые никогда не удастся доверху засыпать землей.

— Потом я увидел его голову. На ней тоже был маленький белый круг, где не было шерсти. Возле уха.

— Туда попала пуля, — сказал Луис.

Джуд утвердительно кивнул.

— Убить человека или животное выстрелом в голову не так уж и просто, Джуд. Бывают самоубийцы, которые не знают, что пуля может войти в голову, удариться о череп и пройти полукругом, не задев мозга. Я сам видел один случай, когда парень выстрелил себе в правое ухо и умер оттого, что пуля обошла вокруг головы и пробила ему вену с другой стороны. Траектория этой пули была похожа на дорожную схему.

Джуд усмехнулся и снова кивнул.

— Помнится, я читал про такое в какой-то из газет Нормы, в «Стар» или «Инкуайрер». Но если мой отец сказал, что Спота нет, значит, он знал, что говорит.

— Ну хорошо. Если ты говоришь, что такое было, то я тебе верю.

— Кот твоей дочери был мертв?

— А ты как думаешь? — спросил Луис.

— Тебе лучше знать. Ты ведь доктор.

— Это звучит прямо как: «Тебе лучше знать, ты ведь Бог». Я не Бог. Было темно...

— Да, было темно, и голова болталась, как у куклы, и, когда ты поднял его, он оторвался от земли, как клейкая лента. Живые так не делают. Если ты жив, ты не примерзнешь к земле.

В другой комнате часы пробили десять тридцать.

— И что же сказал твой отец, когда пришел домой и увидел пса?

— Я тогда вышел на улицу, ожидая его. Я чувствовал себя, как обычно, когда сделал что-то не то, и ждал наказания. Он вошел в калитку около восьми, в своем плаще и фуражке... ты видел когда-нибудь такие?

Луис кивнул, прикрыв рукой зевок.

— Да, уже поздно, — заметил Джуд. — Пора закругляться.

— Да нет, — сказал Луис. — Я выпил всего на пару банок больше обычного. Продолжай, Джуд. Мне очень интересно.

— Мой отец носил обед в жестянке из-под сала, и он вошел, крутя эту жестянку в руке и что-то насвистывая. Было уже темно, но он увидел меня и сказал: «Привет, Джудкинс! — он меня так называл, и потом, — Ну, где твой...» И тут из темноты вышел Спот, не выбежал, как раньше, а вышел медленно, опустив хвост, и мой отец уронил свою жестянку и отшатнулся. Не знаю, почему, но он не убежал, а только отступал назад, пока не натолкнулся спиной на забор, и стоял там, глядя на пса. И когда Спот все же прыгнул на него, отец схватил его за лапу и так держал, как даму во время танца. Он долго смотрел на пса, потом поглядел на меня и сказал: «Надо бы его вымыть, Джуд, он воняет землей, в которую ты его закопал». И потом пошел в дом.

— И что ты сделал?

— Вымыл его второй раз. Он опять сидел в ванне и не шевелился. И когда я вошел в дом, мать уже пошла спать, хотя еще не было девяти. Отец сказал: «Нам надо поговорить, Джудкинс». И я уселся напротив него, и он первый раз говорил со мной, как со взрослым, и я и сейчас помню, как тогда пахла жимолость, что росла возле твоего дома, — Джуд вздохнул. — Я всегда хотел, чтобы он говорил со

мной так, но в тот раз мне это не понравилось. Это было похоже на то, как ты смотришь в зеркало, напротив которого установлено другое зеркало, и ты видишь себя во многих зеркалах сразу. Интересно, сколько раз эта история будет повторяться? Все то же самое, кроме имен. Это тоже похоже на секс, ты не находишь?

— Твой отец все знал?

— Ага. «Кто отвел тебя туда, Джуд?» — спросил он меня, и я ему все рассказал. Он только кивал, как будто ожидал этого. Хотя я потом узнал, что в Ладлоу еще шесть или семь человек знали про это место, но думаю, что один Стэнни Б. был настолько ненормальным, чтобы пойти туда.

— А ты не спросил его, почему он тебя не сводил?

— Спросил, — сказал Джуд. — Как-то во время этого долгого разговора я и про это спросил. И он ответил, что это нехорошее место, и вряд ли оно может помочь людям, которые лишились своих животных, или самим животным. Он спросил меня, буду ли я любить Спота, как раньше, и ты знаешь, Луис, я долго не мог ответить... и я должен высказать тебе свои чувства, потому что рано или поздно ты спросишь, зачем я отвел тебя туда, если это плохое место, так ведь?

Луис кивнул. Что Элли подумает про Черча, когда вернется? Это сильно занимало его, пока они со Стивом Мастертоном гоняли шарик.

— Может быть, смерть иногда лучше, — сказал Джуд. — Но дети этого не знают, и твоя Элли тоже, и иногда мне кажется, что и твоя жена не знает. Скажи мне, если я не прав, и оставим этот разговор.

Луис открыл рот и закрыл его снова.

Джуд продолжал, говоря теперь очень медленно, пробираясь от слова к слову, как накануне они перебирались с кочки на кочку в Чертовом болоте.

— Я видел, как это бывает. Кажется, я говорил тебе, что Лестер Морган закопал там своего призового быка. Бык черной ангусской породы по кличке ХэнрЭтти. Правда, дурацкое имя для быка? Он умер от какой-то язвы, и Лестер тащил его туда на санях. Как он это сделал — перетаскил его через валежник и все такое, — я не знаю, но когда ты хочешь что-то сделать, у тебя обычно получается.

Ну вот, Хэнрэтти вернулся домой, но Лестер застрелил его через две недели. Этот бык стал плох, совсем плох. Но это единственное животное, о котором я слышал такое. Большинство становились просто... чуточку тупыми... медлительными... чуточку...

— Чуточку мертвыми?

— Да. Чуточку мертвыми. Словно они были где-то... а потом вернулись... но не совсем. Но твоей дочери не обязательно это знать, Луис. То, что ее кот попал под машину и потом вернулся. Не надо ставить ей задачи, которые она не может решить. Кроме...

— Кроме тех случаев, когда это надо, — сказал Луис скорее себе, чем Джуду.

— Да, — согласился Джуд, — иногда надо. Может быть, она поймет, что смерть — это реальность, что есть точка, где боль проходит и сменяется просто доброй памятью. Но не объясняй ей этого, она поймет сама. И, если она хоть немного похожа на меня, она по-прежнему будет любить кота. Она будет его любить... но постепенно кое-что поймет... и вздохнет с облегчением, когда он умрет. Они ведь не живут долго.

— Это поэтому ты отвел меня туда? — спросил Луис. Он теперь чувствовал горечь. Теперь ему все объяснили. Пусть это объяснение было диким, выходящим за пределы здравого смысла, но оно было. Теперь Луис мог стереть в памяти тот странный взгляд Джуда в лесу — то мрачное торжество. — Но это...

Внезапно Джуд резко закрыл лицо ладонями. В какой-то момент Луис подумал, что у него приступ боли, но, увидев, как судорожно вздымается грудь старика, понял, что тот борется со слезами.

— Поэтому, но не только, — сказал он странным, хриплым голосом. — Я думаю, потому же Стэнни Б. сделал это, и Лестер Морган, и другие. Лестер отвел туда Линду Лавескью, когда умерла ее любимая собака. Он повел ее туда уже после того, как убил своего быка, чтобы тот не гонялся за детьми. Он все равно сделал это, Луис, он все равно это сделал, — Джуд почти стонал.

— Джуд, о чем это ты? — спросил Луис в тревоге.

— Лестер сделал это, и Стэнни, по той же причине, что и я. Ты делаешь это потому, что что-то толкает тебя. Ты делаешь это потому, что эти могилы — тайное место, и ты владеешь этой тайной, и выдумываешь причины, которые кажутся тебе правильными... — Джуд убрал руки от лица и посмотрел на Луиса глазами древнего старика. — Поэтому ты идешь и делаешь это. Ты создаешь причины... они кажутся тебе разумными... но ты просто хочешь видеть их такими. Или они этого хотят. Мой отец не отвел меня туда потому, что слышал про это место, но никогда там не был. Стэнни Б. был там... и привел меня... и прошло семьдесят лет... и вот...

Джуд покачал головой и вытер сухие глаза.

— Послушай, — сказал он. — Послушай, Луис. Бык Лестера был единственным животным, которое действительно испортилось. Я помню, что болонка миссис Лавескью как-то потом укусила почтальона, и знаю еще пару таких случаев, но... животные все немного дикие... А Спот всегда оставался хорошим псом. Моя мама никогда больше до него не дотрагивалась, но он все равно был хороший пес, хотя и вонял землей, сколько бы его не мыли. Но Луис, если ты сегодня убьешь этого кота, я никогда никому не скажу про это.

Это место... оно толкает тебя... и ты выдумываешь самые благородные причины... но я делал не то, Луис. Вот и все, что я могу сказать. И Лестер делал не то, и Стэнни Б. Я же не Бог. А в том, чтобы оживить мертвое животное, есть какая-то претензия на то, чтобы стать Богом, тебе не кажется?

Луис опять открыл рот и опять его закрыл. То, что он хотел сказать, было нелепо, нелепо и жестоко: «Джуд, я не затем прошел через все это, чтобы опять убивать этого проклятого кота».

Джуд допил пиво и аккуратно отставил банку к пустым.

— Ну, вот и все, что я хотел сказать.

— Можно задать тебе один вопрос?

— Спрашивай, — сказал Джуд.

— Не хоронил ли там кто-нибудь людей?

Рука Джуда конвульсивно двинулась, две пивных бутылки упали со стола, одна из них разбилась.

— О Господи, — сказал он. — Нет! Кто бы посмел? Ты не должен даже спрашивать о таких вещах, Луис!

— Я только поинтересовался.

— Некоторыми вещами лучше не интересоваться, — сказал Джуд, и впервые он показался Луису Криду дряхлым, будто стоял возле собственной свежевырытой могилы.

И потом, дома, ему припомнилось еще кое-что о том, как выглядел Джуд в этот момент.

Казалось, что он лгал.

27

Луис понял, что он пьян, только когда зашел в свой гараж.

Снаружи мерцали звезды и светила холодная луна. Здесь он сперва ослеп. Где-то был выключатель, но он не мог его отыскать. Он пробирался по стене, то и дело боясь удариться или что-нибудь раздавить. Так, велосипед Элли с красными колесами. Игрушечная машина Гэджа.

Где же кот? Может, он ушел?

Внезапно он потерял направление и отошел от стены. Тут же под ногой что-то хрустнуло, и он крикнул: «Дерьмо!» — в темноту, осознавая, что он скорее испуган, чем рассержен. Теперь он не мог найти не только выключателя, но и вообще ничего, включая дверь на кухню.

Он пошел снова, медленно, ощупью. «Так вот каково быть слепым», — подумал он, и вспомнил концерт Стиви Уандера, на котором они с Рэчел были. — Когда? Шесть лет назад? Казалось, это было очень давно. Она тогда была беременна Элли. Двое парней подвели Уандера к синтезатору, осторожно переводя его через шнуры, змеившиеся по сцене. И потом, когда он начал танцевать с одной из певиц, она вывела его на свободное место. Танцевал он хорошо, но требовалась рука, чтобы вывести его туда, где он мог это делать.

«Появится ли рука, что выведет меня на кухню?» — подумал он... и вздрогнул.

Если сейчас из темноты к нему протянется рука, как же он завопит!

Он остановился с колотящимся сердцем. «Иди, — сказал он себе. — Прекрати это, иди, иди...

Где же этот проклятый кот?»

Потом он опять налетел на что-то, на бампер «Форда», и боль пронзила его тело. Он схватился за ногу, стоя на одной, как цапля, но зато теперь он понял, где находится, география гаража всплыла у него в памяти. Теперь он вспомнил, что оставил кота в доме, боясь дотрагиваться до него, и...

И тут пушистое, теплое тело Черча коснулось его ноги, прошуршав, как змея, и Луис закричал; он открыл рот и закричал.

28

— Папа! — крикнула Элли.

Она бежала к нему по дорожке, лавируя между идущими пассажирами, как нападающий на поле. Большинство их остановились, улыбаясь. Луис был немного смущен ее пылом, но сам почувствовал, как по лицу его расползается широкая дурацкая улыбка.

Рэчел держала Гэджа, и он тоже увидел Луиса. «Паааа! — завопил он, вырываясь из рук матери. Она улыбнулась (с некоторой ревностью, подумал Луис) и поставила его на ноги. Он побежал за Элли, смешно перебирая ножками.

— Пааа! Пааа!

Луису потребовалось время, чтобы заметить на Гэдже новый джемпер — вероятно, работа деда. Тут Элли бросилась к нему и вскарабкалась, как на дерево.

— Привет, папа! — выдохнула она и прижалась к нему.

— Привет, малышка! — сказал он, спеша встретить Гэджа. Он поймал его и тоже прижал его к себе. — Я так рад, что вы вернулись.

Тут подошла и Рэчел, с дорожной сумкой и книжкой в руке, держа в другой руке рюкзак Гэджа. «Я скоро буду большим», — красовалась на нем гордая надпись, призванная утешить скорее родителей, чем самого малыша. Она выглядела, как фотограф-профессионал после долгой утомительной командировки.

Луис просунулся между детьми и поцеловал жену в губы.

— Привет.

— Привет, док, — сказала она, улыбаясь.

— Ты выглядишь усталой.

— Я действительно устала. До Бостона долетели нормально. Пересели тоже нормально. Но как только самолет взлетел, Гэдж посмотрел вниз, сказал «холосо» и обделался.

— О Боже.

— Я быстро отнесла его в туалет. Не думаю, что он заболел, наверно, просто его укачало.

— Поехали домой, — сказал Луис. — Я затоплю печку.

— Печку! Печку! — завопила Элли прямо в ухо отцу.

— Петьку! Петьку! — вторил ей Гэдж у другого уха.

— Поехали, — повторил Луис. — Берите вещи.

— Папа, как там Черч? — спросила Элли, когда он опустил ее на пол. Луис ждал этого вопроса, но тревожное лицо Элли, ее нахмуренные брови смутили его, и он вопросительно взглянул на Рэчел.

— Она в выходной проснулась со слезами, — сказала спокойно Рэчел. — Ей приснился кошмар.

— Мне снилось, что Черч убежал, — сказала Элли.

— Слишком много сэндвичей с индейкой, вот и все, — сказала Рэчел. — К тому же, у нее был приступ диарреи. Посади ее отдохнуть, Луис, и давай выбираться отсюда. За последнюю неделю я навидалась аэропортов на следующие пять лет.

— Да нет, с Черчем все в порядке, дорогая, — медленно сказал Луис.

«Да, в порядке. Он весь день лежит в доме и смотрит на меня своими мутными глазами, словно видит что-то такое, чего не вижу я. На ночь я выгоняю его метлой, боюсь прикасаться. Я его выметаю. И еще, когда я утром зашел в гараж, там валялась мышь — или то, что от нее осталось. Он позавтракал ее кишками. А я этим утром не стал завтракать. Так что все в порядке.»

— Все в порядке.

— А-а, — сказала Элли, и ее брови разошлись. — Это хорошо. Когда я увидела этот сон, мне показалось, что он умер.

— В самом деле? — спросил Луис, улыбаясь. — Дурацкий сон, правда?

— Сооон! — запищал Гэдж. Он проходил попугайский этап, как было и у Элли. — Сооооон! — Он энергично дернул отца за волосы.

— Пошли, бандиты, — сказал Луис, и они направились к багажному отделению.

Они уже дошли до машины, когда Гэдж странным, икающим голосом забормотал «холосо, холосо». После этого он обкакался прямо на Луиса, который по случаю прибытия семьи надел парадные брюки. Видимо, «холосо» было у Гэджа кодовым словом для выражения сложного понятия: «Я сейчас тебя обгажу, стой спокойно».

Когда они ехали семнадцать миль от аэропорта до их дома в Ладлоу, у Гэджа начался жар. Луис заехал в гараж и краем глаза заметил Черча, сидящего в углу и глядящего на машину своим новым, странным взглядом. Через мгновение он исчез, а потом Луис заметил еще одну распотрошенную мышь на полу гаража. Ее внутренности беззащитно розовели в полумраке.

Луис быстро отпихнул мышь за пирамиду шин. Он помнил, что Черч за все время до своего воскрешения убил только одну крысу; иногда он загонял мышь в угол и играл с нею в жестокую кошачью игру, обычно кончающуюся убийством; но всякий раз Элли или Рэчел вмешивались, не давая довести дело до конца. А когда котов кастрируют, они обычно теряют всякий интерес к мышам, по крайней мере, когда их хорошо кормят.

— Ты так и будешь мечтать тут или все же поможешь мне с детьми? — спросила Рэчел. — Вернись со звезд, доктор Крид! Ты нужен людям Земли. — Голос ее казался раздраженным.

— Прости, дорогая, — сказал Луис. Он взял на руки Гэджа, который был теперь горячим, как печка.

В тот вечер они сидели втроем; Гэджа уложили на диван в комнате, больного и сонного, напоили куриным бульоном и оставили смотреть телевизор.

После обеда Элли пошла к гаражу и позвала Черча. Луис, который мыл в это время посуду, очень понадеялся,

что кот не придет, но он появился — припелся своей новой ковыляющей походкой, сразу же, словно где-то таился. «Таился» — это слово вспомнилось ему сразу же.

— Черч! — крикнула Элли. — Привет, Черч! — Она подняла кота и прижала к груди. Луис краем глаза наблюдал за ней; руки его замерли над посудой. Он увидел, как счастливое выражение на лице Элли медленно сменилось изумлением. Кот спокойно лежал у нее на руках, уши прижаты, глаза устремлены вперед.

Через какое-то время — Луису оно показалось очень долгим, — она опустила Черча на пол. Кот пошел в направлении столовой, даже не оглянувшись. «Убийца мышей, — подумал Луис бессвязно. — Боже, что же было тогда вечером?»

Он пытался вспомнить, но все это казалось невероятно далеким, как смерть Виктора Паскоу на полу лазарета. Он помнил бешеные порывы ветра и призрачное мерцание снега. Вот и все.

— Папа? — сказала Элли тихо.

— Что детка?

— От Черча нехорошо пахнет.

— Разве? — спросил Луис, тщательно следя за своим тоном.

— Да! — сказала Элли. — Он никогда так не пах! Он пахнет, как... как какашки!

— Ну, может быть, он влез в какую-нибудь дрянь, — предположил Луис. — Это скоро пройдет.

— Надеюсь, что так, — промолвила Элли голосом вдовствующей королевы. Она пошла наверх.

Луис вымыл последнюю вилку и закрыл кран. Он стоял на пороге, вглядываясь в темноту, пока вода с хлопаньем уходила в водосток.

Когда хлопанье смолкло, он услышал вой ветра, тонкий и заунывный, ветер с севера, несущий зиму, и он понял, что боится, просто боится, как можно испугаться тучи, внезапно закрывшей солнце.

— Сто три градуса? — спросила Рэчел. — О Боже, Луис! Ты уверен!

— Это вирус, — сказал Луис. Он пытался не слышать обвинительных ноток в голосе Рэчел. Она устала. У нее был тяжелый день, она пересекла полстраны вместе с детьми. Было уже одиннадцать, а день все не кончался. Элли уснула в своей комнате. Гэдж лежал на их кровати в состоянии, которое можно было назвать полубессознательным. Луис час назад дал ему ликиприн.

— Аспирин к утру сгонит температуру, дорогая.

— А почему ты не дал ему ампицилин или еще что-нибудь?

Луис терпеливо объяснил:

— Если бы у него был грипп, я бы дал. Но у него вирус, а вирус этим не вылечить. Можно лишь ускорить болезнь.

— Но ты уверен, что это вирус?

— Ну, если у тебя другое мнение, — Луис повысил голос, — я готов прислушаться.

— Не кричи на меня? — закричала Рэчел.

— Я и не кричу! — крикнул Луис в ответ.

— Нет, кричишь, — завелась Рэчел, — кричишь, кричишь... — тут губы у нее скривились, и она закрыла лицо ладонями. Луис увидел глубокие тени у нее под глазами, и ему стало стыдно.

— Прости, — сказал он, садясь рядом с ней. — Господи, я прямо не знаю, что со мной. Извини меня, Рэчел.

— Не извиняйся, — сказала она, улыбаясь сквозь слезы. — Поездка была собачьей. И я боялась, что ты встанешь на дыбы, когда посмотришь в шкаф Гэджа. Наверно, я говорю тебе это сейчас, потому что ты извиняешься.

— Встану на дыбы? Отчего?

— Мои мать с отцом купили ему десять новых свитеров. Он сегодня был в одном из них.

— Я заметил, что на нем что-то новое, — сказал он.

— Я заметила, что ты заметил, — парировала она, соорудив гримасу, заставившую его рассмеяться, хотя ему не очень хотелось. — И шесть новых платьев для Элли.

— Шесть платьев! — воскликнул он. Это его взбесило — почему, он не мог бы даже объяснить. — Рэчел, зачем? Зачем ты им позволила? Нам не нужно... Мы сами...

Он замолчал. Гнев лишил его слов, и на миг он снова увидел себя, волокущего по лесам пакет с мертвым котом... А в это время старый ублюдок Ирвин Голдмэн пытался купить его дочь своими вонючими подарками!

Какой-то момент он готов был закричать: «Он купил ей шесть платьев, а я оживил ее чертова кота — кто из нас больше ее любит?»

Он проглотил эти слова. Никогда в жизни он не скажет ничего подобного. Никогда.

Она нежно обняла его.

— Луис, попытайся понять. Пожалуйста. Они любят наших детей и редко их видят. И они ведь уже старые. Луис, ты плохо знаешь моего отца.

— С меня хватит, — пробормотал Луис.

— Ну, пожалуйста, дорогой. Попытайся это понять. Будь чуточку добрее. Тебе ведь не трудно.

Он долго глядел на нее.

— Хорошо, я попробую, — сказал он наконец.

Она открыла рот, чтобы ответить, но тут из комнаты раздался крик Элли:

— Папа! Мама! Кто-нибудь!

Рэчел вскочила было, но Луис притянул ее назад.

— Посиди с Гэджем. Я пойду посмотрю. — Он подумал, что знает, что произошло. Но он ведь выгнал кота, черт возьми; когда Элли легла, он поймал его в кухне возле миски и выкинул вон. Он не хотел, чтобы кот спал с ней. Когда он представил это, к нему пришли странные мысли о погребальном зале дяди Карла.

«Она поймет, что что-то не так, что Черч раньше был другим.»

Он выкинул кота, но когда он вошел, Элли сидела в кровати, заспанная, а Черч разлегся на покрывале, черная тень, похожая на летучую мышь. Открытые глаза кота мерцали в отблеске света из холла.

— Папа, забери его, — взмолилась Элли. — Он воняет.

— Тсс, Элли, спи, — сказал Луис, удивившись своему спокойному голосу. Все это напоминало ему утро после его хождения во сне, вслед за смертью Паскоу. В лазарете он сразу кинулся в ванную, думая, что выглядит ужасно. Но

в зеркале отразилось его обычное лицо. Он подумал, какие мрачные тайны прячут многие люди за внешним спокойствием. «Но это же не тайна! Это всего-навсего кот!» Но Элли была права. От него воняло.

Он вынес кота из комнаты и отнес его вниз, стараясь дышать через рот. Были запахи и хуже, например, дерьмо. Еще хуже был запах гноящейся раны — то, что доктор Брэкерман у них в училище называл «горелым мясом». Даже запах конвертера «сивика», когда его надолго оставляли в гараже, был хуже.

Но этот запах был странным. И как кот забрался в дом? Он ведь выгнал его, вымел метлой, пока все трое — его семья — были наверху. Сейчас он впервые за неделю дотронулся до кота. Черч спокойно лежал у него в руках, и он подумал: «Где ты нашел лазейку, ублюдок?»

Он внезапно вспомнил тот давний сон — как Паскоу просто прошел через дверь между кухней и гаражом.

Может, лазейки и не было? Может, он прошел через дверь, как призрак?

— Ерунда, — прошептал он охрипшим голосом.

Луис внезапно испугался, что кот сейчас начнет вырываться, что он его поцарапает. Но Черч лежал так же спокойно, глядя Луису в глаза, будто мог прочесть его мысли.

Он открыл дверь и швырнул кота в гараж.

— Иди, — сказал он. — Убей там мышь или еще кого.

Черч шлепнулся об пол, его зрачки блеснули в темноте и скрылись. Луису показалось, что в них мелькнула тупая ненависть. Кот, пошатываясь, пошел прочь.

«Господи, Джуд, зачем ты это сделал?»

Он вернулся к раковине и вымыл руки так тщательно, будто готовился к операции. «Ты делаешь это потому, что что-то толкает тебя... ты изобретаешь причины... они кажутся тебе разумными... но ты просто хочешь видеть их такими... ты выдумываешь самые благородные причины.»

Нет, он не винил Джуда. Он пошел туда по своей воле и не мог никого винить.

Он закрыл кран и начал вытирать руки. Внезапно полотенце замерло, и он напряженно уставился за окно, в кусочек ночи, вставленный в раму.

«Так что же, теперь это и мое место тоже? Нет. Я не хочу.»

Он повесил полотенце на крюк и пошел наверх.

Рэчел лежала под одеялом рядом с Гэджем. Она, извиняясь, посмотрела на Луиса.

— Дорогой, пусть он сегодня побудет со мной. Ему так будет лучше. Он такой горячий.

— Ну, хорошо, — сказал Луис. — Я пойду вниз.

— Ты правда не обидишься?

— Нет. Гэджу это не повредит, а тебе действительно будет лучше, — он помедлил и улыбнулся. — Хотя ты можешь заразиться. Почти наверняка. Ты не передумаешь?

Она улыбнулась в ответ и покачала головой.

— А что там с Элли?

— Она просила меня забрать Черча.

— Элли просила забрать Черча? Что-то новое.

— Да, вот так, — сказал Луис и добавил. — Она сказала, что от него нехорошо пахнет, и я тоже почувствовал. Похоже, он вляпался во что-то.

— Жаль, — сказала Рэчел, поворачиваясь на бок. — Я-то думала, что она любит Черча не меньше, чем нас с тобой.

— Гм, — сказал Луис. Он нагнулся и поцеловал жену. — Давай спи.

— Я люблю тебя, Лу. Я рада, что вернулась. И прости за кровать.

— Все нормально, — сказал Луис, гася свет.

Внизу он постелил себе на диване и мысленно приготовился к неприятной ночи на жестком ложе. Он достал из шкафа два одеяла и начал раздеваться, потом вдруг остановился.

«Ты думаешь, Черч опять внутри? Пройдись по дому и посмотри. Неважно, что ты скажешь Рэчел. Проверь все двери.»

Он прошел по всем помещениям внизу, проверяя замки на окнах и дверях. В первый раз он ничего не нашел, и Черча тоже нигде не было.

— Попробуй зайти, чертов кот, — пробормотал он. При этом он мысленно пожелал Черчу отморозить яйца. Но ведь у него их все равно не было.

Он выключил свет и лег. Жесткие доски тут же начали давить ему на спину, и он подумал, что не проспит и полночи. Он все же уснул, но когда проснулся, то оказался...

«...Опять на том старом индейском кладбище. Только в этот раз один. Он сам убил Черча и зачем-то решил оживить его еще раз. Он не знал причины; один Бог знал ее. Он теперь закопал Черча глубже, так что кот не мог вылезти. Луис слышал, как кот кричит где-то под землей, как ребенок. Звук этот выходил из пор земли, из ее каменистой тверди — звук и запах, жуткий запах гниения. Дыхание в его груди сперло, будто на ней лежала какая-то тяжесть.

Крик... этот крик...»

Крик все еще был слышен...

...И на его грудь по-прежнему что-то давило.

— Луис! — это был голос Рэчел, звучащий тревожно. — Луис, иди сюда!

Голос ее звучал не просто тревожно, а панически, а крик, сопровождающийся кашлем, был плачем Гэджа.

Он открыл глаза и встретился взглядом с зелено-желтыми глазами Черча. Они были от него не больше, чем в четырех дюймах. Кот лежал у него на груди. Вонь плыла от него удушливыми волнами. Он мурлыкал.

Луис испустил крик отвращения. Он обеими руками отпихнул от себя кота. Черч плюхнулся на кровать и пошел прочь своей шатающейся походкой.

«О Господи, он лежал на мне! Он лежал прямо на мне!»

Теперь его отвращение было еще больше, словно он проглотил паука. В какой-то момент ему показалось, что его сейчас стошнит.

— Луис!

Он откинул одеяло и поднялся наверх. В их спальне горел призрачный свет ночника. Рэчел в рубашке сидела у изголовья.

— Луис, его снова рвало... и он кашляет. Я боюсь.

— Я здесь, — сказал он и подошел к ней, думая: «Он опять вошел. Может, через чердак? Там, вероятно, разбито окно. Завтра же заделаю, когда вернусь. Нет, еще до того, как уйду на работу. Я его...»

Гэдж перестал плакать и издал глухой, утробный звук.

— Луис! — закричала Рэчел.

Луис действовал быстро. Гэдж лежал на боку, и рвота выходила у него изо рта на старое полотенце, подложенное Рэчел. Его вырвало, но это было еще не все. Большая часть осталась внутри, и ребенок начал задыхаться.

Луис схватил сына на руки, наклонил и резко дернул, наклонившись вперед. Шея Гэджа мотнулась, он громко кашлянул, и изо рта у него выскочил сгусток почти твердой рвоты, шлепнувшийся на пол. Гэдж снова заплакал, сухим, жалобным криком, который прозвучал музыкой в ушах Луиса. Этот плач значил, что кислород беспрепятственно проходит в горло.

Колени Рэчел подогнулись, и она упала на кровать, закрыв лицо руками. Ее трясло.

— Он чуть не умер, Луис! Он чуть н-не... о Боже!

Луис прошелся по комнате с сыном на руках. Плач Гэджа перешел в всхлипывания, он уже почти спал.

— Пятьдесят к одному, Рэчел, что он бы продышался. Я только помог ему.

— Но он мог, — сказала она, и взгляд ее был потрясенным и недоверчивым. — Он был так близко.

Внезапно он вспомнил, как она кричала ему на кухне: «Он не может умереть, никто здесь не умрет...»

— Дорогая, — сказал Луис. — Мы все близко. Всегда.

Почти наверняка его вырвало от молока. Она сказала, что Гэдж проснулся около полуночи, через час после того, как заснул Луис, со своим «голодным криком», и Рэчел дала ему бутылочку. Через час начался кашель.

Никакого молока, сказал Луис, и Рэчел покорно согласилась. Больше никакого молока.

В четверть второго Луис сошел вниз и минут пятнадцать искал кота. В ходе поисков он обнаружил зазор под дверью в кухню, как он и думал раньше. Он вспомнил, как мать говорила ему, что коты могут спокойно открыть лапой замок у двери старого образца, какая была у них в доме. Кот мог вскарабкаться по двери и подцепить когтями защелку. Ловко, подумал он, но ему не хочется, чтобы Черч часто проделывал такие штуки. Он нашел кота под печкой

и без церемоний вышвырнул его через переднюю дверь. Возвращаясь в постель, он закрыл дверь на чердак.

И запер ее на замок.

29

Утром температура у Гэджа была почти нормальной. Щеки его порозовели, но жар еще остался. Казалось, что перенесенное потрясение окончательно претворило его прежний бессвязный лепет в слова; теперь он повторял все, что они говорили. Элли учила его говорить «кака».

— Скажи «кака», Гэдж, — наставляла она его.

— Кака-Гэдж, — согласно отозвался Гэдж из-за тарелки с кашей. Луис разрешил ему эту еду, но только с добавкой сахара. И, как обычно, Гэдж больше разбрасывал, чем ел.

Элли засмеялась.

— Скажи «пук», Гэдж.

— Пука-Гэдж, — сказал Гэдж, улыбаясь мордашкой, измазанной кашей, — пука-кака.

Элли и Луис прыснули. Они не могли удержаться.

Рэчел это развеселило меньше.

— Не хватит ли глупостей для одного утра? — осведомилась она, подавая Луису его яичницу.

— Пука-кака, пука-кака, — жиздерадостно завел Гэдж; Элли опять прыснула, а Рэчел нахмурилась. Луис отметил, что она выглядит отлично, несмотря на усталость. Но Гэдж выздоравливал, и она была у себя дома.

— Не говори так, Гэдж, — сказала Рэчел.

— Холосо, — задумчиво отреагировал Гэдж и вытошнил в чашку все съеденное.

— Фу, как противно! — завопила Элли, выбегая из-за стола.

Луис захохотал. Он ничего не мог с собой поделать. Он хохотал, пока не заплакал. Рэчел с Гэджем, наверное, решили, что он спятил.

«Да нет, — мог сказать он им. — Я мог спятить, но теперь уже все нормально.»

Он не знал, окончательно ли это, но действительно чувствовал, что все нормально.

По крайней мере, на время.

30

Вирус Гэджа продержался еще неделю, потом прошел. Еще через неделю он свалился с бронхитом, следом Элли, а потом и Рэчел, перед Рождеством. Они все трое кашляли, как старые больные собаки. Луис не заразился, и Рэчел даже обиделась на него за это.

Последняя неделя перед каникулами была для Луиса, Стива, Сурендры и Чарлтон очень загруженной. Гриппа еще не было, но многие подхватили бронхит; появились несколько случаев мононуклеоза и пневмонии. За два дня до каникул студенты притащили в лазарет шестерых подвыпивших приятелей. Некоторые моменты последующего вызвали у него мрачные ассоциации со смертью Паскоу. Все эти шестеро идиотов влезли на один тобогган (шестой забрался на плечи самого высокого приятеля) и попробовали съехать с холма. Все было очень весело, пока тобогган на полной скорости не свернул вправо и не врезался в одну из установленных там пушек времен Гражданской войны. Результатом стали две сломанных руки, семь поломанных ребер, сотрясение мозга плюс многочисленные мелкие ушибы. Только тот, что сидел на плечах товарища, не пострадал. Когда тобогган ударился о пушку, этот везунчик пролетел вперед и приземлился прямо в сугроб. Это было совсем не смешно, и Луис изрядно разругал всех шестерых, бинтуя их и накладывая гипс, но дома, рассказывая об этом Рэчел, он не мог удержаться от смеха. Рэчел в изумлении смотрела на него, не понимая, что же тут смешного, и он не мог ей объяснить. Да, в его смехе было сочувствие, но был и триумф — «ты сегодня вел себя молодцом, Луис».

Бронхит в семье начал проходить как раз тогда, когда у Элли в школе начались каникулы, и они все четверо готовились весело встретить Рождество. Старый дом в Ладлоу, который тогда, в августе, показался им чужим (и

даже враждебным, когда Элли порезала ногу, а Гэджа укусила пчела), был теперь действительно их домом.

Когда в рождественскую ночь дети, наконец, утомонились, Луис и Рэчел тихо, как воры, прокрались вниз — в руках у них были яркие коробки — набор игрушечных машинок для Гэджа и куклы Барби и Кен для Элли, с платьями, игрушечной печкой с огоньком внутри и другими чудесами.

Потом они сидели, обнявшись, возле сияющей елки, Рэчел в шелковой пижаме, Луис в халате. Он не помнил лучшего вечера. В камине потрескивал огонь, и то и дело один из них вставал, чтобы подбросить дров.

Уинстон Черчилль коснулся ноги Луиса, и он отпихнул его с почти отстраненным чувством отвращения — из-за запаха. Позже он увидел, как Черч пытается потереться о ноги Рэчел, и она также оттолкнула его с произвольным «брысь!» Через мгновение она потерла рукой о штанину, будто пытаясь стереть что-то грязное. Ему показалось, что Рэчел даже не заметила, что она сделала.

Черч уселся напротив камина. Теперь у него вовсе отсутствовала свойственная кошкам грация; он утратил ее в ту ночь, о которой Луис уже почти не вспоминал. И Черч утратил не только это. Луис думал об этом, но лишь через месяц смог определить, что это. Раньше кот мурлыкал по ночам так, что Луис иногда был вынужден вставать и закрывать дверь в комнату Элли, чтобы уснуть.

Теперь кот спал, как камень. Как мертвый.

Нет, сказал он себе, было одно исключение. Та ночь, когда он спал на диване, и Черч улегся ему на грудь, как вонючее одеяло... Тогда Черч мурлыкал. По крайней мере, издавал какие-то знаки.

Но, как и говорил Джуд Крэндалл, он не испортился. Луис отыскал разбитое окно на чердаке, и стекольщик, заделав его, сберег им кучу денег за отопление. Уже за то, что он обнаружил это окно благодаря Черчу, он мог сказать ему спасибо.

Элли больше не хотела, чтобы Черч спал с ней, да; но иногда, когда она смотрела телевизор, она позволяла коту спать у нее на коленях. Но часто, вспомнил он, она сгоняла

его через несколько минут со словами: «Уходи, Черч, от тебя воняет». Она по-прежнему кормила его, и Гэдж не упускал случая подергать за хвост старину Черча... из дружеских побуждений, как считал Луис; он был похож на маленького монашка, тянущего за веревку тяжеленного колокола. Когда это случалось, Черч залезал на батарею, где Гэдж не мог его достать.

«У собаки мы бы заметили больше изменений, — подумал Луис, — но кошки ведь такие независимые твари. Независимые и странные. Даже загадочные. Его не удивляло, что фараоны хотели, чтобы их мумифицированные кошки служили им проводниками в царстве мертвых. Они были там вполне уместны.

— Ладно, пошли спать, — сказала Рэчел, — у меня для тебя тоже есть подарок.

— Женщина, — сказал он, — ты вся моя, по праву.

— Много хочешь, — сказала она, смеясь. В этот момент она удивительно походила на Элли... и на Гэджа.

— Подожди минутку, — сказал он. — Еще одно дело

Он залез в шкаф в холле и достал оттуда свой башмак. Потом отодвинул каминный экран, за которым догорал огонь.

— Луис, что ты...

— Увидишь.

Луис поставил башмак на тонкий слой серого пепла, потом придавил им кирпичи, оставляя рубчатые следы.

— Вот, — сказал он, убрав башмак обратно в шкаф, — Как тебе?

Рэчел усмехнулась.

— Луис, Элли это понравится.

Неделю назад Элли принесла из садика потрясающее разоблачение, что, оказывается, роль Санта Клауса выполняют родители. Эту мысль подкрепил и вид весьма захудалого Санта, которого Элли несколько дней назад увидела в кафе-мороженое в Бангоре, где он со съехавшей набок бородой апатично жевал чизбургер. Это очень расстроило Элли, хотя Рэчел пыталась убедить ее, что это всего лишь помощник настоящего Санта Клауса, который очень занят приготовлением подарков.

Луис осторожно закрыл камин. Теперь там отпечатались два четких следа, один на пепле, другой на кирпиче. Они направлялись к елке, под которую Санта Клаус должен был положить подарки. Иллюзия была бы полной, если бы оба следа не были от левого ботинка, но Луис надеялся, что Элли не так наблюдательна.

— Луис Крид, я тебя люблю, — Рэчел поцеловала его.

— Ты вышла замуж за героя, крошка, — сказал Луис, гордо улыбаясь. — Останься со мной, и станешь звездой.

Они поднялись наверх. Он остановился у столика, который Элли поставила возле телевизора. Там лежало овсяное печенье и две конфеты. И банка пива. «Для вас, дорогие», — было написано корявым почерком Элли.

— Тебе печенье или конфету?

— Конфету, — сказала Рэчел и откусила половину. Луис поглядел на пиво.

— От пива так поздно будет отрыжка, — сказал он.

— Брось. Пошли, док.

Луис поставил банку назад и внезапно схватился за карман, будто забыл что-то, хотя он помнил о том, что там лежало, весь вечер.

— Вот, — сказал он. — Это тебе. Можешь открыть прямо сейчас. Уже за полночь. С Рождеством тебя.

Она увидела коробочку, завернутую в серебряную фольгу и перевязанную широкой голубой лентой.

— Луис, что это?

Он пожал плечами.

— Мыло. Хозяйственное. Совсем забыл.

Она открыла коробочку, стоя на ступеньках, и ахнула.

— Ну как? — спросил он с опаской. Раньше он никогда не покупал ей драгоценностей и теперь нервничал. — Тебе нравится?

Она держала двумя пальцами тонкую золотую цепочку и поворачивала ее, любуясь на маленький сапфир, блестящий холодным голубым светом.

— О, Луис, как красиво... — он увидел, что она даже немного плачет, и был одновременно счастлив и встревожен.

— А, милая, не говори много — лучше надень его.

— Луис, мы не можем себе позволить...

— Тсс, — сказал он. — С прошлого Рождества осталось немного... да и не такой уж он дорогой.

— Сколько?

— Не скажу, — заявил он твердо. — Даже под пытками. Две тысячи долларов.

— Две тысячи! — она обняла его так внезапно и крепко, что у него перехватило дыхание, — Луис, ты с ума сошел!

— Надень, — сказал он снова.

Она подчинилась. Он помог ей, и она опять повернулась к нему.

— Я хочу пойти посмотреть в зеркало, — сказала она. — Хочу покрасоваться.

— Давай-давай, — сказал он. — Я выгоню кота и потушу свет.

— Когда мы будем это делать, — шепнула она, — я сниму все, кроме него.

— Тогда красуйся скорее, — сказал он, и они рассмеялись.

Он взял Черча и понес его к выходу. Когда он открыл дверь, струя холодного воздуха ударила ему в лицо.

— Счастливого Рождества, Че...

Он осекся. На полу гаража лежала мертвая ворона. Голова ее была раздавлена. Одно крыло, оторванное, лежало рядом, как клочок черной бумаги. Черч выскользнул из рук Луиса и начал обнюхивать птичий труп. Голова кота пригнулась, и, не успев Луис опомниться, как он вырвал у вороны остекленевший глаз.

«Черч опять охотится», — подумал Луис и отвернулся от кроватной точки, где раньше был вороний глаз. — «Подумаешь, я и не такое видел. Паскоу был хуже, много хуже.»

Но он был по-настоящему взволнован. В желудке заныло. Жар сексуального возбуждения куда-то исчез. «Боже, эта птица величиной почти с него. Как он ее поймал? Должно быть, выслеживал.»

Надо было это убрать. Никому не нужен такой подарок на Рождество. И он должен был сделать это, кто же еще? Внезапно откуда-то из подсознания пришла мысль: «Ее убил мертвый кот».

«Земля тверже человеческого сердца, Луис.»

Эта мысль была такой четкой, что Луиса затрясло, словно Джуд возник из воздуха рядом с ним.

«Человек растит, что он может... и пожинает плоды.»

Черч все еще вертелся возле мертвой птицы, теребя ее с отвратительным шуршанием. Теперь он отрывал у нее второе крыло. «Нам никогда не оторваться от земли, Орвилл.» «Верно, Уилбур, проклятая птица мертва, как собачье дерьмо, пора скормить ее коту...»

Луис внезапно пнул Черча, сильно пнул. Кот отлетел в сторону, немного отбежал и опять устоял на Луиса желто-зелеными глазами.

— Съешь меня, ну, — прошипел Луис, как сам кот.

— Луис? — донесся из спальни голос Рэчел. — Где ты там?

— Иду, — отозвался он. «Только уберу немного падаль, Рэчел, ладно? Это ведь моя падаль.» Он включил свет в гараже, вернулся на кухню и взял зеленый пакет для мусора. В гараже он снял с гвоздя лопату, подцепил ей ворону и засунул в пакет. Следом он отправил оторванное крыло. Он завязал пакет и положил его за «сивик».

Черч теперь стоял в двери гаража. Луис сделал в его сторону угрожающий жест лопатой, и кот растворился в темноте.

Наверху Рэчел лежала в постели, одетая, как обещала, только в цепочку с сапфиром. Она томно улыбнулась ему.

— Что так долго, док?

— Лампочка в ванной перегорела, — сказал Луис.

— Иди сюда, — она мягко потянула его к себе. — Он видит, спим мы или бодрствуем, — нежно пропела она, улыбаясь уголками губ, — как ты считаешь?

— Может быть, — сказал Луис, скидывая халат. — Мы увидим его, если не уснем до его прихода.

Она поднялась на локте; он чувствовал ее теплое дыхание.

— Он знает, хорошо или плохо мы себя вели... Ты вел себя хорошо, Луис?

— Наверное, — сказал он совершенно спокойно.

— А вот сейчас посмотрим, какой ты хороший, — сказала она.

Секс в этот раз был очень приятным, но Луис потом не смог сразу уснуть, как обычно после приятного секса. Он лежал в темноте рождественской ночи, слушая глубокое дыхание Рэчел, и думал о мертвой птице на пороге — подарок на Рождество от Черча.

«Помни про меня, доктор Крид. Я был жив, потом мертв и вот я снова жив. Я описал круг и пришел сказать тебе, что вернулся для охоты. Я пришел сказать, что человек растит, что он может, и пожинает плоды. Не забывай об этом, доктор Крид. Я член твоей семьи, как твоя жена, твои дочь и сын. Помни про тайну и хорошо ухаживай за своим садом.»

На этом месте Луис заснул.

31

Зима шла своим чередом. Вера Элли в Санта Клауса была восстановлена — во всяком случае, на время, — следами на камине. Гэдж с восторгом развернул свои подарки, поспешив засунуть в рот кусок блестящей обертки.

На Новый год к ним зашли Крэндаллы отведать фирменный эгтног Рэчел, и Луис заметил, что Норма выглядит плохо. Взгляд ее был тусклым и каким-то отсутствующим. Его бабушка сказала бы, что Норма «сдала», и это было еще не самое плохое слово. Ее руки, обезображенные артритом, теперь покрылись пигментными пятнами. Волосы поредели. Крэндаллы ушли около десяти, и они смотрели телевизор вдвоем. Норма была у них в доме в последний раз.

Остаток зимы был слякотным и дождливым. В виду расходов на отопление погода казалась удачной, но в целом наводила тоску. Луис работал в доме, сооружал книжные полки и трудился над моделью «порше». Когда 23-го января кончились каникулы, он был рад вернуться на работу.

Наконец пришел и грипп — серьезная вспышка его охватила кампус через неделю после начала семестра, и у него были полны руки работы — десять, а то и двенадцать часов в день, — и он сильно уставал... но вовсе не был недоволен этим.

Теплее всего было 29-го января. Уже неделю держалась плюсовая температура. Луис бинтовал сломанную руку молодого человека, который надеялся — тщетно, по мнению Луиса, — весной играть в бейсбол, когда одна из медсестер просунула голову в дверь и позвала его к телефону.

Луис зашел в кабинет. Это была Рэчел, она плакала, и он сразу почувствовал тревогу. «Элли, — подумал он. — Упала с санок и сломала руку. Или расшибла голову.» Он вспомнил про тех парней на тобоггане.

— Что-нибудь с детьми? — спросил он. — Рэчел?

— Нет-нет, — сказала она, плача. — Не с детьми. Это Норма, Лу, Норма Крэндалл. Она умерла утром. Около восьми, сразу после завтрака, как сказал Джуд. Он зашел к нам, и я сказала, что ты вернешься через час. Он... ах, Лу, он выглядит таким потерянным... таким старым... слава Богу, Элли не было, а Гэдж еще мал, чтобы понимать...

Луис нахмурился и, несмотря на печальную новость, подумал о том, что ум Рэчел сразу обратился к любимому предмету. Главное — удерживать детей в неведении. Смерть — это тайна, ужас, и о ней нельзя знать детям, как викторианские леди и джентльмены думали, что детям нельзя знать о половых отношениях.

— Господи, — сказал он. — Это из-за сердца?

— Не знаю, — сказала она. Она уже не плакала, но голос был хриплым и сдавленным. — Ты придешь, Луис? Ты же его друг, и, я думаю, нужен ему.

«Ты его друг.»

«Да, конечно, — подумал Луис с легким удивлением. — Никогда не думал, что моим другом будет старик восьмидесяти трех лет.» Потом он подумал, что они больше, чем друзья, что Джуд понял это гораздо раньше, чем он. Джуд всегда хотел ему помочь, и, несмотря на все, что случилось, на этих мышей и птиц, Луис чувствовал, что решение Джуда было верным... А если не верным, то, по крайней мере, проникнутым сочувствием. Теперь ему предстояло сделать что-то для Джуда, и, если возможно что-то сделать для человека, у которого умерла жена, он это сделает.

— Уже еду, — сказал он и повесил трубку.

Это был не сердечный приступ, а кровоизлияние в мозг, мгновенное и, вероятно, безболезненное. Когда Луис позвонил днем Стиву Мастертону и рассказал, что случилось, Стив посчитал случившееся неизбежным.

— Иногда Бог колеблется, — сказал Стив, — а иногда указывает на тебя и велит собирать вещички.

Рэчел не хотела говорить на эту тему.

Элли была не столько расстроена, сколько удивлена и заинтересована — Луис подумал, что это естественная реакция для шестилетнего ребенка. Она хотела знать, умерла миссис Крэндалл с закрытыми глазами или с открытыми. Луис сказал, что он не знает.

Джуд держался, как мог — если учесть, что эта женщина прожила рядом с ним больше шестидесяти лет. Луис нашел старика — а теперь он действительно выглядел старым, даже старше своих восьмидесяти трех, — на кухне, курящего «Честерфилд» и невидящим взглядом смотрящего на бутылку с пивом.

Когда Луис вошел, он обернулся и сказал:

— Ну, вот ее и нет, Луис, — он сказал это так просто и ясно, что Луис даже подумал, что суть этой мысли еще не дошла до его сознания. Потом губы Джуда начали дергаться, и он поспешно закрыл лицо руками. Луис подошел к нему и положил руку на плечо. Джуд плакал. Он уже все понял. Он всегда соображал неплохо. Его жена умерла.

— Ничего, — сказал Луис, — ничего, Джуд, поплачь, она бы сказала тебе то же самое, поплачь немного.

Он и сам плакал. Джуд крепко обнял его.

Джуд плакал минут десять, а потом замолк. Луис слушал то, что он сказал за этим, с величайшим вниманием, и как доктор, и как друг. Он следил за тем, помнил ли Джуд, о чем говорил, и употребляет ли он имя Нормы в настоящем времени. Но Джуд проявил очень мало признаков растерянности. Луису казалось, что двое давно женатых людей с трудом могут обойтись друг без друга месяц, неделю, даже день. Он пришел к выводу, что Джуд глубоко опечален, но сохранил здравый ум. Он не обнаружил у него никаких

признаков дряхлости, подобных тем, которые он заметил у Нормы на Новый год, когда они сидели вчетвером в комнате за этногом.

Джуд принес ему из холодильника пива, лицо его было красным и опухшим от слез.

— Это было утром, — сказал он, — но солнце поднялось уже высоко, и я...

— Джуд, не надо, — прервал его Луис, открывая пиво. — Выпьем за нее?

— Выпьем, — сказал Джуд. — Ты не видел ее в шестнадцать лет, когда она шла из церкви в расстегнутой кофточке... У тебя бы глаза на лоб полезли. Она могла и черта свести с ума.

Луис кивнул и поднял бутылку.

— За Норму.

Джуд чокнулся с ним своей бутылкой. Он все еще плакал, но и улыбался тоже. Он кивнул.

— Там она найдет покой, не будет этого проклятого артрита.

— Аминь, — сказал Луис, и они выпили.

Луис в первый раз видел Джуда в подпитии, но даже это не лишило его сил. Он пустился в воспоминания о давних временах, окрашенных доброй памятью, забавные, а иногда и поражающие. Среди историй о прошлом Джуд вспоминал о настоящем с таким присутствием духа, что это восхищало Луиса; сам он вряд ли мог делать это вполосину так хорошо, если бы Рэчел вдруг умерла за завтраком, между овсянкой и грейпфрутовым соком.

Джуд позвонил в похоронное бюро Брукингса и Смита в Бангоре и обо всем договорился, сказав, что завтра заедет и обсудит детали. Да, он хочет ее набальзамировать, и хочет, чтобы ее одели в платье, которое он привезет; да, нижнее белье лучше снять; нет, ему не нужны казенные туфли, которые потом заберут назад. Будут ли они мыть ей волосы? — спросил он. Она вымыла их в понедельник вечером, значит, когда она умерла, они были уже грязными. Он послушал, и Луис, чей дядя был из тех, чью работу называли «торговлей упокоением», знал, что могильщик

объясняет ему, что мойка и сушка волос входят в стоимость услуг. Джуд кивнул и поблагодарил за то, что услышал, потом стал слушать опять. Да, сказал он, косметика нужна, но не слишком много. «Она ведь умерла, — сказал он, зажигая сигарету, — и все это знают. Незачем мазать ее, как торт.» Гроб лучше не открывать до самых похорон, — сказал он директору уверенно, кроме часов прощания в день накануне. Ее похоронят на Нагорном кладбище, где они в 1951-м купили участок. Он взял какую-то бумагу и назвал могильщику номер участка, чтобы там могли произвести необходимые приготовления, — Н-101. У него был участок Н-102, как сказал он позже Луису.

Он повесил трубку, посмотрел на Луиса и сказал:

— Замечательное кладбище, лучшее в Бангоре. Возьми еще пива, Луис, если хочешь. Посидим еще немного.

Луис готов был отказаться, но у него перед глазами вдруг встал гротескный образ: Джуд, несущий тело Нормы в лес, на старое индейское кладбище.

Эта мысль подействовала на него, как пощечина. Не сказав ни слова, он встал и вынул из холодильника еще одну бутылку. Джуд кивнул и опять потянулся к телефону. Он начал подготовку похорон своей жены, обзванивая одну организацию за другой, как человек, устраивающий вечеринку. Он позвонил в методистскую церковь Северного Ладлоу, где должно было состояться отпевание, и в контору Нагорного кладбища; все это могли сделать и Брукинс и Смит, но Джуд звонил скорее для порядка. Луис все больше восхищался им. Потом он обзвонил немногочисленных живых родственников Нормы, справляясь с истрепанной адресной книгой в кожаном переплете. Между звонками он попивал пиво и вспоминал о прошлом.

Луис чувствовал восхищение... и любовь?

Да, согласилось его сердце. И любовь.

Когда Элли пришла к нему вечером пожелать спокойной ночи, она спросила, попадет ли миссис Крэндалл в рай. Она почти прошептала Луису этот вопрос, будто сознавая, что его никто не должен слышать. Рэчел на кухне готовила пирог с курятиной, который она собиралась отнести Джуду.

На другой стороне улицы, в доме Крэндаллов горел свет. У дома и дальше у дороги, на сотню футов в оба направления, стояли машины. Официальный день прощания был объявлен завтра, в Бангоре, но этим вечером люди спешили утешить Джуда, как могли, и помочь ему вспомнить все хорошее. Вокруг дул холодный февральский ветер. Дорогу покрывал грязный ледок. Наступила самая холодная пора мэнской зимы.

— Но я не знаю, дорогая, — сказал Луис, посадив Элли на колени. По телевизору шла стрельба. Луиса уже беспокоило, что Элли больше знает про Человека-паука и Рональда Макдональда, чем про Моисея и Иисуса. Она была дочерью отступника-методиста и забросившей обряды еврейки, и Луис опасался, что ее представления о духовном являются даже не мифами, а отголосками мифов.

«Уже поздно, — пронеслось у него в голове, — ей только пять, но уже поздно. Господи, дальше все пойдет так быстро!»

Но Элли смотрела на него, и надо было что-то говорить.

— Люди по-разному думают о том, что с нами случится, когда мы умрем, — начал он. — Некоторые верят, что мы попадем в ад или в рай. Другие думают, что мы родимся снова детьми...

— Ага, перерождение. Как случилось с Одри Роуз в том фильме.

— Ты же его не видела! — он подумал, что Рэчел тоже хватит удар, если она узнает, что Элли смотрит «Одри Роуз».

— Мэри мне рассказывала, — Мэри была самозванной лучшей подругой Элли в садике, плохо воспитанной, грязной девчонкой, которая всегда выглядела больной какой-нибудь жуткой заразой. И Луис, и Рэчел не поощряли эту дружбу, а Рэчел думала, что Элли обязательно подцепит у Мэри вшей или что-нибудь еще похуже. Луис в этом все же сомневался.

— Мама Мэри позволяет ей смотреть все, — в этом высказывании содержался скрытый упрек.

— Да, перерождение, но я в это не верю. Католики думают, что есть рай и ад, и еще место под названием «чистилище». А индусы верят в нирвану.

На стене столовой появилась тень. Рэчел. Подслушивает.

— Но ясно одно, Элли: никто не знает, что происходит на самом деле. Люди думают, что они знают, но это просто их вера. Ты знаешь, что такое вера?

— Ну...

— Вот мы сидим на стуле, — сказал Луис. — Как по-твоему, этот стул будет завтра стоять здесь?

— Конечно.

— Значит, ты веришь в это. А ведь какой-нибудь ненормальный воришка стульев может украсть его сегодня ночью.

Элли засмеялась. Луис, улыбнувшись, продолжил:

— Мы просто уверены, что этого не произойдет. Вера — великая вещь, и истинно религиозные люди считают, что вера и знание это одно и то же, но я в этом не уверен. На самом деле мы знаем только то, что, когда мы умрем, случится одно из двух — или наша душа сохранится или нет. Если сохранится, то это открывает для нас все возможности. А нет — значит, нет. Конец.

— Как уснуть?

Он помедлил и потом сказал:

— Ну, вроде.

— А во что ты веришь, папа?

Тень на стене исчезла.

Большую часть своей сознательной жизни он верил, что смерть служит концом всему. Он видел много мертвецов, и ни у одного не обнаружил никаких признаков души... если исключить тот случай с Виктором Паскоу. Он был согласен с учителем психологии, что все популярные опыты о жизни после жизни отражают лишь последние впечатления сознания на пороге смерти, перед полным и окончательным разрушением.

Нет, он не верил ни в загробную жизнь, ни в воскрешение. По крайней мере, до Черча.

— Я верю, что мы продолжаем жить, — сказал он дочери. — Но как это происходит, я не знаю. Быть может, разные люди переживают это по-разному, в соответствии с тем, во что они верили всю жизнь. Но я верю, что мы продолжаем жить, и думаю, что Норма Крэндаль попадет туда, где она будет счастлива.

— Ты веришь в это, — сказала Элли. Это звучало не как вопрос, но с благоговейным удивлением.

Луис улыбнулся, немного смущенный.

— Думаю, да. И я верю, что тебе пора спать. Уже десять минут назад.

Он поцеловал ее дважды, в губы и в нос.

— А животные продолжают жить?

— Да, — сказал он, не раздумывая, и в какой-то момент чуть не добавил: «Особенно коты». Эти слова уже были готовы слететь с его губ, но он вовремя сдержался и похолодел.

— Ну ладно, — сказала она и слезла с его колен. — Пойду поцелую маму.

— Давай.

Он смотрел, как она уходит. Уже у двери она повернулась и сказала:

— Правда, я зря испугалась тогда за Черча? Когда плакала. Это было так глупо.

— Нет, дорогая, — сказал он, — это было совсем не глупо.

— Если он теперь умрет, я смогу это принять, — сказала она, и будто сама удивилась тому, что сказала.

Потом она сказала, как бы в подтверждение:

— Да, смогу.

И она пошла к Рэчел.

Потом, в постели, Рэчел сказала ему:

— Я слышала, о чем ты с ней говорил.

— И что скажешь? — спросил Луис. Он решил, что лучше завести разговор сразу.

— Не знаю, — сказала Рэчел с сомнением, что было на нее не похоже. — Нет, Луис, это не как тогда. Тогда я просто... испугалась. А ты меня знаешь. Когда мне страшно, я начинаю... защищаться.

Луис не помнил, когда Рэчел говорила с ним так, и внезапно почувствовал еще большее затруднение, чем раньше, в разговоре с Элли. Он словно шел по минному полю.

— Чего ты боялась? Смерти?

— Не своей, — сказала она. — Я боюсь даже думать об этом. Но когда я была ребенком, я много про это думала. Просто потеряла сон. Мне снилось, что ко мне приходят чудовища, чтобы съесть меня, и все они были похожи на мою сестру Зельду.

«Вот, — подумал Луис, — все время, что мы женаты, это ее преследует.»

— Ты не очень-то рассказывала мне про нее, — сказал он. Рэчел улыбнулась и погладила его по лицу.

— Луис, ты чудо. Я никогда о ней не говорю. И стараюсь никогда не думать.

— Я всегда считал, что для этого есть причины.

— Да. Есть.

Она замолчала, о чем-то думая.

— Я знаю, что она умерла от спинного менингита.

— Спинной менингит, — повторила она. — У нас в доме нет никаких ее фотографий.

— А та девушка в кабинете твоего отца?

— Да, про эту я забыла. И еще мать до сих пор держит одну в сумочке. Она была на два года старше меня. И она жила в задней спальне... она пряталась там, как какая-то постыдная тайна, Луис, она и умерла там, моя сестра умерла в задней спальне, и это тоже была тайна, грязная тайна!

Рэчел неожиданно зарыдала; в ее громком, нарастающем всхлипывании Луис усмотрел признаки истерики и очень встревожился. Он взял ее за плечо, но она тут же вырвалась. Он чувствовал, как шелк рубашки выскальзывает из его пальцев.

— Рэчел, детка, успо...

— Не успокаивай, — сказала она. — И не надо меня останавливать, Луис. Я хочу, наконец, рассказать тебе все, чтобы больше про это не говорить. Я сегодня все равно уже не усну.

— Что, это было так ужасно? — спросил он, уже зная ответ. Это объясняло многое, даже вещи, казалось бы, никак не связанные со смертью. Он вспомнил, что она никогда не ходила с ним на похороны, даже когда разбился на мотоцикле Эл Локк, его товарищ, который часто бывал

у них дома. Рэчел он был симпатичен, но она все равно не пошла на его похороны.

«Она тогда заболела, — вспомнил Луис. — Подхватила грипп или что-то вроде. Казалось, что это серьезно. Но сразу после похорон у нее все прошло.» Он даже думал тогда, что болезнь была скорее психического свойства.

— Да, конечно, это было ужасно. Хуже, чем ты можешь вообразить. Луис, мы смотрели на то, как она умирает, и ничего не могли сделать. У нее все время были боли. Все тело иссохло... будто втягивалось внутрь... плечи сгорбились, а лицо превратилось в маску. Руки у нее были, как птичьи лапы. Иногда мне приходилось кормить ее. Я ее ненавидела, но никогда не отказывалась это делать. Когда боли усилились, они стали давать ей наркотики — сперва слабые, а потом такие, что она стала бы наркоманкой, если бы выжила. Но конечно, все знали, что она не выживет. Потому она и была такой... тайной. Потому что мы хотели, чтобы она умерла, Луис. Мы просто мечтали об этом, и не только из-за того, чтобы она не мучилась больше, но и потому, что она выглядела, как монстр, и она уже становилась монстром на самом деле... о Боже, я знаю, как ужасно это звучит...

Она закрыла лицо руками.

Луис бережно дотронулся до нее.

— Рэчел, это звучит вовсе не ужасно.

— Нет, ужасно! — закричала она. — Ужасно!

— Это звучит верно, — сказал он. — Люди после долгой болезни действительно становятся похожи на монстров. Образ долготерпеливого, святого больного — это романтическая греза. Когда боль становится невыносимой, любой человек теряет все человеческое. Они еще преувеличивают свою боль, чтобы досадить окружающим.

Она поглядела на него с изумлением... почти с надеждой. Потом отняла руки от лица.

— Да нет, ты выдумываешь.

Он мрачно улыбнулся.

— Показать тебе учебник? Или хочешь посмотреть на статистику самоубийств? В семьях, где есть неизлечимые

больные, процент самоубийств взлетает до небес в первые полгода после смерти пациента.

— Самоубийств?

— Да, люди глотают таблетки или вышибают себе мозги. Из-за своей ненависти... и тоски... и омерзения, — он пожал плечами и мягко свел кулаки вместе. — Оставшиеся в живых чувствуют вину, будто они совершили убийство.

На лице Рэчел отразилось безумное облегчение.

— Она была очень требовательной... и всех ненавидела. Иногда она писала в постель. Моя мать спрашивала, не хочет ли она в туалет... а потом, когда никого не было... она писала в постель, так что нам с отцом и матерью приходилось менять простыни... и она говорила, что это случайно, а у самой в глазах была радость. Я видела. В комнате все время воняло мочой и ее лекарствами... даже сейчас я иногда просыпаюсь и чувствую эту вонь... и я думаю, если я еще не совсем проснулась... я думаю: «Разве Зельда еще не умерла?»... я думаю...

У нее перехватило дыхание. Луис взял ее за руку, и она вцепилась в его пальцы.

— Когда мы меняли ей простыни, то видели, как ее скрючило. Перед концом, Луис... перед концом она выглядела, как... будто ее задница переехала на спину...

Теперь у Рэчел был стеклянный, замороженный взгляд ребенка, вспоминающего ночной кошмар.

— И иногда она дотрагивалась до меня... своими птичьими лапами... и я всегда кричала и просила ее не делать этого, и иногда, когда она меня касалась, я проливала суп, которым ее кормила, и обжигалась, и кричала еще сильнее... и я плакала и видела, как она улыбалась. Незадолго до конца наркотики уже не действовали. Она все время кричала, и никто из нас уже не помнил, какой она была раньше... даже моя мать. Она была только отвратительной, ненавидящей всех тварью... спрятанной в задней спальне... нашей грязной тайной.

Рэчел трясло.

— Моих родителей не было, когда наконец... когда она... ты понимаешь...

...Когда она умерла, родителей не было. Они ушли и оставили меня с ней. Это было на Пасху, и они пошли навестить друзей. Совсем ненадолго. Я читала журнал на кухне. Я ждала, когда можно будет дать ей лекарства, чтобы она не так кричала. А она не переставала кричать с тех пор, как ушли родители. Я не могла читать из-за ее крика. А потом... понимаешь ли... Зельда вдруг замолчала, Луис. Мне тогда было восемь... каждую ночь мне снились кошмары... Я начала думать, что она ненавидит меня за то, что у меня прямая спина, что у меня ничего не болит, что я могу гулять, за то, что я останусь жить... мне казалось, что она хочет убить меня. Сейчас я так не думаю, но если бы она могла как-нибудь искривить мое тело... превратить, как в сказке... Мне кажется, она бы сделала это. И, когда она перестала кричать, я пошла посмотреть... может, она упала или опять обмочилась. Я вошла и увидела ее, и подумала сперва, что она подавилась собственным языком, — Рэчел повысила голос, он был испуганным и совсем детским, как будто она снова вернулась в это страшное прошлое. — Луис, я не знала, что делать! Мне же было только восемь лет!

— Ну конечно, откуда ты могла знать, — сказал он. Он обнял ее, и она прижалась к нему с отчаянием утопающего.

— Неужели кто-то обвинил тебя за это?

— Нет, конечно, никто. Но никто мне и не помог. Никто ничего не мог сделать. Она не подавилась языком — она издала какой-то звук, «гааааа» — что-то вроде этого.

Это напомнило ему умирающего Виктора Паскоу. Его объятия дрогнули и сжались еще крепче.

— И по ее подбородку стекала слюна...

— Рэчел, хватит, — сказал он несколько нервно. — Я боюсь за тебя.

— Я хочу объяснить, — сказала она упорно. — Объяснить, почему я не пойду на похороны бедной Нормы, и почему я так по-дурацки поругалась с тобой тогда...

— Тсс — я все уже забыл.

— Зато я помню, — сказала она. — Хорошо помню, Луис. Я помню это так же хорошо, как смерть моей сестры Зельды 14 апреля 1965-го.

Воцарилось продолжительное молчание.

— Я перевернула ее на живот и потрясла, — опять заговорила Рэчел. — Это было все, что я могла сделать. Она была ногами, и я помню звон, похожий на пуканье — это лопнули рукава на моей блузке, когда я переворачивала ее. У нее начались судороги... и я увидела, что ее лицо повернулось и уткнулось в подушку, и подумала, что она задохнулась, и сейчас они вернутся и скажут, что я ее задушила, они скажут: «Ты всегда ненавидела ее, Рэчел», — и это ведь была правда, и скажут: «Ты хотела ее смерти», — и это тоже правда. Потому что, Луис, моей первой мыслью тогда было: «Ну вот, слава Богу, Зельда задохнулась, и все это кончилось». А потом я перевернула ее назад, и ее лицо было черным, и глаза выкатились, и шея вывернулась. И тут она умерла. Я побежала. Наверное, я хотела выбежать в дверь, но ударилась прямо об стену, и оттуда упала картина — это была картинка из книжки про страну Оз, которую Зельда любили еще до болезни, это было изображение Оза Великого и Ужасного, но Зельда всегда называла его «Оз Великий и Узасный» потому, что не могла выговаривать «ж». Мама вставила эту картинку в раму из-за того, что Зельда очень любила ее. Оз Великий и Узасный... и вот она упала, ударилась об пол, и стекло разбилось, и я закричала, потому что знала, что она умерла, и думала, что теперь ее дух будет преследовать меня, что он будет меня ненавидеть так же, как она... и я стала кричать... и выбежала из дома с криком: «Зельда умерла! Зельда умерла!» И соседи... они пришли и увидели... они увидели, как я бегу в блузке с оторванными рукавами... и кричу: «Зельда умерла!» Луис, мне кажется, что я плакала, но иногда я думаю, что я смеялась.

— Ничего удивительного, — сказал Луис.

— Ты не понимаешь, — сказала Рэчел с горькой уверенностью. Он отпустил ее, думая, что она, кажется, избавилась от тяжести, давившей на нее многие годы. Луис Крид не был психиатром, но он знал, что в душе каждого человека есть потайные, скрытые уголки, к которым он имеет свойство возвращаться памятью всю жизнь. Этим вечером Рэчел извлекла почти все их наружу, как дурно пахнущий больной зуб с гнилым корнем. Если Бог будет

милостив к ней, она уже не вспомнит об этом, разве что в самых темных и мрачных снах. То, что она смогла рассказать ему это, говорило не только о ее смелости, но и об искренности и любви к нему. Луис почувствовал прилив нежности.

Он сел и включил свет.

— Да, — сказал он, — ты молодец. Но твои мать с отцом... Они не должны были оставлять тебя с ней, Рэчел. Никогда.

Как ребенок, тот восьмилетний ребенок, на глазах которого это все случилось, она напонила ему:

— Луис, это было на Пасху...

— Неважно, когда это было, — сказал Луис с неожиданной свирепостью, заставившей ее слегка отстраниться. Он вспомнил тех двоих медсестер, которым повезло оказаться в лазарете, когда туда принесли умирающего Паскоу. Одна из них, маленькая Карла Шэверс, пришла на другой день и работала так, что ее похвалили даже Чарлтон. Другую он никогда больше не видел. И он не мог ее винить.

«А они ушли... и оставили восьмилетнего ребенка с умирающей сестрой. Почему? Потому что это было на Пасху, и элегантная Дори Голдмэн не могла в праздничное утро нюхать вонь и хотела сбежать от нее. Вот они и оставили Рэчел на дежурстве. Так, родные и близкие? Рэчел на дежурстве. Восемь лет, косички, блузка. Рэчел должна была менять ей обмоченные простыни. Что из того, что раз в год они посылали ее в лагерь в Вермонт, если остальное время она нюхала вонь ее умирающей сестры? Десять свитеров для Гэджа и шесть новых платьев для Элли... Я заплачу за ваше обучение, если вы оставите мою дочь в покое... Где была твоя чековая книжка, когда твоя дочь умирала от менингита, а другая едва не сошла с ума, убудок? Где была твоя поганая чековая книжка?»

Луис встал с постели.

— Ты куда? — спросила Рэчел с тревогой.

— Дать тебе успокоительное.

— Я не...

— Сегодня надо, — сказал он.

Она выпила лекарство и рассказала ему остальное. Теперь ее голос звучал спокойнее.

Соседка оторвала восьмилетнюю Рэчел от дерева, за которое она цеплялась, крича «Зельда умерла!» снова и снова. Она разбила нос, и была вся в крови. Та же соседка позвонила в «скорую помощь» и потом ее родителям. После чашки горячего чая и двух таблеток аспирина Рэчел смогла сказать, к кому они пошли — к мистеру и миссис Каброн на другом конце города; Питер Каброн был отцовским компаньоном.

С того вечера в доме Голдмэнов произошли большие изменения. Зельды больше не было. Ее комнату вычистили и продезинфицировали. Всю обстановку там сменили. Осталась пустая коробка. Гораздо позже Дори Голдмэн устроила там свою туалетную.

Той ночью Рэчел привиделся кошмар, и в два часа она вскочила, зовя мать. У нее болела спина. Ведь накануне она поднимала умирающую Зельду с таким усилием, что порвала блузку.

То, что она надорвалась, пытаясь не дать Зельде задохнуться, было ясно для всех, «элементарно-мой-дорогой-Ватсон». Для всех, кроме самой Рэчел. Рэчел была тогда уверена, что Зельда мстит ей с того света; что она знает, как Рэчел обрадовалась ее смерти, знает, что Рэчел, когда она выбежала с криком из дома, на самом деле смеялась, а не плакала. Зельда знала, что она убила ее, и теперь она передала Рэчел свой менингит, и скоро ее спина согнется, и она навеки уляжется в постель, медленно, но верно превращаясь в монстра.

Тогда Рэчел станет кричать, как Зельда, и мочиться в постель, и в конце концов подавится собственным языком и умрет. Так Зельда отомстит ей.

Никто не мог разубедить Рэчел в этом — ни мать с отцом, ни доктор Меррей, который установил у нее легкое растяжение спины и велел ей (слишком жестоко, с точки зрения Луиса) оставить фантазии. Рэчел пыталась объяснить, что у нее только что умерла сестра, но доктор сказал, что ее родители убиты горем, и не надо его еще усугублять. Только то, что боль постепенно прошла, заставило ее

поверить, что это была не месть Зельды и не Божье наказание. Потом месяцами (так она сказала Луису, но очень может быть, что и годами) она просыпалась с криком, снова и снова видя в кошмарах умершую сестру. Ей чудилось, что дверь шкафа может вдруг открыться, и оттуда появится Зельда, почерневшая и скрюченная, с выпученными глазами, с вывалившимся черным языком, и она подойдет к ее кровати и вцепится своими птичьими когтями ей в горло... Она не ходила ни на похороны Зельды, ни на какие-либо другие похороны.

— Если бы ты рассказала мне это раньше, — сказал Луис, — это бы многое объяснило.

— Лу, я не могла, — сказала она просто. Теперь у нее был сонный вид. — Это для меня большая тема.

«Да, немножко большая, всего навсего.»

— Я не могла... Умом я понимала, что ты прав, что смерть совершенно естественна, но то, что со мной случилось...

— Да-да, — сказал он.

— Вот я тогда и накинулась на тебя. Я знала, что Элли плачет из-за самой мысли... что надо ей объяснить... но я не могла. Прости меня, Луис.

— Не извиняйся, — сказал он, глядя ее волосы. — Надеюсь, теперь тебе станет немного спокойней.

Она улыбнулась.

— Да, наверное. Я действительно чувствую себя лучше. Будто я вырвала из себя какую-то болезнь.

— Может и так.

Глаза Рэчел закрылись и открылись опять.

— И не вини моего отца, Луис. Пожалуйста. Это было для него ужасное время. Лечение Зельды обходилось очень дорого. Он совсем не мог тогда заниматься бизнесом и потерял кучу денег. Да и мать из-за этого всего чуть не сошла с ума.

«Да, это все так. И смерть Зельды стала для них знаком, что вернулись хорошие времена. Папа снова смог сорвать жирный куш и с тех пор никогда не оглядывался на прошлое. Но я этого не забуду.»

— Да, это все так, — сказал он.

— И не обижайся, если я заболею, когда будут хоронить Норму.

— Нет, дорогая, не обижусь, — он помедлил, а потом взял ее руку. — А можно мне взять Элли?

Рука ее дернулась.

— О, Луис, я даже не знаю. Она еще маленькая...

— Но она уже год знает, откуда берутся дети, — мягко напомнил он.

Она долго смотрела в потолок, сжав губы.

— Если тебе кажется, что так нужно, — сказала она наконец, — можешь ее взять.

— Давай спать, — сказал он, и этой ночью они спали рядом, и когда она ночью проснулась, дрожа, он обнял ее и стал шептать на ухо, что все хорошо, пока она не уснула снова.

33

— «И мужчины, и женщины — как лилии в долине; сегодня они цветут, а завтра будут брошены в печь; время человеческое приходит и уходит». Помолимся.

Элли в голубом платье, купленном специально для этого случая, опустила голову так низко, что Луис, сидящий рядом с ней на скамье, услышал как хрустнула шея. Элли редко бывала в церкви; и конечно, это были для нее первые похороны; все это сильно повлияло на нее.

Для Луиса это был редкий случай, когда он мог посмотреть на дочь со стороны. В обычное время ослепленный любовью к ней, как и к Гэджу, теперь он подумал, что перед ним классический пример ребенка, переживающего важный переходный этап своей жизни и еще не понимающего, что происходит с ним. Элли сохранила спокойствие, даже когда Джуд, непривычно, но достаточно элегантно одетый в черный костюм и ботинки на шнурках (Луис первый раз видел его в чем-то, кроме зеленых резиновых сапог), наклонился, поцеловал ее и сказал:

— Молодец, что пришла, малышка. Думаю, Норма тоже рада.

Элли поглядела на него, широко раскрыв глаза.

Теперь методистский проповедник, преподобный Лафлин, произносил молитву, прося Бога даровать Норме вечное упокоение.

— Готовы ли носильщики? — спросил он.

Луис собрался встать, и Элли испуганно ухватилась за него.

— Папа! — прошептала она. — Ты куда?

— Я один из носильщиков, дорогая, — прошептал он в ответ, на момент присев и положив ей руку на плечо. — Мы должны вынести Норму. Вчетвером — я, двое племянников Джуда и брат Нормы.

— А как я тебя найду?

Луис оглянулся. Остальные трое носильщиков уже подошли к Джуду. Прочие прихожане стали расходиться, многие плакали.

— Сойдешь со ступенек, и я буду там, — сказал он.

— Ну хорошо, — сказала она. — Только не потеряйся.

— Нет-нет.

Он уже уходил, когда она поймала его руку.

— Папа?

— Что, малышка?

— Смотри не урони ее, — прошептала Элли.

Луис подошел к остальным, и Джуд представил ему племянников, которые на самом деле были троюродными или еще более дальними родичами... Потомками брата отца Джуда. Они были здоровыми молодыми парнями, очень похожими друг на друга. Брату Нормы было за пятьдесят, и, несмотря на скорбь, он держался молодцом.

— Рад познакомиться, — сказал Луис. Он чувствовал некоторое неудобство — чужак в семейном кругу.

Они покивали головами.

— Как Элли? — спросил Джуд. Она уже ждала в вестибюле, заглядывая в дверь.

«Конечно — вдруг я испарился, как дым», — подумал Луис, почти улыбаясь. Но следом возникла другая мысль: «Оз Великий и Узасный», — и улыбка потухла.

— Вроде нормально, — сказал Луис, помахав ей рукой. Она помахала в ответ и скрылась. Луис поразился, насколько взрослой она выглядела в этот момент.

— Вы готовы? — спросил один из племянников.

Луис кивнул.

— Осторожнее с ней, — напомнил Джуд. Голос его был хриплым. Потом он повернулся и медленно, опустив голову, пошел к выходу.

Луис подошел к левому заднему краю серого гроба «Вечный покой», который Джуд выбрал для жены. Они вчетвером медленно взяли гроб и вынесли его на улицу, в февральский мороз. Кто-то — должно быть, церковный сторож, — посыпал заснеженную дорожку слоем золы. У обочины стоял похоронный «кадиллак», выдыхающий белые выхлопы в холодный воздух. Рядом прохаживались распорядитель похорон и его сын, готовые подхватить гроб, если кто-нибудь из них поскользнется.

Джуд тоже стоял там, глядя, как они выносят гроб.

— Прощай, Норма! — сказал он, закуривая. — Мы скоро увидимся, старуха!

Луис похлопал его по плечу, а брат Нормы подошел с другой стороны, предоставив племянникам (или кто там они были) ставить гроб в машину. Эти племянники выросли вдалеке; они помнили лицо Нормы только по фотографиям и редким визитам, во время которых они угощались ее пирогами и пили пиво с Джудом, не особенно интересуясь его побасенками и предпочитая, может быть, в это время сидеть у себя дома и смотреть бокс по телевизору.

Семья Джуда теперь ушла в прошлое, как спутник, покинувший планетную орбиту. Да, в прошлое. Фотографии в альбоме. Рассказы, в которых у нее еще не было артрита, а кровь оставалась молодой и горячей. Это прошлое не нуждалось в ней живой. И, если тело человека — это только конверт, содержащий в себе душу, как думают верующие, то для этих крепких парней прошлое было письмом, которое они никогда не прочтут.

«Храни Бог прошлое», — подумал Луис и вздрогнул, представив день, когда его внуки — если у Элли с Гэджером будут дети, — станут вот так же хоронить его.

В задней части катафалка сложили цветы. Луис пошел туда, где была его дочь, и они двинулись к машине; Луис держал Элли за руку, чтобы она не поскользнулась.

Катафалк тронулся.

— Зачем они зажгли фары, папа? — спросила Элли удивленно. — Ведь еще совсем светло.

— Затем, — ответил он, — чтобы почтить умершую. Поехали.

Они уже возвращались домой после окончания церемонии — гроб положили в маленькой кладбищенской часовне, ведь могилу нельзя было вырыть до весны, — когда Элли внезапно разрыдалась.

Луис посмотрел на нее, удивленный и встревоженный.

— Элли, что с тобой?

— Не будет больше печенья, — сказала Элли. — Она делала самое лучшее овсяное печенье. Но она больше не будет его делать, она ведь умерла. Папа, зачем люди умирают?

— Я не знаю, — сказал Луис. — Наверно, чтобы освободить место для новых. Для малышей, вроде вас с Гэджем.

— Я никогда не буду жениться и заводить детей! — объявила Элли сквозь слезы. — Никогда! Это ужасно!

— Но это конец всем страданиям, — спокойно сказал Луис. — Я врач, я видел, как люди страдают. Я потому и хотел работать в университете, что мне надоело смотреть на это каждый день. У молодых часто что-нибудь болит... иногда даже сильно... но страдание — это совсем другое.

Он прервался.

— Веришь или нет, дорогая, но когда люди стареют, смерть не кажется им такой уж страшной. Они устают от жизни.

Элли плакала, потом зашмыгала носом, потом замолчала. Когда они уже подъезжали, она спросила, можно ли включить радио. Луис разрешил, и она отыскала Шэкина Стивенса, поющего «Ол хаус». Скоро она начала подпевать. Когда они приехали, она рассказала матери про похороны достаточно спокойно... Хотя Луис отметил, что она выглядит бледной и задумчивой.

Потом Элли спросила Рэчел, умеет ли та готовить овсяное печенье, и Рэчел отложила вязанье и тут же встала, будто ожидала этого вопроса.

— Да, — сказала она. — Хочешь, сделаю сейчас?
— Ага! — крикнула Элли. — Правда, сделаешь?
— Конечно, если твой папа посмотрит часок за Гэджем.
— Посмотрю, — сказал Луис, — с большим удовольствием.

Вечер Луис провел, читая длинную статью в «Медикэл дайджест»; там снова разбирался старый спор о рассасывании швов. Этот спор казался ему столь же бесконечным, как спор психологов о приоритете врожденных свойств или воспитания.

Он уже собрался писать возмущенное письмо и задать жару этим умникам, переливающим из пустого в порожнее, и рылся в справочниках, когда Рэчел спустилась к нему.

— Придешь, Лу?
— Сейчас, — он посмотрел на нее. — Как там?
— Они оба уже спят.
— Они-то спят. А ты?
— Я читаю.
— С тобой на самом деле все в порядке?
— Да, — сказала она, улыбаясь. — Я тебя люблю, Луис.
— Я тебя тоже, маленькая. — Он поглядел на книги с некоторым сожалением.

— Знаешь, Черч притащил в дом крысу, пока вас не было, — сказала она, принужденно улыбнувшись. — Всю разодранную, так противно.

Рэчел села на ступеньки. На фоне розовой фланелевой рубашки ее лицо казалось чистым и светлым, волосы сзади связаны резинкой в хвост. Она была похожа на ребенка.

— Я выкинула это, но, когда я выгоняла его щеткой, он зашипел на меня. Черч никогда на меня не шипел. Он как будто изменился. Как ты думаешь, может у него чумка?

— Нет, — медленно сказал Луис, — но, если хочешь, я покажу его ветеринару.

— Не мешало бы, — сказала она и пристально посмотрела на него. — Ну, ты идешь? Я знаю, конечно, что тебе надо работать, но...

— Пошли, — сказал он, поняв, что этого письма он так больше и не напишет, завтра будут другие дела. Но он

купил эту крысу, не так ли? Ту, что притащил Черч, с вырванными кишками, быть может, с оторванной головой. Да. Купил. Это была его крыса.

Они с Рэчел поднялись по лестнице. Луис обнял ее... Но даже когда он вошел в нее, сильно и упруго, он не переставал думать о ветре, воющем за окном, и о Черче — где он сейчас, и кого он еще убил? Земля тверже человеческого сердца, думал он, и ветер поет в темноте свою древнюю дикую песню, и не так уж далеко Норма Крэндалл, которая когда-то связала шапочки его сыну и дочери, лежит в своем сером гробу «Вечный покой» в крипте; только теперь белая вата, которую могильщик подложил ей под щеки, наверное, уже почернела.

34

Элли исполнилось шесть лет. Она пришла из садика в бумажной шляпе, с рисунками, которые ей подарили друзья (на лучшем из них была изображена она сама, похожая на улыбающееся огородное чучело). Эпидемия гриппа прошла. Они вынуждены были отправить двух студентов в госпиталь в Бангор, и Сурендра спас жизнь одному из них, парню с чудовищным именем Питер Хампертон. Прошел и холодный февраль, сменившись мартовской слякотью и заморозками, с раскисшими дорогами и оранжевыми дорожными знаками, предупреждающими о гололеде. Прошло постепенно — хотя, конечно, не совсем, — и горе Джуда Крэндалла; то горе, которое, как считают психиатры, начинается через три дня после смерти любимого человека и длится от четырех до шести недель, как то время года, что в Новой Англии зовется «глубокой зимой». Но время идет, и одно чувство сменяется другим, как цвета в радуге. Сильное горе переходит в более слабое, потом в печаль, потом в воспоминание — процесс, занимающий до трех лет и, в конце концов, возвращающий человека к нормальному состоянию. Настал день первой стрижки Гэджа, и у Луиса была своя печаль, когда он увидел темный локон сына, но он затаил ее глубоко в сердце.

Потом пришла весна.

Луису Криду казалось, что последним счастливым днем его жизни было 24 марта 1984 года. До событий, смертельно отравивших все их бытие, оставалось семь недель, но тогда он не подозревал об этом. Он считал, что, даже если бы эти ужасные события не произошли, тот день все равно показался бы ему счастливым. Ведь дни, которые можно назвать действительно хорошими, случаются в жизни не так часто. Может быть, в жизни каждого человека наберется не больше месяца таких счастливых дней. Луису подумалось, что Бог в великой милости своей сделал так, чтобы эти редкие дни явно выделялись на фоне несчастной и одуряющей серой рутины.

В тот день была суббота, и он остался с Гэджем, когда Рэчел с Элли уехали в магазин. Они поехали вместе в Джудом на его стареньком «пикапе», не затем, чтобы лишний раз не гонять машину, а потому, что старику нужна была компания. Рэчел попросила Луиса посидеть с Гэджем, и он, конечно же, согласился; ему казалось, что ей, после безвылазной зимы в Ладлоу, не мешает проветриться.

Гэдж проснулся около двух, обкакавшись. Пока Луис менял ему штанишки и пытался занять несложными играми, которые Гэдж упорно игнорировал, вокруг дома гулял ветер. Луис вдруг вспомнил про воздушного змея, которого неизвестно зачем купил по дороге домой из университета шесть или семь недель назад.

— Гэдж! — позвал он. Гэдж в это время нашел зеленый фломастер и увлеченно разрисовывал одну из любимых книжек Элли — «еще один шаг, питающий детскую ревность», подумал Луис и усмехнулся. Если Элли заметит эти каракули, то какой-нибудь из игрушечных машинок Гэджа будет несдобровать.

— Что? — отозвался Гэдж. Он уже говорил довольно бойко.

— Хочешь пойти погулять?

— Погулять! — с восторгом согласился Гэдж. — Да, где мои кассеты?

Это предложение переводилось так: «Папа, где мои конфеты?» Луиса речь Гэджа часто ставила в тупик не из-за того, что он проглатывал окончания слов, а потому, что Луис думал, что дети учат язык, как иностранцы, слушая разговоры других. Он знал, что малыши могут произносить практически любые звуки — носовые, которые кажутся такими трудными тем, кто учит французский; шелкающие и ворчащие звуки австралийских аборигенов; твердые немецкие согласные. Луису иногда казалось, что процесс обучения речи у детей на самом деле является процессом забывания.

Конфеты Гэджа оказались под диваном. Свитер его, наоборот, валялся посреди лестницы. Его кепка, без которой он решительно отказывался покидать дом, была найдена в конце концов в шкафу, последнем месте, куда они заглянули.

— Папа, куда мы идем? — спросил Гэдж, держа за руку отца.

— Мы идем на поле миссис Винтон запускать змея, — ответил Луис.

— Змея? — с сомнением переспросил Гэдж.

— Тебе понравится. Погоди-ка минутку, малыш.

Они зашли в гараж. Луис отпер маленький шкафчик и включил свет. Порывшись, он вытащил змея, еще запечатанного в пакет с этикеткой на нем. Он купил его в середине февраля.

— Па? — спросил Гэдж. Это, очевидно, значило: «Что ты, собственно, собираешься делать?»

— Это змей, — сказал Луис, вытаскивая его из пакета. Гэдж заинтересованно смотрел, как Луис расправлял пластиковые крылья футов в пять размахом. Выпученные, налитые кровью глаза змея, сделанного в форме стервятника, торчали на маленькой головке над розовой тощей шеей.

— Птица! — закричал Гэдж. — Птица, па! Дай!

— Да, такая птица, — согласился Луис, вставляя крепления в бока змея, и, оглянувшись, повторил:

— Тебе понравится.

Гэджу правда понравилось.

Они отнесли змея на поле миссис Винтон, и Луис уверенно запустил его в бледное мартовское небо, хотя он не занимался этим... сколько? Двадцать лет? Господи, как давно!

Миссис Винтон была почти ровесницей Джуда, но отличалась гораздо более слабым здоровьем. Жила она в кирпичном доме на краю поля и выходила из него очень редко. За домом поле кончалось, и начинались леса, в которых находилось Кладбище домашних животных, а за ним — старые индейские могилы.

— Змей полетел, па! — заорал Гэдж.

— Да, смотри, как он летит! — крикнул Луис в ответ, смеясь. Он дернул бечеву так, что обожгло ладонь. — Смотри на стервятника, Гэдж! Он полетел искать падаль!

— Падаль! — кричал Гэдж, весело смеясь. Тут из-за хмурых облаков показалось солнце, и казалось, что сразу же потеплело градусов на пять. Они стояли в высокой сухой траве на поле миссис Винтон; над ними в синеве парил змей, раскинув пластиковые крылья, и Луису показалось, что он опять вернулся в детство и увидел мир весь, целиком, как видят его одни географы в своих снах; поле превратилось в прямоугольник, и за ним он мог разглядеть дорогу, прямую черную ленту, и долину реки, которая текла вдаль холодной серой полоской стали с белыми льдинами, плывущими по ней; и за рекой он видел Хэмпден, Ньюбург, Уинтерпорт с кораблями в доках; видел мельницу в Бакс-порте и даже, может быть, край земли, где океанский прибой бьется о скалы.

— Смотри, Гэдж! — кричал Луис.

Гэдж следил за змеем со счастливой улыбкой. Луис дал ему подержать бечеву, и он взял ее, даже не посмотрев. Глаза его были прикованы к летящему в небе крылатому силуэту.

Луис дважды обмотал бечеву вокруг руки Гэджа, и тот оглянулся, недоумевая, что же его тянет.

— Па, — сказал он.

— Бери его, сын. Это твой змей.

— Гэджа змей? — спросил Гэдж, будто спрашивая согласия не отца, а самого себя. Потом он для пробы потянул

бечеву; змей качнулся в небе. Гэдж потянул сильнее; змей устремился вниз. Они оба рассмеялись. Гэдж протянул свободную руку, и Луис взял ее. Так они и стояли на поле миссис Винтон, глядя на летящего змея.

— Змей летит! — крикнул Гэдж отцу, и Луис обнял малыша за плечи и поцеловал в щеку, порозовевшую от ветра.

— Я люблю тебя, Гэдж, — сказал он. Они были только вдвоем, и он говорил чистую правду.

И Гэдж, которому оставалось жить меньше двух месяцев, звонко засмеялся.

— Змей полетел! Па, змей полетел!

Они еще были в поле, когда вернулись Рэчел с Элли. Они запустили змея так высоко, что размотали почти всю бечеву, и стервятника теперь трудно было разглядеть; он казался просто маленьким черным силуэтом в небе.

Луис был рад их видеть и со смехом наблюдал, как Элли моментально упустила бечеву и пустилась бежать за ней, пока не поймала. Но через двадцать минут Рэчел позвала их домой, сказав, что, по ее мнению, Гэджу хватит торчать на ветру. Она боялась, что он опять простудится.

Они начали тянуть змея, и он, наконец, спустился, танцуя в небе после каждого поворота катушки. Луис взял его, с его черными крыльями и выпученными глазами, под мышку и опять отнес в гаражный шкаф. В тот вечер Гэдж умял сверхестественную порцию сосисок с бобами и, когда Рэчел укладывала его спать, Луис увел Элли и поговорил с ней, чтобы она убрала свои шарики куда-нибудь подальше, чтобы Гэдж их ненароком не проглотил. Он ждал протестов, даже со слезами; но Элли неожиданно легко согласилась. Этот вечер был действительно счастливым, и все это чувствовали. Элли пообещала более внимательно относиться к брату и отправилась вниз смотреть телевизор до полдевятого; это была ее субботняя привилегия. «Ну, вот и все, и проблема решена», — подумал Луис, еще не зная, что проблема не в шариках и не в простуде — проблема в тяжелом грузовике «Оринко» и в этой дороге... о чем Джуд Крэндалл предупреждал их еще в первый день.

Он поднялся наверх через пятнадцать минут после того, как Гэджа уложили спать. Но сын еще не спал, допивая остатки молока из бутылочки и задумчиво глядя в потолок.

Луис взял Гэджа за ногу и поднял ее вверх. Он поцеловал ее.

— Спокойной ночи, Гэдж, — сказал он.

— Змей полетел, да, — ответил Гэдж.

— Конечно, полетел, — неизвестно почему на глаза Луису навернулись слезы. — Прямо в небо.

— Змей полетел, — повторил Гэдж. — Прямо в небо.

Он повернулся на бок, закрыл глаза и уснул. Сразу же.

Луис спустился в холл, и там на него из шкафчика Гэджа уставились зелено-желтые, бестелесные глаза. Дверца шкафа скрипнула. Сердце подпрыгнуло у него в груди, рот скривился в непроизвольной гримасе.

От открыл дверцу, думая

(«Зельда, там Зельда, с черным вывалившимся из рта языком»)

но, конечно же, это был только Черч, кот сидел в шкафу и, увидев Луиса, выгнул спину, как кот на открытке к Хэллуину. Он зашипел.

— Пошел вон, — прошептал Луис.

Черч снова зашипел, не двигаясь с места.

— Пошел, я сказал, — он схватил первое, что подвернулось под руку, пластмассовый паровозик Гэджа, который в тусклом свете мерцал, как засохшая кровь. Он замахнулся на Черча; кот остался, где был, и опять зашипел.

Внезапно, не раздумывая, Луис ударил кота, не играючи, не чтобы напугать, нет; он просто обрушил игрушку на кота, разъяренный и в то же время испуганный тем, что сидело тут в шкафу его сына и не хотело уходить, словно имело право сидеть здесь.

Паровозик ударил кота по спине. Черч взвизгнул и отбежал на свое обычное место возле двери, по дороге едва не упав.

Гэдж захныкал наверху, услышав шум, и все снова стихло. Луис почувствовал легкую тошноту. На лбу у него выступил пот.

— Луис? — раздался встревоженный голос Рэчел. — Что, Гэдж выпал из кровати?

— Да нет, дорогая. Просто Черч уронил игрушки.

— А, понятно.

У него было чувство — может быть, иррациональное, — что, если сейчас он пойдет посмотреть на сына, то найдет змею, подползающую к нему, или громадную крысу, притаившуюся на полке над его кроватью. Конечно, это было иррационально. Но когда кот шипел на него в шкафу, как...

(«Зельда, ты думаешь, это Зельда, ты думаешь, что это Оз Великий и Узасный»)

Он закрыл шкаф, запихнув в него ногой выпавшие игрушки. Услышал, как щелкнула задвижка. Поразмыслив, запер шкаф на ключ.

Потом он подошел к кровати Гэджа. Малыш сбросил с себя одеяло. Луис укрыл его и после долго стоял, глядя на своего сына.

Часть вторая. ИНДЕЙСКИЕ МОГИЛЫ

«Когда Иисус пришел в Вифанию, он увидел, что Лазарь уже четыре дня во гробе. И Марфа, услышав, что идет Иисус, вышла встретить его.

«Господь, — сказала она, — если бы ты был здесь, не умер бы брат мой. Но вот ты здесь, и я знаю, чего Ты попросишь у Бога, даст тебе Бог».

(Евангелие от Иоанна)

«Хей-хо, а ну пошли!»

(Группа «Рамонес»)

36

Наверное, не существует пределов ужаса, который может испытывать человек. Напротив, кажется, что по какому-то непостижимому закону темнота, в которую он погружается, становится гуще и гуще, ужас накладывается на ужас, одно горе сменяется другим, еще более тяжким, пока, наконец, финальная завеса тьмы не скрывает все. Самый страшный вопрос здесь — до каких границ ужасного может пойти человеческий рассудок, оставаясь при этом здоровым и дееспособным. Бесспорно, что в самых пугающих событиях присутствует некоторая доля абсурдности. Наконец они просто начинают вызывать смех. Это и есть, вероятно, та точка, за которой здоровье может сохраниться или безвозвратно погибнуть; одно лишь чувство юмора может от этого спасти.

Если бы Луис Крид мог тогда мыслить достаточно здраво, может быть, такие мысли посетили бы его на похоронах его сына, Гэджа Уильяма Крида, семнадцатого мая, но всякий здравый смысл тогда покинул его, о чем свидетельствовала его потасовка с тестем прямо в похоронном зале — последний акт безобразной мелодрамы, окончательно лишивший

Рэчел остатков самообладания. Кошмарные события того дня завершились тем, что ее, рыдающую, отвели в фойе и поручили заботам Сурендры Харду.

Во всем этом было только одно утешительное обстоятельство, если его можно было считать таковым: эта потасовка Луиса Крида с мистером Ирвином Голдмэном произошла бы еще утром, если бы Рэчел была тогда в состоянии прийти в зал для прощания. Но она сидела в те часы дома с Джудом Крэндаллом и Стивом Мастертоном. Луис не мог представить, как он обошелся бы без этих двоих в предыдущие сорок восемь часов.

Для Луиса — как и для всех троих оставшихся членов семьи — было благом, что Стив так быстро появился в доме, потому что Луис был в тот момент неспособен принять любое, самое простейшее решение, даже попробовать вывести жену из шокового состояния. Он даже не заметил, что Рэчел собралась идти на церемонию в домашнем халате, весьма небрежно застегнутом. Волосы ее были немыты и нечесаны. Ее глаза, обведенные черными кругами, вылезали из глазниц, как у ожившего мертвеца. Кожа одрябла и на лице отвисала. Утром того дня она сидела за завтраком, чавкая тостами и кидая временами бессвязные фразы, лишённые смысла. Один раз она сказала: «Ты как-то хотел купить «Виннебаго», и Луис вспомнил, что об этом в последний раз шла речь в 1981 году.

Он только кивнул и продолжал завтракать. Он сварил себе какао. Гэдж очень его любил, и Луису теперь захотелось выпить какао. Вкус был отвратительным, но Луис терпеливо выпил всю чашку. Потом он одел свой лучший костюм — не черный, нет; Луис терпеть не мог черных костюмов, — а темно-серый. Он побрился, причесал волосы, и выглядел весьма пристойно, несмотря на шок.

Элли была в джинсах и желтой блузке. Она держала в руках фото, когда завтракала. Фото было снято «поляроидом» на ее последнем дне рождения и изображало Гэджа, который улыбался во весь рот из глубин голубой куртки, сидя на санках вместе с Элли. Рэчел стояла сзади за спиной Луиса и улыбалась Гэджу. Он улыбался ей в ответ.

Элли держала фото и молчала.

Луис с трудом выносил вид жены и дочери; он завтракал тоже молча, все время возвращаясь в мыслях к катастрофе, еще и еще, хотя направление мыслей было различным. Все случилось из-за того, что Гэдж не остановился, когда они кричали ему.

Только Стив понял, как надо вести себя с Рэчел и с Элли. Он запретил Рэчел идти на утреннюю церемонию прощания (слово «прощание» было не очень уместным, так как гроб был закрыт, но если бы он был открыт, подумал Луис, то все, включая и его, с воплями выбежали бы из зала), и Элли тоже. Рэчел сначала стала протестовать. Элли же сидела молча, держа в руке фотографию Гэджа.

Это Стив сделал Рэчел укол, а Элли дал ложку бесцветного лекарства. Элли обычно бурно возражала против любого вмешательства медицины, но сейчас выпила лекарство молча и безропотно. В десять утра она уснула, все еще сжимая в руке фото, а Рэчел сидела напротив телевизора, смотря «Колесо Фортуны». Стив задавал ей разные пустяковые вопросы, на которые она медленно, но отвечала. Шок остался, но ее лицо потеряло то выражение сосредоточенного безумия, что так напугало Стива утром.

Джуд, конечно, участвовал во всех приготовлениях. Он был так же спокоен, как и во время похорон своей жены три месяца назад. Перед тем, как Луис отправился на церемонию, Стив отозвал его в сторону.

— Я думаю, ей придется пойти туда днем, если она только сможет, — сказал он.

— Да, конечно.

— Сейчас ей вроде бы получше. Твой друг мистер Крэндэлл сказал, что посидит с Элли в это время...

— Хорошо.

— ...и поиграет с ней в «Монополию» или...

— Ага.

— Но только...

— Ладно.

Стив прервался. Они стояли у гаража, любимого места Черча, куда он приносил своих дохлых крыс и птиц. Тех, что купил Луис. Сейчас там было пусто, а недалеко прыгал дрозд с весьма деловым видом.

— Луис, — сказал Стив, — ты должен держать себя в руках.

Луис взглянул на Стива с вежливым удивлением. Он не слышал его, думая об одном — если бы он немного поспешил, он мог бы спасти сына — но этого «немного» как раз и не хватило.

— Я думаю, все будет в порядке, — сказал Стив, — но Элли все молчит. Да и Рэчел получила такой шок, что потеряла, по-моему, даже представление о времени.

— Да-да, — подтвердил Луис с неожиданной силой, сам не зная, почему.

Стив положил ладонь на плечо Луиса.

— Лу, теперь ты нужен им больше, чем когда-либо. Может, даже больше, чем когда-нибудь в жизни. Постарайся... Я могу повлиять на твою жену, но ты... видишь ли, Лу... о Боже, какой же все это ужас!

Луис со смутной тревогой увидел, что Стив плачет.

— Конечно, — пробормотал он, снова вспомнив, как Гэдж бежал по лужайке к дороге. Они кричали, чтобы он возвращался, но это же так весело — убежать от папы с мамой, и, когда они побежали за ним, Луис быстро обогнал Рэчел, но Гэдж уже убежал далеко, он смеялся, он убежал от папы — это же игра — и Луис никак не мог его догнать. Теперь он сбегал по склону лужайки к самой обочине дороги номер 15, и Луис молился, чтобы он упал — малыши ведь часто падают, когда бегут, почти всегда падают, у них не такой хороший контроль за своими ногами, как у взрослых. Луис молился, чтобы он упал, да-да, упал, чтобы он разбил нос, содрал коленку, что угодно, ибо теперь он явственно слышал за поворотом гудение грузовика, одной из десятиколесных махин, снующих безостановочно туда-сюда между Бангором и фабрикой «Оринко» в Бакпорте, и он снова прокричал имя Гэджа, веря, что тот услышит и остановится. Гэдж, казалось, понял, что игра кончилась, что родители не стали бы так кричать, если бы это была игра, и попробовал затормозить, но теперь гудение грузовика было очень громким, невероятно громким, оно заполнило собой весь мир. Это был настоящий рев. Луис метнулся вперед длинным прыжком,

его тень ложилась на траву впереди его, словно тень стервятника на прошлогодней траве в тот мартовский день, и ему казалось, что кончики его пальцев уже коснулись светлой курточки Гэджа, но тут инерция бега вынесла Гэджа прямо на дорогу, где на него налетел грузовик, ревуший и сверкающий желтыми бортами. Это было в субботу, три дня назад.

— Я в порядке, — сказал он Стиву. — Я сейчас иду.

— Если ты будешь держаться и помогать им, — сказал Стив, вытирая глаза рукавом, — они тоже смогут тебе помочь. Вы все трое должны помогать друг другу, Луис. Только так. По-другому нельзя.

— Все верно, — согласился Луис, продолжая прокручивать в уме картину случившегося, думая, что если бы тогда он прыгнул чуть дальше и поймал Гэджа за полу куртки, то ничего бы не случилось.

Когда происходила сцена в зале прощания, Элли бесцельно и молча передвигала фишки «монополии», сидя за доской с Джудом Крэндаллом. В другой руке она все еще держала фото Гэджа на санках.

Стив Мастертон решил, что для Рэчел будет лучше пойти на дневную церемонию, и сильно раскаивался в этом в свете дальнейших событий.

Чета Голдмэнов прилетела в Бангор утром и остановилась в гостинице. Отец Рэчел звонил четыре раза, и Стив под конец уже едва не кричал на него. Ирвин Голдмэн сказал, что никакие черти не удержат его вдали от дочери, когда она в нем нуждается. Стив отвечал на это, что Рэчел необходимо отдохнуть перед тяжелой дневной церемонией. Не знаю, как черти, сказал он, но одному американскому доктору шведского происхождения очень не понравится, если к Рэчел будет кто-нибудь врываться до того, как она сможет выйти из дома сама. Но он понимал, что поддержка родственников ей тоже нужна, и хотел, чтобы она пошла на дневную церемонию.

Старик обругал его на идиш и швырнул трубку, прервав связь. Стив ожидал, что он все-таки придет, но Голдмэн решил ждать. Рэчел тем временем стало чуть лучше. К ней

вернулось чувство времени, и она вышла на кухню поискать сэндвичей или еще чего-нибудь съедобного.

— Наверно, все, когда вернутся, захотят есть? — спросила она Стива.

Он кивнул.

Колбасы или ростбифа не было, но в холодильнике нашлась индейка, и она сунула ее в раковину оттаивать.

Заглянув на кухню через некоторое время, Стив увидел ее плачущей возле раковины.

— Рэчел?

Она посмотрела на Стива.

— Гэдж любил ее. Он особенно любил индейку. Я только подумала, что он... он никогда больше не сможет ее есть.

Стив отправил ее одеваться — окончательный тест на способность ориентироваться — и, когда она вышла в простом черном платье, подпоясанном у талии, с маленькой вечерней сумочкой, Стив решил, что все в порядке, и Джуд тоже так подумал.

Стив отвез ее в город. Он стоял вместе с Сурендрой Харду у порога зала и смотрел, как Рэчел, словно тень, движется по узкому проходу к утопавшему в цветах гробу.

— Как у них, Стив? — тихо спросил Сурендра.

— Чертовски плохо, — сказал Стив хрипло, — Как ты думал, это должно быть?

— Я думаю, это действительно чертовски плохо, — сказал Сурендра, вздохнув.

Неприятности начались еще утром, когда Ирвин Голдмэн отказался пожать руку своего зятя.

Присутствие такого количества друзей и родных вывело Луиса из состояния шока, подсказав ему, что он должен что-то говорить и делать. Он преодолел ту степень горя, которую так любят эксплуатировать в своих интересах работники похоронных бюро.

Перед залом было небольшое фойе, где можно было покурить или посидеть на довольно ветхих стульях. Стулья выглядели так, словно их сбывли сюда прямо из какого-нибудь старинного английского клуба. Перед дверью зала

стояла небольшая доска, черная с золотыми буквами, просто гласящими: «Гэдж Уильям Крид». Если пройти чуть дальше по этому уютному белому зданию, похожему на обычный старый дом, можно было наткнуться на такое же фойе и зал за ним, перед которым стояла доска с надписью «Альберта Бернхэм Нидо». Сзади был еще один зал, но перед его дверью не было таблички; он пустовал в этот день. В нижнем зале выставлялись образцы гробов всех размеров и мастей, и если заглянуть туда, как это сделал Луис, гробы могли показаться сборищем странных животных.

Джуд ходил вместе с ним в воскресенье, на следующий день после гибели Гэджа, выбирать гроб. Они спустились вниз, и вместо того, чтобы сразу войти в зал, Луис долго стоял, уставясь на дверь, похожую на дверь, соединяющую в ресторане обеденный зал с кухней. Джуд с похоронным агентом в один голос сказали: «Не туда», и Луис послушно отошел от двери. Но он знал, что за ней находится. Его дядя был могильщиком.

В восточном зале, где лежал Гэдж, стояли новые стулья, дорогие, с плюшевыми сиденьями и спинками. Впереди, в углублении наподобие церковного нефа, стоял гроб Гэджа. Луис выбрал модель из розового дерева под названием «Вечный покой». Гроб был изнутри обит розовой шелковой материей, и агент особенно настойчиво подчеркивал это достоинство, говоря, что это гораздо лучше голубой. Луис заметил, что вряд ли это так уж важно для них с Рэчел. Агент только кивнул. Он спросил, как Луис собирается оплачивать похороны. Он сказал, что может предложить несколько способов.

В уме Луиса всплыла игривая реклама: «Я без проблем уплатил за гроб моего сына купонами Рэли!»

Как во сне он сказал:

— Я оплачу все по моей кредитной карте.

— Прекрасно, — отозвался агент.

Гроб был не более четырех футов длиной — гробик лилипута. Однако за него заломили больше шестисот долларов. Луис хотел подойти поближе, но не смог из-за цветов, делавших зрелище просто невыносимым. От их душного запаха его подташнивало.

книга записей на подставке. К подставке была прикована изящная шариковая ручка. Тут директор похоронного бюро поставил Луиса «принимать соболезнования».

Друзья и родственники должны были расписаться в книге. Луис никогда не понимал, зачем нужны такие вещи. Труднее всего было представить, как, когда все кончится, они с Рэчел будут заглядывать в эту книгу. Это было страшнее всего. Когда-то у него был школьный ежегодник, и такие же были в колледже и в медицинском училище; был еще свадебный альбом с надписью под золото «Наша свадьба» на обложке под кожу, начинающийся фотографией Рэчел, примеряющей перед зеркалом фату с помощью матери, и кончающийся фото двоих пар туфель перед закрытой дверью отеля. Был еще детский альбомчик Элли, фото в котором добавлялись довольно часто, начиная с «Моя первая стрижка» (прилагается локон младенческих волос) и «Бум!» (иллюстрируется фотографией ребенка, сидящего на попе).

Теперь будет еще и этот. Как мы его назовем? Луис думал об этом, ожидая начала церемонии. «Наш похоронный альбом»? «Соболезнования»? «День, когда мы закопали Гэджа»? Или, может быть, более торжественно, типа «Смерть в нашей семье»?

Он поглядел на обложку книги, которая, как и «Наша свадьба», была сделана под кожу. Обложка была чистой.

Как и должно было быть, первой явилась с соболезнованиями Мисси Дэнбридж, добросердечная Мисси, которая сидела с Элли и Гэджем, когда им надо было отлучиться. Луис с усилием вспомнил, что именно Мисси взяла к себе детей в день, когда умер Виктор Паскоу. Она взяла детей, а они с Рэчел занимались любовью, сначала в ванне, потом на кровати.

Мисси плакала, плакала навзрыд, и при виде спокойного, окаменелого лица Луиса заплакала еще сильнее, кинувшись к нему, будто ощупью. Луис обнял ее, ощущая, что как бы то ни было, только человеческая забота, человеческое сочувствие могут размягчить эту твердую землю, преодолеть их горе, добавив к нему свое.

Как жаль, — твердила Мисси, откинув назад свои темные волосы с мертвенно-бледного лица. Какой это был чудный мальчик. Я так любила его, Луис. Как жаль! Все эта ужасная дорога, я надеюсь, этого водителя засадят в тюрьму на всю жизнь, он не должен был ехать с такой скоростью, о Господи, он был такой чудный, такой милый, такой красавчик, почему Бог взял именно его, не знаю, не могу понять, но мне жаль, мне так жаль...

Луис успокаивал ее, держал за плечи и успокаивал. Он чувствовал, как ее слезы каплют ему на воротник, чувствовал ее дыхание. Она спрашивала, где Рэчел, и Луис сказал, что она отдыхает. Мисси пообещала навестить ее и сказала, что она с радостью посидит с Элли, если это будет нужно. Луис поблагодарил ее.

Она отошла, все еще всхлипывая, с красными глазами, и направилась к гробу, когда Луис окликнул ее. Директор, имени которого Луис даже не помнил, говорил ему, что все гости могут расписаться в книге, и черт его возьми, если он им этого не предложит. Всем.

«Дух, подай нам знак», — вспомнил он и едва не издал истерический смешок.

Вид красных, плачущих глаз Мисси вернул его к реальности.

— Мисси, хотите расписаться в книге? — спросил он и, чтобы что-то добавить, сказал еще, — для Рэчел.

— Да, конечно, — сказала она, — Бедные вы, бедные.

И внезапно Луис понял, что она скажет дальше, и это почему-то ужаснуло его, будто ее слова были пулей, большой черной пулей из ружья убийцы, поразившей его и поражающей снова и снова в предстоящие девяносто минут, а потом опять — днем, когда утренние раны перестанут кровоточить.

— Слава Богу, он не мучился, Луис. Все случилось так быстро.

«Да это было быстро, очень быстро, — подумал он после этих слов, чувствуя жгучее желание сказать ей все это вслух, — все случилось быстро, без сомнения, вот почему гроб закрыт, с Гэджем уже ничего нельзя было сделать, даже если бы мы согласились одеть его, как манекен в

магазине, и напудрить, и подрумянить. Это было очень быстро, дорогая Мисси, только что он бежал по дороге, и уже лежал на ней, только далеко впереди, у дома Риддера. Он ударил его, и убил, и еще потом тащил по дороге, и лучше думай себе, что это случилось быстро. Сто ярдов или еще больше, как футбольное поле. Я бежал за ним, Мисси, я кричал его имя снова и снова, как будто думал, что он еще жив — это я-то, доктор! Я пробежал десять ярдов и там была его бейсбольная кепка, пробежал двадцать ярдов — там валялся батончик «Звездные войны», пробежал сорок ярдов, когда грузовик съехал с дороги и скрылся за сараем Риддера. Люди выбегали из домов, а я все кричал его имя, Мисси, и через пятьдесят ярдов лежал его джемпер, вывернутый наизнанку, а через семьдесят ярдов — другой батончик, а потом уже Гэдж.»

Внезапно мир стал заволакиваться серой пеленой. Все поплыло у него под ногами. Он ухватился за подставку, на которой лежала книга.

— Луис? — послышался откуда-то издалека голос Мисси.

— Луис? — теперь ближе. Голос был встревоженным. Мир снова обрел четкие контуры.

— Что с вами?

Он усмехнулся.

— Все о'кей. Ничего, Мисси.

Она записала себя и своего мужа — мистер и миссис Дэвид Дэнбридж — добавив к этому их адрес — почтовый ящик 67, Старая Бакпортская дорога, — и потом подняла глаза на Луиса и быстро их опустила, словно ее проживание на дороге, где погиб Гэдж, было преступлением.

— Держитесь, Луис, — прошептала она.

Дэвид Дэнбридж потряс ему руку, пробормотав нечто невразумительное, его внушительное адамово яблоко ходило вверх-вниз. После этого он вместе с женой подошел для ритуального осмотра гроба, сделанного в Сторивилле, штат Огайо, где Гэдж никогда не был и ничего о нем не знал.

Следом за Дэнбриджами вошли все, нестройной колонной — и Луис принимал их рукопожатия, объятия и слезы.

Его воротник и верх рукавов темно-серого костюма скоро стали совершенно сырыми. Запах цветов заполнил всю комнату, соединяясь с особым запахом похорон. Этот запах он помнил с детства — сладкий, тяжелый, удушающий аромат цветов. Луис тридцать два раза выслушал, как хорошо, что Гэдж не мучился — тридцать два, он считал. Двенадцать раз ему сказали, что «Он сейчас среди ангелов».

Это начало его мучить. Вместо того, чтобы потерять смысл от повторения (как это бывает с собственным именем, повторяемым снова и снова), слова эти все глубже и глубже проникали в его сознание. К моменту, когда подошли его тесть с тещей, он уже чувствовал себя израненным воином на поле боя.

Первой его мыслью было, что Рэчел права. Ирвин Голдмэн действительно был стар. Ему было пятьдесят восемь или пятьдесят девять. Но сегодня он выглядел столетним. Он до смешного напоминал премьер-министра Израиля Менахема Бегина с его лысиной и очками с толстыми стеклами. Рэчел говорила, что отец уже стар, когда вернулась домой после Дня Благодарения, но Луис не ожидал, что он так стар. Конечно, подумал он, тогда все было еще не так плохо. Тогда старик еще не потерял одного из своих внучат.

Дори стояла рядом, лица ее не было видно под двумя или даже тремя слоями черной вуали. Волосы ее были окрашены голубым — любимый цвет пожилых леди из высшего общества. Она держала мужа под руку. Из-под вуали Луис мог видеть только блеск ее слез.

Вдруг он решил, что настало время покончить с прошлым. Он не мог больше ждать и выносить груз всех этих банальностей.

— Ирвин, Дори, — пробормотал он, — Спасибо, что вы приехали.

Он протянул вперед руки, как бы желая одновременно пожать руки отца и матери Рэчел или даже заключить их в объятия. Сразу за этим он почувствовал, что слезы готовы хлынуть у него из глаз, в абсурдном предвкушении примирения, которое Гэдж мог дать им своей смертью, как в сентиментальных дамских романах с объятиями над гробом;

которое могло что-то сделать с его собственной головной болью, нараставшей и нараставшей.

Дори отпрянула, попытавшись как-бы убрать от него руки. Она только сказала «О, Луис...» или что-то вроде того, когда Голдмэн потянул ее назад. Какое-то время они все трое стояли в странной позе, которой не заметил никто (кроме, может быть, директора, стоявшего скромно в углу зала — Луис вспомнил, как так же любил стоять дядя Карл) — Луис с протянутыми руками, и стоящие прямо Ирвин и Дори Голдмэн, похожие на пару со свадебного торта.

Луис увидел, что в глазах тестя не было слез; они были чистыми и горели ненавистью. «Уж не думает ли он, что я убил Гэджа назло ему?» — подумал Луис. Глаза, казалось, измеряли Луиса, обнаружив в нем, наконец, мелкого, ничтожного человека, похитившего его дочь и ввергшего ее в пучину несчастий. Затем взгляд переместился с Луиса на гроб Гэджа, и лишь после этого смягчился.

Но Луис еще сделал последнее усилие.

— Ирвин, — сказал он. — Дори. Ну пожалуйста. Нам нужно держаться вместе.

— Луис, — сказала Дори довольно мягко, и они отошли. Возможно, Ирвин снова потянул жену за собой, не глядя по сторонам, и не глядя на Луиса Крида. Они подошли к гробу, и Голдмэн вынул из кармана маленькую черную шапочку.

«Вы забыли расписаться в книге», — мелькнуло в голове у Луиса, и тут на него обрушился такой жесточайший приступ головной боли, что лицо его скривилось.

Наконец, утреннее прощание окончилось. Луис позвонил домой. Джуд спросил, как все прошло. Нормально, ответил Луис. Он попросил позвать к телефону Стива.

— Если она уже может одеться, я думаю, ей стоит сходить туда днем, — сказал Стив, — Как тебе?

— Да-да, — сказал Луис.

— Как ты, Лу? Говори прямо — как ты?

— Нормально, — кратко ответил Луис. — Держусь. «Все они расписались в книге. Все, кроме Дори и Ирвина.»

— Ну ладно, — сказал Стив, — Может, пойдём пообедаем?

Обед. Пойти пообедать. Эта идея казалась настолько странной, что Луису вспомнились фантастические романы, которыми он зачитывался в детстве — Роберт Хайнлайн, Меррей Ленстее, Гордон Р. Диксон. «У туземцев на этой планете есть странный обычай: когда кто-нибудь из их детей умирает, они «идут пообедать». Я знаю, что это звучит дико, но не забывайте, что эта планета ещё совсем нецивилизована.»

— Конечно, — сказал Луис, — почему бы не посидеть в ресторане между церемониями?

— Успокойся, Лу, — сказал Стив, но он не очень расстроился. В нынешнем состоянии безумного спокойствия Луис разбирался в людях лучше, чем во всю прошлую жизнь. Может быть, это была иллюзия, но в ту минуту он понял, что для Стива даже этот его сарказм был лучше, чем предыдущее безразличие.

— Что, если нам сходить к «Бенджамину»?

— Ну то ж, прекрасно, — ответил Луис.

Он звонил из офиса директора. Сейчас, когда Луис проходил мимо Восточного зала, он был почти пуст, только Ирвин и Дори Голдмэн сидели в переднем ряду с опущенными головами. Луису показалось, что они собираются сидеть там всегда.

Они не зря выбрали «Бенджамин». В Бангоре обедали рано, и в час ресторан был почти пуст. Джуд и Стив пришли вместе с Рэчел, и все четверо заказали цыплят. Рэчел сразу прошла в дамскую комнату и оставалась там так долго, что Стив забеспокоился. Он уже хотел попросить официантку сходить за ней, когда она вернулась к столу с красными глазами.

Луис поковырял цыпленка и выпил немного пива. Джуд молча потягивал из своей бутылки.

Их блюда унесли почти нетронутыми, и Луис своим проснувшимся чутьем услышал, как официантка, пухлая девица с простым лицом, думает, стоит ли осведомиться у клиентов, все ли в порядке, а потом, посмотрев на

заплаканное лицо Рэчел, решает, что, пожалуй, не стоит. За кофе Рэчел произнесла нечто неожиданное и шокировавшее всех, особенно Луиса, которого от пива повело ко сну.

— Я хочу отдать его вещи Армии Спасения.

— Да? — через какое-то время спросил Стив.

— Да, — ответила она. — От них еще может быть польза. Все его джемперы... штаны... рубашки... Может, кто-то будет рад получить их. Они еще все почти новые. Конечно, кроме тех, что были на нем. Те... порвались.

Последние слова потонули в гробовом молчании. Она попыталась отхлебнуть кофе, но ничего не вышло, и, уткнув лицо в ладони, она разрыдалась.

Это был тяжелый момент. Казалось, все взгляды, обратились на Луиса. Он все с тем же обостренным чутьем почувствовал, что все они чего-то ждут от него. Даже официантка, кажется, глядела на него из-за соседнего стола, где она расставляла приборы. Луис понял: они хотели, чтобы он успокоил свою жену.

Он не мог этого сделать. Он хотел. Он знал, что обязан что-то предпринять. Но не мог. Ему мешал кот. Кот. Внезапная мысль, без причины и смысла. Проклятый кот. Черч с его задушенными мышами и птицами. Луис, когда находил их, выбрасывал прочь, без комментариев и почти безропотно. Он ведь купил их. Но... купить ЭТО?

Он видел свои пальцы. Луис видел свои пальцы, цеплявшиеся за край курточки Гэджа.

Он смотрел в чашку, а жена его плакала рядом, никто ее так и не успокоил.

Через какое-то время — может быть, очень короткое, хотя всем им показалось, что прошла вечность, — Стив протянул руку и бережно обнял Рэчел. Взгляд его, устремленный на Луиса, был сердитым. Луис поглядел на Джуда, ища поддержки, но тот сидел потупясь, словно в смущении. Помощи ждать было неоткуда.

— Я знал, что что-нибудь вроде этого случится, — сказал Ирвин Голдмэн. С этого все и началось. — Я знал это, еще когда вы только поженились. Я сказал ей, что ее ждут все возможные беды и еще большие. И вот смотри. Смотри, что получилось.

Луис медленно оглядел своего тестя, неожиданно возникшего перед ним, как чертик из коробочки, а потом оглянулся, ища Рэчел возле книги на подставке, но Рэчел там не было.

Дневная церемония была менее многолюдной, и уже через полчаса Луис опустился на стул, почти ничего не соображая, кроме факта, что он устал и хочет спать. Частично виной тому было пиво, но сознание его было готово отключиться. Может быть, проспав десять-двенадцать часов, он смог бы хоть немного успокоить Рэчел.

Голова его свесилась так, что он видел только свои руки, бессильно повисшие между колен. Сзади гудели еле слышные голоса. Он был рад видеть отсутствие Дори и Ирвина, когда они возвращались с обеда, но радость омрачалась сознанием того, что они рано или поздно вернутся.

— Где Рэчел? — спросил теперь Луис.

— С матерью. Где она и должна быть, — сказал Голдмэн с очевидным торжеством. В его дыхании чувствовался запах виски, причем изрядный. Он стоял перед Луисом, словно прокурор перед человеком, вину которого он устанавливает.

— Что вы ей сказали? — спросил Луис с нарастающей тревогой. Он знал, что сказал Голдмэн. Это читалось на его лице.

— Ничего, кроме правды. Я сказал, что это все из-за того, что она вышла замуж против родительской воли. Я сказал...

— Вы ей это сказали? — переспросил Луис недоверчиво. — Нет, вы не могли ей такого сказать!

— Сказал и больше, — продолжал Ирвин Голдмэн. — Я всегда знал, что этим кончится, или чем-то вроде этого. Я знал, что ты за тип, еще когда увидел тебя в первый

раз, — он подался вперед, дыша перегаром виски. — Я вижу тебя насквозь, доктор хренов. Ты втравил ее в этот идиотский брак, а потом превратил ее в кухарку и пустил ее сына бегать по дороге, как... как щенка.

Большинство сказанного прошло мимо Луиса. Он все еще думал, как этот старый дурень мог сказать Рэчел... — Вы сказали ей это? — повторил он опять. — Сказали это?

— Я надеюсь, ты окажешься в аду, — сказал Голдмэн, тряся головой в такт словам. Слезы заструились из его глаз, налитых кровью. Лысина отсвечивала под тусклым светом ламп. — Ты превратил мою чудную дочь в грязную кухарку... разбил ее сердце... и позволил моему внуку умереть в грязи на дороге.

Его голос перешел в истерический крик.

— Где ты был? Не мог оторвать жопу от стула, когда он бегал по дороге? Думал о своих вонючих статейках? Что ты делал, дерьмо? Убийца детей! Уби...

Они стояли там. Они стояли в конце Восточного зала. Они стояли там, и Луис видел, как медленно поднимается его рука. Он видел, как рукав белой рубашки вытягивается из рукава костюма. Он видел мягкий блеск запонки. Рэчел подарила ему пару на третью годовщину свадьбы, не думая, что когда-нибудь он наденет их на похоронах их сына. Его кисть медленно сжалась в кулак, и столкнулась со ртом Голдмэна. Он почувствовал, как губы старика сплющились. Это было скверное чувство. В нем не было никакого удовлетворения. За губами тестя он видел его непреклонно сжатые протезы.

Голдмэн неуклюже отступил. Рука его коснулась гроба Гэджа, оттолкнув его. Одна из ваз, переполненных цветами, с грохотом разбилась. Кто-то закричал.

Это была Рэчел, ворвавшаяся с матерью, пытавшейся удержать ее. Остальные бывшие в зале — человек десять-пятнадцать — застыли, скованные страхом и замешательством. Стив увел Джуда с собой в Ладлоу, и теперь Луис был благодарен ему за это. Он не хотел, чтобы Джуд наблюдал эту сцену.

— Не трогай его! — кричала Рэчел. — Луис, не трогай моего отца!

— Тебе нравится бить стариков? — завопил Ирвин Голдмэн. Он усмехался окровавленным ртом. — Тебе нравится бить стариков? Это на тебя похоже, ублюдок. Я совсем не удивлен.

Луис повернулся к нему, и тогда Голдмэн ударил его поддых. Это был неуклюжий, несильный удар, но Луис не ожидал его. Парализующая боль поднялась в груди. Голова мотнулась назад, и он упал на колено посреди зала.

«Сперва цветы, теперь я, — подумал он. — Как там «Рамонес» пели? «Хей-хо, а ну пошли!» Ему показалось, что он смеется, но вместо этого из груди вырвался только слабый хрип.

Рэчел опять закричала.

Ирвин Голдмэн, изо рта которого капала кровь, наступал на своего зятя, пиная его ногой. Боль все нарастала. Луис схватился руками за ковровую дорожку.

— Ты не справишься даже со стариком, сынок! — кричал Голдмэн в возбуждении. Он снова пнул Луиса, целя по почкам, но промахнулся и попал в левую ягодицу. Луис скорчился от боли и, наконец, свалился на ковер. Подбородок его ударился об пол, и он больно прикусил язык.

— Вот! — кричал Голдмэн. — Вот таким пинком мне надо было проводить тебя, когда ты первый раз приперся в наш дом, ублюдок! Вот так! — он снова пнул Луиса в задницу, на этот раз попав по другой ягодице. Он плакал и смеялся одновременно. Луис в первый раз видел, что Голдмэн был небрит — знак траура. К ним подбежал директор. Рэчел освободилась от матери и тоже бежала к ним, крича.

Луис неуклюже перевернулся на бок и сел. Тесть еще раз попытался пнуть его, и тогда Луис схватил его за ногу обеими руками — прочно, словно футбольный мяч, — и изо всех сил толкнул назад.

Голдмэн полетел на пол, размахивая руками, чтобы удержаться. По дороге он задел гроб Гэджа «Вечный покой», изготовленный в городе Сторивилле, штат Огайо, и стоявший недешево.

«Оз Великий и Узасный спустился на гроб моего сына», — подумал Луис почему-то. Гроб свалился с подставки

с оглушительным грохотом. Сперва упал левый край, потом правый. Замок открылся. Даже сквозь крики Рэчел, даже сквозь вопли Голдмэна, который ревел как осел в детской игре, Луис услышал, как открылся замок.

Гроб на самом деле не открылся, и останки Гэджа не вывалились на пол, но Луис был очень удивлен тем, как гроб упал — не набок, а прямо на дно. Он должен был упасть по-другому. Кроме того, с такого близкого расстояния он разглядел в образовавшейся щели серое пятно — костюм, купленный специально для похорон. И что-то розовое, может быть, руку.

Сидя на полу, Луис закрыл лицо руками и начал рыдать. Он потерял всякий интерес к своему тестю, к ракетам МХ, к тепловой смерти вселенной. В тот момент ему хотелось умереть. В его сознании внезапно встал образ: Гэдж в маске Мики-Мауса, Гэдж смеющийся и пожимающий руку громадному Утенку Дональду на Мэйн-стрит в Диснейуорлде. Он увидел это с ужасающей четкостью.

Одна из опор гроба свалилась, другая, как пьяница, оперлась на помост, где мог бы стоять министр, произносящий соболезнования. Среди цветов барахтался Голдмэн, тоже плачущий. Цветы, часть из которых была помята или опрокинута, пахли еще сильнее.

Рэчел кричала и кричала.

Луис не слышал ее криков. Образ Гэджа в маске Мики-Мауса пропал, но перед этим он успел услышать голос, объявляющий, что вечером будет фейерверк. Он сидел, не отнимая ладоней от лица, не желая, чтобы кто-нибудь видел его, его слезы, его горе, его стыд, и больше всего — его дурацкое желание умереть и покончить со всем.

Директор и Дори Голдмэн увели Рэчел. Она все еще кричала. Позже, в другой комнате (которую, как Луис знал, специально держали для таких случаев — Зал Истериков), она успокоилась. Сам Луис, опустошенный, но тоже успокоившийся, присоединился к ней там.

Дома он прежде всего уложил ее в постель и сделал укол. Потом он взял ее за подбородок и посмотрел в ее бледное, измученное лицо.

— Рэчел, мне так жаль, — сказал он. — Я отдал бы все, чтобы вернуть прошлое.

— Ладно, — сказала она странным ровным голосом и повернулась лицом к стене.

Он уже слышал свой дурацкий вопрос «Все в порядке?» и проглотил его. Это действительно был неподходящий вопрос, он хотел спросить не это.

— Насколько тебе плохо? — спросил он наконец.

— Плохо, Луис, — ответила она, издав какой-то горловой звук, который мог означать смех. — Просто ужасно.

Нужно было сказать еще что-то, но Луис не мог ничего придумать. Он чувствовал себя обиженным ею, Стивом Мастертоном, Мисси Дэнбридж и ее мужем с дергающимся адамовым яблоком, всей этой чертовой бандой. Почему он должен быть всеобщим утешителем? Что за черт!

Он выключил свет и вышел. Теперь ему надо было что-то сказать дочери.

В один жуткий момент, когда он вошел в ее темную комнату, ему показалось, что там был Гэдж. Это был кошмар, наподобие его ночного путешествия через лес с Виктором Паскоу. Но это был всего лишь мигающий свет портативного телевизора, который принес Джуд, чтобы помочь Элли провести эти долгие, долгие часы.

Конечно же, это была Элли, которая не только продолжала держать фото Гэджа, но и сидела теперь на его стульчике. Она вытащила его из комнаты Гэджа и перенесла в свою. Это был маленький стул с брезентовым сиденьем и с брезентовой полосой на спинке. На полосе была надпись «Гэдж». Рэчел пометила все четыре стула, и каждому из членов семьи досталось по одному.

Элли была слишком велика для стульчика Гэджа. Она с трудом втиснулась в него, продавив брезентовое дно.

Она прижимала фотографию к груди и смотрела в экран, где что-то двигалось.

— Элли, — сказал он, выключая телевизор, — уже поздно.

Она вылезла из стула и ухватилась за него, явно собираясь взять его с собой в постель.

Луис колебался, сказать ли ей об этом стуле, и, наконец, произнес:

— Тебя укрыть?

— Да, папа.

— Ты не... не хочешь сегодня спать с мамой?

— Нет, спасибо.

— Точно?

— Да. Она стягивает на себя одеяло.

Луис улыбнулся.

— Ну ладно.

Вместо того, чтобы забрать стульчик с собой в кровать, Элли поставила его у изголовья, и в сознании Луиса возник абсурдный образ — кабинет самого юного в мире психиатра.

Она разделась, положив фото Гэджа на подушку. Она надела пижаму, взяла фото в ванную и, положив его там, умылась и почистила зубы. Потом она снова подняла фотографию и пошла с ней спать.

Луис сел возле нее на кровать.

— Я хочу сказать тебе, Элли, что если мы любим друг друга, мы должны это пережить.

Каждое слово выходило тяжело, как платформа с тюками хлопка, и под конец Луис почувствовал себя опустошенным.

— Я хочу только одного, — сказала Элли спокойно, — и буду просить Бога, чтобы он вернул Гэджа назад.

— Элли...

— Бог сможет его вернуть, если захочет, — сказала Элли. — Он может все.

— Элли, Бог не станет делать таких вещей, — произнес Луис с трудом, а в сознании его всплыл Черч, сидевший на бачке и смотревший мутным взглядом на Луиса, лежавшего в ванне.

— Он это делал, — твердо сказала она. — В воскресной школе учитель рассказывал нам про Лазаря. Он умер, а Иисус вернул его к жизни. Он сказал «Лазарь, иди вон», и учитель сказал, что, если бы он просто сказал «Иди вон», то все мертвые на этом кладбище ожили бы, а ему надо было оживить одного Лазаря.

Неожиданно изо рта его вырвалась абсурдная фраза (впрочем, весь этот день был полон абсурда):

— Это было очень давно, Элли.

— Я буду готовиться к этому, — упрямо продолжала она. — Я буду хранить его фото и сидеть на его стуле...

— Элли, ты слишком большая для стула Гэджа, — сказал Луис, взяв ее горячую руку. — Ты его сломаешь.

— Бог поможет мне не сломать его, — сказала Элли. Голос ее был спокойным, но Луис видел у нее под глазами темные круги. Смотреть на нее было так больно, что он отвернулся. Может, если она сломает стул Гэджа, она что-нибудь поймет.

— Я буду смотреть на фото и сидеть на его стуле, — сказала она. — И буду есть, что он ел.

Гэдж с Элли ели разный завтрак. Гэдж, как она однажды заявила, ел всякую дрянь. Если в доме на завтрак не было ничего, кроме какао, Элли могла съесть вареное яйцо... или ничего не ела.

— Я буду пить какао, хотя ненавижу его, и буду читать все книжки Гэджа с картинками, и... и буду готовиться... если...

Она уже плакала. Луис не успокаивал ее, а только гладил по голове. В том, что она говорила, был скрыт дьявольский смысл. «Готовиться», хранить его вещи, не признавать, что Гэдж ушел навсегда, как если бы... Она понимает, наверно, подумал Луис, как легко поверить, что Гэджа больше нет.

— Элли, не плачь, — сказал он. — Хватит.

Она плакала еще долго — минут пятнадцать. Перестав плакать, она скоро уснула. Тут же в молчащем доме ожили часы, гулко пробив десять.

«Думай, что он жив, Элли, если хочешь, — подумал он и поцеловал ее. — Пускай святоши говорят, что это грех. Я не скажу так потому, что знаю: настанет день, когда ты оставишь фотографию на постели в этой пустой комнате и побежишь гулять в поле или к Кэти Мак-Коун играть с ее Сью. Гэдж не останется с тобой и когда-нибудь превратится просто в То, Что Случилось в 1984 году. Несчастье из далекого-далекого прошлого.»

Луис вышел и недолго постоял наверху лестницы, думая, не пойти ли ему спать, — но скорее по инерции.

Он знал, что ему нужно и сошел вниз.

Луис Крид решил напиться. Внизу в погребе стояли пять упаковок светлого пива «Шлиц». Луис пил пиво, Джуд пил его, и Стив Мастертон, и Мисси Дэнбридж могла по случаю выпить банку-другую, присматривая за детьми (за ребенком, поправил себя Луис, спускаясь в погреб). Даже Чарлтон, когда приходила к ним, предпочитала пиво — если это было светлое, — стаканчику вина. Поэтому прошлой зимой Рэчел купила десять упаковок «Шлица» на распродаже в Брюэре. «Нечего тебе мотаться в Оррингтон каждый раз, когда захочется выпить», — сказала она тогда. — «Ты всегда цитировал мне Роберта Паркера, дорогой: «Любое пиво, которое найдешь в холодильнике, когда закроются магазины, — хорошее пиво», так? Так пей и думай о том, сколько ты сэкономишь.»

Луис взял упаковку и поставил в холодильник. Потом он вынул из нее одну банку и закрыл дверцу. На звук открываемой дверцы откуда-то медленно выбрался Черч. Он не подходил близко к Луису, который слишком часто пинал его в последнее время.

— Для тебя тут ничего нет, — сказал он коту. — Тебе уже давали сегодня консервы. Хочешь жрать — иди убей птицу.

Черч продолжал стоять, глядя на него. Луис отпил половину банки и тут же почувствовал, как пиво ударило в голову.

— Ты ведь даже не ешь их, да? — спросил он. — Ты их просто убиваешь.

Черч прошел в комнату, видимо, решив, что здесь ему ничего не светит, и вскоре Луис последовал за ним.

Он снова почему-то вспомнил: «Хей-хо, а ну пошли!»

Луис уселся на стул и снова посмотрел на Черча. Кот стал умываться возле телевизора, поглядывая в сторону Луиса и готовясь бежать, если Луис почему-либо решит пнуть его.

Вместо этого Луис поднял банку.

— За Гэджа! — сказал он. — За моего сына, который мог бы стать художником, или чемпионом по плаванию, или президентом этих проклятых Соединенных Штатов. Что ты думаешь об этом, жопа?

Черч по-прежнему смотрел на него своими тусклыми чужими глазами.

Луис допил остаток большими глотками, встал, пошел к холодильнику и взял другую банку.

К моменту, когда он прикончил третью, он почувствовал, впервые за этот день, некоторое успокоение. Когда кончилась первая упаковка из шести банок он решил, что, пожалуй, ему удастся заснуть на час-другой. Вернувшись от холодильника с восьмой или девятой банкой (он уже потерял им счет), он поглядел на Черча; кот спал — или притворялся — на ковре. Мысль, пришедшая ему в голову, показалась столь естественной, что, должно быть, она долго таилась в его мозгу, выжидая только удобного случая, чтобы всплыть на поверхность:

«Когда ты сделаешь это? Когда ты отнесешь Гэджа на Кладбище домашних животных?»

И на этом фоне:

«Лазарь, иди вон!»

Сонный голос Элли:

«Учитель сказал, что, если бы он просто сказал «Иди вон», то все мертвые на этом кладбище ожили бы.»

Эта мысль была так повелительна, что Луис содрогнулся, будто через его тело прошел ток. Внезапно он вспомнил первый школьный день Элли, и как Гэдж спал у него на коленях, пока они с Рэчел слушали болтовню Элли о «Старом Макдональде» и миссис Берримэн; он тогда сказал «Я только уложу ребенка», и когда он нес Гэджа наверх, ужасное предчувствие посетило его, и теперь он понял: уже в сентябре какая-то часть его знала, что Гэдж скоро умрет. Часть его знала, что Оз Великий и Ужасный наложил на него свою руку. Это была чепуха, чистейшая выдумка... но это была правда. Он знал. Луис пролил часть пива на рубашку, и Черч обеспокоенно приподнялся, будто это был сигнал к началу вечернего пинания кота.

Внезапно Луис вспомнил вопрос, заданный им Джуду, и как дернулась тогда рука Джуда, сбив две пустые бутылки на столе. Одна из них разбилась. «Ты не должен даже говорить о таких вещах, Луис!»

Но ему хотелось говорить о них — или, по крайней мере, думать. Кладбище домашних животных. Как насчет Кладбища? Чертовски заманчиво. Это казалось непонятно, не-суразно естественным. Черча убило на дороге, Гэджа тоже. Черч был здесь — конечно, другой, во многом неприятный, но живой. Элли, Гэдж и Рэчел нормально к нему относились. Да, он убивал птиц, и иногда душил мышей, но кошки всегда это делают. Черч вовсе не сделался кошачьим Франкенштейном. Во многом он остался таким же, как раньше.

«Ты преувеличиваешь, — прошептал внутренний голос. — Вовсе он не такой, как раньше. Это призрак. Ворона, Луис... помнишь ту ворону?»

— О Боже, — сказал Луис хриплым, дрожащим голосом, который он даже не признал за свой.

Боже, да-да, конечно. Имя Божие могло помочь в романах о духах и вампирах. Но что ему-то делать, скажет ли это Бог? Он подумал о том жутком, темном богохульстве, которое только что допустил в мыслях. Хуже того, он лгал себе. Не преувеличивал, а прямо лгал.

«А что такое правда? Ты хочешь правды, кретин, а что это такое, скажи?»

Что Черч больше не кот, начнем с того. Он похож на кота, и он ведет себя, как кот, но на самом деле это просто плохое подражание. Окружающие этого не замечают, но они могут это чувствовать. Он понял это в тот вечер, когда к ним заходила Чарлтон. Они устроили небольшой предрождественский вечер и сидели за столом, когда Черч прыгнул к ней на колени. Чарлтон немедленно согнала его, рот ее искривился в инстинктивной брезгливой гримасе.

Это была сущая ерунда, и никто не обратил на это внимания. Но... это было. Чарлтон почувствовала, что это не кот. Луис прикончил банку и потянулся за следующей. Если Гэдж так же изменится, это будет просто ужасно.

Он открыл банку и выпил ее одним глотком. Теперь он был пьян, пьян в стельку и готов к прекрасному будущему. «Как я похоронил прошлое вместе со своим сыном» Луиса Крида, автора «Как я потерял его в самый ответственный момент» и множества других трудов.

Пьян. Конечно. И теперь он надеялся трезво рассмотреть эту проклятую идею, что заставила его напиться.

При всем при том идея эта привлекала его, очаровывала. Да-да, очаровывала.

В сознании возник Джуд, говоривший:

«Ты делаешь это потому, что кто-то толкает тебя. Ты делаешь это потому, что эти могилы — тайное место, и ты владеешь этой тайной... и создаешь себе причины... они кажутся тебе правильными, но ты просто хочешь их видеть такими. Или они этого хотят.»

Голос Джуда с его выговором янки пробрал его дрожью, заставив кожу покрываться пупырышками.

«Там тайны, Луис... земля тверже человеческого сердца... как земля в этих индейских могилах. «Человек растит, что он может... и ему это нравится».

Луис начал припоминать, что еще Джуд говорил ему об индейских могилах. Он принялся сравнивать данные, отбирать их — то же, что он делал, когда читал что-нибудь перед экзаменами.

Пес. Спот.

«Я видел все места, где его зацепила проволока — там не было шерсти, и мясо казалось вырванным клочьями.»

Бык. Следующая ячейка возникла в мозгу Луиса.

«Лестер Морган закопал там своего призового быка. Бык черной ангусской породы по кличке Хэнрэтти... Лестер тащил его туда на санях... Застрелил через две недели. Бык стал плох, совсем плох. Но это единственное животное, о котором я слышал такое.»

«Он стал плох.»

«Земля тверже человеческого сердца.»

«Он стал совсем плох.»

«Это единственное животное, о котором я слышал такое.»

«Чаще всего ты делаешь это, когда уже побывал там, это уже твое место.»

«Мясо казалось вырванным.»

«Хэнрэтти, правда, дурацкое имя для быка?»

«Человек растит, что он может.»

«Это мои крысы. И мои птицы. Я их купил.»

«Это твое место, твоя тайна, и оно принадлежит тебе, но и ты принадлежишь ему.»

«Он стал плох, но это единственное животное, о котором я слышал такое.»

«Что ты еще хочешь купить, Луис, когда ветер дует так сильно, и луна освещает среди лесов белую тропу к этому месту? Ты хочешь снова карабкаться по этим ступенькам? Когда ты смотришь фильм ужасов, то всегда знаешь, что герой или героиня не должны туда лезть, так зачем ты хочешь сделать это в реальной жизни? В реальной жизни все курят, где не надо, не застегивают ремни и пускают своих детей бегать по дороге, где день и ночь снуют тяжелые грузовики. Так чего же ты хочешь, Луис? Тебе так хочется увидеть твоего мертвого сына или посмотреть, что там еще за дверью номер один, номер два, номер три?»

«Хей-хо, а ну пошли!»

«Стал плох... единственное животное... мясо казалось... человек... твой... его...»

Луис вылил остатки пива в раковину, чувствуя, что его сейчас стошнит. Комната начала плыть вокруг него.

Тут раздался стук в дверь.

Какое-то время — оно показалось очень долгим — ему верилось, что стук раздается лишь в его голове, что это галлюцинация. Но стук повторился, и на этот раз сомнения быть не могло. Внезапно Луис понял, что думает об истории с обезьяньей лапой, и холодный ужас снова сковал его. Он видел ее с необычайной реальностью — мертвую руку, лежащую в холодильнике, забравшуюся сейчас к нему под рубашку, чтобы вырвать из груди сердце. Это было очень глупо, глупо и смешно, но ему было не до смеха.

Луис подошел к двери, не чуя под собой ног и отпер замок негнувшимися пальцами. Отворяя дверь, он подумал: «Это Паскоу. Как говорят про Джима Моррисона: вернулся из мертвых живее, чем был. Там стоит Паскоу в этих дурацких шортах, живее, чем был, и заплесневелый, как

месячный сухарь, Паскоу с обезображенным лицом, Паскоу, предупреждающий еще раз — не ходи туда. Как там у «Энималс» в старой песне:

«Бэби, прошу, не ходи,
бэби, прошу, не ходи,
ты знаешь, как я люблю тебя,
бэби, я прошу, не ходи туда...»

Дверь открылась, и за ней в сумраке полуночи, ночи между днем церемонии прощания и днем похорон его сына, стоял Джуд Крэндалл. Его редкие седые волосы белели в темноте.

Луис попробовал улыбнуться. Время словно вернулось вспять. Снова был День Благодарения. Скоро они понесут отвердевшее, неестественно тяжелое тело кота Элли Уинстона Черчилля в мешке для мусора. «Не спрашивай, что это; пусти и прими нас.»

— Можно войти, Луис? — спросил Джуд. Он достал пачку «Честерфилда» из кармана рубашки и сунул в рот сигарету.

— Вот что я тебе скажу, — проговорил Луис заплетающимся языком. — Уже поздно, и я только что выпил море пива.

— Да, я чувствую по запаху, — сказал Джуд. Он зажег спичку, но ветер задул ее. Он зажег другую, сложив ладонь ковшиком, но руки тряслись, и спичка опять погасла. Тогда он достал третью и посмотрел на Луиса, стоящего в двери.

— Никак не получается, — сказал Джуд. — Тыпустишь меня или нет, Луис?

Луис отступил и впустил Джуда.

38

Они сидели за кухонным столом — «А ведь мы в первый раз сидим у нас на кухне», — подумал Луис удивленно. Где-то за стеной Элли вскрикнула во сне, и они замерли, как в детской игре. Крик не повторялся.

— Ну, — сказал Луис, — что тебе нужно в четверть первого, в день, когда будут хоронить моего сына? Ты, конечно, друг, Джуд, но пойми...

Джуд отпил пива, вытер рот тыльной стороной ладони и посмотрел Луису в глаза. В его взгляде была такая ясность, что Луис не выдержал и потупился.

— Ты знаешь, что мне нужно, — сказал Джуд. — Ты думаешь о вещах, о которых нельзя думать, Луис. И я боюсь, что ты уже решился.

— Я не думал ни о чем, кроме как пойти спать, — попробовал схитрить Луис. — Завтра похороны.

— Я виноват, что тебе сейчас так плохо, — сказал Джуд тихо. — И если я не ошибаюсь, то моя вина есть и в смерти твоего сына.

Луис уставился на него.

— Что? Джуд, что ты несешь?

— Ты думал о том, чтобы отнести его туда, — сказал Джуд. — Не позволяй этой мысли завладеть тобой, Луис.

Луис не ответил.

— Как далеко идет его влияние? — спросил Джуд. — Ты это знаешь? Нет. И я не знаю, хотя прожил здесь всю жизнь. Я только знаю, что для микмаков это всегда было что-то вроде святого места, но... не по-хорошему. Стэнни Б. говорил мне это. И мой отец это говорил, потом. Когда Спот умер второй раз. Теперь микмаки, штат Мэн и правительство Соединенных Штатов спорят в суде, кому принадлежат эти земли. Кто ими владеет? Не знаю, и никто не знает. Многие предъявляли на них права, и среди них был Энсон Ладлоу, правнук основателя города. Может, его права были больше всех, ведь Джозеф Ладлоу когда-то получил от короля Джорджи все эти земли, когда весь Мэн был только провинцией Колонии Массачусетс. Но они и ему не достались — тут же объявились претенденты из других Ладлоу и некий Питер Диммарт, который доказывал, и не без оснований, что и в его жилах течет кровь Ладлоу. А старый Джозеф Ладлоу был богат землей, но небогат деньгами до конца своих дней, и часто просто дарил то две, то четыре сотни акров какому-нибудь из своих собутыльников.

— А документов не осталось? — спросил Луис, заинтересованный, несмотря на все.

— О, наши предки не очень-то любили оставлять документы, — сказал Джуд, зажигая новую сигарету от кончика

догорающей. — В дарственной было сказано так. — Он прикрыл веки и задумался. — «От большого клена, стоящего на холме Квинсберри до края Оррингтонского ручья, пересекающего дорогу с севера на юг.» Но этот клен рухнул в 1882 году, так говорят, и к 1900-му совсем сгнил, а Оррингтонский ручей за десять лет после окончания Великой войны сменил русло — как раз в год краха на бирже. После этого вообще все перепуталось. В конце концов старый Энсон был убит молнией в 1921 году, как раз недалеко от этих могил.

Луис посмотрел на Джуда. Тот отхлебнул еще пива.

— Ну, не в этом дело. Есть много мест, на которые претендуют разные люди, а законники выжимают с них за это деньги. Помню, Диккенс про это писал. Надеюсь, в конце концов их получают индейцы, как и должно быть. Но не в этом дело, Луис. Я пришел сюда, чтобы рассказать тебе про Тимми Батермэна и его отца.

— А кто такой Тимми Батермэн?

— Он был одним из двадцати парней, которые уехали из Ладлоу драться с Гитлером. Он уехал в 1942-м, а назад вернулся в ящике, обернутом флагом, в 1943-м. Он погиб в Италии. Его отец, Билл Батермэн, всю жизнь прожил здесь. Он просто свихнулся, когда получил телеграмму... А потом вдруг успокоился. Он знал об этих индейских могилах. И решил сделать это.

Дрожь вернулась снова. Луис долго смотрел на Джуда, пытаясь увериться, что он лжет. Но лжи не было в глазах старика.

— Почему ты не сказал мне об этом в ту ночь? — спросил он наконец. — Когда мы... отнесли кота? Когда я тебя спросил, не относили ли туда людей?

— Потому что тогда тебе не надо было это знать, — ответил Джуд. — А теперь надо.

Луис долго молчал.

— А это сделал только он?

— Про других я не слышал, — твердо сказал Джуд. — Сомневаюсь, что не было еще попыток. Очень сомневаюсь. Я думаю, как пророк в «Экклезиасте» — вряд ли есть что-то новое под солнцем. Конечно, оболочка вещей ме-

няется, но не суть. Что пытались сделать раз, то пытались и раньше... и еще раньше...

Он посмотрел на свои мозолистые руки. В комнате часы пробили половину первого.

— Я решил, что человек твоей профессии обязан видеть вещи, как они есть, и делать из них выводы. И решил поговорить с тобой напрямую, когда Мортонсон сказал мне в похоронном бюро, что ты заказал прокладку вместо закрытой гробницы.

Луис опять долго смотрел на Джуда, ничего не говоря. Джуд моргал, но не отводил взгляда.

Наконец Луис сказал:

— Это выглядит так, будто ты суешь нос в чужие дела, Джуд.

— Я не спрашивал его, он сказал сам.

— Все равно мне жаль.

Джуд не ответил, и, хотя он покраснел еще больше, чем обычно, не отводил глаз от Луиса.

Луис вздохнул. Он действительно очень устал.

— Ну и что? Может, ты и прав. Может, такая мысль и была. Но если и так, то она была где-то глубоко. Я вовсе не думал, что мне заказывать. Я думал про Гэджа.

— Я знаю, что ты думал про Гэджа. Но ты знаешь разницу. Твой дядя был могильщиком.

Да, он знал разницу. Гробница — это целое строение, она может сохраниться очень долго. Это прямоугольная бетонированная яма со стальными прутьями, которая после завершения похорон закрывается сверху тяжелой бетонной крышкой. Все дыры между крышкой и стенами тщательно заделываются. Дядя Карл говорил как-то Луису, что одну из таких гробниц они вообще не смогли открыть.

Дядя Карл, который любил поболтать (и со своим сыном, и с Луисом, работавшим с ним иногда в роли своеобразного ученика могильщика), охотно рассказывал племяннику истории про эксгумацию. Там случались довольно забавные вещи. Он говорил, что люди, почерпнувшие сведения о раскапывании могил из фильмов ужаса с Борисом Карлоффом и Дуайтом Фраем, ничего в этом не

понимают. Открыть гробницу могли и двое человек с лопатами — только для этого им понадобилось бы шесть недель. Поэтому обычно применяется кран, чтобы снять крышку. Так было и в тот раз. Могилу открыли, и кран подцепил крышку. Но она и не думала отходить. Бетонные стенки уже отсырели — в Чикаго тогда была дождливая погода — и дядя Карл с напарником слышали, как внутри капает вода. Тут сама гробница стала понемногу вылезать из земли. Дядя Карл заорал крановщику, чтобы он прекратил тянуть, и пошел в контору за чем-нибудь — отбить крышку. Вернувшись, он обнаружил, что кран, не выдержав тяжести, свалился прямо на гробницу, а крановщик сломал себе нос. Кульминацией рассказа для дяди Карла было то, что через шесть лет этого парня выбрали президентом местного отделения профсоюза.

Прокладка была гораздо проще. Она представляла собой простую бетонную коробку, открытую сверху. Ее помещали в могилу утром перед самым погребением. Потом внутрь ставили гроб. Наверх накладывались на концах два крепления, которые могли стягиваться цепью и соединялись с бетоном прокладки железными кольцами. Каждое из креплений весило шестьдесят, от силы семьдесят фунтов. И никакого запечатывания.

Мужчина легко мог вскрыть такую прокладку; вот о чем говорил Джуд.

Мужчина легко мог вытащить из могилы тело своего сына и похоронить его в другом месте.

«Тсс... тсс... Не надо говорить о таких вещах. Это тайна.»

— Да, я знаю разницу между гробницей и прокладкой, — сказал Луис. — Но я вовсе не думал о том... о том, что ты думаешь.

— Луис...

— Уже поздно, — сказал Луис. — Уже поздно, я пьян, у меня болит сердце. Если хочешь рассказать мне эту историю, то рассказывай и иди домой.

— Ладно, Луис. Спасибо.

— Только скорее.

Джуд немного помедлил, собираясь с мыслями, и начал говорить.

— В те дни, во время войны, поезда еще останавливались в Оррингтоне, и Билл Батермэн приехал туда на катафалке, чтобы забрать тело своего сына Тимми. Гроб несли четыре железнодорожника. Одним из них был я. Там был один военный, со всеми этими гробами — что-то вроде армейского могильщика — но он никогда не покидал поезд. Он сидел пьяным в вагоне среди дюжины гробов.

Мы погрузили Тимми в катафалк — тогда еще не было скорых поездов, и нужно было быстрее похоронить его, чтобы он не разложился. Билл Батермэн стоял там. Лицо его было каменным и... сухим, понимаешь, Луис? На нем не было слез. Хью Гербер, который тогда вел поезд, сказал, что вагон с гробами поедет дальше. Он сказал, что на остров Прескью прибыл полный самолет с гробами, и теперь их отправляют на юг.

Военный подошел к Хью, вынул из кителя поллитра виски и сказал своим певучим голосом южанина: «Господин машинист, вы знаете, какой груз вам предстоит везти?»

Хью помотал головой.

«Так знайте. Я везу гробы отсюда до самой Алабамы.»

Хью сказал, что военный достал из кармана список и показал ему: «Мы должны оставить два гроба в Хоултоне, один в Пассадумкеге, два в Бангоре, один в Дерри, один в Ладлоу и так далее. Чувствуешь себя просто молочником. Давайте выпьем.»

Но Хью не стал с ним пить, потому что в Бангоре свирепствовала инспекция, и его могли заставить дышать.

Тогда этот военный напился в одиночку.

Так они и ехали, оставляя свои обернутые флагами гробы на каждой станции. Их было восемнадцать или двадцать, этих гробов. Хью говорил, что на всем пути до Бостона их встречали плачущие родные, кроме Ладлоу... а в Ладлоу его просто поразил вид Билла Батермэна, который не плакал, но сам выглядел, как мертвец. Когда Хью закончил эту поездку, он с тем военным выпил весь оставшийся у того запас виски и напился так, как никогда

не напивался, а после пошел к шлюхам, чего он тоже никогда не делал. И он сказал, что никогда больше не хочет водить таких поездов.

Тело Тимми привезли в похоронное бюро Гринспана на Терн-стрит — сейчас там стоит новая прачечная Фрэнклина, — и через два дня его похоронили на городском кладбище с воинскими почестями, как полагается.

Ну вот, Луис, теперь смотри: миссис Батермэн умерла за десять лет до того, рожая второго ребенка, и это тоже много значило. Второй сын мог бы облегчить его боль, как ты думаешь? Второй сын мог бы напомнить старому Биллу, что он кому-то нужен, что кто-то горюет с ним вместе. Я думаю, тебе легче — все же у тебя есть еще ребенок. Дочка и жена, которые живы и здоровы.

По сопроводительному письму, полученному Билли от командира взвода, где служил Тимми, его убили на пути к Риму 15 июля 1943 года. Через два дня его тело отправили домой, и 19-го оно прибыло в Лаймстоун. На следующий день оно попало на поезд к Хью Герберу. Многие из убитых в Европе там и были похоронены, и все, кто прибыл на том поезде, чем-нибудь отличились — так и Тимми погиб, взорвав вражеское пулеметное гнездо, и был посмертно награжден Серебряной звездой.

Тимми похоронили — не помню точно, но по-моему 22-го июля. Через четыре или пять дней Марджори Уошберн, которая тогда разносила почту, увидела, как Тимми идет по улице. Ее как ветром сдуло оттуда, сам понимаешь. Она вернулась в офис, сдала сумку со всей почтой Джорджу Андерсону и сказала, что идет домой.

«Марджи, ты что, заболела?» — спросил ее Джордж. — Ты белая, как крыло чайки.

«Я испугалась, как никогда в жизни, и не могу даже говорить об этом, — сказала Марджи Уошберн. — Я не скажу ни маме, ни Брайену, никому. Когда я попаду на небо, и Иисус меня спросит, то ему я, может быть, скажу. Но не думаю, что он спросит.» И так она ушла.

Все знали, что Тимми мертв; в «Бангор дейли ньюс» и в Элсуортском «Американце» печатался его некролог, с фотографией и всем таким, и половина города была на его

похоронах. И Марджи видела его идущего по улице — крадущегося по улице, как она сказала в конце концов Джорджу Андерсону — только через двадцать лет, а потом она умерла, и Джордж рассказал это мне, хотя она просила его никому не говорить. Джордж говорил, что это, кажется, не давало ей покоя всю жизнь.

Он был бледным, говорила она, и одет в холщовые штаны и фланелевую охотничью куртку, хотя в тот день было девяносто градусов в тени. Мэрджи говорила, что волосы у него сзади стояли дыбом, а глаза были, как изюминки в тесте. «Я видела призрака, Джордж, — так она сказала. — Вот что меня напугало. Я никогда не думала, что увижу такое.»

Ну ладно, вот что было дальше. Скоро и другие стали замечать Тимми. Миссис Страттон — да, ее звали «миссис», хотя никакого мужа у нее не было; она жила в маленьком домике на Педерсен-роуд, и у нее было много джазовых пластинок, и с ней можно было познакомиться накоротке, если у вас была бумажка в десять долларов. Ну так вот, она увидела его с крыльца и говорила, что он шел по дороге и остановился напротив нее.

«Он просто стоял там, — говорила она, — с опущенными руками, нагнув голову, как боксер перед боем.» Она стояла на крыльце, слишком напуганная, чтобы уйти. Потом он повернулся, и выглядело это так, словно он был пьян. Одна его нога двигалась, другая оставалась на месте, и он едва не упал. Она говорила, что он смотрел прямо на нее, и она уронила корзину с бельем, и оно вывалилось и все перепачкалось.

Она сказала, что его глаза... были как мертвые и словно присыпанные пылью, Луис. Но он видел ее... и ухмыльнулся... и она сказала, что он говорил с ней. Спросил, остались ли у нее еще те пластинки, и не хочет ли она, чтобы он зашел к ней вечером. Тут она вбежала в дом и не выходила оттуда всю неделю.

И еще многие видели Тимми Батермэна. Почти все они уже умерли — миссис Страттон и другие, — но остались еще старики вроде меня, которые могут рассказать тебе... если только захотят.

Мы видели, как он ходил туда-сюда по Педерсен-роуд, милей восточнее дома его отца или милей западнее. Так он ходил целыми днями и, как многие знали, ночами тоже. Мятая рубаша, бледное лицо, свалывшиеся волосы, и этот взгляд... этот...

Джуд прервался, чтобы зажечь сигарету, и посмотрел на Луиса сквозь облако синего дыма. И хотя вся эта история была до безумия невероятной, лжи не было в глазах Джуда.

— Ты слышал все эти истории — не знаю, сколько в них правды, — о гаитянских зомби. В фильмах они всегда такие неуклюжие, смотрят прямо вперед и двигаются медленно, да? Но там было что-то большее. За его глазами что-то было, что ты мог видеть, а мог и не видеть. Что-то за пределами его. Я не могу это объяснить. Не хочу.

Эта штука, за ним, могла шутить. Как в его разговоре с миссис Страттон, когда он пытался заигрывать с ней. И мне кажется... мне кажется, Луис, что это был уже не он, не Тимми Батермэн. Это было как... радиосигнал, который откуда-то приходит. Ты смотрел на него и думал: «Если он тронет меня, я закричу.» Что-то вроде этого.

Так он ходил туда-сюда, и вот однажды, когда я пришел с работы, — по-моему, это было 30-го июля или где-то так — у меня на крыльце сидел Джордж Андерсон, почтмейстер, ты его не знал, попивая чай со льдом, и с ним были Ганнибал Бенсон, член городского управления, и Аллан Пуринтон, пожарник. Норма тоже сидела с ними, но в разговор не вступала.

У Джорджа вместо правой ноги была деревяшка. Он потерял ногу, работая на железной дороге, и в такие жаркие дни протез сильно мешал ему. Но он был здесь, несмотря на это.

«Это зашло слишком далеко, — сказал мне Джордж, — Мои почтальонши боятся ходить на Педерсен-роуд. К тому же, правительство подняло шум.»

«Что ты имеешь в виду?» — спросил я его.

Ганнибал сказал, что ему звонили из Министерства обороны.

Какой-то лейтенант по фамилии Кинсмэн, чья работа — выявлять дезертиров. Четыре или пять человек прислали в

Министерство анонимные письма, которым было трудно поверить. Если бы письмо было одно, они бы там просто посмеялись. Если бы их все написал один человек. Кинсмэн сказал, что он даже звонил в полицию в Дерри и выяснял, не известно ли им о психопате, одержимом ненавистью к семье Батермэнов. Но все эти письма писали разные люди — это было видно по почерку; и во всех сообщался невероятный факт — что Тимоти Батермэн, вместо того, чтобы лежать в могиле, разгуливает по улицам Ладлоу. Этот Кинсмэн хочет, чтобы парень явился к нему, если не хочет сесть за дезертирство, — закончил Ганнибал, — и они там хотят знать, кто же похоронен в могиле Тимми, если не он.

Ну вот, ты понимаешь, Луис, какое у нас было состояние. Мы просидели за чаем больше часа, толкуя об этом. Норма спросила, не хотим ли мы сэндвичей, но нам кусок в горло не лез.

Мы судили и рядили, пока не сговорились пойти к Батермэну. Я никогда не забуду той ночи, даже если проживу еще вдвое дольше. Было жарко, как в аду, солнце садилось за тучи, словно ведро с углями. Никто из нас не хотел идти туда, но мы пошли. Норма знала, куда мы идем. Она пыталась удержать меня дома под любым предлогом, а потом сказала: «Не позволяй им струсить, Джуд. Раз уж вы идете, разберитесь с этим делом.»

Джуд смерил Луиса взглядом.

— Да, она так и сказала. И прошептала мне прямо в ухо: «Но если что случится — беги. Не думай о других, пусть они заботятся о себе сами. Помни про меня и уноси ноги, если что случится.»

Мы залезли в автомобиль Ганнибала Бенсона. Никто не болтал много, но мы все четверо дымили, как паровозы. Мы боялись, Луис, очень боялись. Но что-то сказал один Алан Пуринтон. Он сказал Джорджу: «Билл Батермэн шлялся в эти леса к северу от дороги номер 15, и это мне очень не нравится.» Джордж только кивнул.

Ну вот, мы пришли туда, и Алан постучал, но никто не отозвался, тогда мы зашли со двора. Билл Батермэн сидел там на крыльце с кувшином пива, и Тимми тоже стоял там, глядя на красное заходящее солнце. Все лицо его было

оранжевым, будто с него содрали кожу. И Билл... он выглядел так, будто в него вселился демон. Одежда болталась на нем, и на вид он потерял сорок фунтов веса. Глаза его ввалились, и были, как пара зверьков, мечущихся в пещере... и рот все время дергался.

Джуд подождал, пытаясь успокоиться, и кивнул:

— Да, он выглядел, как бесноватый. Тимми взглянул на нас и ухмыльнулся. Потом он опять уставился на солнце. Билл сказал: «Я не слышал, как вы стучали,» — что было, конечно, откровенным враньем, поскольку Алан стучал достаточно громко, чтобы поднять... спящего.

Никто, казалось, не знал, о чем говорить, и тогда я начал: «Билл, я слышал, твоего парня убили в Италии?»

«Это ошибка,» — сказал он, в упор глядя на меня.

«Разве?» — спросил я.

«Видите, вот он стоит,» — сказал он.

«А кто же тогда лежит в гробу на кладбище?» — спросил Алан Пуринтон.

«Черт меня возьми, если я знаю, — сказал Билл, — и плевать я на это хотел.» — Он ушел за сигаретами, оставив всех на крыльце, а потом сломал две или три, пытаясь вытянуть их из пачки — так тряслись у него руки.

«Возможна эксгумация, — сказал Ганнибал. — Ты этого не знал? Мне звонили из этого чертова министерства, Билл. Они хотят знать, не похоронили ли они какого-нибудь другого Тимми.»

«Ладно, а мне-то что до этого? — сказал Билл громко. — Какое мне дело? Мой мальчик со мной, он вернулся. Правда, его контузило или что-то такое, он немного не в себе, но он поправится.»

«Послушай, Билл, — сказал я, и тут меня прорвало. — Если они выроют этот гроб и найдут его пустым, то они опять заберут твоего парня, и не знаю, что ты им тогда скажешь. Я-то понял, в чем тут дело, и Ганнибал, Джордж и Алан тоже поняли, и ты тоже это знаешь, не прикидывайся. Ты сглупил насчет тех лесов, Билл, и принес много горя и себе, и всему городу.»

«Я надеюсь, вы знаете выход отсюда, — сказал он. — Я ничего вам не собираюсь объяснять или оправдываться.

Когда я получил эту телеграмму, я почувал, что жизнь уходит, просто выливается из меня. И я вернул своего мальчика. Какое они имели право забирать его у меня? Ему всего семнадцать лет. Это все, что мне осталось от его матери, и все тут законно. Плевал я на армию, и на Министерство обороны, и на все Соединенные Штаты, и на вас, ребята, тоже. Я его вернул. Он скоро поправится. Это все, что я могу вам сказать. А теперь убирайтесь.»

И его рот дергался, и пот капал со лба большими каплями, и тут я понял, что он свихнулся. Я бы на его месте тоже спятил. Жить с этим... существом.

Луис почувствовал тяжесть в желудке. Он выпил чересчур много пива слишком быстро. Скоро ему придется отлучиться...

— Ну вот, больше мы ничего не могли сделать. Мы уже собрались уходить. Ганнибал сказал:

«Билл, да поможет тебе Бог.»

Билл ответил: «Бог никогда не помогал мне. Я сам себе помог.» И тут Тимми повернулся и подошел к нам. Он даже ходил не так, Луис. Он ходил как старый-престарый дед. Он высоко поднимал одну ногу, потом опускал и с шарканьем подтягивал к ней другую. Так ходят крабы. Руки его свисали по бокам. И, когда он подошел близко, мы увидели на его лице красные отметины, как от ожогов. Я догадался, что это от пулемета. Должно быть, в него попали с близкого расстояния.

И он вонял могилой. Это был ужасный запах, будто он гнил изнутри. Я увидел, как Алан Пуринтон поднял руку, закрывая рот и нос. Запах был просто невыносимым. Я так и ожидал, что из волос его полезут черви.

— Стоп, — сказал Луис хрипло. — С меня хватит.

— Дослушай, — сказал Джуд. В голосе его была суровость. — Я не могу даже передать, как это ужасно было на самом деле. Никто не поймет этого, пока сам не увидит. Он был мертвым, Луис. Но и живым в то же время. И он... он знал про все.

— Знал про все? — Луис подался вперед.

— Ага. Он долго смотрел на Алана с ухмылкой так, что можно было видеть его зубы, а потом сказал глухим

голосом, будто что-то говорило из глубины его тела. Звук был такой, как если бы он кричал из могилы.

«Твоя жена ебется с типом, который работает с ней в аптеке, Пуринтон. Что ты об этом думаешь? Она громко кричит, когда кончает. Как тебе это?»

Алан просто задохнулся, эти слова потрясли его. Он сейчас в доме престарелых в Гардинере, и, если он еще жив, ему стукнуло девяносто. Но тогда ему было за сорок, и ходили разные толки о его второй жене. Она была его дальней родственницей и жила у них, у Алана и его первой жены, задолго до войны. А потом Люси умерла, и через полтора года Алан взял и женился на этой девице. Ее звали Лорин. Когда они поженились, ей было только двадцать четыре. И о ней ходили слухи, понимаешь, а он не мог относиться к этому спокойно, и поэтому сразу сказал: «Заткнись! Заткнись, или я вышибу тебе мозги, кто бы ты ни был!»

«Замолчи, Тимми,» — сказал старый Билл, и вид у него был еще хуже, чем до того, будто его сейчас вырвет, или он помрет, или и то, и другое сразу.

Но Тимми не обращал на него никакого внимания. Он повернулся к Джорджу Андерсону и сказал: «Внук, которого ты так любишь, только и ждет твоей смерти, старикан. Ему нужны деньги, которые, как он думает, ты держишь в сейфе в отделении Восточного банка в Бангоре. Вот поэтому он пресмыкается перед тобой, а за спиной смеется, вместе со своей сестрой. Старая деревяшка, вот как они тебя зовут,» — сказал Тимми, и, Луис, его голос изменился! Он стал звучать, как голос внука Джорджа, если... если, понимаешь, то, что Тимми говорил, было правдой. «Старая деревяшка,» — сказал Тимми, — и как же они взвоят, когда увидят, что ты беден, как церковная мышь, и потерял все еще в тридцать восьмом! Как они будут тебя проклинять, Джордж!»

Джордж тогда просто плюхнулся на крыльцо Билла и перевернул его кувшин с пивом, и он был белый, как твоя рубашка.

А Билл поднял его на ноги и сказал сыну: «Тимми, перестань! Перестань!» Но Тимми не перестал. Он сказал

еще кое-что плохое про Ганнибала, а потом про меня, и при этом он... кричал. Да, кричал, как в бреду. И мы начали отступать, а потом побежали, таща за собой Джорджа потому, что его нога заплеталась и цеплялась за траву.

И когда я видел Тимми Батермэна в последний раз, он стоял во дворе с красным от заходящего солнца лицом, с этими отметинами на лице, с растрепанными волосами... и кричал еще и еще: «Старая деревяшка! Старая деревяшка! И рогоносец! И потаскун! Счастливо, джентльмены! Гуд-бай!» — и он смеялся, но выходил только крик и скрежет... откуда-то изнутри... и он стоял и скрежетал.

Джуд остановился. Грудь его вздымалась от волнения.

— Джуд, — спросил его Луис. — То, о чем Тимми говорил тебе... было правдой?

— Да, правдой, — пробормотал Джуд. — О Боже, это была правда! Я зааживал в публичнй дом в Бангоре. Иногда хотелось чего-то нового. Или заплатить какой-нибудь женщине, чтобы сделать с ней то, чего я не мог сделать со своей женой. Мужчине это бывает необходимо, Луис. В этом нет ничего ужасного, и это ничего не изменило в моей жизни, и Норма не ушла бы от меня, если бы узнала. Но что-то в наших отношениях умерло бы навсегда. Что-то очень дорогое.

Глаза Джуда были мокрыми и красными. «Слезь стари-ков особенно неприятны,» — подумал Луис. Но когда Джуд потянулся через стол, ища руку Луиса, он не отнял ее.

— Он говорил нам только плохое, — сказал он через какое-то время. — Только плохое. Бог видит, что этого было достаточно любому на целую жизнь. Через два или три дня Лорин Пуринтон покинула Ладлоу со всем своим добром, и те, кто видел ее на станции, говорили, что под обеими глазами у нее были здоровенные синяки. Алан никогда больше не вспоминал о ней. Джордж умер в 1950-м и ничего не оставил своим внукам, по крайней мере, я об этом не слышал. Ганнибала вышибли со службы из-за того самого, о чем ему сказал Тимми Батермэн. Я не хочу говорить, что это — тебе вряд ли интересно, — но недостача в городском бюджете произошла отчасти из-за него. Его пытались даже отдать под суд, но не стали. Потеря

должности была для него достаточным наказанием; она очень много значила для него в жизни.

Но ведь в них было и хорошее. Я это помню, хотя многие вспоминают прежде всего плохое. Ганнибал основал фонд пожертвований в пользу госпиталя, сразу после войны. Алан Пуринтон был одним из самых щедрых людей, которых я знал. А старый Джордж Андерсон хотел только работать на своей почте.

Но он говорил только плохое про них. Как будто хотел, чтобы мы помнили одно зло потому, что он сам был злом... и знал, что мы опасны для него. Тот Тимми Батермэн, который ушел воевать, был обычным, добрым парнем, может, только чуть хулиганистым. Но то, что мы видели тем вечером, при свете заходящего солнца... это был монстр. Может, это был зомби, или диббук, или как там их еще называют. Может, у таких, как он, вовсе нет имени, но микмаки знали его, по имени или нет.

— Что? — в оцепенении спросил Луис.

— Они говорили, что это Вендиго, — сказал Джуд. Он глубоко вздохнул, медленно выдохнул воздух и поглядел на часы. — Ладно. Уже поздно, Луис. Я не успею рассказать всего.

— Договаривай уж. Ты был так красноречив. Чем это все кончилось?

— Через две ночи в доме Батермэнов случился пожар. — сказал Джуд. — Дом сгорел дотла. Алан Пуринтон говорил, что, без сомнения, это был поджог. Бензин разлили по всему дому, и его запах можно было учуять и через три дня после пожара.

— И они оба сгорели?

— Ага, сгорели. Но умерли они еще до этого. Тимми получил две пули в грудь из пистолета Билла, это был старый кольт. Его нашли у Билла в руке. Вот что он, похоже, сделал: застрелил сына, потом облил дом бензином, сел на стул, чиркнул спичкой и пустил себе пулю в лоб.

— О Боже, — проговорил Луис.

— Они обгорели порядком, но медицинские эксперты графства сказали, что по всем данным Тимми был мертв уже две или три недели.

Молчание. Потом Джуд встал.

— Я не преувеличивал, когда говорил, что это я убил твоего сына, Луис, или приложил к этому руку. Микмаки знали это место, но это не обязательно значит, что это они сделали его таким. Они не всегда жили здесь. Они пришли то ли из Канады, то ли из Азии, то ли еще откуда-то. И они прожили в Мэне тысячу лет или, может, две тысячи — трудно сказать, они не оставляли на земле следов. И вот они ушли... как и мы когда-нибудь уйдем, хотя я надеюсь, что от нас останутся следы, хорошие или плохие. Но это место сохранится, независимо от того, кто будет здесь жить. Оно переживет всех, кто владеет им, или всех, кем оно владеет. Это проклятое место, и я не должен был вести тебя туда хоронить этого кота. Я знаю, не должен. Оно обладает властью внушать тебе, что хорошо для тебя и для твоей семьи. Я не сумел одолеть эту власть. Ты спас жизнь Норме, а я хотел помочь тебе, и это место обратило мои добрые намерения ко злу. Оно имеет власть... и я думаю, что эта власть уменьшается и увеличивается, как фазы луны. Когда-то его власть была полной, и я думаю, что когда-нибудь она опять будет такой. Сейчас оно решило повлиять на тебя через меня и через твоего сына. Ты понимаешь, о чем я, Луис? — его глаза глядели на Луиса почти с мольбой.

— Ты говоришь, это место знало о том, что Гэдж умрет? — спросил Луис.

— Нет, я говорю, что оно сделало так, что Гэдж умер, из-за того, что я показал тебе его власть. Я говорю, что убил твоего сына своими добрыми намерениями.

— Я не могу в это поверить, — сказал Луис дрожащим голосом. — Нет. Невероятно.

Он крепко пожал руку Джуда.

— Завтра мы похороним Гэджа. В Бангоре. И в Бангоре он останется. Я не понесу его оттуда ни на Кладбище домашних животных, ни куда-то еще.

— Пообещай мне! — сказал твердо Джуд. — Пообещай.

— Обещаю.

Однако в глубине его сознания засела мысль, червячок сомнения, который не исчез совсем.

Но ничего этого не было.

Все это — и ревущий грузовик «Оринко», и пальцы, которыми он схватился за краешек джемпера Гэджа и которые потом соскользнули, и Элли, держащая фото Гэджа и ставящая его стул у изголовья своей кровати, и слезы Стива Мастертона, и драка с Ирвином Голдмэном, и ужасная история Джуда про Тимми Батермэна — все это только возникло в сознании Луиса Крида за те несколько мгновений, что он догонял своего смеющегося сына у дороги. Сзади кричала Рэчел: «Гэдж, вернись, не беги!» — но Луис не опоздал. Он был уже совсем близко, когда реально произошло одно (только одно) из этих событий: на дороге он услышал гудение подъезжающего грузовика, и где-то внутри его открылись тайники памяти, и он вспомнил, как в первый день Джуд Крэндалл говорил им с Рэчел: «Держите их подальше от дороги, миссис Крид. Это плохая дорога для детей и зверей.»

Теперь Гэдж сбегал вниз по скату лужайки, за которой проходила дорога номер 15, его коротенькие ножки мелькали в траве, по всем законам он должен был упасть, но продолжал бежать, и гудение было уже совсем рядом, низкий хриплый звук, который Луис слышал иногда, лежа в кровати, если ложился рано. Тогда он казался уютным, но теперь пугал.

«О Господи Иисусе, дай мне поймать его, не пускай его на дорогу!»

Луис прибавил скорости и прыгнул вперед параллельно земле; тень его распласталась под ним на траве, как тень стервятника на поле миссис Винтон, и в тот самый миг, когда инерция вынесла Гэджа на дорогу, пальцы Луиса схватились за его джемпер... и не соскользнули, нет.

Он рванул Гэджа назад и упал на землю вместе с ним, разбив лицо о гравий, расквасив нос. Но больше всего был удар по яйцам — ооох, если бы я знал, когда шел играть в футбол, я бы поостерегся, — но и боль в носу, и спазм внизу живота отступили, когда прямо в ухо ему ударил рев Гэджа, шлепнувшегося на задницу среди лужайки. Еще

через какой-то момент грузовик промчался мимо, обдав его сизыми выхлопами.

Луис попытался подняться с сыном на руках, несмотря на боль. Тут к ним подбежала Рэчел, плача и крича на Гэджа: «Никогда не смей бегать на дорогу, Гэдж! Никогда, никогда, никогда! Эта дорога плохая! Плохая, понял?!» Гэдж так удивился этому заявлению, что перестал плакать и вытаращился на мать.

«Луис, ты разбил нос,» — сказала она и обняла его так внезапно и сильно, что на миг у него перехватило дыхание.

«Это еще не самое плохое, — сказал он. — Как бы я не стал импотентом. Черт, как больно.»

И она истерически расхохоталась так, что он даже испугался за нее, и в его сознании пронеслась мысль: «Если бы Гэдж погиб, это свело бы ее с ума.»

Но Гэдж не погиб; все это лишь в очень короткий момент промелькнуло в сознании Луиса, когда он бежал за сыном по зеленому лугу.

Гэдж пошел в школу, а в семь лет поехал в лагерь, где проявил удивительную страсть к плаванию. Он также преподнес родителям сюрприз, без всяких психических травм пережив месячную разлуку. Когда ему стукнуло десять, он на целое лето уехал в лагерь Агаван в Рэймонде, а в одиннадцать выиграл две голубых ленты и одну красную на соревнованиях по плаванию. Он вырос большим, но это был все тот же Гэдж, радостный и вечно изумленный миром и его чудесами... и мир поворачивался к нему только своими светлыми сторонами.

В старших классах он был одним из лучших учеников и членом команды пловцов. Рэчел была расстроена, а Луис не особенно удивлен, когда в семнадцать он изъявил желание перейти в католицизм. Рэчел считала, что это из-за девочки, которой Гэдж был увлечен; она уже предвидела скорую женитьбу («если эта шлюшка с медалью из Сент-Кристофера не окрутит его, я съем твои штаны,» — так она сказала Луису), крах его учебных и спортивных планов и девять-десять маленьких католиков, бегающих вокруг Гэджа, когда ему будет сорок. Но к тому времени (конечно, по мрачным предположениям Рэчел) он будет водителем

грузовика, одышливым любителем пива и сигар в предынфарктном состоянии.

Луис думал, что намерения его сына более чисты, и хотя Гэдж действительно обратился (и когда он сделал это, Луис послал открытку Ирвину Голдмэну; в ней говорилось: «Может быть, Ваш внук станет иезуитом. Любящий Вас зять Луис»), но так и не женился на этой довольно милой девушке (и уж никак не шлюшке), с которой дружил в школе.

Он стал членом олимпийской сборной по плаванию, и в один из дней, через шестнадцать лет после того, как он вырвал сына из-под колес грузовика «Оринко», Луис и Рэчел — которая уже совсем поседела, хоть и красилась, — смотрели по телевизору, как их сыну вручают золотую медаль. Когда камеры Эн-Би-Си показали его крупным планом, с лицом, покрытым капельками воды, со спокойными ясными глазами, устремленными на флаг, с красной лентой вокруг шеи и золотым кружком, блестящим на смуглой груди, Луис прослезился. И Рэчел тоже.

«Ну вот, дело в шляпе,» — сказал Луис и повернулся к жене, чтобы обнять ее. Но она поглядела на него с ужасом, лицо ее казалось столетним, будто она плакала месяцы и годы подряд, и когда Луис взглянул обратно на экран, он увидел там совсем другого парня, чернокожего с шапкой курчавых волос, в которых еще не высохли капельки воды.

«Дело в шляпе.»

Его шляпа... кепка...

«О Господи Боже, его кепка вся в крови.»

Луис проснулся холодным дождливым утром около семи, сжимая в руках подушку. В голове тяжело отдавались удары сердца, боль накатывала и отступала с тупым постоянством. Во рту был вкус прокисшего пива, а в желудке — страшная тяжесть. Он во сне плакал, подушка была мокрой, словно все невероятные вещи, виденные им, исторгали у него слезы гордости. Но он подумал, что даже в этом сне часть его знала правду и плакала над ней.

Он встал и поплелся в ванну, сердце подкатило куда-то к горлу, сознание вновь вернулось к прошлому. Это было

невыносимо. Он приник к унитазу и вылил в него избыток вчерашнего пива.

Он стоял на полу на коленях с закрытыми глазами, пока не почувствовал в себе силы подняться. Нащупав ручку, он смыл следы рвоты. Взглянув в зеркало, он хотел выяснить, что с его глазами — они туманились, — но зеркало было завешено куском материи. Потом он вспомнил. Никогда не склонная особо следовать обычаям, Рэчел в этот раз закрыла в доме все зеркала и снимала туфли перед тем, как пройти в дверь.

Не будет никакой олимпийской медали, тупо подумал Луис, вернувшись в комнату и опять плюхнувшись на кровать. Горький вкус пива еще держался во рту, и он поклялся (не в первый, впрочем, раз), что никогда больше не возьмет в рот эту отраву. Никакой олимпийской медали, никакого колледжа, никакого обращения в католичество, никакого лагеря Агаван, ничего. Батончики его рассыпались, джемпер вывернулся наизнанку; тельце его, такое нежное и хрупкое, почти разорвало на части. Кепка его была вся в крови.

Теперь, сидя на кровати и думая обо всем этом под звуки дождя, лениво капавшего за окном, он еще сильнее ощутил свое горе. Оно пришло и лишило его мужества, лишило воли к жизни, забрало все его силы, бросило в кровать, заставляя думать о том, чтобы любым путем вернуть прошлое. Любым путем.

41

Гэджа хоронили в два часа дня. К тому времени дождь прекратился. Небо еще было в тучах, и большинство приглашенных пришли с черными зонтами.

По просьбе Рэчел директор похоронного бюро, распорядившийся церемонией, прочитал отрывок из Евангелия от Матфея, начинающийся со слов: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко мне.» Луис стоял на краю могилы, смотря на своего тестя.

В какой-то момент Голдмэн оглянулся на него, но быстро отвел глаза. Сегодня между ними не происходило

ссор. Под глазами Ирвина были мешки, и редкие седые волосы, торчащие из-под его черной шапочки, трепал ветер. Из-за седой щетины, покрывшей его щеки, он казался еще старше. Луису казалось, что старик просто не соображал, где он находится. Он пытался наскрести в своем сердце жалось, но ее не находилось.

Белый гробик Гэджа с починенными замками, стоял над прокладкой на двух хромированных подставках. Края могилы были выложены дерном, таким ярко-зеленым, что он резал Луису глаза. На поверхности этого фальшивого луга стояло несколько корзин с цветами. Луис оглядывал кладбище через плечо директора. Это был низкий холм, сплошь покрытый могилами и фамильными склепами, среди которых выделялся псевдоримский памятник с выгравированной на нем фамилией «Фиппс». За его пологой крышей блестело что-то желтое, и Луис долго смотрел туда, когда директор провозгласил: «Склоним головы в знак скорби.» Это заняло несколько минут, но Луис понял, что это такое. Это грузовик. Грузовик, спрятанный за памятником, где его никто не видит. А когда все кончится Оз раздавит сигарету кончиком своей ужасной туфли, (на кладбище могильщики обычно тушили сигареты — курить считалось нехорошо: слишком многие клиенты умирали от рака легких), погрузит гроб в контейнер, прыгнет в грузовик, нажмет на газ и увезет его сына далеко-далеко навсегда... или до дня Воскресения.

«Воскресение... что за слово.»

(Оно просто въелось тебе в мозги, и ты это знаешь!)

Когда директор сказал «Аминь», Луис взял Рэчел за руку и увел ее прочь. Рэчел пыталась протестовать — Луис, я должна побыть там, — но Луис был тверд. Они подошли к машинам и увидели, как директор забирает у участников казенные черные зонтики с заботливо написанным на ручке названием бюро. Помощник ставил их в специальную стойку, выглядевшую крайне сюрреалистически. Он держал Рэчел за правую руку, а левой сжимал руку Элли в белой перчатке. Элли была одета в то же платье, что было на ней в день похорон Нормы Крэндалл.

Джуд подошел, когда Луис усаживал своих дам в машину. Он тоже выглядел измученным после прошлой ночи.

— Как ты, Луис?

Луис только кивнул.

Джуд перевел взгляд внутрь машины.

— Как вы, Рэчел?

— Все нормально, Джуд, — прошептала она.

Джуд осторожно коснулся ее плеча и повернулся к Элли.

— А ты, дорогая?

— Нормально, — отозвалась Элли, изобразив на лице чудовищно широкую улыбку, чтобы показать, что все нормально.

— Что это у тебя за фото?

Луис решил, что она не даст карточку, не захочет показывать ему, но она после мучительных колебаний все же подала ее Джуду. Он держал ее в своих больших мозолистых руках, которые на своем веку много копались в механизмах громадных дорожных машин, но эти же руки извлекли пчелиное жало из шеи Гэджа с искусством волшебника... или хирурга.

— Да, хорошее фото, — сказал Джуд. — Ты посадила его на санки. Как, ему это нравилось?

Элли кивнула, начиная уже плакать.

Рэчел хотела что-то сказать, но Луис остановил ее: «Не волнуйся».

— Я посадила его, — говорила Элли, плача, — а он все смеялся. А потом мы пошли домой, и мама налила нам какао и сказала: «Снимайте башмаки», и Гэдж стянул их и закричал: «Башмаки! Башмаки!», так громко, что ушам было больно. Помнишь, мама?

Рэчел кивнула.

— Да, это было хорошее время, — сказал Джуд, отдавая ей фото. — И теперь, Элли, когда он умер, у тебя осталась память.

— Я всегда буду помнить его, — сказала она сквозь слезы. — Я так любила Гэджа, мистер Крэдалл.

— Я знаю, дорогая моя, — он наклонился и поцеловал ее, и выпрямившись, испытывающе оглядел Луиса и Рэчел. Рэчел встретила его взгляд удивленно и немного испуганно,

не понимая причины, но Луис понял. «Что ты сделаешь для нее? — спрашивали глаза Джуда. — Твой сын умер, но дочь жива. Что ты сделаешь для нее?»

Луис отвернулся. Он ничего не мог сейчас сделать. Она осталась со своим горем один на один. Луис думал только о сыне.

42

Вечером налетели новые тучи, и подул сильный ветер с запада. Луис надел светлую куртку, застегнул молнию и отыскал на полке ключи от «сивика»

— Куда ты, Луис? — спросила Рэчел без особого интереса. После ужина она опять плакала, и, хотя рыдания были негромкими, остановить их казалось невозможно. Луис был вынужден дать ей успокоительное. Теперь она сидела с журналом, бесцельно перелистывая страницы. В другой комнате сидела Элли, смотря по телевизору «Домик в прериях» с фотографией Гэджа в руке.

— Я схожу за пиццей.

— Ты не наелся днем?

— Тогда мне не хотелось, — сказал он правду, и добавил ложь. — Я скоро.

В тот день, между тремя и шестью, в их доме в Ладлоу состоялась заключительная часть похорон Гэджа. Это была церемония, связанная с едой.

Стив Мастертон с женой принесли кастрюлю с гамбургерами. Потом явилась Чарлтон с квичем. «Его можно хранить сколько угодно, — объяснила Рэчел, — и легко разогреть.» Денникеры с дальнего конца дороги принесли консервированную ветчину. Появились и Голдмэны — они не разговаривали с Луисом и даже не подходили к нему близко, чему он был рад, — с холодным мясом и сыром. Джуд тоже принес сыр — целый круг своего любимого «Мистера Рэта». Мисси Дэнбридж испекла сладкий пирог. Сурендра Харду пришел с пакетом яблок. Характер принесенной пищи отражал религиозные различия.

Это были поминки, и они не так уж сильно отличались от обычной вечеринки. Выпивки, конечно, было меньше,

но она была. После нескольких кружек пива (только накануне он заклился пить его, но в этот холодный долгий день прошедшая ночь казалась очень далекой) Луис подумал было рассказать несколько коротких случаев из практики могильщиков, услышанных им от дяди Карла — что на Сицилии во время похорон незамужние женщины иногда отрывают кусок от савана и кладут его под подушку, веря, что это принесет им удачу в любви; или что ирландцы связывают ноги покойникам, так как с древних пор они считают, что без этого их дух может блуждать по ночам. Дядя Карл говорил, что этот обычай распространился и в Нью-Йорке, где почти все могильщики были ирландцами и блюли это древнее суеверие. Но, взглянув на их лица, он решил, что не стоит рассказывать такие истории.

Рэчел скоро сломалась, и мать поспешила утешить ее. Рэчел прижалась к Дори Голдмэн и положила голову ей на плечо — ей, а не мужу, может быть, из-за того, что в глубине души, в подсознании все же считала его ответственным за смерть Гэджа, а может, из-за того, что он, погрузившись в собственные горести и фантазии, оказался неспособным облегчить ее горе. Как бы то ни было, она обратилась за утешением к матери, и Дори была тут как тут, утирая слезы дочери. Ирвин Голдмэн стоял сзади них, положив руку на плечо Рэчел и глядя на Луиса из другого конца комнаты с тайным триумфом.

Элли ходила между гостей с серебряным подносом, на котором были разложены бутерброды. Фотографию она держала под мышкой.

Луис принимал соболезнования. Он кивал и благодарил. И хотя взгляд его казался отсутствующим, а обращение холодным, все думали, что он думает о прошлом, о катастрофе, в которой погиб Гэдж; никому (кроме, может быть, Джуда) не могло прийти в голову, что Луис думает о раскапывании могил... конечно же, чисто теоретически; он вовсе не собирался делать этого. Это был только способ занять чем-нибудь мысли.

Луис остановился у магазина в Оррингтоне, купил две упаковки холодного пива и позвонил в «Наполи» заказать пиццу.

— Можете назвать вашу фамилию, сэр?
«Оз Великий и Узасный,» — подумал Луис.

— Лу Крид.

— О'кей, Лу, мы сейчас очень заняты. Через сорок пять минут будет готово. Вас это устроит?

— Да, конечно, — ответил Луис и повесил трубку.

Когда он снова сел в «сивик», до него вдруг дошло, что из двадцати пиццерий в районе Бангора он выбрал именно ту, что ближе всех к Дивному кладбищу, где похоронили Гэджа. «Ну, и что с того? — подумал он. — У них хорошая пицца. Не подгорелая. Когда мы ее ели, вечно кто-нибудь ронял кусок и Гэдж очень смеялся...»

Он оборвал эти мысли.

Он решил зайти на кладбище. Что тут такого?

Поставив машину напротив, он пересек дорогу у железных ворот, отсвечивающих в лучах заката. Над ними полукругом тянулись металлические буквы, образующие надпись «Дивное». Ничего особенно дивного Луис в виде кладбища не находил. Он живописно раскинулось на нескольких полых холмах среди тенистых аллей (сейчас, в полумраке, тени деревьев выглядели мрачно и даже угрожающе, а их шелест напоминал зловещий шепот) и отдельно стоящих плакучих ив. Тут не было тишины. Рядом слышался шум уличного движения, а в темнеющем небе виднелся отблеск огней Бангорского международного аэропорта.

Он подошел к воротам, задумавшись. Их запрут, да, но сейчас они были незаперты — может, было еще слишком рано, а если их и запирают, то только от пьяных и каких-нибудь юных хулиганов. Воскрешения мертвых («Вот, опять это слово!») никто не ждет. Ворота открылись с легким скрежетом, и, оглядевшись, чтобы убедиться, что его никто не заметил, Луис вошел внутрь. Он прикрыл за собой ворота и услышал щелчок замка.

Он стоял в этом жилище мертвых, осматриваясь вокруг.

«Уединенное место, — подумал он, — но, однако, никто не пойдет сюда целоваться.» Господи, что за чушь приходит на ум!

В сознании всплыл голос Джуда, встревоженный и — испуганный? Да. Испуганный.

«Луис, что ты здесь делаешь? Ты забыл — ты не должен ходить этой дорогой!»

Он заглушил этот голос. Никому не будет хуже, если он сходит сюда. Никто и не узнает, что он был здесь в темноте, вечером.

Он двинулся к могиле Гэджа по одной из тропинок. По пути он прошел по аллее; деревья загадочно шуршали над его головой свежей листвой. Сердце его билось учащенно. Могилы и памятники располагались рядами. Недалеко было здание конторы, с большой картой кладбища, аккуратно разделенной на квадраты, где были показаны могилы и свободные участки. Сдается. Однокомнатные квартиры. Спальни.

«Не очень похоже на Кладбище домашних животных,» — подумал он, и эта мысль удивила его. То Кладбище оставляло впечатление порядка, как-то спонтанно рождающегося из хаоса. Нечеткие концентрические круги, сходящиеся к центру, грубые плиты, вырезанные из досок. Словно дети, хоронившие там своих любимцев, выполняли план, возникший в их коллективном подсознании, или...

На какой-то момент Луис представил, что Кладбище было своего рода рекламой... как ярмарочный зазывала, которого выставляют у входа в балаган.

Владелец знает, что ты не купишь бифштекс, не учуяв его запаха, и что ты не выложишь деньги за вход, не увидев сперва снаружи глотателя огня или что-то вроде.

...Эти могилы... прямо как каменные круги друидов.

Могилы на Кладбище складывались в древнейший религиозный символ: спираль, ведущую в бесконечность, от порядка к хаосу или от хаоса к порядку, в зависимости от того, в каком направлении работало ваше сознание. Этот символ египтяне высекали на гробницах фараонов; его находили при раскопках на курганах в древних Микенах; жрецы в Стоунхендже строили свои вселенские часы в форме спирали; и, вероятно, именно она была тем вихрем, о котором в иудейской Библии Господь говорил Иову.

Спираль была самым древним в мире знаком власти, самым древним символом моста, соединяющего мир с Великой Бездной.

Луис нашел могилу Гэджа очень скоро. Грузовик уехал. Дерн уже убрали и сложили где-нибудь для повторного использования. Там, где лежал Гэдж, остался лишь прямоугольник рыхлой, голой земли, пять футов на три. Надгробие еще не успели поставить.

Луис встал на колени. Ветер ерошил его волосы. Небо было уже почти черным; по нему проплывали тучи.

«Никто не заметил меня и не спросил, что я здесь делаю. Ни одна собака не залаяла. И ворота были не заперты. Никто не ждет Воскрешения. Если я приду сюда с киркой и лопатой...

Он усмехнулся. Это просто опасная игра ума. Сегодня его не заметили, а в другой раз? Его могут обвинить в преступлении. В каком? Ограблении могил? Вряд ли. Скорее уж, кощунство или вандализм. И пойдут, конечно, слухи, в газетах и так: местного врача схватили, когда он раскапывал могилу своего двухлетнего сына, погибшего в катастрофе. Он потеряет работу. А если и не потеряет, Рэчел его убьет, и Элли в школе не дадут покоя. И потом, его могут объявить сумасшедшим.

«Но я могу вернуть Гэджа к жизни! Гэдж снова будет жить!»

Но верит ли он в это?

Получалось, что так. Он уверял себя, и до смерти Гэджа и после, что Черч вовсе не умер, а был только оглушен. Что он выбрался из могилы и пришел домой. Мрачная история, как у Эдгара По. Хозяин хоронит своего любимца, не зная, что он жив, а тот вылезает из могилы. Чудно. Только это была неправда. Черч действительно умер. Индейские могилы вернули его к жизни.

Он сидел у могилы Гэджа, пытаясь связать все компоненты и рассмотреть их логически, насколько это было возможно.

Например, Тимми Батермэн. Тут вставало два вопроса. Во-первых, верил ли он в эту историю? И во-вторых, что это все значило?

Несмотря на ее невероятность, он в нее верил. Было почти несомненно, что раз уж место, подобное этому, существовало, и люди об этом знали, то рано или поздно кто-нибудь попытался бы сделать это. Луис слишком хорошо знал природу человека, чтобы поверить, что дело кончится несколькими животными.

И затем — верил ли он, что Тимми Батермэн действительно превратился в какого-то всезнающего демона?

Этот вопрос был труднее, еще и потому, что в это он не хотел верить, и уже испытал на себе результат подобного умственного отбора.

Нет, он не хотел верить, что Тимми сделался демоном, но не мог себе позволить не думать об этом.

Он вспомнил про быка Хэнрэтти. Джуд сказал, что бык изменился. То же произошло и с Тимми. Быка застрелил тот же человек, что отволоч его тело в лес на саях. А Тимми застрелил его собственный отец.

Но, если Хэнрэтти стал плох, значит ли это, что то же случилось со всеми животными? Нет. Хэнрэтти был не правилом, а, скорее, исключением. Другие — пес Джуда Спот, старухин попугай, да и Черч — все изменились, и эти изменения были заметны, но вовсе не так велики, чтобы его друг так настойчиво отговаривал его от...

(воскрешения)

Да, от воскрешения, чтобы он так мямлил, и нес всякую околесицу, даже вспоминать смешно.

Так как же он может отказаться от шанса, который ему предоставляет случай — шанса почти невероятного, — из-за истории с Тимми Батермэном? Одна ласточка весны не делает.

«Ты делаешь все, чтобы заставить себя в это поверить, — запротестовал его ум. — Скажи, наконец, себе правду о том, что Черч изменился. Даже если оставить в стороне этих мышей и птиц, уже одно то, как он ходит... Как машина. Помнишь день, когда мы запускали змея? Какой Гэдж был веселый, живой... живой. Теперь ты хочешь, чтобы он стал, как Черч? Хочешь сделать из него зомби, как в этих дурацких фильмах ужасов? Или просто безмозглого кретина, который ест руками, тупо смотрит в экран

телевизора и никогда не выучится писать собственное имя? Что там говорил Джуд про своего пса? «Это было как мыть кусок мяса.» Этого ты хочешь? Живой кусок мяса? И даже если тебе будет этого достаточно, как ты объяснишь своей жене то, что случится? А дочери? А Стиву Мастертону? А всем остальным? Мисси Дэнбридж зайдет к нам и увидит Гэджа. Ты не слышишь ее крик, Луис? Не видишь, как она закрывает лицо руками? Что ты скажешь репортерам? Или киношникам, которые однажды заявятся к тебе, чтобы снять фильм о твоём воскресшем сыне?»

Но, может быть, это просто трусость? Неужели он думает, что все это возможно? Что Рэчел встретит своего сына не слезами радости, а чем-то другим.

Да, была вероятность, что Гэдж вернется... не таким. Но уменьшит ли это их любовь к нему? Родители любят детей, родившихся слепыми, и сиамских близнецов, и детей без рук и ног. Родители любят и прощают детей, которые становятся насильниками и убийцами, и мучают невинных.

Так неужели он не будет любить Гэджа, даже если тот до восьми лет не вылезет из пеленок? Если он не сможет решать самые простые задачи, до двенадцати лет? Или вообще никогда?

«Но Луис, Господи, ты же не можешь жить в вакууме! Люди скажут...»

Он грубо оборвал эту мысль. Из всех вещей, о которых он думал, его меньше всего беспокоило, что скажут люди.

Луис поглядел на рыхлую землю на могиле Гэджа и почувствовал дрожь ужаса. Неосознанно, будто сами по себе, его пальцы вывели на земле... да, это была спираль.

Он вытер руки и затер рисунок ногой. После этого он покинул кладбище, крадучись, ожидая каждую минуту, что его могут увидеть, задержать и спросить, что он делает здесь так поздно.

Он опоздал к назначенному сроку, и хотя его пищу оставили в печи, она была полухолодной и по вкусу напоминала клей. Луис съел только один кусок, а остатки вместе с коробкой выкинул в окно, возвращаясь в Ладлоу.

Он обычно не мусорил, но недоеденная пицца на столе могла навести Рэчел на мысль, что он ездил в Бангор вовсе не за этим.

Теперь Луис начал думать о времени.

Время. Время было важным, если не решающим, фактором. Тимми Батермэн умер уже давно, когда отец отнес его на индейское кладбище.

«Тимми убили девятнадцатого... Тимми похоронили — не помню точно, но по-моему, двадцать второго. Через четыре или пять дней Марджори Уошберн... увидела, как Тимми идет по улице.»

Хорошо, допустим, что Билл Батермэн сделал это через четыре дня после прибытия сына. В крайнем случае, через три. Предположим, что Тимми вернулся оттуда двадцать пятого. Получается, что с его смерти прошло шесть дней — это самое меньшее. Могло быть и десять. А у Гэджа прошло уже четыре дня. Уже много, но до Тимми еще далеко. Если...

Если бы это было при обстоятельствах, которые сделали возможным воскрешение Черча. Черч умер в очень удобное время, так ведь? Его семьи не было, никого, кроме него... и Джуда.

Его семья была в Чикаго.

Для Луиса это было последним звеном в схеме.

— Ты хочешь, чтобы мы туда поехали? — спросила Рэчел, глядя на него с изумлением.

Была четверть десятого. Элли спала. Рэчел выпила еще успокоительного, после того, как убрала остатки поминальной трапезы (ужасная фраза, такая же, как «церемония прощания», но никакой другой нельзя было охарактеризовать происшедшее в этот день), и казалась почти успокоившейся, когда он вернулся из Бангора, но ненадолго.

— Поезжайте в Чикаго с вашими родителями, — терпеливо повторил Луис. — Они улетают завтра. Если сейчас ты им позвонишь, а потом закажешь билет, вы сможете вылететь одним рейсом.

— Луис, ты что, с ума сошел? После того, как ты дрался с моим отцом?

Луис заметил, что проявляет обычно несвойственное ему красноречие. Он даже испытал какой-то прилив вдохновения. Он чувствовал себя футболистом, которому передали мяч, и он ведет его к воротам противника, обходя защитников. Он никогда не мог врать убедительно, но сейчас из него просто изливалась смесь заведомой лжи, полуправды и очевидности.

— Именно из-за этого я хочу, чтобы вы с Элли полетели с ними. Нам надо помириться, Рэчел. Я понял... почувствовал это... во время похорон. Когда случилась эта драка, я как раз пытался поладить с ним.

— Но эта поездка... не думаю, что она имеет смысл... Ты нам нужен. Да и мы тебе нужны, — ее глаза смотрели умоляюще. — По крайней мере, я надеюсь, что мы нужны тебе. И мы ни в коем случае не можем...

— Ни в коем случае не можете здесь оставаться, — перебил ее Луис. Он испытывал лихорадочное возбуждение. — Я рад, что нужен вам, и, конечно же, вы мне нужны тоже. Но сейчас для вас это худшее место на свете, дорогая. Гэдж здесь повсюду, в каждом углу. И для меня, и для тебя. Но я особенно боюсь за Элли.

Он увидел в ее глазах боль и знал, что это ее тронуло. Какая-то часть его устыдилась этой легкой победы. Все книги о смерти, которые он читал, говорили, что обычно первым импульсом бывает как можно скорее уехать... и что потворствовать этому импульсу чрезвычайно опасно, поскольку отъезд лишь подчеркнет нежелание примириться с новой реальностью. В книгах говорилось, что лучше всего остаться на старом месте и побороть печаль, стоя на родной земле, пока она не перейдет в память. Но Луис не мог проводить опыт, когда семья находилась в доме. Ему надо было удалить их, хотя бы ненадолго.

— Я знаю, — сказала она. — Он действительно... везде. Пока тебя не было, я передвинула кровать, чтобы как-то отвлечься от этих мыслей, и нашла под ней... четыре его машинки... будто они ждали, когда он вернется, понимаешь... и будет с ними играть, — ее голос, уже дрожащий, окончательно прервался. Слезы заструились по щекам. — И я выпила лекарство, потому что начала реветь опять, как

и сейчас... чертова мелодрама!.. Луис, обними меня, пожалуйста, мне так плохо...

Он бережно обнял ее, чувствуя себя обманщиком. Он ведь только и думал, как направить эти ее слезы по выгодному для себя пути. «Что за парень, вот так парень...» «Хей-хо, а ну пошли.»

— Сколько это еще продлится? — всхлипывала она. — Кончится это когда-нибудь? Если бы мы только могли вернуть его назад, Луис, этого никогда бы не случилось, и все из-за того, что этот мерзавец ехал чересчур быстро, и мы не успели его догнать. Я не знаю, что может быть тяжелее, и оно возвращается снова и снова, Луис, и даже когда я сплю, мне это снится... снова и снова... как он бежит к дороге... и я кричу ему.

— Тсс, — сказал он. — Рэчел, тише!

Она подняла к нему свое распухшее от слез лицо:

— Ведь это была для него только игра... грузовик ехал не по графику. Когда я плакала, звонила Мисси Дэнбридж и сказала, что читала в Эллеуортском «Американце» про этого водителя. Он пытался убить себя.

— Что?!

— Он пытался повеситься у себя в гараже. Газета написала, что он пережил глубокий шок... депрессию.

— Если бы он и сдох, это не поправило бы дела, — свирепо заявил Луис, но в мозгу его прозвучали откуда-то издалека слова Джуда: «Это место имеет власть... когда-то эта власть была полной, и я думаю, что когда-нибудь она опять будет такой.» — Мой мальчик умер, а он уплатил тысячу долларов в залог и впал в депрессию из-за того, что суд может лишить его прав на три месяца.

— Мисси говорит, что его жена взяла детей и ушла от него, — сказала Рэчел. — Это она узнала не из газеты, а от кого-то из Элсуорта. Он не пил. Не кололся. И у него никогда не было особых нарушений. Он сказал, что, когда ехал в Ладлоу, его нога словно прилипла к педали. Он не мог понять, почему. Вот так.

«Нога словно прилипла к педали.»

«Это место имеет силу...»

Луис отогнал эти мысли. Он нежно погладил руку жены.

— Звони матери с отцом. Сейчас. Вам с Элли нельзя оставаться здесь. Ни дня.

— Я не хочу без тебя, — сказала она. — Луис, я хочу... ты должен ехать с нами.

— Я прилечу через три дня, от силы четыре, — если все пойдет на лад, Рэчел и Элли смогут вернуться уже через сорок восемь часов. — Я должен найти кого-нибудь, чтобы меня подменили в университете. Я мог бы взять отпуск, но не хочу подводить Сурендру. Джуд приглядит за домом, но мне надо отключить электричество и отнести продукты в холодильник к Дэнбриджам.

— Но школа Элли...

— Черт с ней. Это не больше, чем на три недели. Они поймут, все знают, что произошло. Если все не...

— Луис?

Он осекся.

— Что?

— Что ты от меня скрываешь?

— Скрываю? — он смотрел на нее честным, открытым взглядом. — Не понимаю, о чем ты.

— Не понимаешь?

— Нет.

— Ну ладно. Я сейчас позвоню им... если ты действительно этого хочешь.

— Да, — сказал он, и эти слова отозвались в его мозгу металлическим лязгом.

— Может, так действительно лучше... для Элли, — она посмотрела на него красными глазами, блестящими от лекарства. — У тебя больной вид. Как будто ты чего-то боишься.

Она подошла к телефону и позвонила в гостиницу, где остановились ее родители.

Голдмэны были обрадованы предложением Рэчел. Их даже не огорчила мысль о том, что через три или четыре дня к ним явится Луис, но, конечно, он не собирался этого делать. Он вовсе не планировал лететь в Чикаго. Теперь ему могло помешать только отсутствие билетов. Но удача по-прежнему ему сопутствовала. Нашлись места на рейс из

Бангора в Цинциннати, а оттуда, с быстрой пересадкой — в Чикаго. Это значило, что Рэчел с Элли полетят с Голдмэнами только до Цинциннати, но в итоге они должны были прибыть в Чикаго лишь на час позже них.

«Просто волшебство,» — подумал Луис, вешая трубку, и тут же отозвался голос Джуда: «Когда-то его власть была полной, и я думаю...»

«Проваливай!» — прикрикнул он на голос. — «Со мной случилось за последние десять месяцев уже много странно-го, друг мой. Но поверить, что какое-то болото может влиять на наличие билетов? Не могу я в это верить.»

— Я пойду собираться, — сказала Рэчел. Она глядела на информацию, записанную Луисом на листке.

— Возьми только один большой чемодан, — посоветовал Луис.

Она посмотрела на него расширенными глазами:

— Для нас обеих? Луис, ты шутишь!

— Ну ладно, прихвати еще пару сумок. Но не вздумай сейчас собирать все на три недели, — сказал он, в то же время думая: «Может быть, очень скоро тебе придется вернуться.» — Возьми, что нужно на неделю. Захвати чековую книжку и кредитную карточку. Купишь то, что понадобится, там.

— Но мы не можем себе позволить, — начала она с сомнением. Теперь она сомневалась во всем. Он вспомнил ее странное замечание о «Виннебаго», который он когда-то давно собирался купить.

— Денег у нас хватит, — заявил он.

— Ну ладно... Я думаю, мы сможем воспользоваться страховкой Гэджа, хотя на оформление уйдет день-два.

Ее лицо снова начало дергаться. Луис обнял ее.

— Рэчел, не надо, — сказал он. — Не плачь.

Но, конечно же, она заплакала.

Когда она пошла собираться, зазвонил телефон. Луис подошел, думая, что это звонят из авиакомпании извиниться за ошибку и сказать, что билетов нет. «Я знал, что не может все пройти так гладко.»

Но это звонил Ирвин Голдмэн.

— Я позову Рэчел, — сказал Луис.

— Нет. — Какое-то время в трубке было молчание. «Наверно, сидит и думает, как меня обозвать для начала.»

Когда Голдмэн заговорил, его голос был очень странным. Он будто проталкивал слова через какую-то преграду. — Давай поговорим, если ты не против. Дори попросила меня позвонить и извиниться за... за мое поведение. Луис, поверь, я очень сожалею.

«Господи! Как благородно! Я сейчас описаюсь от умиления!»

— Вам не в чем извиняться, — сказал Луис сухим механическим голосом.

— Я вел себя недостойно, — сказал Голдмэн. Теперь он уже не выталкивал слова, а прямо-таки выдавливал. — Твое предложение Рэчел и Элли поехать к нам показало мне, как я в тебе ошибался... и как я был неправ.

Что-то в этой интонации было очень знакомым.

Потом он понял и скривился, будто съел целый лимон. Точно так же говорила тогда Рэчел. «Луис, прости, что я была такой стервой», — когда она добила чего хотела. И это был тот же голос — без живости и нежности Рэчел, конечно, — но он говорил то же: «Прости, что я был таким ублюдком, Луис.»

Старик заполучил дочь и внучку; они сбежали к нему из Мэна. Спасибо «Дельте», она доставит их быстро к папочке. Теперь он мог быть великодушен. Он знал, что победил. «Так забудь, что я стукнул тебя у гроба твоего сына, Луис, и что я пинал тебя ногами, когда ты упал, и что я уронил его гроб и сломал замки, так что было видно руку твоего сына — в последний раз. Забудь об этом.»

«Ах ты, старый хуй! Я хотел бы, чтобы ты подох прямо сейчас, если бы это не мешало моим планам.»

— Все в порядке, мистер Голдмэн, — сказал он тем не менее. — Это был очень... очень нервный день для всех нас.

— Нет, не все в порядке, — заупрямился Ирвин, и Луис понял — хотя ему очень этого не хотелось, — что с его стороны это была не просто вежливость, не просто сожаление, скрывающее торжество. Старик едва не плакал и говорил медленно и запинаясь. — Это был ужасный день.

Благодаря мне, старому крестину. Я сделал больно моей дочери, когда она так нуждалась во мне... Я и тебе сделал больно, и, может быть, ты тоже во мне нуждаешься, Луис. То, что ты это сделал... предложил это... я почувствовал себя последним подонком. И я думаю, что я таким и был.

«Господи, хоть бы он замолчал, пока я не начал кричать на него и не испортил все дело.»

— Рэчел, должно быть, говорила тебе, что у нас была еще дочь...

— Зельда, — сказал Луис. — Да, она рассказывала мне про Зельду.

— Это было трудно, — голос Голдмэна дрожал. — Для всех нас. И труднее всего было Рэчел, потому что она была дома, когда Зельда умерла, но и нам с Дори было нелегко. Дори едва не...

«А как ты думал? — хотелось заорать Луису. — Ты думал, у ребенка не будет нервного срыва?»

Через двадцать лет она еще дрожала, боясь любого упоминания о смерти. И вот это случилось. Этот ужас. Странно, что она еще не в психушке. Так что не говори мне, как тебе и твоей жене было трудно, ублюдок.»

— Когда Зельда умерла, мы пытались... оберегать Рэчел... уладить проблемы, которые у нее были с этим... с этими воспоминаниями.

Теперь старик уже просто кричал. Почему? Луис легче бы перенес его открытую ненависть. Он попытался вызвать в памяти образ Голдмэна, лезущего в карман за чековой книжкой... но внезапно ему представилась Зельда Голдмэн в своей провонявшей постели, с лицом, дергающимся в агонии, со скрюченными руками. Дух семьи Голдмэнов. Оз Великий и Ужасный.

— Пожалуйста, — выдавил он. — Мистер Голдмэн. Ирвин. Не надо больше. Не представляйте вещи еще хуже, чем они есть, хорошо?

— Теперь мне кажется, что ты хороший человек, и я недооценивал тебя, Луис. Слушай, я знаю, о чем ты думаешь. Я еще не так глуп. Ты думаешь, я говорю все это потому, что добился своего и теперь хочу тебя купить, но... Луис, я клянусь.

— Не надо, — сказал Луис мягко. — Я не могу... Я действительно не могу больше говорить, — теперь и его голос дрожал. — Хорошо?

— Ладно, — сказал Голдмэн, вздохнув. Луису показалось, что это вздох сожаления. — Но позволь мне еще раз сказать, что я очень извиняюсь. Можешь не принимать моих извинений, но это все, что я могу сказать, Луис. Прости.

— Да-да, — сказал Луис. Он закрыл глаза. — Спасибо, Ирвин. Я принимаю ваши извинения.

— Тебе спасибо, — сказал Голдмэн. — И спасибо, что ты... отпустил их. Может, им это действительно нужно. Мы будем ждать в аэропорту.

— Хорошо, — проговорил Луис, и внезапно ему в голову пришла идея, абсурдная при всей своей естественности. Он мог все забыть... и оставить Гэджа лежать на Дивном кладбище. Вместо того, чтобы попытаться отворить захлопнутую дверь, он мог запереть ее и выбросить ключ. Ему было достаточно сказать жене, что он хочет сделать: бросить все и махнуть назад в Шайтаун. Они могли провести там все лето, он, жена и дочь. Они могли бы ходить в зоопарк, и в планетарий, и плавать в лодке по озеру. Он бы сводил Элли на Морскую башню и показать ей расстилающийся вдаль Средний Запад, похожий на громадную шахматную доску. Они бы пробыли там до середины августа, а потом бы вернулись назад в этот дом, теперь такой пустой и печальный, и попробовали бы начать все сначала. Может быть, это у них и получилось...

Но не значит ли это убить его сына? Убить его еще раз? Внутренний голос пытался возражать, но он его больше не слушал. Он отрывисто проговорил:

— Ирвин, мне надо идти. Я хочу посмотреть, все ли Рэчел собрала, и уложить ее спать.

— Да, конечно. Всего хорошего, Луис. И еще...

«Если он еще раз попросит прощения, я закричу».

— До свидания, Ирвин, — сказал он и повесил трубку.

Когда он поднялся наверх, то застал Рэчел среди полного разгрома. На кровати валялись блузки, лифчики висели на

спинках стульев, платье на вешалке раскачивалось на двери. Туфли, как солдаты, выстроились в ряд у окна. Она всегда собиралась медленно, но основательно. Луис видел, что здесь добра на три, а то и четыре, чемодана, но не хотел спорить с ней. Вместо этого он взялся ей помогать.

— Луис, — сказала она, когда они закрыли последний чемодан (он сидел на нем, пока она защелкивала замки), — ты уверен, что ничего не хочешь мне сказать?

— Дорогая, ну скажи, наконец, о чем ты?

— Я не знаю, — ответила она. — Я хочу узнать это у тебя.

— Что, по-твоему, я должен тебе сказать? Что я побегу в бордель? Или уеду с бродячим цирком?

— Не знаю. Но что-то мне не по себе. Такое чувство, что ты пытаешься что-то скрыть.

— Рэчел, это просто смешно! — он сказал это с излишней горячностью. Он еще чувствовал легкий стыд.

Она невесело усмехнулась.

— Ты никогда не мог лгать, Луис.

Он снова пытался протестовать, но она оборвала его.

— Элли снилось, что ты умер, — сказала она. — Прошлой ночью. Она проснулась с плачем, и я подошла к ней. Я поспала с ней два или три часа, а потом вернулась к тебе. Она сказала, что во сне ты сидел за кухонным столом с открытыми глазами, но она знала, что ты мертвый. И еще она слышала крик Стива Мастертона.

Луис, испуганный, посмотрел на нее.

— Рэчел, — сказал он наконец. — У нее только что погиб брат. Поэтому нет ничего странного, что ей снится смерть и других членов семьи.

— Да, я тоже подумала об этом. Но то, как она об этом рассказывала... это было похоже на пророчество.

Она опять усмехнулась.

— Да, странно, — сказал Луис.

«Что ж, может, это и в самом деле пророчество.»

— Пошли ляжем вместе, — сказала Рэчел. — Действие лекарства прошло, и я не хочу его больше пить. Но мне страшно. У меня ведь тоже сны...

— О чем?

— О Зельде, — сказала она просто. — С тех пор, как Гэдж умер, мне все время снится Зельда. Она говорит, что пришла за мной и сейчас заберет меня. За то, что я позволила им умереть.

— Рэчел, но это...

— Я знаю. Всего лишь сон. Но ляг со мной, Луис, и отгони этот сон, если сможешь.

Они лежали в темноте, прижавшись друг к другу.

— Рэчел, ты еще не спишь?

— Нет.

— Я хочу спросить тебя кое о чем.

— Ну.

Он поколебался, не желая причинять ей еще боль, но в конце концов начал:

— Ты помнишь, как мы перепугались из-за него, когда ему было девять месяцев?

— Да, конечно. А что?

Когда Гэджу было девять месяцев, Луис был весьма обеспокоен размером его черепа. Он не укладывался в нормы графика Бертерье, показывающего нормальный объем черепной коробки ребенка для всех возрастов. К четырем месяцам череп Гэджа достиг наивысшего из указанных пределов, а потом превзошел его. У него не было проблем с головой, смертельно опасных для любого ребенка, но Луис все же повез его к Джорджу Тардиффу, лучшему неврологу Среднего Запада. Рэчел хотела знать причину, и Луис ей сознался: он боялся, что Гэдж может оказаться гидроцефалом. Лицо Рэчел побелело, но она сохранила спокойствие.

— Он выглядит вполне нормально, — сказала она.

Луис кивнул.

— Да, конечно. Но я не могу игнорировать это, милая.

— Нет, ты не должен, — сказала она. — Мы не должны.

Тардифф измерил череп Гэджа и нахмурился. Он показал Гэджу «козу». Гэдж отдернулся. Тардифф улыбнулся. От сердца у Луиса немного отлегло. Тардифф дал Гэджу подержать мячик. Гэдж подержал его и уронил. Тардифф

поднял мяч и подбросил его, глядя на Гэджа. Тот следил за мячом глазами.

— Пятьдесят на пятьдесят, что он гидроцефал, — сказал после Тардифф Луису в своем офисе. — Он кажется очень беспокойным. Я мог бы порекомендовать новую замещающую операцию.

— Но это же хирургия мозга, — сказал Луис.

— Ну, совсем небольшая.

Луис изучал эту тему после того, как забеспокоился размером черепа Гэджа, и такая операция вовсе не казалась ему небольшой. Но он помалкивал, говоря себе, что надо радоваться, что дело вообще можно поправить.

— Конечно, — продолжал Тардифф, — вполне возможно, что у вашего ребенка просто слишком большая голова. Я думаю, надо его исследовать. Вы согласны?

Луис согласился.

Гэдж провел ночь в госпитале Сестер милосердия и подвергся общей анестезии. Его сонную голову поместили в сверхновый прибор, напоминающий громадную сушилку. Рэчел и Луис ждали внизу, а Элли провела день у деда с бабушкой, смотря «Улицу Сезам» по новому видео Ирвина Голдмэна. Луис же провел долгие унылые часы, перебирая в уме варианты возможных уродств и увечий. Смерть из-за общей анестезии, смерть во время операции, задержки в развитии из-за гидроцефалии, эпилепсия, слепота... возможностей было чрезвычайно много. «Полная карта болезней, — подумал Луис, — как в медицинском справочнике.»

Тардифф вошел в комнату около пяти. Он нес три сигареты. Одну он сунул в рот Луису, другую Рэчел (она была слишком измучена, чтобы протестовать), а третью закурил сам.

— Все в порядке. Никакой гидроцефалии.

— Уберите эту штуку, — сказала Рэчел, плача и смеясь одновременно. — Меня сейчас стошнит.

Ухмыляясь, Тардифф потушил ее сигарету.

«Бог сберег его для дороги номер 15, доктор Тардифф», — подумал теперь Луис.

— Рэчел, если бы он был гидроцефалом, если бы операция не удалась... ты все равно любила бы его?

— Что за странный вопрос, Луис!

— Можешь ответить?

— Да, конечно. Я любила бы Гэджа каким угодно.

— Даже, если бы он был дебилом?

— Да.

— А ты хотела, чтобы он поступил в институт?

— Да нет, не думаю, — сказала она медленно. — Хотя с теми деньгами, что ты сейчас получаешь, мы, может, и могли бы себе это позволить... но я не думаю, что так уж хотела... А почему ты спрашиваешь?

— Я все еще думаю про твою сестру Зельду, — Луиса удивила ее странная разговорчивость. — Интересно, смогла бы ты еще раз пройти через такое.

— Это не то же самое, — сказала она. — Гэдж был... ну, Гэдж был Гэдж. Это был наш сын. Вот и вся разница. Я думаю... а ты хотел бы, чтобы он поступил в институт? Вроде Пайнлэнда?

— Нет.

— Давай спать.

— Да, пора.

— Я чувствую, что смогу уснуть, — сказала она. — Так хочется, чтобы этот день кончился.

— Дай Боже, — сказал Луис.

Чуть позже она сонно сказала:

— Ты прав... только сны и фантазии...

— Да, конечно, — сказал он, целуя ее в лоб. — Спи.

«Это было похоже на пророчество.»

Он не спал еще долго, и, пока он думал, в окно на него смотрел мерцающий серп луны.

Следующий день был облачным, но очень теплым, и Луис вспотел, пока перетаскивал багаж Рэчел и Элли и закладывал их билеты в компьютер. Он старался скрыть за озабоченностью боль и чувство вины, и лишь иногда сравнивал нынешнюю ситуацию с той, когда он в последний раз провожал семью в Чикаго накануне Дня благодарения.

Элли казалась задумчивой и странной. Несколько раз за это утро Луис замечал у нее на лице выражение крайней сосредоточенности.

«Ты перестарался со своим комплексом конспиратора, парень» — сказал он себе.

Она ничего не сказала, когда ей сообщили, что они едут в Чикаго, сначала они с мамой, потом и папа, быть может, на целое лето, сразу же после завтрака (какао). Закончив завтракать, она так же молча поднялась наверх и надела платье и туфельки, которые Рэчел ей приготовила. Она взяла с собой фото Гэджа в аэропорт, и тихо сидела там в пластмассовом кресле, пока Луис бегал оформлять билеты, а громкоговоритель объявлял вылет и прибытие.

Мистер и миссис Голдмэн появились за сорок минут до отлета. Ирвин Голдмэн был аккуратен (и, конечно, не вспотел) в своем кашемировом пальто, несмотря на шестидесятиградусную температуру; он пошел к кассе «Ависа» сдать машину, пока Дори сидела с Рэчел и Элли.

Луис и Голдмэн присоединились к ним одновременно. Луиса несколько пугала возможность сцены «О сын мой!», но он ошибся. Голдмэн держался холодно-вежливо и всего навсего пробормотал приветствие. Быстрый, смущенный взгляд, которым он окинул зятя, подтвердил очевидное: вечером старик был пьян.

Они поднялись по эскалатору и сели в кресла, не разговаривая. Дори нервно вертела роман Эрики Йонг, но так и не открыла его. Она с интересом смотрела на фото, которое держала Элли.

Луис предложил дочери сходить с ним в книжный киоск и выбрать что-нибудь почитать на дорогу.

Элли смотрела на него все с тем же задумчивым видом. Луису это не нравилось. Он нервничал.

— Будешь слушаться дедушку с бабушкой? — спросил ее Луис.

— Да, — ответила она. — Папа, а меня возьмут в школу?

— Не беспокойся, — сказал Луис. — Я позабочусь об этом.

— Я ведь никогда еще не была в школе. Только в садике. Даже не знаю, что дети там делают. Пишут диктанты?

— Все будет хорошо.

— Папа, ты все еще пишешь на дедушку?

Он уставился на нее.

— Почему это ты решила, что я... что я не люблю твоего дедушку, Элли?

Она пожала плечами, словно эта тема не вызывала у нее особого интереса.

— Когда ты говоришь о нем, у тебя всегда такой вид, будто ты описался.

— Элли, нехорошо так говорить.

— Извини.

Она посмотрела на него странным, обреченным взглядом и повернулась к полкам с книгами — Мерсер Мейер, и Морис Сандак, и Ричард Скэрри, и Беатрис Поттер, и старый знакомый доктор Зейс. «Откуда они узнают про все? Или они просто знают? Сколько еще всего знает Элли? И как это влияет на нее? Что за твоим бледным, маленьким личиком, Элли? Будто описался — о Господи!»

— Можно мне взять эти, папа? — она держала доктора Зейса и книгу, которую Луис не помнил из своего детства — историю про маленького Самбо и про то, как тигры однажды получили свою шкуру.

— Да, — сказал он, и они встали в короткую очередь у кассы. — Мы с твоим дедушкой очень любим друг друга.

Он снова подумал об истории его матери про то, как женщина, которая хотела ребенка, «нашла» его. И вспомнил свое дурацкое обещание никогда не лгать свои детям. За последние несколько дней он лгал больше, чем за несколько лет, но старался не думать об этом.

— Да? — и она опять замолчала.

Это молчание тяготило его. Чтобы его нарушить, он спросил:

— Как ты думаешь, тебе в Чикаго будет хорошо?

— Нет.

— Почему нет?

Она посмотрела на него с той же обреченностью.

— Я боюсь.

Он погладил ее по голове.

— Боишься? Дорогая моя, но чего? Ты же не боишься летать в самолете?

— Нет, — сказала она. — Я не знаю, чего, но я боюсь. Папа, мне снилось, что мы пришли на похороны Гэджа, и тот человек открыл гроб — а он пустой. Потом мне снилось, что я дома и гляжу на кроватку Гэджа, а она тоже пустая. Но там была грязь.

«Лазарь, иди вон».

В первый раз за многие месяцы ему вспомнился сон, который он видел после смерти Паскоу — сон, и потом пробуждение на грязной постели, усыпанной хвоей.

Волосы у него на затылке зашевелились.

— Это только сон, — сказал он Элли, и голос его, против ожидания, звучал нормально. — Это пройдет.

— Приезжай к нам скорее, папа, — сказала она, — или давай мы останемся. Хочешь, чтоб мы остались? Я не хочу ехать к дедушке с бабушкой... Я хочу в школу.

— Немного погодя, Элли. Мне нужно, — он замаялся, — сделать тут кое-что, а потом я приеду. И там мы решим, что делать дальше.

Он ожидал возражений, готовился к ним и, может быть, даже был бы им рад. Но вместо этого снова воцарилось мертвое, гнетущее молчание. Он мог говорить с ней еще о чем-то, но не осмелился, она и так сказала ему слишком много.

Вскоре после того, как он и Элли вернулись в зал ожидания, объявили посадку. Подкатили трап. Луис обнял жену и крепко поцеловал. Она на мгновение прижалась к нему, а потом отпустила, чтобы он успел поднять Элли и чмокнуть ее в щечку.

Элли серьезно взглянула на него своими загадочными глазами.

— Не хочу ехать, — снова произнесла она, но так тихо, что только Луис смог расслышать это сквозь гомон пассажиров, заходящих в самолет, — и не хочу, чтобы мама ехала.

— Элли, иди, — сказал ей Луис. — Все будет хорошо.

— Со мной-то да, а с тобой? Папа, что будет с тобой?

Очередь начала двигаться. Люди садились на рейс 727.

Рэчел взяла Элли за руку и на какой-то момент встала, задерживая очередь, с глазами, устремленными на своего отца. Луис вспомнил ее раздражительность в последнее время, ее плач и крики.

— Папа!

— Иди, Элли. Пожалуйста.

Рэчел взглянула на Элли и в первый раз заметила ее странный мечтательный вид.

— Элли? — спросила она, удивленная и, как показалось Луису, немного испуганная. — Ты задерживаешь очередь.

Губы Элли дрожали. Потом она пошла вслед за матерью. Она оглянулась на него, и он увидел ужас в ее глазах. Он поднял руку и помахал ей.

Элли не отвечала.

44

Когда Луис вышел из аэропорта, в его мозгу заработал холодный механизм. Он думал о том, что нужно делать в первую очередь. Его ум, достаточно острый, чтобы позволить ему закончить медицинское училище, пока его жена мыла посуду шесть раз в неделю, брал любую проблему в целом, разлагал ее на составные части и делал выводы, как на экзамене. Теперь перед ним стояла очень непростая проблема.

Он отправился в Брюэр, маленький городок на реке Пенобекот недалеко от Бангора. Он поставил машину напротив хозяйственного магазина Уотсона.

— Что вам угодно? — спросил его продавец.

— Так, — отозвался Луис. — Мне нужен сильный фонарик, желательно, прямоугольный — и что-нибудь, чем его прикрыть.

Продавец был маленький тощий человек с высоким лбом и острыми глазами. Он усмехнулся, но не особенно дружелюбно.

— Собираетесь пострелять?

— Что?

— Собираетесь подстрелить оленя сегодня ночью?

— Совсем нет, — сказал Луис без улыбки. — У меня нет лицензии.

Продавец поморгал и решил не проявлять дальнейшего любопытства.

— Иными словами, не лезь не в свое дело, так? Ну что ж, у этого вот большого фонарика нет колпачка, но вы можете приладить к нему кусок войлока. Чтобы сузить луч.

— Так и сделаю, — сказал Луис. — Спасибо за совет.

— Желаете еще что-нибудь?

— Да, пожалуй, — сказал Луис. Мне нужны кирка, лопата и заступ. Лопата с короткой ручкой, заступ с длинной. Еще моток веревки в восемь футов. Пару рабочих перчаток. Брезент примерно восемь на восемь.

— Все это у нас есть, — сказал продавец.

— Хочу вырыть яму для мусора, — пояснил Луис. — Выходит, что я нарушаю правила, а соседи у меня просто сволочи. Вот я и хочу сделать все это потише, хотя вряд ли получится. Но надеюсь, мне это удастся.

— Ну-ну, — сказал продавец. — Купите лучше прищепку для носа, если вы выроете ее.

Луис принужденно улыбнулся. Покупки потянули на 58 долларов 60 центов. Он заплатил наличными.

Когда цены на бензин выросли, они все реже и реже стали пользоваться машиной. У нее барахлило управление, но Луис не спешил отдавать ее в ремонт. Отчасти из-за того, что он не хотел расставаться с двумя сотнями долларов, отчасти просто чтобы избежать беспокойства. Теперь, когда старый динозавр был ему действительно нужен, Луис боялся им воспользоваться. Он не осмелился возвращаться в Ладлоу с киркой, лопатой и заступом. У Джуда Крэндалла были зоркие глаза, и мозги до сих пор работали исправно. Он бы сразу понял, что к чему.

Тут его осенило, что ему совсем не обязательно возвращаться в Ладлоу. Он переехал через Чемберлен-бридж в Бангоре и остановился в мотеле Говарда Джонсона на Одлин-роуд — недалеко и от аэропорта и от Дивного

кладбища, где лежал его сын. Он записался под именем Д.Д.Рэмона и уплатил за номер наличными.

Он попытался поспать, понимая, что ночью ему предстоит тяжелая работа. Говоря словами какого-то викторианского романа, его ждала сегодняшней ночью безумная работа — достаточно безумная, чтобы перед ней отдохнуть.

Но его мозг просто не мог отключиться.

Он лежал на стандартной койке мотеля под картиной, изображающей живописные корабли, vyplывающие в не менее живописную новоанглийскую гавань, одетый, сняв лишь туфли, бумажник, ключи и мелочь лежали на столе, руки он подложил под голову. Ему было холодно; он чувствовал себя оторванным от людей, от мест, ставших ему почти родными, даже от работы. Так же он мог лежать в любом другом мотеле — в Сан-Диего или Дулуте, в Бангкоке или Шарлотте-Амалии. Он был нигде, и его резанула мысль, что прежде, чем он снова увидит эти знакомые места и лица, ему предстоит увидеть своего сына.

Он начал разрабатывать план. Он рассматривал его со всех сторон, проверял, искал уязвимые места. И он чувствовал, что и правда движется по узкому мосту над бездной безумия. Бред был повсюду, мягко вея на него крыльями громадных желтоглазых сов; он балансировал на грани сумасшествия.

Эхом в его мозгу отозвался голос Тома Раша:

«О смерть, твои руки как лед... Я чувую, ты уже рядом... Ты пришла и взяла мою мать... Когда ты придешь за мной?»

Безумие. Безумие рядом, оно гонится за ним.

Он нашел спасение в разработке своего плана.

Сегодня ночью, около одиннадцати, ему нужно раскопать могилу сына, извлечь тело из гроба, завернуть Гэджа в кусок брезента и погрузить в багажник «сивика». Ему также придется поставить гроб обратно и засыпать могилу. Потом он должен поехать в Ладлоу, вынуть тело Гэджа из багажника... и пройтись. Да, ему надо будет пройтись.

Если Гэдж вернется, возникают две возможности. В соответствии с одной из них Гэдж вернется самим собой, быть может, неуклюжим, медленно двигающимся или даже совсем... плохим (только в самой глубине души он позволял

себе надеяться, что Гэдж может вернуться нормальным, но это также могло случиться, разве не так?), но это по-прежнему будет его сын, сын Рэчел, брат Элли.

В соответствии с другой это мог быть некий монстр, явившийся в дом из леса. Он не отвергал этой возможности, не отрицал существования монстров, бестелесных духов зла из другого мира, способных вселиться в ожившее тело, которое покинула его душа.

В любом случае он с сыном будет наедине. И он...
(поставит диагноз).

Да. Именно это он и сделает.

«Я поставлю диагноз не только его телу, но и душе. Я выясню, насколько он помнит или не помнит о катастрофе. Имея перед собой пример Черча, я могу ожидать замедленности, может быть отсталости в развитии, сразу или постепенно. Я проверю возможность интеграции Гэджа в нашу семью за период от двадцати четырех до семидесяти двух часов. А если потери будут слишком велики, или он вернется таким, как Тимми Батермэн, то я убью его.»

Как врач, он вполне был способен убить Гэджа, если Гэдж оказался бы лишь вместилищем чего-то другого. Его не остановили бы ни жалобы, ни угрозы. Он убил бы его, как крысу, зараженную бубонами чумы. В этом нет никакой трагедии. Две-три пилюли. А если понадобится, укол. В сумке у него есть морфий. Следующей ночью он еще раз явится на кладбище, надеясь, что ему второй раз повезет («ты еще не знаешь, повезет ли тебе в первый,» — упрекнул он себя). Была более легкая альтернатива в виде Кладбища домашних животных, но он не хотел оставлять там сына. Тому было несколько причин. Дети, хороня своих любимцев через пять, десять или хотя бы двадцать лет, могут наткнуться на останки. Но подлинная причина была глубже. Кладбище находилось... чересчур близко.

Закончив с этим, он бы вылетел в Чикаго и соединился с семьей. Ни Рэчел, ни Элли так и не узнали бы о его провалившемся эксперименте.

Потом, думая о другом пути, он принял решение, на которое его толкнула слепая родительская любовь. Если все пройдет удачно, он и Гэдж покинут дом той же ночью.

Он возьмет с собой нужные бумаги и никогда больше не вернется в Ладлоу. Может быть, им придется остановиться в мотеле — возможно, в этом же.

На следующее утро он снимет все деньги со своего счета, переведя их в чеки «Америкэн экспресса» («не возвращайтесь без них домой с вашим воскресшим сыном,» — подумал он) и в наличные. Они с Гэджем полетят куда-нибудь — быть может во Флориду. Оттуда он может позвонить Рэчел, объяснить ей все, предложить взять Элли и прилететь к ним, не говоря об этом отцу с матерью. Луис надеялся, что она его поймет. «Ничего не спрашивай, Рэчел. Просто приезжай. Сейчас же.»

Он сказал бы ей, где они остановились. В каком мотеле. Они с Элли могут взять машину напрокат. Когда они постучат, он мог бы подвести Гэджа к двери. Можно было бы одеть его в купальный костюм.

И после...

Но о том, что будет после, он не осмеливался думать, вместо этого он вернулся к своему плану и начал снова вникать в детали. Он надеялся, что если все будет хорошо, то они заживут новой жизнью, и помешать им не сможет никакой Ирвин Голдмэн со своей толстой чековой книжкой.

Тут он вспомнил, как переехал в Ладлоу, уставший, возбужденный и немного испуганный, лелея планы возвращения в Орlando и работы в Диснейуорлде. Ничему из этого не суждено было сбыться.

Он снова представил себя в белом, откачивающего беременную женщину, сдуру пустившуюся в путь по Волшебной горной дороге, и слышал свой голос: «Отойдите, отойдите, ей нужен воздух,» — и увидел, как женщина открыла глаза и слабо улыбнулась ему.

С этими утешающими фантазиями он и уснул. Луис спал, когда его дочь проснулась в самолете где-то над Ниагарским водопадом, крича от приснившегося ей кошмара, увидев во сне скрюченные руки и бездумные, безжалостные глаза; спал, когда стюардесса побежала по проходу к креслу Элли; спал, когда Рэчел, и сама на грани срыва, пыталась успокоить дочь; спал, когда Элли снова и снова

кричала: «Это Гэдж! Мама! Это Гэдж! Это Гэдж! Гэдж живой! Он взял нож из папиной сумки! Не пускайте его ко мне! Не пускайте его к папе!»

Он спал, когда Элли, наконец, успокоилась и прижалась, вздрагивая, к матери, с расширенными от страха, но сухими глазами; и когда Дори думала о том, что же могло так испугать Элли, и как она напоминает ей саму Рэчел после истории с Зельдой.

Он спал и проснулся в четверть шестого, когда дневной свет уже начал меркнуть.

«Безумная работа», — подумал он тупо и встал.

45

Тем временем рейс 419 «Юнайтед Эрлайнз» приземлился в аэропорту О'Хара и высадил пассажиров в десять минут четвертого. Элли Крид находилась в состоянии тихой истерии, а Рэчел была очень испугана.

Стоило тронуть в тот миг Элли за плечо, как она сжималась и с ужасом глядела на вас, все ее тело тряслось мелкой, безостановочной дрожью, будто она была заряжена электричеством. Сначала истерика в самолете, теперь это... Рэчел просто не знала, как ее успокоить.

Проходя через здание аэровокзала, Элли запуталась в собственных ногах и упала. Она не стала подниматься, а продолжала лежать на ковре, пока мимо проходили пассажиры (смотревшие на нее сочувственно, но отстраненно, как занятые люди, у которых нет времени отвлекаться), пока Рэчел не подняла ее.

— Элли, да что с тобой? — спросила Рэчел.

Но Элли не отвечала. Они прошли через зал к месту получения багажа, и Рэчел увидела мать с отцом, ожидающих их. Она помахала им свободной рукой, и они подошли.

— Они просили нас не подходить к выходу и ждать здесь, — начала Дори, — и мы подумали... Рэчел, что с Элли?

— Ей плохо.

— Где здесь туалет, мама? Меня тошнит.

— О Господи, — вздохнула Рэчел в отчаянии и взяла ее за руку. В зале был туалет, и она быстро отвела туда Элли.

— Рэчел, пойти мне с тобой? — спросила Дори.

— Да нет, возьмите пока багаж. Мы скоро.

К счастью, в туалете было пусто. Рэчел подвела Элли к одной из кабинок, порылась в сумочке в поисках десятицентовика и тут, к счастью, заметила, что замок сломан. Над сломанным замком кто-то нацарапал фломастером: «Сэр Джон Крэппер — грязная свинья!»

Рэчел прикрыла дверь; Элли внутри застонала. Девочку стошнило дважды, но без рвоты: это были последствия нервного перенапряжения.

Когда Элли сказала, что ей чуточку лучше, Рэчел вывела ее и умыла. Лицо Элли было белым, с кругами у глаз.

— Элли, что с тобой? Ты можешь сказать?

— Я не знаю, мама. Но я знаю, что с папой что-то было не в порядке, когда он сказал, чтобы мы уехали.

«Луис, что ты скрываешь? Ты что-то скрываешь от меня. Я же вижу; даже Элли это заметила.»

Тут к ней вернулись все страхи и опасения последних дней. Рэчел почувствовала, что сейчас расплачется.

— Что? — спросила она у отражения Элли в зеркале. — Детка, что с папой?

— Я не знаю, — опять сказала Элли. — Мне снилось что-то. Про Гэджа. Или про Черча, я не помню. Не знаю.

— Элли, скажи, что тебе снилось?

— Мне снилось, что я была на Кладбище домашних животных. Паксоу отвел меня туда и сказал, что папа хочет пойти туда и сделать что-то страшное.

— Паксоу? — Ужас, острый и неопределенный, охватил ее. Что это за имя и почему оно кажется ей знакомым? Кажется, она его слышала — его или похожее, — но не могла вспомнить, где. — Тебе снилось, что какой-то Паксоу отвел тебя на это Кладбище?

— Да, он сказал, что его так зовут. И еще... — глаза ее внезапно расширились.

— Ты еще что-то помнишь?

— Он сказал, что его послали предупредить, но он не может вмешиваться. Он сказал, что он был... как это... что

он беспокоится о папе потому, что они были рядом, когда его душа... не могу вспомнить! — Элли всхлипнула.

— Дорогая моя, — сказала Рэчел. — Я думаю, тебе снилось кладбище, потому что ты думала про Гэджа. И я надеюсь, с папой все в порядке. Ну что, тебе лучше?

— Нет, — прошептала Элли. — Мама, я боюсь. А ты не боишься?

— Не-а, — сказала Рэчел, помотав головой и улыбнувшись, но, конечно же, она испугалась, и это имя, Паксоу... Ей казалось, что она слышала его в каком-то пугающем контексте месяцы или даже годы назад, и это чувство не давало ей покоя.

Она чувствовала приближение чего-то. Чего-то страшного, что нужно предотвратить. Но чего?

— Я уверена, что все в порядке, — сказала она Элли. — Хочешь вернуться к дедушке с бабушкой?

— Пошли, — сказала Элли вяло.

Пуэрториканка завела в туалет своего маленького сына. На штанишках мальчика расплывалось большое мокрое пятно, и Рэчел снова вспомнила про Гэджа. Но новое горе подобно новокаину, на время отвлекло ее от прежнего, большего.

— Пошли, — сказала она. — Мы позвоним папе от дедушки.

— Он был в шортах, — внезапно сказала Элли, глядя на малыша.

— Кто, дорогая?

— Паксоу, — ответила Элли. — Он во сне был в красных шортах.

Рэчел снова вспомнила это имя, и к ней вернулся этот расслабляющий страх... потом он отступил.

Они не могли подойти к выдаче багажа; Рэчел только издали увидела верх шляпы своего отца. Дори Голдмэн занимала два места и плакала. Рэчел подвела туда Элли.

— Тебе лучше, дорогая? — спросила Дори.

— Немножко, — ответила Элли. — Мама...

Она повернулась к Рэчел и онемела. Рэчел сидела, выпрямившись, зажав рукой рот, с побелевшим лицом. Она

вспомнила. Это пришло внезапно, просто не могло не прийти. Конечно же.

— Мама?

Рэчел медленно повернулась к дочери, и Элли могла слышать, как скрипнули ее сухожилия. Она отняла руку ото рта.

— Элли, этот человек во сне называл тебе свое имя?

— Мама, ты еще...

— Называл он тебе свое имя или нет?

Дори глядела на своих дочь и внучку так, будто они обе только что сошли с ума.

— Да, но я не помню... мама, мне больно!

Рэчел взглянула вниз и увидела, что сжимает рукой плечо дочери, как наручниками.

— Не Виктор?

Элли резко отдернулась.

— Да, Виктор! Он сказал, его зовут Виктор. Мама, тебе он что, тоже снился?

— Не Паксоу, — сказала Рэчел. — Паскоу.

— Да, я так и сказала. Паскоу.

— Рэчел, что с тобой? — вмешалась Дори. Она взяла руку Рэчел, заметив, как та дрожит. — И что с Элли?

— Это не Элли, — ответила Рэчел. — Мне кажется, это Луис. Что-то случилось с Луисом. Или может случиться. Посиди с Элли, мама. Мне нужно позвонить домой.

Она встала и пошла к автоматам, выискивая в сумочке мелочь. Она набрала номер, но трубку никто не поднимал.

— Может, позвоните позже? — спросил дежурный.

— Да, конечно, — Рэчел повесила трубку.

Она стояла, глядя на телефон.

«Он сказал, что его послали предупредить, но он не может вмешиваться. Он сказал, что он был... как это... что он беспокоится о папе потому, что они были рядом, когда его душа... не могу вспомнить!»

— Покинула тело, — прошептала Рэчел. Пальцы ее вцепились в сумочку. — О Господи, вот что это за слово!

Она попыталась собраться с мыслями, привести их в порядок. Что-то было здесь, кроме потрясения смертью

Гэджа и усталости от долгого полета. Что Элли могла знать о молодом человеке, который умер на руках у Луиса?

«Ничего, — без сомнений отозвалось сознание. — Ты же ничего ей не говорила, старалась умолчанием удержать ее от знакомства со смертью — даже с возможной смертью ее кота — помнишь тот дурацкий спор в кладовке? Ты хотела ее предохранить. Потому что боялась за нее и сейчас боишься. Его звали Паскоу, Виктор Паскоу, и что ты скажешь об этом? Насколько это плохо, Рэчел? Что же все-таки случилось?»

Ее руки так тряслись, что она только со второй попытки сумела снова засунуть монету. В этот раз она позвонила в лазарет университета и поговорила с Чарлтон, которая была несколько удивлена. Нет, она не видела Луиса и удивилась бы, если бы он пришел в этот день. Она снова выразила Рэчел соболезнования. Рэчел поблагодарила и попросила передать, чтобы Луис позвонил ей, если появится. Да, он знает телефон, ответила она на вопрос Чарлтон, не желая говорить ей (хотя та, по всей видимости, знала; у нее было чувство, что Чарлтон довольно любопытна), что она находится в доме родителей, за полстраны.

Она повесила трубку, чувствуя, что у нее жар.

«Она слышала имя Паскоу где-то еще, вот и все. Боже мой, ребенок же не живет под стеклянным колпаком, как... рыбы в аквариуме. Она могла услышать по радио. Или кто-нибудь сказал ей в школе, и это ей запомнилось. Даже то слово, что она не могла выговорить, «душа, покинувшая тело» или что-то вроде. Это доказывает лишь то, что у детей действительно развито подсознание, как пишется в воскресных приложениях.»

Она вспомнила преподавателя психологии в колледже, который рассказывал, что при соответствующих условиях ваша память может восстановить имя почти любого человека, с которым вы были знакомы, любого блюда, которое ели, погоду, которая стояла в любой день вашей жизни. Он говорил, что ум человека — это компьютер с огромным количеством ячеек памяти, более одного миллиарда, а может, и более тысячи миллиардов. И сколько всего может храниться в этих ячейках? Никто не знает. Но он говорил,

что их так много, что информация часто просто теряется, сознание может отключиться от нее во избежание переутомления. «Вы можете не помнить даже, где вы храните ваши носки, — говорил преподаватель, — хотя будете знать все содержание Британской энциклопедии.»

Это исторгло у класса радостный смех.

«Но это не аудитория с ярким светом и дружелюбным преподавателем, ведущим урок психологии. Здесь что-то другое, жуткое, и ты знаешь это — чувствуешь. Я не знаю, что там с Паскоу, с Гэджем, с Черчем, но то, что было во сне про Луиса... Что это? Или...

Внезапно ее посетила леденящая мысль. Она снова подняла трубку и положила монету. Не замышлял ли Луис самоубийство? Зачем он избавился от них, едва ли не выставил за дверь? Неужели Элли... о черт, проклятая психология! Неужели она что-то почувствовала?

В этот раз она звонила Джуду Крэндаллу. Пять звонков... шесть... семь. Она уже хотела повесить трубку, когда он ответил.

— Алло?

— Джуд! Джуд, это...

— Минуточку, мэм, — вмешался дежурный. — Вы слышите миссис Луис Крид?

— Ага, — ответил Джуд.

— Простите, сэр, вы сказали «да» или «нет»?

— Ну да, — сказал Джуд.

Дежурный сделал паузу, переводя язык янки на нормальный американский. Наконец он сказал:

— Благодарю вас. Говорите, мэм.

— Джуд, вы видели сегодня Луиса?

— Сегодня? Нет, не видел. Но я утром уезжал в Брюэр, в магазин. А потом возился в саду. А что?

— О нет, ничего, просто Элли снились плохие сны в самолете и я хотела узнать его мнение.

— В самолете? — голос Джуда звучал удивленно. — А где вы, Рэчел?

— В Чикаго, — ответила она. — Мы с Элли решили пожить немного у моих родителей.

— Луис разве не с вами?

— Он обещал приехать в конце недели, — сказала Рэчел, и теперь в ее голосе звучало сомнение. В вопросах Джуда ей что-то не нравилось.

— Это была его идея, чтобы вы уехали?

— Ну, в общем... да. Джуд, в чем дело? Что-то случилось, да? Вы ведь что-то знаете?

— Вы можете рассказать мне сон девочки? — спросил Джуд после продолжительной паузы. Я хочу послушать.

46

Поговорив с Рэчел, Джуд надел пальто — день был облачным, и поднялся ветер — и перешел через дорогу к дому Луиса, дожидаясь у дороги, чтобы пропустить грузовики. Это они были виной всему, проклятые грузовики.

Но не только они.

Он мог чувствовать зов Кладбища домашних животных — и того, что было за ним. Когда-то он звучал, как колыбельная, полная обманчивого покоя, — теперь этот голос был громким и властным, почти угрожающим: «Не вмешивайся, слышишь?»

Но он не мог не вмешаться. Его вина была чересчур велика.

«Сивика» Луиса не было в гараже. Там стоял только старый «Форд», пыльный и давно не использовавшийся. Он толкнул заднюю дверь дома и увидел, что она открыта.

— Луис? — позвал он, зная, что Луис не откликнется, но желая как-то нарушить нависшую внутри тяжелую тишину. Старость давала о себе знать — его руки и ноги ныли после двух часов работы в саду, и он чувствовал, как боль вливается в левый бок, словно ржавое сверло.

Он прошелся по дому, ища какие-нибудь знаки того, что в душе не без юмора окрестил «древнейшим в мире разрушителем семей». Он не нашел ничего особенно подозрительного: игрушки, упакованные в ящик для Армии спасения, вещи мальчика возле двери, и в шкафу, и под кроватью... хуже всего было то, что в комнате Гэджа стояла снова собранная кровать. Никаких признаков не было, но

дом стоял пустой и притихший, словно ожидая появления чего-то...

«Может прогуляться на Дивное кладбище? Посмотреть все ли там в порядке. Можно даже поймать там Луиса. Угостить его обедом, или еще что.»

Но не на Дивном кладбище была главная опасность; она таилась здесь, в этом доме и за ним.

Джуд вышел и перешел через дорогу к своему дому. Он вынул из холодильника упаковку пива и отнес ее в комнату. Уселся у окна, выходящего на дом Луиса, открыл банку и зажег сигарету. Этот день порядком утомил его, и, как это часто бывало в последние годы, мысли путались. Если бы он узнал об отъезде Рэчел чуть раньше, он мог бы сказать ей, что ее учитель психологии, быть может, говорил правду, что с возрастом в памяти что-то ломается, как и в вашем дряхлеющем теле, что вы не можете вспомнить, что было час назад, но со странной уверенностью воскрешаете события, лица и дела давно минувших времен. Поблекшие краски снова оживают, голоса не заглушаются временем, а обретают истинное звучание. Это не улучшение памяти, мог бы сказать ей Джуд. Это просто старость.

Джуд снова видел быка Лестера Моргана Хэнрэтти, его налившиеся кровью глаза, и как он бросался на все окружающее, на все, что двигалось. Даже на деревья, когда их колыхал ветер. Пока Лестер не пришел и не забрал его, все деревья на выгоне Хэнрэтти были побиты, и его рога были расколоты, и из головы текла кровь. Когда Лестер уводил Хэнрэтти, он трясся от страха — как сам Джуд сейчас.

Он пил пиво и курил. День угасал. Он не зажигал свет. Скоро кончик сигареты стал маленькой красной точкой в темноте. Он сидел, и пил пиво, и ждал Луиса Крида. Он верил, что когда Луис придет домой оттуда, где он был, он выйдет и поговорит с ним. Убедится, что Луис вовсе не планирует ничего такого.

И еще он чувствовал мягкое веяние той силы, что населяла это дьявольское место, его скалы и курганы, выстроенные там.

«Не вмешивайся, слышишь, ты! Не вмешивайся, или ты очень об этом пожалеешь.»

Не обращая внимания, Джуд сидел, курил и пил пиво. Он ждал.

47

В то время, как Джуд сидел и ждал его у окна своего дома, Луис ел обильный и безвкусный обед в столовой мотеля.

Еда была грубой и калорийной — то, что ему сейчас требовалось. На улице быстро темнело. Огни проезжающих машин тянулись вперед, как пальцы. Он поковырял в тарелке. Жареная картошка. Бифштекс. Ярко-зеленые бобы. Кусок яблочного пирога со стекающим с него сладким кремом. Он ел за угловым столом, глядя, как входят и выходят люди, думая, может ли его кто-нибудь здесь узнать. В глубине души он даже надеялся на это. Это вызовет вопросы: «Где Рэчел, что ты здесь делаешь, куда идешь?» — и вопросы могут повлечь за собой осложнения, и может быть, именно это ему и нужно.

И на самом деле, едва он взялся за яблочный пирог, запивая его второй чашкой кофе, как вошла знакомая пара. Роб Гриннелл, врач из Бангора, и его хорошенькая жена Барбара. Он ждал за своим столом, но они прошли в дальний конец зала, и он потерял их из виду, лишь мельком наблюдая там преждевременную седину Гриннелла.

Официантка принесла Луису счет. Он расписался, поставив рядом номер комнаты, и вышел.

Снаружи свирепствовал ветер. Его завывание странно бодрило Луиса. На небе не было звезд; по нему неслись рваные клочья туч. Луис немного постоял на пороге, засунув руки в карманы и подставив ветру лицо. Потом он повернулся, пошел в комнату и включил телевизор. Было еще рано что-либо предпринимать, и в ночном ветре таилось что-то пугающее. Он решил ждать.

Он четыре часа смотрел телевизор, восемь получасовых развлекательных программ. Впервые за много времени он так долго смотрел телевизор.

В Чикаго Дори Голдмэн плакала.

— Лететь обратно? Но, дорогая, зачем? Ты только что прилетела!

В Ладлоу Джуд Крэндаль сидел у окна, покуривая и прикладываясь к банке с пивом, перелистывая в уме книгу своего прошлого и ожидал Луиса. Рано или поздно Луис должен вернуться домой, как Лэсси в старой картине. Были и другие пути на Кладбище домашних животных и то, что за ним, но Луис их не знал. Чтобы пройти туда известным ему путем, он должен миновать свой дом.

Не зная об этих событиях, Луис сидел и смотрел цветной телевизор. Он никогда раньше не смотрел этих программ, но слышал разговоры про них: белая семья, черная семья, ребенок, который оказывается находчивее взрослых, одинокая женщина, замужняя женщина, разведенная женщина. Он смотрел все это без разбора, время от времени поглядывая за окно, в сгущающуюся тьму.

Когда начались одиннадцатичасовые новости, он выключил телевизор и решил приступить к тому, что он решил сделать, быть может, еще тогда, когда увидел лежащую на дороге кепку Гэджа, всю в крови. Он снова был холоден, силы вернулись к нему, но что-то стояло за этим — страсть, азарт, а может и безумие. Неважно. Это оно давало ему силы, согревало и бросало вперед. Идя к машине он подумал, что Джуд, вероятно был прав насчет растущей силы этого места, ибо теперь он чувствовал, как она овладевает им, и подумал:

«Могу я остановиться? Могу я остановиться, даже если захочу?»

48

— Неужели? — переспросила опять Дори. — Рэчел, ты с ума сошла... на ночь глядя...

Рэчел только покачала головой. Она не могла объяснить матери, почему она хочет вернуться. Чувство крепло в ней, словно ветер: сначала он колеблет траву, едва заметный; потом начинает дуть сильнее, не оставляя ни одного спокойного местечка; потом деревья начинают раскачиваться

и скрипеть; потом сотрясаются дома, и это уже ураган, всеразрушающий и неостановимый.

В Чикаго было шесть часов. В это время в Бангоре Луис поедал свой безвкусный обед. Рэчел и Элли едва притронулись к своим тарелкам. Во время обеда Рэчел не отрывала глаз от тарелки, чтобы не видеть мрачного взгляда дочери, вопрошающего, что она может сделать, чтобы помочь папе.

Она ждала, когда позвонит Джуд и скажет ей, что Луис вернулся, и действительно зазвонил телефон — она подскочила, а Элли едва не выронила стакан с молоком — но это была всего лишь подруга Дори по бридж-клубу, звонившая узнать, все ли у них в порядке.

Они пили кофе, когда Элли внезапно отложила салфетку и сказала:

— Папа... Мама... Простите, но я поеду домой. Если я сяду на самолет, я буду там сегодня ночью.

Отец с матерью уставились на нее, но Элли только зажмурила глаза с облегчением — это могло бы быть смешно, если бы не ее мертвенная бледность.

Они ничего не могли понять, и Рэчел не стала объяснять, как легкий ветерок превратился в силу, разрушающую дома, как спичечные коробки. Она просто не смогла поверить, что Элли извлекла весть о смерти Виктора Паскоу из своей памяти.

— Рэчел, детка, — сказал медленно отец, как мог бы говорить с ней при истерическом припадке. — Это только ваша реакция на смерть сына. И ты, и Элли устали, намучились, и кто вас винит? Но ты только усугубишь...

Рэчел не отвечала. Она прошла в холл к телефону, набрала номер авиакомпании «Дельта», пока Дори стояла рядом, говоря, что нельзя же так, она должна подумать, в крайнем случае они могут завтра полететь вместе... и рядом стояла Элли, все еще мрачная, но теперь в ее взгляде затеплился огонек надежды.

— Компания Дельта, — раздался голос на другом конце провода. — Это Ким. Можем ли мы вам помочь?

— Надеюсь, да, — сказала Рэчел. — Мне очень нужно сегодня ночью попасть из Чикаго в Бангор. Мне надо успеть... предотвратить опасность. Можете вы узнать?

С сомнением:

— Да, мэм, но вероятности мало.

— Пожалуйста, узнайте, — попросила Рэчел дрогнувшим голосом. — Я буду ждать.

— Хорошо, мэм. Я позвоню, — телефон умолк.

Рэчел прикрыла глаза и через миг почувствовала на своей руке чью-то холодную руку. Открыв глаза, она увидела Элли. Ирвин и Дори стояли поодаль и тихо шептались, глядя на нее. «Я, наверно, кажусь им ненормальной,» — подумала Рэчел устало. Она нашла в себе силы улыбнуться Элли.

— Не давай им удержать тебя, мама, — сказала Элли тихо. — Пожалуйста.

— Да нет, сестренка, — сказала Рэчел и вспомнила, что они звали ее так, когда родился Гэдж. Но теперь она уже не была ничьей сестренкой, так ведь?

— Спасибо тебе, — сказала Элли.

— Это ведь очень важно, да?

Элли кивнула.

— Дорогая, я знаю, что это так. Но ты можешь мне помочь, если скажешь еще кое-что. Это был просто сон?

— Нет, — сказала Элли. — Это... это все и сейчас. Я и сейчас это вижу. Ты не чувствуешь, мама? Что-то вроде...

— Вроде ветра?

Элли опять кивнула.

— Но ты не знаешь, что это? Ты не помнишь чего-нибудь еще из твоего сна?

Элли задумалась и потом отрицательно помотала головой.

— Папа. Черч. И Гэдж. Вот и все, что я помню. Но я не помню, как они оказались вместе, мама!

Рэчел крепко обняла ее.

— Все будет хорошо, — сказала она, но тяжесть на ее сердце давила все сильнее.

— Алло, мэм, — отозвалась телефонная трубка.

— Алло? — Рэчел сжала трубку, не выпуская руки Элли.

— Я думаю, мы можем устроить вам билет до Бангора, мэм, но вы будете там очень поздно.

— Это неважно.

— У вас есть ручка. Записывайте.

— Да-да, — Рэчел вынула из стола огрызок карандаша. Она нашла какой-то конверт и приготовилась.

Рэчел внимательно записала все сказанное. Когда клерк закончил, она показала Элли два пальца, сложенные буквой «О» в знак того, что все в порядке. «Все может быть в порядке», — поправила она себя. Предстояла сложная пересадка в Бостоне.

— Запишите меня, пожалуйста, — сказала Рэчел. — Спасибо вам большое.

Клерк записал фамилию Рэчел и номер кредитной карточки. Рэчел встала, усталая, но немного ожившая. Она поглядела на отца.

— Папа, ты отвезешь меня в аэропорт?

— Надо бы мне сказать «нет», — отозвался Голдмэн. — Должен же я, наконец, остановить это безумие.

— Не смей! — закричала Элли. — Это не безумие! Нет!

Голдмэн замигал и отстранился от этого маленького вулкана.

— Отвези ее, Ирвин, — сказала тихо Дори в наступившем молчании. — Я тоже начинаю нервничать. Мне будет легче, если я узнаю, что с Луисом все в порядке.

Голдмэн укоризненно посмотрел на жену и повернулся к Рэчел.

— Я отвезу тебя, раз уж ты так хочешь. Я... Рэчел, я поеду с тобой, если это нужно.

— Спасибо, папа, но я взяла последние билеты. Будто Господь сберег их для меня.

Ирвин Голдмэн вздохнул. В этот момент он выглядел очень старым, и Рэчел внезапно подумала, что ее отец похож на Джуда Крэндалла.

— У тебя еще есть время собраться, — сказал он. — Мы доедем до аэропорта за сорок минут, если поедem по дороге, по которой я ездил, когда мы с твоей матерью только что поженились. Дори, дай ей сумку.

— Мама, — сказала Элли. Рэчел повернулась к ней. Лицо девочки блестело от пота.

— Что, дорогая?

— Будь осторожна, мама, — сказала Элли.

Деревья вырисовывались странными силуэтами на фоне бегущих туч, подсвеченных огнями близлежащего аэропорта. Луис поставил «сивик» на Мэсон-стрит. Улица проходила по южной стороне кладбища. Ветер колотился о дверь машины и толкнул его в грудь, когда он вылез, чтобы открыть багажник и достать оттуда кусок брезента, в который были завернуты его орудия труда.

Он находился в темной полоске между двух фонарей, стоя на обочине с завернутой в брезент связкой в руках, внимательно смотря по сторонам перед тем, как пересечь улицу по направлению к железной ограде, за которой лежало кладбище. Он вовсе не хотел, чтобы его заметили даже случайные люди из окон или проезжающих автомашин. Рядом с ним шелестели на ветру листья старого вяза. О Боже, ему было страшно. Ему предстояла безумная работа.

Никакого движения вокруг. На Мэсон-стрит горели фонари, уходя стройной шеренгой вдоль, мимо Фэйрмаунтской начальной школы, где, когда начнутся занятия, будут бегать мальчишки и девочки, совсем не замечая кладбища, разве что в Хэллуин, когда их охватит некое мрачное очарование этого места. Может быть, тогда они осмелятся пересечь улицу и прицепить к высокой железной ограде бумажный скелет, хихикая над старой остротой: «Почему нельзя смеяться на кладбище? Потому что у всех, кто там лежит, всегда похоронное настроение.»

— Гэдж, — прошептал он. Гэдж был там, за этой оградой, томящийся под рыхлой землей, и в этом не было никакой шутки. «Скоро я тебя вытащу, — подумал он, — скоро я вытащу тебя отсюда, парень.»

Луис пересек улицу со своей тяжелой связкой, остановился на другой стороне, снова посмотрел в обе стороны и просунул связку через ограду. Она тихо звякнула о траву на той стороне. Отряхнув руки, Луис отошел. Он заметил место. Даже если бы он его забыл, можно было идти вдоль ограды, пока не увидишь машину, и связка будет тут.

Но открыты ли ворота?

Он прошел вдоль Мэсон-стрит, ветер преследовал его и толкал в спину. Пляшущие тени толпились на его пути.

Он свернул за угол на Плэзант-стрит, продолжая идти вдоль ограды. Огни машины осветили улицу, и Луис предусмотрительно укрылся за вязом. Он увидел, что это не полиция, а просто грузовик. Едет на Хэммонд-стрит, а потом, наверно, на шоссе. Когда машина проехала, он продолжил путь.

«Конечно, они будут незаперты.»

Он подошел к воротам, образующим из железных прутьев форму собора, легким и изящным в отблеске уличных огней. Он подошел и толкнул их.

Заперто.

«Идиот, конечно же, они заперты — неужели ты думал, что кто-то оставит муниципальное кладбище в любом американском городишке незапертым после одиннадцати? Никто, дорогой мой, и нигде. Ну, и что теперь?»

Теперь ему придется перелезть через ограду и надеяться только на то, что никто в это время не будет смотреть в эту сторону достаточно долго, чтобы увидеть, как он болтается на решетке, как самый старый и неуклюжий ребенок в мире.

«Алло, полиция! Я только что заметил, как самый старый и неуклюжий в мире ребенок карабкается на ограду Дивного кладбища. Похоже, он хочет там помереть. Да, все это выглядит подозрительно. Приезжайте, пожалуйста.»

Луис прошел дальше по Плэзант-стрит и повернул направо. Высокая решетка продолжала тянуться рядом. Ветер стал холоднее, высушив капли пота у него на лбу. Его тень удлинилась и пропала в свете фонарей. То тут, то там он поглядывал на ограду, и наконец остановился и начал смотреть на нее внимательнее.

«Ты хочешь через нее перелезть, малыш? Не смей меня!»

Луис Крид был довольно высок, но ограда возвышалась больше, чем на девять футов, каждый железный прут увенчивался декоративной пикой. Декоративной... пока вы не поскользнетесь на этой высоте и не плюхнетесь весом ваших двухсот фунтов на такую пику, желательно яйцами.

И там вы будете вертеться, как поросенок на вертеле и орать на всю улицу, пока кто-нибудь не вызовет полицию, и она придет и отправит вас в госпиталь.

Пот промочил его рубашку на спине. Стояла тишина, только с Хэммонд-стрит доносился отдаленный шум уличного движения.

Надо было что-то делать.

«Луис, подумай, что ты делаешь? Может, ты и свихнулся, но не настолько же. Даже если ты и заберешься на эту ограду, то нужно быть гимнастом, чтобы перебраться через нее и не напороться на эти пики. А если тебе это каким-то образом и удастся, то как ты надеешься перелезть обратно с телом Гэджа?»

Он пошел дальше, боясь, что обойдет кладбище кругом, так ничего и не придумав.

«А можно сделать и так. Сейчас вернусь домой в Ладлоу, а завтра приеду пораньше, днем. Пройду через ворота где-нибудь в четыре часа и спрячусь до полуночи. Иными словами, у меня будет время до завтра, чтобы еще раз все обдумать.

Замечательная идея, о великий Свами Луис... и что теперь делать с этой связкой, которую я перекинул на ту сторону? Кирка, лопата, фонарик... можно прямо написать на всем этом: «Набор для ограбления могил. Он лежит в кустах. Кто его подберет?»

Конечно, это имело смысл. Но сердце уверенно и твердо подсказывало ему, что он сегодня не вернется домой просто так. Если он не сделает этого сегодня, то не сделает никогда. Он никогда не решится на это безумие снова.

На пути его было несколько домов, — редкие квадратики желтого света мерцали на другой стороне улицы, и в одном из них он увидел отблеск экрана черно-белого телевизора — и посмотрев за ограду, заметил, что могилы здесь кажутся более старыми, округлившимися от многих сезонов снегов и дождей. Здесь был еще один поворот, который мог вывести его на улицу, параллельную Мэсон-стрит, где он начал свой путь. И что он будет делать, вернувшись к началу? Заберет свои двести долларов и уедет? Признает поражение?

Улицу опять осветили огни машины. Луис укрылся за деревом, выжидая, пока она проедет. Этот автомобиль ехал очень медленно, и через минуту на пассажирском сиденье вспыхнул белый свет, осветивший прутья ограды. Сердце его бешено забилося. Это была полицейская машина.

Он плотнее прижался к дереву, к его грубой коре, в безумной надежде, что оно достаточно велико, чтобы заслонить его. Луч прошел рядом с ним. Луис пригнул голову, пытаясь спрятать белеющее в темноте лицо. Луч достиг дерева, на миг исчез и опять появился с другой стороны. Некоторое время он скользил по дереву.

Луис ждал, когда вспыхнут красные огни, откроются дверцы машины, и луч упрется в него, как указательный палец. «Эй ты! Ты, за деревом! Стой на месте, и мы хотим видеть, что у тебя в руках ничего нет! А теперь выходи!»

Машина остановилась. Она доехала до угла, просигналила и повернула налево. Луис прислонился к дереву, тяжело дыша, с пересохшим ртом. Он надеялся, что они не обратят внимания на припаркованный «сивик», но ничего страшного не было — на Мэсон-стрит ночная парковка не была запрещена. Там стояли и другие машины. Может быть, их владельцы жили в соседних домах.

Луис взглянул на дерево, под которым стоял. Прямо над его головой дерево раздваивалось. Он мог...

Не думая о дальнейшем, он вскарабкался на развилку, цепляясь руками и ногами в теннисных туфлях. Через минуту он уже прочно утвердился там. Если бы полиция вдруг вернулась, она могла бы увидеть на этом дереве весьма редкую птицу. Нужно было быстрее уходить.

Он пополз по ветке, доходившей до самой вершины ограды. Это абсурдно напоминало ему о его двенадцати годах. Дерево было не очень прочным; оно качалось и чуть ли не трещало. Его листья шуршали и о чем-то перешептывались. Луис оценил ситуацию и прыгнул прямо вперед, уцепившись руками за ветку, которая была ненамного толще его руки. С ногами, висящими над землей на высоте восемь футов, он начал, перебирая руками, продвигаться к ограде. Ветка качалась, но и не думала ломаться. Он был удивлен бесформенной, обезьяноподобной тенью, которую

отбрасывал на цементный тротуар вниз. Ветер остудил его разгоряченные руки, и он обнаружил, что дрожит, несмотря на заливавший лицо пот. Его руки уже стали уставать, и он боялся, что потные кисти соскользнут с ветки.

Он достиг ограды. Его теннисные туфли оказались в футе от железных пик. Отсюда они казались очень острыми. Но, были они такими или нет, он понял, что под угрозой окажутся не только его яйца. Если он упадет на одну из этих штук, она пропорет его до самых легких. И вернувшиеся полицейские смогут найти на ограде кладбища готовую декорацию для Хэллуина.

Тяжело дыша, почти хрипя, он повис на ветке, отдыхая. Вдруг он увидел свет.

«О Господи, машина едет!»

Он пытался подтянуться, но кисти скользили. Продолжая цепляться, он повернул голову налево. Это была машина, но она, не замедляя хода, свернула в переулок. Повезло. Если бы она...

Руки опять скользнули. Он чувствовал, как на волосы ему сыпется кора.

Одна нога нашла опору, но теперь он зацепился штанами за одну из пик. Господи, он просто не может дольше тут висеть. В отчаянии Луис дернул ногой. Ветка закачалась. Руки скользнули еще раз. Но он уже стоял на двух верхушках ограды. Они впивались в подошвы его туфель, но он все равно стоял. Боль в руках и плечах была сильнее, чем в подошвах.

«Ну у меня и вид», — подумал Луис с мрачным весельем. Сжимая ветку левой рукой, он вытер правую о куртку. Потом проделал обратную процедуру.

Он стоял так еще какое-то время, а потом отпустил ветку. Наконец-то он смог шевелить пальцами. Он стал спускаться, как Тарзан, цепляясь за прутья.

Приземлился он неудачно. Одно колено ударилось о могильную плиту. Он упал на траву, держась за колено, сжав губы в гримасе боли и надеясь лишь, что не повредил коленную чашечку. Наконец, боль отпустила, и он смог кое-как подняться. Хорошо, если ему удастся идти.

Он пошел вдоль ограды по направлению к Мэсон-стрит, где лежали его инструменты. Колено сперва болело, и он прихрамывал, но потом боль стихла. В аптечке «сивика» у него был аспирин. Он думал взять его с собой, но теперь уже было поздно. Он следил за машинами и отступил вглубь, когда проехала одна из них.

На Мэсон-стрит он увидел свой «сивик». Напротив он подобрал связку инструментов, и тут услышал шаги на тротуаре и тихий женский смех. Он присел на могилу, глядя на пару, идущую по другой стороне. Они шли под руку, и их передвижение от одного белого светового пятна к другому заставило Луиса вспомнить одно старое теле-шоу. Интересно, что они сделают, если он сейчас встанет и крикнет им: «Доброй ночи, миссис Калабаш, я вас давно ожидаюсь!»

Они остановились в круге света прямо возле его машины и обнялись. Глядя на них, Луис испытывал странную смесь жалости и отвращения к себе. Он сидит здесь, за могилой, как маньяк из дешевого триллера, выслеживающий влюбленных. «Неужели эта грань так тонка?» — подумал он. — «Да», она так тонка, что немного суеты и нервотрепки — и ты уже на той стороне. Залез на кладбище и подглядываешь за влюбленными... или раскапываешь могилы. Очень просто. Я восемь лет работал врачом, и вот в одночасье стал кладбищенским вором — наверно, так обычно и бывает.»

Он зажал рот кулаком, чтобы не дать вырваться звукам, вызванным этим внезапно возникшим чувством холода, отъединенности, отстраненности от мира.

Когда парочка, наконец, ушла, Луис смотрел им вслед почти с ненавистью. Они вошли в один из домов. Улица вновь затихла, слышался только неумолкающий вой ветра в кронах деревьев.

Луис поднял связку, услышав внутри приглушенное звяканье. Он вышел на дорожку, ведущую от ворот. Прямо и у развилки налево. Очень просто.

Он пошел по кромке, стараясь держаться в тени на случай, если появится смотритель. У развилки он повернул налево и, внезапно побледнев, понял, что не помнит, как

выглядит его сын. Он помедлил, вглядываясь в ряды могил и пытаясь собраться с мыслями. Перед ним вставали отдельные черты — светлые волосы, еще легкие и светлые, оттопыренные уши, маленькие белые зубки, шрамик на подбородке с тех пор, как он упал со ступенек в их доме в Чикаго. Он помнил эти черты, но не мог соединить их в единый образ. Он видел, как Гэдж бежит по дороге навстречу грузовику «Оринко», но лица его было не разглядеть. Он пытался вспомнить, как Гэдж лежит в кровати, но видел только темноту.

«Гэдж, где ты? Луис, неужели ты думаешь, что оказываешь сыну услугу? Может быть, он счастлив... там, где он сейчас. Может, он действительно среди ангелов или просто спит. Зачем ты хочешь его разбудить?

Гэдж, где ты? Я хочу забрать тебя домой.»

Но контролирует ли он собственные действия? Почему он тогда не может вспомнить лица Гэджа, почему он отмахнулся от всего — от Джуда, от Паскоу во мне, от трепета своего встревоженного сердца?

Он подумал о Кладбище домашних животных, о его грубых кругах, уходящих в вечность, и холод снова коснулся его. Почему он стоял здесь, пытаясь вспомнить лицо Гэджа?

Скоро он сможет его увидеть.

Здесь уже поставили плиту; простой заголовок гласил: «Гэдж Уильям Крид», и следом две даты. Кто-то был сегодня, отметил он; у плиты лежали свежие цветы. Интересно, кто это? Мисси Дэнбридж?

Его сердце билось тяжело, но спокойно. Если уж он решил сделать это, пора было начинать. Ночь продлится не так уж долго.

Луис прикинул время и понял, что, действительно, стоит поторопиться. Он кивнул почти обреченно и полез в карман за ножом. Он срезал скотч со связки и развернул брезент у могилы, как ковер. На нем он разложил инструменты, словно хирург перед операцией.

Здесь был фонарик, завешенный войлоком, как посоветовал ему продавец. Были лопата, заступ, моток троса,

перчатки. Он надел перчатки, взял заступ и приступил к работе.

Земля была мягкой, копать легко. Форма могилы выявлялась, выкопанная земля ложилась по краям. Он опять автоматически сравнил эту рыхлую землю с твердой каменной почвой того места, где сегодня ночью ему нужно будет закопать сына. Для этого понадобится кирка.

Он работал в хорошем ритме и вскоре углубился порядочно, вдыхая сырой запах свежей земли, который он помнил со времен работы с дядей Карлом.

Он посмотрел на часы. Было двадцать минут первого. Время шло. Через двадцать минут заступ ударился обо что-то твердое, и Луис до крови прикусил верхнюю губу. Он осветил это фонариком. Из земли выдавалась серебристая плоскость. Это была крышка прокладки. Луис сгреб с нее землю, остерегаясь слишком громко скрести по бетону.

Затем он взял веревку, привязал ее к железному кольцу прокладки, вылез из могилы и стал тянуть.

«Ну, Луис, это твой последний шанс.»

Бетонная плита подалась легко. Половина прокладки встала вертикально. Он снова спустился, отвязал веревку, осторожно, чтобы не уронить крышку, и вытянул оставшуюся половину наверх. Занимаясь этим, он почувствовал между пальцев что-то липкое и холодное. Приглядевшись, он увидел жирного червяка; извивающегося у него в руке. Со сдавленным криком отвращения Луис выкинул его прочь из могилы своего сына.

Потом он включил фонарик.

Он в последний раз видел гроб на похоронах Гэджа. Тогда он, чистый, белый и прочный, казался ему сейфом, в котором навеки захоронены его надежды и чаяния.

Луис потянулся за заступом, сжал его и обрушил на замок гроба. Лицо его искажилось свирепой гримасой. Замок от первого удара сплюснулся, и можно было уже не бить, но он ударил еще раз, будто желая не открыть гроб, а сломать его. Но рассудок вернулся, и он остановил заступ, уже занесенный для нового удара.

Никогда в жизни он еще не чувствовал себя таким одиноким и чужим всему окружающему, как астронавт,

высадившийся на незнакомой планете. «Интересно, Билл Батермэн тоже чувствовал это?» — подумал он.

Луис сунул фонарик под мышку. Он сел на корточки, ощупывая гроб руками, как циркач, напрягшийся перед смертельным номером.

Он отыскал выемку в крышке и подцепил ее пальцами. Минуту подождал — словно борясь с последними сомнениями, — а потом рывком поднял крышку гроба своего сына.

50

Рэчел Крид чуть-чуть не успела на самолет, летевший из Бостона в Портленд. Чуть-чуть. Из Чикаго она вылетела вовремя, прибыла в Ла-Гуардино и покинула Нью-Йорк всего на пять минут позже расписания. В Бостон она прилетела на пятнадцать минут позже — в 11.12. У нее оставалось тринадцать минут.

Она могла еще успеть на пересадку, но автобус, развивший пассажиров по рейсам, не появлялся. Рэчел ждала, начиная впадать в тихую панику. У нее болела лодыжка, и она сняла туфли. Потом она, не выдержав, побежала по полю, тяжело дыша и проклиная все авиакомпания на свете.

В горле у нее пересохло, в боку начало колоть. Впереди показался треугольный знак «Дельты». Она ворвалась в двери, схватив на бегу выпавшую туфлю. Было 11.37.

Один из клерков вопросительно посмотрел на нее.

— Рейс 104, — выпалила она. — В Портленд. Улетел?

Клерк взглянул на монитор перед ним.

— Еще на земле, но посадка закончилась пять минут назад. Я запрошу их. Багаж есть?

— Нет, — проговорила Рэчел хрипло, стряхивая с глаз вспотевшие волосы. Сердце в ее груди прыгало, как заяц.

— Тогда лучше не ждите. Бегите скорей.

Рэчел не могла бежать скорей, у нее просто не было сил. Но она сделала, что смогла. Эскалатор уходил в ночь, и она карабкалась по ступенькам, ощущая во рту привкус меди. Она прошла пропускной пост, почти швырнула сумку

контролерше, подождала у конвейера, сжимая и разжимая кулаки. Когда сумка прошла рентген, она снова схватила ее и побежала. Сумка колотила ее по ногам.

Она смотрела на мелькающие по сторонам надписи. «Рейс 104. Портленд. Отправление 11:25. Выход 31. Посадка.»

Выход 31 был в дальнем конце перехода — и еще когда она смотрела на монитор, надпись «посадка» сменилась словом «отправление».

У нее вырвался крик отчаяния. Она подбежала к выходу и увидела, как дежурный убирает надпись «Рейс 104. Бостон — Портленд. 11:25.».

— Он улетел? — спросила она недоверчиво. — Правда улетел?

Дежурный сочувственно посмотрел на нее.

— Он и так вылетел позже. Сожалею, мэм. Вы сделали все, что могли, если это может вас утешить.

Он махнул за стекло. Рэчел увидела громадный 727 с эмблемой «Дельты», выходящий на взлетную полосу, горящий, как рождественская елка.

— Разве никто не звонил, что я иду? — закричала Рэчел.

— Когда позвонили, 104-й уже поехал. Если бы я запросил остановку, им пришлось бы тормозить и сворачивать на запасную линию. Пилот был бы очень недоволен. Да и пассажиры — там ведь больше ста человек. Если бы вы подошли хоть на четыре минуты пораньше...

Рэчел пошла прочь, не слушая дальше. Она уже прошла половину пути до поста охраны, когда на нее накатила волна усталости и полного безразличия. Она подошла к одному из выходов и сидела там, пока темнота вокруг сгущалась. Потом она сняла туфли, счистив с подошвы одной из них прилипший окурочек. «Ноги у меня в грязи, не хочу я трахаться», — вспомнила она с мрачным юмором.

Она вернулась в здание аэровокзала.

Контролерша поглядела на нее с сочувствием.

— Опоздали?

— Да, конечно.

— А куда вы летели?

— В Портленд, оттуда в Бангор.

— А почему бы вам не взять напрокат машину? Если вам действительно так уж нужно туда? Я могла бы направить вас в отель, тут недалеко, но раз уж я вижу, что вам так нужно туда попасть, то дам такой совет.

— Да, мне очень нужно, — сказала Рэчел. Она ухватилась за эту мысль. — А это можно сделать? Есть здесь какие-нибудь прокатные агентства?

Контролерша засмеялась.

— Да, конечно, у них есть машины. Они их здесь не держат, только когда погода нелётная. А это бывает часто.

Рэчел слушала ее рассеянно. В уме она уже начала подсчитывать время.

Она не успевала в Портленд к своему бангорскому рейсу, даже если бы пролетела магистраль с самоубийственной скоростью. Значит, надо было ехать сразу домой. Сколько это займет? Зависело от расстояния. Двести пятьдесят миль, вспомнила она цифру. Может быть, ее говорил Джуд. Она могла преодолеть их к четверти первого ночи, быть может к 12.30. Путь проходил по магистрали. Она решила, что имеет довольно хорошие шансы проехать всю дорогу без задержек на достаточно большой скорости, до шестидесяти пяти миль в час. В уме она быстро разделила 250 на 65. Не больше четырех часов. Ладно... пусть даже чуть больше. Она могла захотеть в туалет по дороге. И хотя сон сейчас казался ей невозможным, она хорошо знала свои ресурсы, чтобы предположить, что ей придется как минимум один раз остановиться, чтобы выпить чашку крепкого кофе. В любом случае она будет в Ладлоу еще до рассвета.

Прикинув все это, она собралась спускаться — пункт проката помещался в главном вестибюле.

— Счастливо, дорогая, — напутствовала ее контролерша. — Будьте осторожны.

— Спасибо, — сказала Рэчел. Осторожность явно могла ей потребоваться.

Сначала он почуял запах и отпрянул, задохнувшись. Он стоял у края могилы, тяжело дыша, боясь, что его стошнит. Он опустился на землю и прилег, выжидая. Наконец тошнота прошла. Стиснув зубы, он достал фонарик, который до того держал под мышкой, и направил его в открытый гроб.

Глубокий ужас сковал его — это было чувство, напоминающее ночной кошмар, который не можешь потом вспоминать без дрожи.

У Гэджа не было головы.

Руки Луиса так тряслись, что он сжимал фонарь обеими, как полисмен на стрельбище. Луч прыгал вверх-вниз.

«Это же невозможно, — говорил он себе, — помни, то, что ты видишь, невозможно, этого не может быть.»

Он медленно провел лучом по всей длине гроба, от новых туфель Гэджа к его штанишкам, пиджаку (Господи, ни один двухлетний ребенок не носит пиджак), к воротнику, к...

Его дыхание превратилось в хриплый звук, и вся скорбь о смерти Гэджа нашла выход в давящем страхе перед сверхъестественным, в растущей уверенности, что он начинает сходиться с ума.

Луис полез в карман и вытянул носовой платок. Держа в руке фонарик, он нагнулся над могилой, едва не потеряв равновесие. Если бы сейчас кусок прокладки обвалился, он мог бы сломать ему шею. Он осторожно вытер своим носовым платком мох, покрывший кожу Гэджа — такой густой, что из-за него и показалось, будто у Гэджа нет головы.

Мох был влажным. Этого следовало ожидать; шли дожди, а прокладка не была водонепроницаемой. Поведя лучом в другую сторону, Луис увидел, что гроб лежит в мелкой лужице. Под слоем слизи он видел тело сына. Могильщики, уверенные, что никто не станет открывать гроб после такой ужасной катастрофы, не очень-то старались. Его сын походил на плохо сделанную куклу. Голова Гэджа была странно вывернута, закрытые глаза глубоко

ввалились. Что-то белое высовывалось изо рта, как язык альбиноса, и Луис сначала подумал, что при бальзамировании ввели чересчур много жидкости. Вряд ли кто-нибудь знал, какая доза требуется для ребенка.

Потом он понял, что это всего-навсего вата. Тогда он вытащил ее изо рта сына. Губы Гэджа, странно вялые и томные, изгибались в слабой, но явственной, усмешке! Он выкинул вату из могилы, и она упала в лужу. Теперь одна щека Гэджа ввалилась, как у старика.

— Гэдж, — прошептал он, — сейчас я тебя отсюда заберу, ладно?

Он молился, чтобы никто не пришел, смотритель с ночным обходом или еще кто-нибудь. Но он уже не боялся быть схваченным; если бы чей-нибудь фонарь осветил его лицо, когда он стоял в могиле, он не задумался бы в этот миг схватить лопату и размозжить ею череп прищельца.

Он взялся за Гэджа. Тело казалось бескостным, и его посетило еще одно жуткое видение: как он поднимает тело Гэджа, а оно разламывается, и он держит в руках куски. Он так бы и остался стоять с этими кусками в руках посреди могилы, крича во весь голос. Так бы его и нашли.

«Идите, цыплятки, идите и сделайте это!»

Он взял Гэджа на руки, удивившись его тяжести, и поднял, как он часто поднимал его из ванны. Голова Гэджа все время валилась назад, и он увидел кольцо швов, удерживающих голову на плечах.

Тут он опять почувствовал спазмы в желудке от запаха и от этого тяжелого, бескостного тела в руках, но смог вытянуть его из гроба. Наконец он сел на краю могилы, держа тело на коленях, с ногами, спущенными в яму, с мертвенно-бледным лицом, со ртом, искривленным дергающейся гримасой ужаса, жалости и горя.

— Гэдж, — сказал он, укачивая тело. Голова Гэджа лежала на локте Луиса, такая же безжизненная. — Гэдж, все будет хорошо. Все скоро кончится. Гэдж, это только страшный сон, я люблю тебя, Гэдж, папа любит тебя.

Так он сидел и укачивал своего сына.

В четверть второго Луис собрался уходить с кладбища. Труднее всего было открыть гроб и вытащить тело — это была самая отдаленная точка его космического полета. Теперь же, отдохнув, он чувствовал себя способным пройти весь путь. Весь, до конца.

Он положил тело Гэджа на брезент и завернул его.

Затем он обвязал получившийся сверток веревкой в несколько слоев, аккуратно подоткнув концы. Он закрыл гроб, потом, немного подумав, открыл его снова и положил туда заступ. Пусть на кладбище останется эта реликвия; хватит с него. Он закрыл гроб и опустил половину цементного покрытия. Он мог бы просто бросить другую половину, но боялся шума. Поразмыслив, он пропустил концы своего ремня в железное кольцо и с их помощью осторожно опустил цементный прямоугольник на прежнее место. Потом он забросал лопатой землю в могилу, но почему-то земли оказалось недостаточно до прежнего уровня, и это могли заметить. Но он не стал думать об этом — ему еще предстояло много работы. Тяжелой работы. А он очень устал.

«Хей-хо, а ну пошли».

— Ладно, — пробормотал Луис.

Ветер подул сильнее, пошелестев среди деревьев и заставив его оглянуться в тревоге. Он связал вместе лопату, кирку, которая еще могла пригодиться, перчатки и фонарик. Фонарик тоже мог еще понадобиться, но Луис осторожности ради решил обойтись без него. Он прошел тем же путем и через пять минут подошел к высокой железной ограде. На другой стороне улицы стоял его «сивик». Так близко и так еще далеко.

Луис какое-то время смотрел на него, а потом пошел вдоль ограды к воротам. Там была дренажная яма, и Луис заглянул в нее. То, что он увидел, заставило его содрогнуться. Там лежали груды увядших цветов, вымоченных дождем и снегом.

«Боже мой.

Да нет. Это приношения богу, гораздо более древнему, чем христианский. Люди в разное время называли его разными именами, но только сестра Рэчел называла его

правильно: Оз Великий и Узасный, бог мертвых, остающихся мертвыми, бог гниющих цветов в дренажной яме, бог Тайны.»

Луис смотрел в яму, словно загипнотизированный. Наконец он отвел глаза в сторону с легким вздохом.

Он пошел дальше. Нужно было найти выход, и он надеялся, что память подскажет ему какие-то данные, сохранившиеся со дня похорон.

Рядом вырисовывались в темноте очертания крипты.

Здесь ставили гробы зимой, когда было слишком холодно, чтобы рыть могилы, а также, когда их накапливалось слишком много.

Такое случалось временами, и Луис знал это; всегда бывают периоды, когда умирает особенно много людей.

«Все уравнивается, — говорил ему дядя Карл. — Если в мае порой за две недели у меня не бывает ни одного покойника, то в ноябре за те же две недели я хороню десять человек. Это бывает всегда в ноябре, а потом, к Рождеству, все кончается, хотя люди думают, что в рождественские дни многие умирают. Все это бред. Люди празднуют Рождество, они счастливы и хотят жить. Потом обычно бывает всплеск в феврале. Грипп уносит стариков, и еще пневмония, но и это еще не все. Бывает, целый год живут себе с раком или еще с чем-нибудь хроническим, потом приходит февраль — и все. 31 января они еще прекрасно себя чувствуют, а 24 февраля их несут хоронить. И сердечные приступы чаще всего случаются в феврале, и инфаркты, и почки. Февраль плохой месяц — хотя для нас он, конечно, хороший. Но то же может случиться и в июне, и в октябре. В любой месяц, кроме августа. Август спокойнее всего. Если не взорвется газ или автобус не свалится с моста, нечего и думать в августе о заполнении крипты. А в феврале мы иногда выставляли гробы в три ряда, надеясь успеть их закопать, прежде чем с нас потребуют арендную плату.»

Дядя Карл рассмеялся. И Луис тоже, чувствуя что-то, чему его не могли научить в медицинском училище.

Двойные двери крипты располагались на поросшем травой холме, напоминающем формой женскую грудь. Холм

лишь на пару футов был ниже декоративных пик железной ограды.

Луис огляделся и начал взбираться на холм. На другой его стороне было чистое поле, около двух акров.

Но... не совсем чистое. На краю его стояло какое-то здание, похожее на полуразвалившийся сарай. Там, должно быть, держали инструмент.

Сквозь качающиеся на ветру ветви деревьев — старых вязов и кленов, отделяющих кладбище от Мэсон-стрит, — просвечивали уличные огни. Какого-нибудь другого движения Луис не заметил.

Он сполз вниз на заднице, боясь упасть и повредить колено, и вернулся к могиле сына. Он чуть не споткнулся о брезентовый сверток. Тут стало ясно, что придется идти два раза — сначала с телом, потом с инструментами. Он нагнулся, содрогаясь от внутреннего протеста, и охватил руками брезент. Почувствовав вес Гэджа, он смог подавить внутренний голос, настойчиво нашептывающий, что он спятил.

Он вытащил тело на холм, в котором заключалась крипта со стальными дверями (двери были точь-в-точь как в гараже). Видя, что не так легко подниматься по скользкому склону с сорокафунтовой ношей, он разбежался и взобрался почти на самую вершину. Там он просунул сверток между прутьев, и что есть сил толкнул его вниз. Брезентовый комок, перекатываясь, исчез внизу. Он огляделся и пошел назад за остальными вещами.

Снова спустившись с холма, он завернул в брезент фонарик, кирку и лопату. Некоторое время он отдыхал, присев на траву. Новые электронные часы, которые Рэчел подарила ему на Рождество, показывали 2.01.

Он дал себе пять минут на отдых, и потом спустил вниз лопату. Он слышал, как она шуршала в траве. Фонарь он пытался засунуть в штаны, но безуспешно. Тогда он тоже пустил его вниз, изо всех сил надеясь, что он не ударится о камень и не разобьется. Он пожалел, что у него нет рюкзачка.

Он достал из кармана моток изоленды и принялся прикручивать ей брезент к рабочему концу кирки. Закон-

чив это, он положил моток назад в карман, а кирку так же спустил вниз, вздрагивая от громкого шуршания.

Теперь он перекинул ногу через решетку, увенчанную декоративными пиками, перевалился через нее и прыгнул вниз. Он приземлился на носки, но не удержался и опрокинулся на спину.

Поднявшись, он спустился вниз и стал рыться в траве. Лопату он нашел сразу — она отсвечивала в тусклом уличном освещении, пробивающемся сквозь кроны деревьев. Пару неприятных минут он не мог отыскать фонарь — куда он мог укатиться в этой проклятой траве? Он стал на четвереньки, чувствуя, как в ушах отдаются удары сердца.

Наконец он увидел его, легкую черную тень в пяти футах от места, где он ожидал его найти. Он схватил его и нажал на кнопку, пробуя, не сломался ли он. Короткий луч метнулся и пропал среди листвы. Он быстро выключил фонарь. Все было в порядке.

Он ножом отрезал брезентовые полосы с кирки и взял инструменты. Подойдя к деревьям, он внимательно оглядел оба направления Мэсон-стрит. Улица в этот час была совершенно пустой. Он видел лишь один огонек — в окне, под самой крышей. Инвалид, должно быть, или человек, страдающий бессонницей.

Быстро, но не бегом, Луис вышел на улицу. После темноты кладбища уличное освещение будило в нем ощущение опасности. Он стоял у второго по величине кладбища Бангора, зажав в руках кирку, лопату и фонарик. Если кто-нибудь увидит его сейчас, все пропало.

Он, спеша, пересек улицу, стуча подошвами об асфальт. «сивик» был от него в пятидесяти ярдах. Для Луиса они казались пятью милями. Весь в поту, он подошел, ожидая шума подъезжающей машины, звука чужих шагов, скрипа открываемого окна.

Подойдя к машине, он положил кирку с лопатой возле нее и полез за ключами. Их там не было, ни в одном кармане. Он вспотел еще сильнее. Сердце вновь забилось учащенно, а зубы сжались, чтобы не дать панике прорваться наружу.

Он их потерял, выронил, спускаясь в могилу или карабаясь на холм. Ключи лежали где-то в траве, и, если он так долго не мог найти фонарик, то как он может надеяться отыскать их. Это конец. Одна неудача, и все кончено.

«Теперь жди, жди этой проклятой минуты. Обыщи еще раз все карманы. Мелочь же там — если она не выпала, почему должны были выпасть ключи?»

Теперь он поискал тщательнее, перебрал мелочь, даже вывернул карманы наизнанку.

Ключей не было.

Луис стоял возле машины, раздумывая, что теперь делать. Он мог сесть в машину. Оставить сына там, где он лежал, залезть в машину и провести остаток ночи в бесплодном ожидании...

Луис резко оборвал эту мысль.

Он нагнулся и заглянул внутрь машины. Ключи торчали в зажигании.

С чувством облегчения он подошел к дверце, открыл ее и вынул ключи. В сознании внезапно всплыл рассудительный голос старого Карла Малдена с носом картошкой, в старомодной высокой шляпе: «Запри машину. Забери ключи. Не дай хорошему мальчику стать плохим.»

Он обошел «сивик» и открыл багажник. Он положил туда лопату, кирку и фонарик. Уже отойдя от машины на двадцать или тридцать футов, он вспомнил про ключи. Он опять оставил их в зажигании.

«Идиот! — прикрикнул он на себя. — Если ты будешь таким идиотом, лучше вообще оставить это дело.»

Он вернулся и вынул ключи.

Он забрал тело Гэджа и был уже на полпути назад, когда где-то залаяла собака. Даже не залаяла — завыла; ее хриплый голос заполнил улицу.

— Аууууу! Аууу-у-у!

Он застыл под деревом, раздумывая, что может случиться дальше. Он ожидал, когда же в домах начнут зажигать свет.

Но свет вспыхнул только в одном окне, в доме напротив того места, где стоял Луис. Через минуту сердитый голос завопил:

— Фред, заткнись!

— Аууу-у-у! — отозвался Фред.

— Заткни ему пасть, Скэнлон, или я вызову полицию! — крикнул еще кто-то с другой стороны улицы, чуть ли не над ухом Луиса, заставив его отпрыгнуть и мигом разрушив хрупкую иллюзию пустоты и безлюдности. Люди были повсюду, сотни людей, и хозяин пса, умиротворяющий его, оказался его единственным другом. «Черт бы тебя побрал, Фред,» — подумал он.

Фред начал новую руладу; начало вышло хорошо, но когда он собирался перейти к долгому тоскливому завыванию в конце, раздался тяжелый звук удара, за которым последовал долгий скулеж.

Вслед за легким скрипом двери воцарилось молчание. Свет в доме еще немного горел, а потом погас.

Луис не мог больше стоять и дожидаться; конечно, лучше было подождать, пока все окончательно уляжется. Но время уходило.

Он пересек улицу со своей ношей и приблизился к «сивику». Фред молчал. Он, сжимая одной рукой сверток, достал ключи и открыл багажник.

Гэдж не вошел туда.

Луис пытался запихнуть сверток вертикально, потом горизонтально — без толку. Багажник был слишком маленьким. Он мог кое-как согнуть сверток и втиснуть его туда, Гэджу было все равно, — но он просто не в состоянии был сделать это.

«Уезжай, уезжай, скорее, нельзя оставаться здесь дольше!»

Но он продолжал стоять с телом своего сына в руках. Потом он услышал звук подъезжающего автомобиля и почти машинально сунул сверток на пассажирское сиденье машины.

Он захлопнул дверь, обошел машину и сел за руль. Автомобиль пронесся рядом; он услышал гул пьяных голосов. Он уже завел машину и включил фары, когда его посетила ужасная мысль. Что если Гэдж сидит не так, с вывернутыми коленями и лицом, уткнувшимся в спинку кресла?

«Не глупи, — сказал внутренний голос с яростью. — Что ты думаешь! Ему же все равно!»

«Нет. Не все равно. Это Гэдж, а не куль с тряпьем.»

Он повернулся и начал ощупывать сверток через брезент, как слепой. Наконец он нащупал какой-то выступ, очевидно, нос. Гэдж сидел правильно.

Только после этого он нажал на газ и отправился в двадцатипятиминутный обратный путь в Ладлоу.

52

В час утра у Джуда Крэндалла зазвонил телефон, отдаваясь эхом в пустом доме и разбудив его. Перед этим он спал, и ему снилось, что ему снова двадцать три, и он сидит на лавке в вагончике дорожной компании с Джорджем Чэпином и Рене Мишо, и они передают друг другу бутылку виски из Джорджии — тот же самогон, только с этикеткой, — в то время, как снаружи воеет северо-восточный ветер, заставляя заледенеть и застыть весь мир, включая подвижной состав компании, — вот почему они сидят вокруг печки, глядя на пылающие уголья, пьют и рассказывают истории, которые запомнились им еще с детских лет, когда они, эти истории, заставляли их прятаться ночью под одеяло, истории как раз для таких вот вечеров. Это были истории темные, как темнота за окном, и в каждой из них светился зловещий красный огонек, как в этих углях. Ему было двадцать три, и Норма была еще жива (даже во сне он забеспокоился, что она будет ждать его в такую дикую ночь), и Рене Мишо рассказывал историю о еврее-разносчике из Бакпорта, который...

Тут телефон зазвонил и сорвал его со стула, где он задремал. Он почувствовал тупую, тяжелую боль в спине, будто все шестьдесят лет, прошедшие между его двадцатью тремя и восемьюдесятью тремя, давили на него. Но сквозь боль пробивалась одна мысль: «Ты заснул, старина. Это сон. Того времени не вернуть.»

Он встал, пытаясь держаться прямо, и подошел к телефону. Это была Рэчел.

— Джуд? Он вернулся?

— Нет, — сказал Джуд. — Рэчел, где вы? Звук такой, будто вы где-то рядом.

— Я недалеко, — сказала Рэчел. И хотя она действительно была недалеко, в трубке слышалось гудение. Это был вой ветра где-то между ними. Ветер этой ночью разгулялся не на шутку. Этот вой, всегда напоминавший Джуду голоса мертвецов, выпевал какую-то дикую песнь, будто предвкушая что-то жуткое. — Я на стоянке в Бидфорде на главной мэнской магистрали.

— В Бидфорде?

— Я не могла оставаться в Чикаго. Меня беспокоит то же... то же, что и Элли. И вас тоже, я чувствую по голосу.

— Ага, — он вытащил из пачки сигарету и сунул ее в рот. Он зажег спичку и смотрел, как огонек дрожит у него в руке. Руки у него почти никогда не тряслись, но вот теперь... Он слышал вой ветра за окном, будто тот схватил дом и пытается сдвинуть с места.

«Власть растет. Я чувствую это.»

Ужас вполз в его старые кости.

— Джуд, пожалуйста, объясните мне, в чем дело?

Он подумал, что она может, должна узнать все. И он хотел рассказать ей. Быть может, даже всю историю. Он собирался восстановить перед ней всю цепь, звено за звеном. Сердечный приступ Нормы, смерть кота, вопрос Луиса — хоронил ли кто-нибудь там людей? — смерть Гэджа... и один Бог знает, какое звено выковывает сейчас Луис. Да, он хотел рассказать ей все. Но не по телефону.

— Рэчел, как вы могли оказаться на магистрали?

Она объяснила, что опоздала на пересадку в Бостоне.

— Я взяла машину в «Ависе», но не уложились в нужное время. Долго не могла выехать из Логана на магистраль и только недавно попала в Мэн. Не думаю, что смогу приехать до рассвета. Но Джуд... я прошу вас. Скажите мне, что случилось. Я так боюсь, и даже не знаю, из-за чего.

— Рэчел, послушайте, — сказал Джуд. — Доезжайте до Портленда и там остановитесь, вы меня слышите? Устройтесь в мотеле и...

— Джуд, я не могу...

— ...И немного поспите. Не волнуйтесь, Рэчел. Кое-что может случиться этой ночью, а может и не случиться. Если это произойдет, чего я боюсь, то вам вовсе не нужно быть здесь. Я лучше сам с этим разберусь. У меня это лучше получится, потому что во всем этом есть моя вина. Если же ничего не случится, вы приедете утром, и все будет нормально. Я думаю, Луис будет рад вас видеть.

— Я не смогу заснуть, Джуд.

— Ладно, — сказал он, думая, что той ночью в Иерусалиме Петр тоже думал, что не заснет, когда Христа взяли под стражу. Сон на посту. — Ладно, Рэчел, а что будет, если вы сейчас поедете сюда, врежетесь во что-нибудь и убьетесь, что тогда будет с Луисом? И с Элли?

— Тогда скажите, что случилось! Если вы скажете мне, Джуд, то я, может быть, сделаю, как вы предлагаете. Но я хочу знать!

— Когда вы вернетесь в Ладлоу, езжайте сразу сюда, — сказал Джуд. — Не к себе домой. Сперва сюда. Я расскажу вам все, что я знаю, Рэчел. И я присмотрю за Луисом.

— Скажите сейчас, — настаивала она.

— Нет, мэм. Не по телефону. Я не хочу, Рэчел, не могу. Езжайте в Портленд и ложитесь спать.

Возникла долгая пауза.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Может, вы и правы, Джуд. Скажите мне только одно. Скажите... насколько это все плохо?

— Я могу все поправить, — сказал он твердо. — Ничего страшного пока не случилось.

Снаружи он увидел фары медленно едущей машины. Джуд привстал, поглядел и сел снова, когда машина, не сбавляя скорости, скрылась за домом Луиса Крида.

— Ну ладно, — сказала она. — Я надеюсь на вас. Но это висит у меня на шее, как камень.

— Сбросьте этот камень, моя дорогая, — сказал Джуд. — Я прошу вас. Поберегите себя для завтрашнего. Все еще может обойтись.

— Вы обещаете, что все мне расскажете?

— Да. Мы пропустим по кружечке, и я все-все вам расскажу.

— Тогда счастливо, — сказала Рэчел.

— Пока. Увидимся завтра.

Прежде, чем она успела сказать что-нибудь еще, Джуд повесил трубку.

Он помнил, что в аптечке были кофеиновые пилюли, но не смог их найти. Остаток пива он убрал назад в холодильник — не без сожаления, — и сварил себе кофе. Поставив чашку на окно, он опять сел там, наблюдая.

Кофе — и разговор с Рэчел взбудрили его на три четверти часа, но после он опять начал клевать носом.

«Не спи на посту, старина. Это твой пост; ты купил кое-что, и теперь должен заплатить. Поэтому не спи на посту.»

Он закурил очередную сигарету, затянулся и закашлялся хриплым стариковским кашлем. Он положил сигарету в пепельницу и потер глаза руками. Мимо промчался грузовик «Оринко», врезааясь в ветреную, тревожную ночь.

Он понял, что засыпает, и принялся хлестать себя по лицу с разных сторон, отгоняя сон. Теперь ужас проник в его сердце.

«Оно хочет меня усыпить... гипнотизирует меня. Оно не хочет, чтобы я видел. Потому что он скоро вернется. Да, я это чувствую. Оно хочет, чтобы я не мог вмешаться.»

— Врешь, — сказал он сердито. — Не получится. Ты меня слышишь? Я не допущу этого. Все зашло слишком далеко.

Казалось, и ветер, завывающий за окном, и деревья на другой стороне дороги, шуршащие кронами, соединили усилия, стараясь усыпить его. Его память вернулась к той ночи в вагончике, стоявшем там, где теперь находится хозяйственный магазин Эванса в Брюэре. Они тогда говорили всю ночь, он, Джордж и Рене Мишо, а сейчас из них остался он один — Рене раздавило между двух вагонов как-то ночью в 1939-м, Джордж Чэпин умер от сердечного приступа в прошлом году. Из всех остался только он, старый болван. Порой глупость маскируется под доброту, а порой под честность — когда вдруг тянет выбалтывать старые тайны, говорить невесть что, переливая из пустого в порожнее...

«Так вот, этот еврей и говорит: «Я покажу вам чего-то такого, что вы еще не видели. Вот на этих открытках женщины в купальниках, а вот вы трете их мокрой тряпкой...»

Голова Джуда качнулась. Подбородок мягко, медленно уперся в грудь.

«...И они делаются, как мама родила! Но когда они сухие, они таки снова становятся одетыми! И я хочу...»

Рене рассказывает это, наклонясь вперед, смеясь, и Джуд держит бутылку — и даже чувствует горлышко, и рука его сжимается в воздухе.

На кончике сигареты растет столбик пепла. Наконец, он падает в пепельницу, выводя на ее чистом дне странный рунический узор.

Джуд уснул.

И он не услышал, когда за окном вспыхнули фары, и Луис подогнал к гаражу свой «сивик» — как Петр не услышал, как римские солдаты пришли, чтобы отвести в тюрьму бродягу по имени Иисус.

53

Луис нашел на кухне новый моток изоленты, а в углу гаража обнаружил свернутый трос. Изолентой он смотал кирку и лопату в единую связку, а из веревки сделал что-то вроде перевязи.

Туда он сунет инструменты, а Гэджа понесет на руках.

Он приладил связку за спину, потом открыл пассажирскую дверь «сивика» и вытащил узел. Гэдж был намного тяжелее Черча. Нелегко было отнести его на индейское кладбище и закопать там, сражаясь с твердой неподатливой землей.

Но он должен был это сделать. Как бы то ни было.

Луис Крид вышел из гаража, задержавшись, чтобы локтем нажать на выключатель, и на миг остановился там, где асфальт сменялся травой. Впереди лежал путь на Кладбище домашних животных; он видел его, несмотря на темноту; тропа как будто слабо светилась.

Ветер развевал его волосы, и в какой-то момент старый детский страх темноты сковал его, заставляя чувствовать себя маленьким, слабым и испуганным. Неужели он действительно собрался в эти леса с трупом на руках, под деревья, где гуляет ветер, в крошечную тьму? Совсем один на этот раз?

«Не думай ни о чем. Просто иди.»

И Луис пошел.

Ко времени, когда он через двадцать минут добрался до Кладбища домашних животных, руки и ноги его дрожали от возбуждения, и он остановился отдышаться, прислонив сверток к коленям. Он отдыхал еще двадцать минут, едва не задремав; страх его куда-то делся, словно возбуждение отогнало его прочь.

Наконец он снова поднялся, не очень веря, что ему удастся перелезть через валежник, но зная, что это единственно возможный путь. Сверток в его руках весил уже, казалось, не сорок фунтов, а все двести.

Но тут случилось то же, что и раньше; это было как внезапно вспомнившийся — нет, оживший, — сон. Лишь только он поставил ногу на первое поваленное дерево, его охватило странное чувство, какая-то экзальтация. Слабость не отступила, но стала терпимой, не имеющей значения.

«Только иди за мной. Иди и не оглядывайся, Луис. Не сомневайся и не оглядывайся. Я знаю дорогу, но идти надо быстро и уверенно.»

Быстро и уверенно — да, только так.

«Я знаю дорогу.»

Но здесь ведь всего одна дорога, подумал Луис. Ты или пройдешь по ней, или нет. Как-то он попытался пройти через валежник один и не смог. Теперь же он шел быстро и уверенно, как в ту ночь, когда Джуд вел его.

Вверх и вверх, не оглядываясь, с телом сына, завернутым в брезент, на руках. Вверх, пока ветер прокладывает себе путь в твоих волосах, взметая их.

Он утвердился на вершине и быстро начал спускаться. Кирка с лопатой болтались сзади, монотонно звякая. Уже через минуту он стоял на упругой, усыпанной хвоей земле,

а сзади громоздился валежник. Он был выше, чем ограда кладбища.

Он пошел по тропе с сыном, слушая, как ветер стонет в кронах. Эти звуки его уже не пугали. Главное было почти сделано.

54

Рэчел Крид проехала знак, гласивший: «8 направо Портленд, Вестбрук», и свернула в указанном направлении. Она уже видела зеленый «Холидей Инн», сверкающий огнями в ночном небе. Постель, сон. Конец этого непрерывного, непонятного напряжения. И конец — хотя бы ненадолго — ее неутраченной боли о сыне, которого больше не было. Ей казалось, что это чувство можно было сравнить с потерей громадного зуба. Оглушение, и сквозь него — боль, крутящаяся, как кошка, ловящая свой хвост, только и ждущая момента, чтобы навалиться, когда пройдет действие новокаина.

«Он сказал ей, что его послали предупредить... но он не может вмешиваться. Сказал, что он беспокоится о папе потому, что тот был рядом, когда душа его покинула.»

Джуд знает, но не хочет говорить. Что-то может произойти. Что-то. Но что?

Самоубийство? Нет, Луис не способен, я не могу поверить в это. Но он что-то скрывал от меня. Это было у него в глазах... о черт, на всем его лице! Словно он хотел, чтобы я это заметила... или какая-то часть его... его... потому что он боялся... или какая-то часть его...

Боялся? Луис же никогда ничего не боится!

Внезапно она резко крутанула руль «чиветта» влево, и маленькую машину бросило к обочине. В какой-то момент она подумала, что сейчас перевернется. Но этого не случилось и она продолжала ехать на север к повороту 8, где ее ждал комфортабельный отель. Появился новый знак, жутковато сверкнувший отсвечивающей краской: «Следующий поворот дорога 12 Камберленд Камберленд Центр Жребий Иерусалима Фалмут Фалмут и далее.» «Жребий Иерусали-

ма, какое странное название. Во всяком случае, малопривлекательное... Иди в Иерусалим и ложись спать.»

Но она этой ночью спать не могла, невзирая на совет Джуда; поэтому она проехала поворот. Джуд знал, в чем дело, и обещал ей разобраться, но ему было восемьдесят три года, и он всего три месяца назад потерял жену. Она не может довериться Джуду. Господи, ну зачем она поддавалась на уговоры Луиса? Это смерть Гэджа так ее ослабила. Элли с этой фотографией и с ее испуганным лицом... она выглядела, как ребенок, ждущий с ясного неба грозы или бомбежки. Временами она едва ли не ненавидела Луиса за то, что он принес ей столько горя, за то, что не смог утешить ее, но ненадолго. Она слишком любила его, и его лицо было таким бледным... таким тревожным...

Спидометр «чиветта» приблизился к отметке 60. Миля в минуту. Через два часа с четвертью она будет в Ладлоу. Может быть, еще до рассвета.

Она включила радио и настроилась на портлендскую станцию, передающую рок-н-рольные мелодии. Она слушала и пыталась подпевать, чтобы как-то успокоиться. Через полчаса станция начала пропадать, тогда она переключилась на станцию в Огасте и опустила стекло, впуская свежий ночной воздух.

Она спрашивала себя, кончится ли когда-нибудь эта ночь.

55

Луис был захвачен повторением своего сна; он время от времени глядел вниз, чтобы убедиться, что в руках у него завернутый в брезент труп, а не зеленый мешок для мусора. Он вспомнил, как проснувшись утром после того, как они с Джудом отнесли туда Черча, он не мог припомнить деталей того, что делал; но теперь эти детали вставали перед ним, как живые, будто окружающий лес передавал их ему с помощью некоей телепатии.

Он шел по тропе, проходя места, где она была широкой, как дорога номер 15, и места, где она сужалась до такой степени, что ему приходилось следить за тем, чтобы ветки

не задевали его ношу, и места, где тропа проходила через аллеи громадных деревьев. Он чувствовал свежий запах смолы и слышал странное шуршание хвои под ногами — это было скорее ощущение, чем звук.

Наконец тропа начала спускаться. Немного спустя одна его нога ступила в воду и начала вязнуть в какой-то скользкой массе... зыбучий песок, как уверял Джуд. Луис огляделся и увидел вокруг лужицы стоячей воды среди зарослей тростника и низких, уродливых кустарников с такими широкими листьями, что они напоминали тропические. Он вспомнил, что здесь было светлее, чем в других местах ночью. Какое-то электрическое свечение.

«Здесь так же, как в валежнике — ты должен идти легко и медленно. Иди за мной и не оглядывайся.

Да, хорошо... но скажи, ты видел когда-нибудь в Мэне такие растения? В Мэне или где-нибудь еще? Что это такое, скажи, ради Христа?

Не думай об этом, Луис. Иди и все.»

Он снова пошел, глядя на влажную, пружинящую под ногами землю, выбирая путь от одной кочки к другой, от одного поросшего травой холмика к другому — «мы принимаем силу тяжести за аксиому», вспомнил он слова школьного учителя физики, врезавшиеся ему в память сильнее, чем любые лекции по психологии и философии.

Он принял за аксиому способность индейского кладбища воскрешать мертвых, и шел теперь по Чертову болоту с сыном на руках, не оглядываясь и не смотря вниз. Теперь эти болотистые дебри были шумливей, чем тогда, в конце осени. Птицы перекликались в зарослях тростника, и их голоса казались Луису чужими и неприветливыми. Временами слышалось громкое «ква» одинокой лягушки. Что-то раз двадцать с жужжанием пролетело рядом... может быть, летучая мышь.

Вокруг него начал клубиться туман, вначале скрыв туфли, потом штанины, и в конце концов заключив его в светящуюся белую капсулу. Ему казалось, что свет сделался ярче, пульсируя, как чье-то могучее сердце. Он никогда раньше так явственно не ощущал присутствие природы как единой силы, почти существа... и возможно, мыслящего.

Болото жило, но, если бы его попросили определить род и суть этой жизни, он бы не смог. Он знал только, что оно могущественно и переполнено силой. Луис рядом с ним чувствовал себя маленьким и слабым.

Тут раздался звук, который он хорошо помнил: высокий, всхлипывающий смех. Потом молчание, и снова смех, восходящий до истерического хохота, оледенившего кровь Луиса. Туман сонно сомкнулся вокруг. Неведомый насмешник пропал, оставив только легкое колебание воздуха. А был ли он вообще? Нет, конечно, это какие-то атмосферные явления. Если ветер подует сильнее, он унесет этот туман прочь... но Луис не был уверен, что он хочет видеть то, что может открыться после этого.

«Ты можешь услышать звуки наподобие голосов, но это лишь птицы, летящие на юг. Это они кричат. Вот и все.»

— Птицы, — сказал Луис, с трудом узнав надтреснутый, пугающий звук своего голоса. Но он звучал забавно.

Черт возьми, действительно забавно.

Он немного отдохнул и продолжил путь. Как будто наказывая его за промедление, одна из кочек тут же скользнула под его ногой, и он едва не потерял туфлю, погрузившись в грязную, липкую жижу.

Голос — если это был голос — послышался вновь, на этот раз слева. Потом спереди... потом сзади, так близко, что, казалось, стоит ему повернуться — и он увидит в футе от себя нечто леденящее кровь, с оскаленными зубами и сверкающими глазами... но Луис не стал медлить. Он шел вперед и не оглядывался.

Внезапно туман померк, и Луис осознал, что перед ним в воздухе висит лицо, растянутое в злобной ухмылке. Его глаза, раскосые, как на классических китайских картинах, были грязно-желтого цвета, запавшие, блестящие. Рот с тонкими губами полуоткрылся, нижняя губа отвисала, обнажая редкие коричневые зубы, сточенные почти до корней. Но больше всего Луиса поразили его уши, которые были вовсе не ушами, а большими изогнутыми рогами... не как у черта, а как у барана.

И эта жуткая, парящая в воздухе голова, казалось, что-то говорила. Ее рот двигался, хотя отвисшая губа так

и не вернулась на место. В венах пульсировала темная кровь. Ноздри раздувались и выдыхали белый пар.

Луис отшатнулся, увидев вывалившийся из рта язык. Он был длинным и пятнистым, того же грязно-желтого цвета. Его покрывали чешуйки, и, пока Луис смотрел, из-под одной из них, как из люка, выполз жирный белый червяк. Кончик языка спустился к тому месту, где должно было помещаться его адамово яблоко... и оно смеялось.

Он прижал к себе Гэджа, будто желая предохранить его от опасности, и его ноги запнулись и соскользнули с травянистой кочки.

«Ты можешь видеть огни святого Эльма, которые моряки зовут злыми огнями. Они иногда принимают странную форму, но это не страшно. Если посмотришь на них подольше, их форма изменится.»

Голос Джуда в голове подсказал ему средство спасения. Он начал медленно двигаться вперед, сперва пошатываясь, потом восстановив равновесие. Он не смотрел по сторонам, но заметил, что лицо — если, конечно, это не был продукт его воображения или причудливый сгусток тумана, — казалось, движется за ним на том же расстоянии. Но через пару минут оно растворилось в тумане.

«Это были не огни святого Эльма.»

Нет, конечно. Это место было просто создано для духов. Можно было оглянуться и увидеть такое, что тут же свело бы тебя с ума. Но он старался не думать об этом. Ему не нужно было об этом думать. Не нужно...

Что-то двигалось.

Луис застыл, прислушиваясь к звуку... звук приближался. Рот его открылся, челюсть отвисла, будто мускулы ее отказались служить.

Он никогда еще не слышал подобного звука — звука, издаваемого чем-то живым и громадным. Где-то рядом, все громче, трещали ветки. Подлесок хрустел под невообразимых размеров ногой. Вязкая земля у ног Луиса начала дрожать. Ему показалось, что он застонал,

(о Господи, Боже мой, что это что это что это такое там в тумане?)

и он еще сильнее прижал Гэджа к груди, ему почудилось, что и птицы, и лягушки замолкли, пропали; почудилось, будто сырой воздух наполнился удушливым зловонием тухлого мяса.

Что бы это ни было, оно было громадным.

Искаженное ужасом лицо Луиса задиралось выше и выше, как у человека, следящего за траекторией взлетающей ракеты. Это прошло рядом, и там раздался треск повалившегося дерева — не ветки, целого дерева, — упавшего где-то неподалеку.

Луис что-то увидел.

В какой-то миг в тумане мелькнуло нечто темно-серое, причем его размытый, нечеткий контур был больше шестидесяти футов высотой. Это был не призрак, не бесплотный дух — Луис мог чувствовать колебание воздуха, мог слышать грохот его мамонтовых ног, дрожь земли, где он проходил.

Ему показалось, что высоко над ним промелькнули две желто-оранжевые вспышки. Что-то вроде глаз.

Потом звук начал удаляться. Тут же закричала птица. Ей откликнулась другая. Третья вступила в разговор, четвертая превратила его в дискуссию, а пятая и шестая — в настоящий митинг. Звук медленно (но не мгновенно; хуже всего было это чувство постепенности, естественности происходящего) удалился на север. Тише... тише... исчез.

Наконец Луис смог пошевелиться. Его плечи и спина невыносимо ныли. Одежда насквозь пропиталась потом. Первые весенние москиты, голодные и злые, обнаружили его и устремились на пир.

«Вендиго, о Господи, это был Вендиго — тварь, которая приходит с севера, тварь, что может одним касанием превратить тебя в людоеда. Вот что это было. Вендиго прошел в шестидесяти ярдах от меня.»

Он приказал себе не раскисать, как Джуд, и не думать о том, что он может увидеть или услышать за Кладбищем домашних животных — птицы ли это, огни святого Эльма или еще что-нибудь. В этом мире, в темном углу вселенной, могло случиться все. Людям там, за пределами болот, вовсе необязательно знать об этом. Для них — Бог, для них —

воскресное утро, для них — улыбающиеся священники в белых стихарях... но не эти чудовища, пролагающие путь сквозь ночную тьму.

Луис снова пошел, и земля под ногами вновь обрела прочность. Чуть погодя он приблизился к поваленному дереву, крона которого вырисовывалась в тумане, как серо-зеленая борода павшего великана.

Дерево было сломано — раздавлено, и надлом был таким свежим, что из него сочилась желтая смола, которая, когда Луис тронул ее, была теплой... и на другом боку была чудовищная вмятина, а кусты можжевельника кругом казались смятыми чем-то, что он не мог заставить себя считать ногой. Он мог попытаться определить ее форму, но не стал делать этого. Он пошел вперед с пересохшим горлом, с бьющимся сердцем, с гудящей, как колокол, головой.

Чавканье грязи под ногами скоро прекратилось. Теперь он снова слышал шуршание хвои. Потом начались камни. Уже близко.

Тропа быстро пошла в гору. Он больно ушиб голень о случайно подвернувшийся камень. Но это был не простой камень. Луис пригляделся.

«Тут ступени. Вырезанные в скале. Иди за мной. Поднимемся, и мы на месте.»

Он начал карабкаться, и к нему вернулись силы. Хотя бы немного, хотя бы ненадолго. В уме он считал ступеньки, поднимаясь в холодной мгле, под порывами все усиливающегося ветра, который трепал его одежду и пытался размотать брезент, скрывающий тело Гэджа.

Он поднял голову и увидел, как дьявольски скачут по небу звезды. Он не мог различить знакомых созвездий, и снова в смятении опустил глаза. Вдоль ступеней шла каменная стена, выщербленная и разрушенная временем, на которой в одном месте вырисовывался силуэт лодки, в другом — медведя, в третьем — человеческое лицо с нахмуренными бровями. Только ступени, вырубленные в скале, были ровными и гладкими.

Луис достиг вершины и встал там, опустив голову, чувствуя, как воздух со свистом выходит из легких. Он ощущал себя футбольным мячом после жаркого матча.

Ветер продолжал свои пляски в его волосах и ревел ему в уши, как дракон.

Свет теперь казался ярче; на самом ли деле он усилился или так казалось? Неизвестно. Но он мог видеть, и увидел то, что снова бросило его в дрожь. То же, что на Кладбище домашних животных.

«Ты ведь знал это, — прошептал внутренний голос, когда он взирал на груды камней, которые могли быть только курганами. — Ты знал это, или должен был знать: не концентрические круги, а спираль.»

Да. Здесь, на вершине этой каменной плоскости, повернувшись к холодным звездам и к черной бездне за ними, лежала гигантская спираль, сооруженная какими-то невообразимо древними жителями этих мест. Но настоящих курганов не было; Луис видел, что все они разбросаны, разбросаны теми, кто был зарыт под ними и вернулся к жизни... проложил путь назад.

«Видел ли кто-нибудь это сверху?» — подумал почему-то Луис, вспомнив о рисунках в пустыне, которые нарисовали в Южной Америке индейцы... или еще кто-то. «Видел ли кто-нибудь это сверху, а если видел, то что он подумал, интересно знать?»

Он нагнулся и положил тело Гэджа на землю со вздохом облегчения.

Наконец соображение стало возвращаться к нему. Он обрезал ножом изоленгу, соединяющую кирку и лопату. Они со звоном упали на землю. Луис лег и какое-то время лежал, глядя на звезды.

«Что же это было, в лесу? Луис, Луис, как ты мог подумать, что что-то хорошее может прийти из места, где бродят такие...»

Но уже было слишком поздно, и он это знал.

«Ладно, — успокоил он себя, — все еще может кончиться хорошо; кто не рискует, тот не выигрывает. Остается еще моя сумка, не та, что в погребке, а та, что в ванной на верхней полке, за которой я послал Джуда, когда Норме было плохо. Есть шприцы, и если что-нибудь случится... что-нибудь нехорошее... никто, кроме меня, и не узнает.»

Мысли его, будто испугавшись, утратили связь, и он, все еще стоя на коленях, сжал кирку и принялся долбить землю. Каждый раз, опуская инструмент, он наваливался на него всем телом, словно древний римлянин, падающий на меч. Мало-помалу отверстие углубилось и обрело очертания. Он выгреб из него камни, большую часть которых просто скинул вниз. Но самые крупные он оставил.

Для кургана.

56

Рэчел ударила себя по лицу так, что зазвенело в ушах. Когда она, наконец, очнулась (это произошло у Питтсфилда; она так и не съехала с магистрали), ей показалось на долю секунды, что на нее смотрят десятки голодных, безжалостных глаз, горящих серебряным огнем.

Потом они превратились в отражения белых столбиков ограждения. Машина заехала далеко за ограничительную линию.

Она крутанула руль влево, шины взвыли, и она будто услышала слабое «тук», будто ее передний бампер задел за один из столбиков. Сердце подпрыгнуло в ее груди и начало биться так учащенно, что в глазах запрыгали прозрачные червячки. Однако через минуту, несмотря на опасность, которой с трудом удалось избежать, на страх и на Роберта Гордона, орущего по радио «Красное сердце», она снова стала засыпать.

Безумная, параноидальная мысль пришла ей в голову.

— Конечно, бред, — пробормотала она под рок-н-ролл. Она попробовала засмеяться — но не смогла. Мысль вернулась, и в глазах окружающей ночи она словно читала подтверждение этой мысли. Она чувствовала себя картонной фигуркой, попавшей в резинку огромной рогатки. Бедняга снова и снова рвется вперед, пока потенциальная энергия резинки не сведет на нет актуальную энергию бегуна... что-что?.. элементарная физика... что-то не пускает ее... держись подальше, слышишь, ты... тело остается в состоянии покоя... тело Гэджа, например...

Теперь визг шин раздался громче; к нему присоединился скрежет «чиветта» о столбики ограждения, руль какое-то время не подчинялся, и Рэчел нажала на тормоз, думая о том, что она спала, не дремала, а просто спала на скорости шестьдесят миль в час, и если бы здесь не было ограждения... или на ее пути оказалась бы подпорка переезда...

Она выехала на обочину, остановила машину и разрыдалась в ладони, испуганная и сбитая с толку.

«Что-то пытается не пустить меня.»

Кое-как восстановив контроль над собой, она снова тронулась в путь — машина, казалось, не пострадала, но она предвидела, что, когда она завтра будет сдавать «чиветт» обратно, у компании «Авис» могут возникнуть вопросы.

«Не думай об этом. Сейчас тебе нужно только одно — выпить где-нибудь кофе.»

Проехав Питтсфилд, Рэчел нашла то, что искала. В миле от дороги сверкали огни закусочной, и слышался рокот машин. Она съехала с шоссе, поставила машину («А кто-то неплохо поцеловал эту крошку», — сказал чей-то голос едва-ли не восхищенно) и вошла внутрь, где густо пахло жареным салом, вареными яйцами... и, хвала Богу, крепким черным кофе.

Рэчел выпила три чашки, одну за другой, как лекарство — крепкого сладкого кофе. Несколько водителей сидели за столиками или у стойки, заигрывая с буфетчицами, которые казались усталыми, измотанными няньками в ночном детском саду.

Она уплатила и вернулась к месту, где оставила свой «чиветт». Машина не заводилась. Поворот ключа вызвал только сухое щелканье.

Рэчел начала медленно и методично бить по рулевому колесу кулаками. Что-то пыталось задержать ее. Не было никаких причин для того, чтобы новая машина, проехавшая не более пяти тысяч миль, сломалась так быстро. Но это случилось, и теперь она застряла здесь, в Питтсфилде, в пятидесяти милях от дома.

Она прислушалась к рокоту тяжелых грузовиков, и в голову ей пришла мысль, что среди них может оказаться и

грузовик, убивший ее сына... и среди рокота ей послышалось злобное, издевательское хихиканье.

Рэчел уронила голову и разрыдалась.

57

Луис обо что-то споткнулся и во весь рост растянулся на земле. Какое-то время он не думал, что может подняться — он просто забыл обо всем, лежа здесь и прислушиваясь к птичьему хору над Чертовым болотом, которому вторил ансамбль болевых ощущений в каждом уголке его тела. Он может лежать здесь, пока не уснет. Или не умрет.

Во сне он мог припомнить, как опустил брезентовый сверток в выкопанную им яму и закидал туда руками землю. И как он складывал сверху камни, от широкого основания до верхушки...

Но он помнил очень немного. Он даже не помнил, спускался ли вниз по ступенькам или где-то в другом месте... где? Осмотревшись, он вроде бы узнал одну из громадных старых сосен недалеко от валежника. Неужели он прошел все Чертово болото, не заметив этого? Он надеялся, что это так. Ну и хватит.

«Все, довольно. Я здесь и усну.»

Но тут же эта обманчиво успокаивающая мысль подбросила его вверх. Если он останется здесь, его может обнаружить это... то, что было в лесу, что, может быть, смотрит на него прямо сейчас.

Он закрыл лицо руками и был удивлен, обнаружив на нем кровь. Наверно, разбил где-то нос.

— Куда подевалась эта дрянь? — пробормотал он свирепо и стал шарить вокруг, пока не наткнулся на кирку и лопату.

Через десять минут перед ним вырос валежник. Луис полез через него, постоянно оступаясь, но не упал почти до самого низа. Только он взглянул под ноги, как ветка хрустнула («не гляди вниз», предупреждал Джуд), другая ветка зажала его ногу, как тисками, и он с глухим стуком шлепнулся на землю, подталкиваемый в спину ветром.

«Черт меня возьми, если я не побывал этой ночью на двух кладбищах... и черт меня возьми, если этого недостаточно.»

Он снова начал искать кирку и лопату и, наконец, нащупал их руками. Тут он разглядел в свете звезд окружающие его предметы. Рядом была могила Смэки. «Он был послушным», — машинально вспомнил Луис. И «Трикси, сбитый на дороге». Ветер все не стихал, и он слышал слабое «дзинь-дзинь» кусочка металла — может быть, банки, банки из-под пива, разрезанной неутешным хозяином животного и приколоченной молотком на могилу любимца, — и страх вновь вернулся к нему. Он слишком устал, чтобы испытывать что-то большее, чем учащение пульса. Но это «дзинь-дзинь» из темноты гнало его домой сильнее, чем что-либо еще.

Он прошел через Кладбище домашних животных, мимо могил «Марты, нашей любимой крольчихи, что умерла 1 марта 1965» и «Ген. Паттона»; он наступил на кусок доски, обозначающий место последнего успокоения Полинезии. Металлический звук теперь был громче, и он остановился, осматриваясь. На толстой доске, поваленной на землю, болтался кусок жести, на котором Луис прочитал «Наш хомяк Ринго. 1964-65». Это он звякал непрерывно на все Кладбище. Луис оторвал жестянку прочь... и оцепенел; волосы его встали дыбом.

Что-то там двигалось. Что-то двигалось с другой стороны валежника.

Он услышал какой-то негромкий звук — шуршание хвойной подстилки, сухой хруст ветки, шорох в подлеске. Звук почти терялся в вое ветра среди сосен.

— Гэдж? — осторожно окликнул Луис.

Само сознание того, что он делает — стоит здесь, в темноте, и зовет своего мертвого сына, — вселило в него ужас. Он начал безостановочно, мелко дрожать, словно в лихорадке.

— Гэдж?

Звук стих.

«Нет еще; слишком рано. Не спрашивай, откуда я знаю, но это так. Это не Гэдж. Это... что-то еще.»

Он внезапно вспомнил, как Элли говорила ему: «Он сказал: «Лазарь, иди вон!» потому что, если бы он просто сказал «Иди вон», то все мертвые на этом кладбище ожили бы.»

На другой стороне валежника снова слышался звук. На другой стороне барьера. Почти неслышный в шуме ветра. Будто кто-то слепой, гонимый одним лишь древним инстинктом, настигал его. В его усталом мозгу всплыла чудовищная картина: гигантский крот... или нетопырь, который скорее ползет, чем летит, по подлеску.

Луис вернулся на Кладбище, не оборачиваясь больше к подлеску, который мертвенно отсвечивал в темноте. Выйдя на дорогу, он ускорил шаг, а за четверть мили до того, как дорога вышла из леса в поле за его домом, нашел в себе силы побежать.

Луис швырнул кирку с лопатой в гараж и какое-то время стоял у дороги, глядя сначала на путь, по которому он прошел, а потом в небо. Была четверть пятого утра, и он надеялся, что скоро рассветет. Солнце уже вставало над Атлантикой, но здесь, над Мэнном, ночь еще держалась. Ветер продолжал завывать.

Он вошел в дом, стараясь держаться в тени, и отпер заднюю дверь. Он прошел через кухню, не зажигая свет и прошел в маленькую ванную между кухней и столовой. Здесь он нажал на кнопку выключателя, и первое, что он увидел, был Черч, сидящий на бачке и глядящий на него своими мутными желто-зелеными глазами.

— Черч, — сказал он. — Я думал, я тебя выставил.

Черч только смотрел на него с верхушки бачка. Да, перед уходом он выставил его за дверь. Он помнил это совершенно четко. Только недавно он вставил стекло в полуподвале, надеясь, что это решит вопрос. Но кого он хотел обмануть? Если Черч хотел войти, он входил. Потому что теперь он был другим.

Но какое ему дело? Это пустяк, ему сейчас совсем не до того. Он чувствовал себя чем-то недочеловеческим, ожившим зомби Джорджа Ромера или одним из «полых людей», сбежавшим из поэмы Т.С.Элиота. «Странно, что у меня

еще не отросли когти после этого Чертова болота», — подумал он, сдавленно хихикнув.

— Садовая я голова, Черч, — сказал он хриплым голосом. — Да-да, уж поверь мне.

Он расстегнул рубашку. На левом боку набухал громадный синяк. Спустив штаны, он увидел, что колено, которым он приложился о камень, раздулось, как воздушный шар. Оно уже отливало пурпуром, и он побоялся, что скоро просто не сможет согнуть ногу. Такие вот вещи могли всерьез напомнить о себе в дождливые дни на склоне его жизни.

Он протянул руку погладить Черча, чтобы почувствовать хоть какую-то поддержку, но кот спрыгнул с бачка, отошел своей шатающейся походкой и сел в другом месте. Он продолжал глядеть на Луиса пустыми желтыми глазами.

В аптечке была мазь. Луис опустил крышку унитаза, сел и смазал колено. Потом он кое-как, довольно неуклюже, проделал ту же операцию с боком.

Он вышел из туалета и прошел в комнату. Включив свет в холле, он постоял на ступеньках, тупо осматриваясь вокруг. Каким странным казалось все это! На этом месте он стоял на Рождество, когда подарил Рэчел сапфир. Он лежал в кармане его халата. Вот там он сидел, рассказывая Элли о смерти после сердечного приступа Нормы Крэн далл — он просто не мог поверить этому. В том углу стояла елка. К этому окну Элли прилепила свою бумажную индейку — ту самую, что Луис принял за футуристическую ворону. А еще раньше комната была пуста, лишь посередине лежали коробки с их вещами, приехавшими со Среднего Запада. Он вспомнил, каким ничтожным выглядел их скарб в упакованном виде — маленький вал, ограждавший их семью от чужого и враждебного мира.

Каким странным это казалось... и как ему хотелось, чтобы они никогда бы не слышали о Мэнском университете, о Ладлоу, о Джуде и Норме Крэндалл, обо всем этом.

Он в белье поднялся наверх, вошел в верхнюю ванную, взял стул и вынул из верхнего шкафчика небольшую черную сумку. Он отнес ее в спальню, сел и начал рыться в ней. Да, там были шприцы, и хирургические ножницы, и

приготовленные ампулы со смертоносным содержимым в бумажной упаковке.

Это могло понадобиться.

Луис закрыл сумку и поставил ее возле кровати. Он потушил свет и лег, подложив руки под голову. Он часто лежал так здесь, отдыхая. Мысли его снова вернулись в Диснейуорлд. Он увидел себя в ослепительно белой форме, за рулем белого фургончика с ушами Мики-Мауса — скорая помощь, посетители могут быть спокойны.

Гэдж сидел рядом, загорелый, пышущий здоровьем. Тут был Утеноч Дональд, пожимающий малышам руки; Гэдж с восхищением смотрел на него. Тут был и Винни Пух, обнимающий двух смеющихся старух так, что третья могла снимать это на пленку; и маленькая девочка в нарядном платьице кричала: «Я люблю тебя, Тигра! Я люблю тебя, Тигра!»

Они с сыном были на дежурстве. Они с сыном дежурили в этой волшебной стране, бесконечно кружа в своем белом фургоне с красным крестом. Они не ждали беды, но были готовы встретиться с нею лицом к лицу. А беда и здесь, в этом безмятежном месте, была рядом: весельчак, идущий по Мэйн-стрит в кино, мог схватиться за грудь в припадке сердечной боли, беременная женщина могла внезапно почувствовать схватки, спускаясь по ступеням Небесной Колесницы, девочка, хорошенькая, как кукла, могла забиться в падучей, колотясь туфельками о цемент в такт бессвязным сигналам больного мозга. Могли случиться солнечный удар, и сотрясение мозга, и инфаркт; Оз Великий и Ужасный подстерегал свои жертвы и здесь, — может быть, он смотрел вниз своим пустым пристальным взглядом с верхушки монорельса или с одной из смотровых площадок, а может, бродил внизу, и Луис с Гэджем принимали его за одну из ряженных фигур, вроде Мики, или Тигры, или Утенка. Но Луис с Гэджем знали его, они встречались с ним в Новой Англии не так давно. Он только и ждал момента, чтобы заставить их оцепенеть от ужаса, запихнуть в свой ужасный мешок и унести в небытие. Смерть таилась в каждом пакетике земляных орехов, в каждом бифштексе,

в каждой пачке сигарет. Он все время был рядом, он стерег все переходы из этого мира в вечность. Грязный шприц, ядовитое насекомое, упавший провод, пожар в лесу. Коньки, на которых так любят кататься маленькие дети. Даже когда вы шли в ванную принять душ, он был там. Душ на двоих. И когда вы садились в самолет, он залезал в ваш багаж. Он был в воде, которую вы пили, в еде, которой вы утоляли голод. «Кто там?» — спрашиваете вы у темноты, когда вам страшно и вы одни, и, если бы вы хорошенько прислушались, то могли бы услышать его ответ: Не бойся, это я. Привет! Я принес вам рак, не угодно ли? Заражение крови! Лейкемию! Атеросклероз! Коронарный тромбоз! Энцефалит! Остеомиелит! Хей-хо, а ну пошли. Подонок с ножом в двери. Телефон, звонящий среди ночи. Кровавая каша в разбитой машине. Полная пригоршня, ешь на здоровье. Посиневший ноготь, следом асфиксия — и вот уже умирающий мозг безуспешно борется с агонией. Привет, ребята, меня зовут Оз Великий и Узасный, но вы можете звать меня просто Оззи — мы же старые друзья. Только подождите, я подарю вам небольшой сердечный приступ, или тромб, или еще что, а потом мне надо отлучиться, у меня есть маленькое дельце в Омахе.

«И ее тонкий голос кричал: «Я люблю тебя, Тигра! Я люблю тебя! Я верю в тебя, Тигра! Я всегда любила тебя, и навсегда останусь молодой, и Оз будет всегда жить в моем сердце!

Мы кружим по городу... мы с сыном... потому что вся жизнь, с ее войнами и сексом, это только бесконечная и безнадежная битва с Озом Великим и Узасным. Мы кружим в нашем белом фургончике под ослепительным небом Флориды, кружим. И красный свет не горит, но мы готовы, мы-то знаем... и никому, кроме нас, не нужно это знать, потому что земля тверже человеческого сердца; человек растит, что он может...»

С такими тревожными, полуспутанными мыслями Луис Крид начал засыпать, время от времени просыпаясь, пока окончательно не погрузился в темное забытие без сновидений.

Еще до того, как на Востоке появились первые лучи рассвета, по ступенькам проскрипели шаги. Они были медленными и неуклюжими, но целеустремленными. Среди теней холла проскользнула еще одна. С ней явился запах... зловоние. Луис, даже во сне, пробормотал что-то тревожное и перевернулся на другой бок. Ему не хватало воздуха.

Тень некоторое время стояла на пороге комнаты, не двигаясь. Потом она вошла. Лицо Луиса утонуло в подушке. Белые руки показались из темноты, и в черной докторской сумке послышалось звяканье.

Тихое звяканье перебираемых предметов.

Руки рылись, перебирая лекарства, ампулы и шприцы, пока не нашли что-то. В первых лучах солнца оно отсвечивало серебром.

Тень вышла из комнаты.

Часть третья.

ОЗ ВЕЛИКИЙ И УЗАСНЫЙ

«Иисус же, опять скорбя внутренно, подходит ко гробу. То была пещера, и камень лежал на ней. Иисус говорит: отнимите камень. Сестра умершего, Марфа, говорит ему: Господи! Уже смердит, ибо четыре дня, как он во гробе...

...Иисус же воззвал громким голосом: Лазарь! Иди вон! И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платком.

Иисус сказал им: развяжите его, пусть идет.»
(Евангелие от Иоанна).

«Я только что подумала об этом, — сказала она взволнованно. — Почему я не догадалась раньше? И почему ты не догадался?»

«О чем?» — спросил он.

«Другие два желания, — ответила она быстро. — Мы использовали только одно.»

«Тебе этого мало?» — сердито осведомился он.

«Нет! — крикнула она торжествующе. — Мы сделаем это еще раз. Иди скорее, возьми ее и пожелай, чтобы наш мальчик снова был жив.»

(У. Джекобс. Обезьянья лапа).

58

Джуд Крэндалл проснулся мгновенно, едва не свалившись при этом со стола. Он не знал, сколько он проспал: это могли быть и пятнадцать минут, и три часа. Он взглянул на часы и увидел, что уже пять минут пятого. У него было ощущение, что в комнате что-то переменялось, а спина тупо ныла, как всегда, когда он засыпал сидя.

«Старый дурень, как ты мог заснуть?»

Но он знал. В глубине души он знал это. Он не просто уснул; его что-то усыпило.

Это «что-то» напугало его, но еще больше пугала его мысль о том, что его разбудило. Ему казалось, что он слышит какой-то звук, какое-то...

Он затаил дыхание, прислушиваясь к учащенному биению своего сердца.

Звук действительно был — не тот, что разбудил его, другой. Слабый скрип двери.

Джуд знал в своем доме все звуки — знал, как скрипят полы, как скребутся мыши, как завывает ветер в каминной трубе, когда разгуляется вовсю. Он узнал этот звук. Открылась тяжелая передняя дверь, отделяющая крыльцо от прихожей. Осознав это, он понял и то, какой звук его разбудил. Это был медленный скрежет пружины входной двери, ведущей на крыльцо.

— Луис? — позвал он без особой надежды. Это не мог быть Луис. Это пришла кара за его гордыню и суетность.

Медленно заскрипели ступеньки, ведущие из холла наверх, к его комнате.

— Луис? — попытался он позвать еще раз, но из его горла вырвался только хрип, когда он учуял, как пахнет то, что пришло к нему в дом глухой ночью. Это был густой, тяжелый запах — смрад гниющего трупа.

Джуд мог различить в темноте очертания предметов — гардероб, шкаф с посудой, комод, — но очень смутно. Он попытался встать, чтобы укрыться в ванной, подумав при этом, что теперь он слишком стар, чтобы видеть это без подготовки; с него хватило Тимми Батермэна, а ведь тогда он был еще молод.

Дверь в комнату открылась и впустила тени. Одна из них казалась более плотной, чем остальные.

«Боже, какая вонь.»

Шаркающие шаги в темноте.

— Гэдж? — Джуд, наконец, смог подняться. Краем глаза он увидел аккуратную горку табачного пепла в пепельнице. — Гэдж, это ты?..

В ответ раздалось ужасное мяуканье, пронизавшее Джуда страхом до глубины души. Значит, это не сын Луиса, восставший из мертвых, а какой-то другой монстр, не менее жуткий.

Но это был всего лишь Черч, стоявший в двери и кричавший. Глаза его светились, словно фары, залепленные грязью. Потом они метнулись в другом направлении, обратившись к тому, что вошло в комнату следом.

Джуд начал пятиться, пытаясь собраться с мыслями, пытаясь сохранить рассудок перед лицом этого смрада. Ему было холодно, словно неведомое существо принесло холод с собой.

Джуд почувствовал неожиданный толчок — это кот кинулся ему под ноги, заставив пошатнуться. Джуд пнул его, отгоняя прочь. Черч оскалил зубы и зашипел.

«Решай! Решай же, старый болван, еще не поздно, даже теперь еще не поздно... оно вернулось, но его можно убить еще раз... если попытаться... ты должен попробовать это сделать...»

Он попятился на кухню и вдруг вспомнил о мойке возле раковины. Там лежал нож для мяса.

Он пнул ногой дверь кухни, заставив ее распахнуться. Существа, вошедшего в дом, все еще не было видно, но Джуд мог слышать его дыхание. Тут он увидел белую руку, мерно взмахивающую чем-то в воздухе — чем, он не мог понять. Когда он вошел в кухню, дверь захлопнулась, и он, наконец, повернулся и кинулся к мойке, ища нож. Нашупав деревянную рукоятку, он сжал ее в руке и снова повернулся к двери. Он даже сделал шаг-другой по направлению к ней, ощущая некоторый прилив мужества.

«Помни, это не ребенок. Оно может кричать, если ты его прижмешь, может плакать. Но не будь дураком. Ты уже не раз был дураком, старина. Сегодня твой последний шанс.»

Дверь снова открылась, но сперва в нее проскочил кот. Джуд проследил за ним глазами, а потом взглянул на то, что стояло на пороге.

Кухня располагалась на востоке, и первые лучи восхода проникли в окна. Свет был не ярким, но этого было довольно.

Это был Гэдж Крид в своей погребальной одежде. Рукава и плечи костюмчика поросли мхом. Мох был и на его белой рубашке. В светлых волосах застряли комья земли. Один

глаз с жуткой сосредоточенностью был уставлен в стену. Другим он разглядывал Джуда.

Гэдж ухмыльнулся.

— Привет, Джуд, — сказал он детским, но совершенно неузнаваемым голосом. — Я пришел отправить твою вонючую старую душонку прямиком в ад. Помнишь, как ты однажды меня отшлепал? Ты думал, я никогда не вернусь, чтобы проучить тебя?

Джуд поднял нож.

— Убирайся отсюда, кто бы ты ни был. Еще увидим, кто кого проучит.

— Норма умерла, и никто о тебе не пожалеет, — сказал Гэдж. — Она ведь была просто дешевой сучкой. Она перетрахалась со всеми твоими друзьями. Они ебли ее в жопу, это ей нравилось больше всего. Теперь она в аду, со своим артритом. Я видел ее там, Джуд, да-да, видел!

Он подошел ближе, оставляя на линолеуме грязные следы. Одной рукой он размахивал перед собой, а другую держал за спиной, что-то пряча.

— Слушай, Джуд, — прошептал он, рот его широко открылся, обнажив крошечные молочные зубы, и хотя губы его не двигались, из них исходил голос Нормы:

— Я смеялась над тобой! И все они смеялись! Как же мы смеяааа!..

— Замолчи! — нож дрогнул в руке Джуда.

— Мы делали это на нашей кровати, с Герком, и с Джорджем, и с ними со всеми; я знала про всех твоих шлюх, но ты не знал, что ты сам женился на шлюхе! Как мы смеялись, Джуд! Трахались и смеялись!..

— Заткнись! — заорал Джуд. Он кинулся на маленькую фигурку в грязном костюмчике, и вдруг ему под ноги из-под низкого кухонного стола метнулся кот. Он шипел, как змея; глаза горели. От неожиданности Джуд споткнулся и упал, нож выпал из его руки, с легким треском проломил плитус и исчез под холодильником.

Джуд понял, что опять остался в дураках, и единственным утешением было то, что этот раз наверняка был последним — он знал это. Кот уже сидел на его ногах, сверкая глазами и шипя, как закипающий чайник. Тут же

на нем оказался Гэдж, довольно и свирепо ухмыляющийся; глаза его были мутны и налиты кровью. Он вынул правую руку из-за спины, и Джуд увидел в ней скальпель из черной сумки Луиса.

«Боже мой», — успел подумать Джуд, поднимая руку, чтобы заслониться от удара. Тут ему показалось — или он уже сходил с ума, — что скальпель одновременно приближается к его ладони с обеих сторон. Потом в лицо ему брызнуло что-то теплое, и он все понял.

— Я покажу тебе, старикашка! — пропыхтело существо, похожее на Гэджа, дыша смрадом ему в лицо. — Я покажу тебе! Всем вам покажу! Я... вас!..

Джуд из последних сил схватил Гэджа за руку. Кожа слезла с нее легко, как шелуха.

Скальпель чиркнул по руке Джуда, оставив глубокий вертикальный разрез.

— Всем... покажу!

Скальпель опустил еще раз.

И еще.

И еще.

59

— Теперь попробуйте, мэм, — сказал водитель грузовика. Он копался в механизме машины, взятой Рэчел напрокат.

Она повернула ключ. Мотор ожил. Водитель закрыл капот и заглянул в окошко, вытирая руки большим синим платком. Лицо его было грубоватым, но приятным. Кепка сдвинулась на затылок.

— Большое вам спасибо, — сказала Рэчел, готовая расплакаться. — Не знаю, что бы я без вас делала.

— А, с этим справился бы и ребенок, — отмахнулся он. — Только странно. Никогда не видел, чтобы новая машина так странно ломалась.

— А в чем дело?

— Один из проводов, ведущих к аккумулятору, оказался выдернут. Как вы думаете, мог кто-нибудь подшутить?

— Да нет, — сказала Рэчел, снова подумав о чувстве, которое она испытала — будто ее отбрасывает пружина самой большой в мире рогатки.

— Может, его просто плохо закрепили. Но теперь с вашими проводами все в порядке. Можете смело ехать.

— Я что-нибудь вам должна? — спросила Рэчел.

Водитель усмехнулся.

— Что вы, леди. Нас зовут «рыцарями дорог», запомните это!

Она улыбнулась.

— Ну что ж, тогда счастливого пути.

— И вам счастливо. — Он на прощание одарил ее улыбкой неподдельной радости от жизни, от утреннего солнца, от хорошего настроения.

Рэчел проводила его взглядом и осторожно выехала с обочины на шоссе. Оглядев оба направления, через несколько минут она уже ехала на север. Кофе помог больше, чем она рассчитывала. Теперь она окончательно проснулась, но ее не покидал страх, абсурдное чувство, что ей что-то управляет. Провод, выдернутый из аккумулятора...

Будто ее удерживали какое-то время, чтобы успеть...

Она нервно усмехнулась. Что успеть?

«Успеть совершить нечто непоправимое.»

Как глупо. Просто смешно! Но Рэчел все быстрее гнала вперед свой маленький автомобиль.

В пять утра, когда Джуд пытался оттолкнуть скальпель, вытащенный из сумки его друга, доктора Луиса Крида, а его дочь проснулась, крича от душившего ее кошмара, который она, к счастью, не помнила, Рэчел свернула с шоссе, проехала по Хэммонд-стрит возле кладбища, где в гробу ее сына лежала теперь лопата, и переехала через Бангорский мост. В 5.15 она выехала на дорогу номер 15 и достигла Ладлоу.

Она решила сразу ехать к Джуду; на него она возлагала все надежды. Возле их дома не было «сивика»; и хотя она могла надеяться, что машина в гараже, дом выглядел пустым. Ничто не подсказывало ей, что Луис дома.

Рэчел поставила машину рядом с пикапом Джуда и вылезла из нее, оглядываясь вокруг. Трава, вся в росе, сверкала в чистом утреннем свете. Где-то пропела птица и смолкла. Порой, в детстве, когда она рано вставала без особой необходимости в такие часы, она испытывала приподнятое чувство — чувство некоей новизны и полноты жизни. Но этим утром она не чувствовала ничего такого — только тяжесть и усталость после двадцати четырех часов непрерывной гонки, прошедших со времени ее внезапного отъезда.

Она поднялась на крыльцо и со скрипом отворила переднюю дверь, увидев за ней старомодный звонок. В первый раз, когда они с Луисом пришли сюда, она была очарована этим звонком, который издавал громкий, но мелодичный звук, удивительно приятный.

Она взглянула на кнопку, потом оглядела крыльцо и вздрогнула. На полу виднелись грязные следы. Осмотревшись вокруг, она увидела, что они ведут внутрь. Очень маленькие следы. Может быть, следы ребенка. Она ехала всю ночь и нигде не видела грязи. Дул сильный ветер, но дождя не было.

Она долго смотрела на эти следы, очень долго, пока не заметила, что все еще держит руку на кнопке звонка. Она прикоснулась... и отдернула руку.

«Это просто невежливо. Невежливо звонить в такую рань. Он, наверно, еще спит, и будить его...»

Но не этого она боялась. Смутные страхи и предчувствия томили ее, уже когда она подходила к крыльцу, но был и новый страх, каким-то образом связанный с этими маленькими следами. Их размер был...

Рассудок попытался прогнать эту мысль, но не успел. ...как у Гэджа.

«Прекрати, немедленно прекрати!»

Она нажала кнопку.

Звук казался еще более громким, чем раньше, но не таким музыкальным — в тишине он прозвучал, словно сдавленный вопль. Рэчел отшатнулась, издав нервный смешок, хотя во всем этом не было ничего смешного. Она ожидала услышать шаги Джуда, но их не было. Стояла та

же тишина, и она уже раздумывала, стоит ли еще раз нажимать на кнопку, когда из-за двери раздался звук, который она никак не ожидала услышать здесь.

— Мяу!.. Мяу!.. Мяу-у-у!..

— Черч? — спросила она в недоумении, пытаясь рассмотреть что-либо, но стекло двери было закрыто белой занавеской. Работа Нормы.

— Черч, это ты?

— Мяу-у-у!..

Рэчел толкнула дверь. Она была не заперта. Черч сидел в холле, свернув хвост колечком. Шерсть кота была испачкана чем-то темным. Грязь, подумала Рэчел, но потом увидела, что капли жидкости, стекающие с усов Черча, были красными.

Он поднял одну лапу и начал вылизывать ее, не смотря на Рэчел.

— Джуд! — позвала она, теперь уже действительно встревоженная. Она шагнула внутрь.

Дом продолжал хранить молчание.

Рэчел пыталась обдумать положение, но тут в ее сознание начал проникать образ ее сестры Зельды, заполняя все мысли. Как тряслись ее руки. Как она колотилась головой об стену, когда сердилась — обои над ее кроватью всегда были содраны, штукатурка под ними обвалилась. Но сейчас было некогда думать о Зельде. Надо было помочь Джуду. Может быть, он упал? Он ведь старик.

«Думай об этом, а не о дурацких детских снах, как Зельда вылезает из шкафа и идет на тебя, улыбаясь своим почерневшим лицом, и как она сидит в ванне и смотрит, и как она прячется в углу за печкой...»

Черч открыл пасть, показав острые зубы, и снова мяукнул.

«Луис был прав, не надо было его кастрировать, он после этого так изменился. Но Луис сказал, что это лишит его агрессивных инстинктов. Насчет этого он ошибался; Черч начал охотиться еще усерднее. И...»

— Мяу-у-у! — опять крикнул Черч, потом повернулся и вскарабкался наверх.

— Джуд! — позвала она еще раз, — Где вы?

— Мяу-у-у! — крик Черча раздался сверху, и он исчез в двери, будто маня ее за собой.

«Как он попал сюда? Неужели Джуд впустил его? Но зачем?»

Рэчел переминалась с ноги на ногу, ожидая ответа. Хуже всего было чувство, что кто-то... управляет ей, кто-то хочет, чтобы она делала то, что она делает.

Тут сверху раздался стон, глухой и полный боли. Это, без сомнения, был голос Джуда. «Он поскользнулся в ванной или споткнулся, сломал ногу или, может, ушибся, у стариков хрупкие кости, и что же ты стоишь, поднимись вверх, почему у Черча шерсть в крови, кровь, Джуд ранен, а ты стоишь тут!»

— Джуд? — Новый стон, и она побежала по ступенькам вверх.

Она не была здесь раньше, и из-за того, что единственное окно холла выходило на запад, в сторону реки, в нем было темно. Перед лестницей простирался широкий холл, вишневые перила уютно отсвечивали. На стене висела картина с Акрополем.

«Это Зельда, все эти годы она подстерегала тебя, и вот ее время пришло, открой дверь, и ты увидишь ее, с ее сгорбленной спиной, пахнущую мочой и смертью, это Зельда, пришло ее время, она возьмет тебя к себе.»

Опять раздался стон из-за второй двери справа.

Рэчел направилась к двери, ее каблуки цокали по полу. Ей казалось, что с ней что-то происходит, какая-то деформация сознания. Она словно уменьшалась. Картина с Акрополем возносилась выше и выше, а ручка двери была уже почти на уровне глаз. Она потянулась к ней, но, не успела она коснуться ее, как дверь отворилась.

Там стояла Зельда.

Она была сгорбленной, с телом, скрюченным настолько, что она стала ростом с карлика, не выше двух футов; и почему-то Зельда была одета в костюм, в котором они похоронили Гэджа. Но это на самом деле была Зельда, с лихорадочно горящими глазами, побавровевшая, кричащая: «Ну вот, я и пришла за тобой, Рэчел, теперь я согну твою спину, как мою, и ты

никогда не встанешь с постели никогда больше не встанешь с постели никогда...»

Черч уселся ей на плечо, и лицо Зельды вдруг изменилось; Рэчел с ужасом увидела, что это вовсе не Зельда — как могла она так ошибиться? Это был Гэдж. Лицо его было не черным, но заляпанным грязью и засохшей кровью. И он шатался, будто его сложили из отдельных кусков чужие, грубые руки.

Она закричала и потянулась к нему. Он подбежал к ней и обнял, держа одну руку за спиной, словно пряча в ней букет цветов.

— Я принес тебе что-то, мамочка! — закричал он. — Я принес тебе что-то, мамочка! Я принес тебе что-то! Я принес тебе!..»

60

Луис Крид очнулся от солнечного света, бьющего в лицо. Он попытался встать и скривился от резкой боли в спине. Он откинулся на подушку и оглядел себя. «Господи, ну и вид.»

Он пролежал еще долго, пытаясь унять боль, проникавшую в каждую мышцу, и наконец сел.

— О черт, — прошептал он. За несколько секунд он вспомнил все. Спина ныла, как больной зуб, а, повернув голову, он почувствовал себя так, будто сухожилия шеи заменили ржавыми железными цепями, пока он спал. Но хуже всего было колено. Штаны на нем вспучились, словно под ними помещался средних размеров воздушный шар.

— Я на самом деле это сделал, — пробормотал он, — Господи, что же я сделал!

Он медленно спустил ноги вниз и сел на краю кровати, сжав губы так, что они побелели. Он начал массировать колено, раздумывая при этом, так ли все плохо, как кажется.

«Гэдж! Вернулся ли он?»

Эта мысль подняла его на ноги, невзирая на боль. Он прокрался по комнате, как мим из старых фильмов. Пройдя в дверь, он вошел в комнату Гэджа. Он дико огляделся,

уже готовый произнести имя сына. Но комната была пуста. Он прошел в комнату Элли, такую же пустую, и в свободную комнату. Эта комната, выходявшая окнами на дорогу, тоже была пуста. Но...

На дороге стояла незнакомая машина. Недалеко от грузовичка Джуда.

Что это значило?

Все, что угодно, но ничего хорошего.

Луис отдернул занавеску и разглядел машину более внимательно. Это был маленький синий «чиветт». И на крыше его, свернувшись, лежал Черч.

Он долго смотрел вниз. У Джуда гости, ну и что из того? И может быть еще рано, чтобы с Гэджем что-нибудь определилось. Черч обычно не возвращался домой раньше часа, но сейчас было только девять. Девять утра, чудного майского утра. Ему нужно сойти вниз, приготовить кофе и забинтовать коленку.

«Но что Черч делает на крыше этой машины?»

— А, ерунда! — сказал он громко, спускаясь в холл. Кошки спят везде и всегда, это у них в обычае.

«Но Черч никогда больше не переходит дорогу, или ты забыл?»

— Забудь, — пробормотал он и остановился посередине лестницы. «Вот, уже говорю сам с собой.»

«Так что же это было ночью, в лесу?»

Мысли нахлынули на него, заставив сжать губы, как от неожиданной боли в колене, когда он сел на кровати. Ему снилась эта штука, причем во сне она до ужаса естественно вписывалась в его грезы о Диснейуорлде. Она вторглась в его сон, прогоняя из него все радостное, все светлое. Это был Вендиго, и он превратил его не просто в людоеда, но в вождя людоедов. Во сне он снова оказался на Кладбище домашних животных, но не один. Билл и Тимми Батермэны тоже были там. Там был и Джуд с мертвым стеклянным взглядом, державший на поводке своего пса Спота. Там был Лестер Морган с быком Хэнрэтти, опутанным цепью. Бык лежал на боку, оглядывая всех с тупой яростью. И почему-то Рэчел тоже была там, явившись как будто прямо из кухни — ее

платье было забрызгано то ли кетчупом, то ли клюквенным вареньем.

И с ними, возвышаясь над валежником во весь свой огромный рост, был Вендиг, с желтой чешуйчатой кожей, с горящими, как прожекторы, глазами, с витыми длинными рогами вместо ушей, похожий на ящерицу, рожденную на свет женщиной. Он тыкал в них скрюченным чешуйчатым пальцем, а они все, задрав головы, смотрели на него...

— Стоп, — прошептал он, и содрогнулся от звука собственного голоса. Он решил пойти на кухню и приготовить завтрак, как в обычный день. Завтрак холостяка, полный спокойного достоинства. Пара сэндвичей с яйцом, с майонезом и кружочком бермудского лука на каждом. От него ужасно пахло, но раздеваться сейчас — значило затратить слишком много сил, и он опасался, что придется просто достать из сумки скальпель и срезать с колена куски штанины. Для этого нужен острый инструмент, а ни один нож в доме не возьмет плотную джинсовую ткань, да и маникюрные ножницы Рэчел тут явно не помогут.

Но сперва нужно позавтракать.

Он пересек комнату и вновь посмотрел на синий автомобиль под окнами. Его покрыла роса, и, значит, он стоял там уже довольно давно. Черч все еще лежал на крыше, но не спал. Он глядел прямо на Луиса своими жуткими желто-зелеными глазами.

Луис торопливо спустился, будто кто-то гнался за ним.

Он вошел в кухню, взял сковородку, поставил на плиту, достал из холодильника яйца. Кухня была белой и чистой. Он попытался насвистывать — это входило в его обычный утренний распорядок — но не смог. Все казалось привычным, но больше не было таким. Дом выглядел пугающе пустым, и на него будто лег отпечаток последней ночи. Все было не то, и он почувствовал испуг.

Он пошел в ванную, где выпил две таблетки аспирина со стаканом апельсинового сока. Он шел назад к плите, когда зазвонил телефон.

Он не взял трубку сразу, только смотрел на нее, медленно начиная ощущать себя простаком, втянутым в странную игру, выигрыша в которой быть не может.

«Не бери трубку, ты не должен ее брать, это плохие новости, это нить, уходящая в темноту, и тебе нельзя видеть того, что на другом конце этой нити, Луис, не делай этого, не бери трубку, беги, машина в гараже, сядь в нее и беги, только не бери трубку...»

Он подошел и взял трубку, держась рукой за батарею, как делал это всегда. Это был Ирвин Голдмэн, и, как только он поздоровался, Луис увидел следы на полу — маленькие, грязные следы, — и сердце застыло у него в груди, и глаза вылезли из глазниц, и он подумал, что, поглядев сейчас на себя в зеркало, увидит безумного лунатика, сошедшего с картины семнадцатого века. Это следы Гэджа, Гэдж был здесь, он побывал здесь ночью, и где же он теперь?

— Это Ирвин, Луис... Луис, ты меня слышишь? Алло!

— Хэлло, Ирвин, — отозвался он, уже зная, что Ирвин скажет ему. Он понял, чья это машина. Он понял все. Нить... Нить уходящая в темноту... теперь он знал, куда она ведет. Если бы он понял это раньше! Но он купил эту нить. Это его нить.

— Я подумал, что нас разъединили, — сказал Голдмэн.

— Нет, я просто уронил трубку, — ответил Луис. Голос его звучал спокойно.

— Рэчел приехала?

— Да-да, — сказал Луис, думая о синем автомобиле. Черч залез на него. Глаза Луиса были устремлены на грязные отпечатки на полу.

— Мне нужно поговорить с ней, — сказал Голдмэн. — Прямо сейчас. Речь идет об Элли.

— Элли? Что с Элли?!

— Я думаю, Рэчел...

— Рэчел сейчас нет, — сказал Луис твердо. — Она пошла в магазин за хлебом. Что с Элли? Говорите же, Ирвин!

— Мы были вынуждены поместить ее в больницу, — сказал с неохотой Голдмэн. — Ей снились кошмары. Она не могла от них избавиться и...

— Они успокоили ее?

— Что?

— Успокоили они ее или нет?

— Да, конечно. Дали ей пилюлю, и она уснула.

— Она говорила что-нибудь? — Он сжал трубку мертвой хваткой.

На другом конце провода воцарилось длительное молчание. Луис не прерывал его, как бы ему ни хотелось.

— Это напугало и Дори, — сказал, наконец, Ирвин. — Она много болтала, прежде чем ее увез... прежде чем ее стало невозможно понять. Дори сама была на грани... понимаешь.

— Ну, и что же она сказала?

— Она говорила, что Оз Великий и Ужасный убил ее мать. Но она сказала не так. Она сказала... «Оз Великий и Ужасный», как говорила наша другая дочь. Наша дочь Зельда. Луис, скажите мне, я не хочу спрашивать у Рэчел, но что ты и она говорили Элли о Зельде и о том, как она умерла?

Луис закрыл глаза; мир начал медленно уходить у него из-под ног, и голос Голдмэна доходил до него, словно через плотный туман.

«Тебе могут почудиться голоса, но это всего лишь птицы, летящие на юг. Это они кричат.»

— Луис, вы тут?

— С ней все в порядке? — спросил Луис, слыша собственный голос откуда-то издалека. — С Элли все будет в порядке, как вам кажется?

— Шок от похорон, — сказал Голдмэн. — Ее осматривал мой врач. Лэтроп. Хороший специалист. Сказал, что у нее нервное возбуждение. Но мне кажется, Рэчел нужно вернуться. Луис, приезжай тоже. Я боюсь.

Луис не отвечал. Бог присматривает и за милой пташкой, как говорил добрый король Яков, но Луис не был Богом, и смотрел сейчас на грязные следы.

— Луис, Гэдж умер, — сказал Голдмэн. — Я знаю, что вам трудно это пережить — тебе и Рэчел — но твоя дочь жива, и вы нужны ей.

«Да, я это пережил. Вы старый глупый пердун, Ирвин, но то, что случилось с вашими дочерьми апрельским днем 1965 года, должно было научить вас уму-разуму. Я нужен

ей, но не могу прийти, потому что боюсь, что на моих руках кровь ее матери.»

Луис посмотрел на свои руки. Он увидел грязь под ногтями, так похожую на грязь, засохшую на полу.

— Ладно, — сказал он. — Я понял. Мы будем у вас, как только сможем. Уже вечером, если удастся. Спасибо.

— Нам кажется, что это лучше всего, — сказал Голдмэн. — Может, это старость, Луис, но я боюсь.

— Она говорила что-нибудь еще? — спросил Луис.

Ответ Голдмэна ударил в его сердце звоном похоронного колокола.

— Еще много, но я помню только одну фразу: «Паскоу сказал, что уже поздно».

Он повесил трубку и повернулся к плите, машинально раздумывая, продолжить ли завтракать или сделать что-то другое, когда на середине кухни серая пелена застлала его глаза, и он упал в обморок. Он падал ниже и ниже в какие-то туманные бездны, описывая круги. Через неопределенное время он очнулся и встал на больное колено, после чего новый приступ боли исторг из его горла дикий вопль. Слезы хлынули у него из глаз.

Наконец он поднялся на ноги и встал, шатаясь и держась за стену. Но голова теперь была ясной. Что-то надо было делать. Но что?

В последний раз его посетил позыв к бегству, более сильный, чем раньше — он ощутил даже тяжесть ключей от машины в кармане брюк. Он мог сесть в «сивик» и отправиться в Чикаго. Мог забрать Элли и уехать с ней. Конечно, Голдмэн заподозрил бы неладное, но он все равно бы забрал ее... вырвал у них, если нужно.

Потом рука его отдернулась от кармана. Мечту о бегстве убили не чувство вины, не отчаяние, не смертельная усталость. Убили ее эти следы на кухонном полу. Он представил, как они тянутся за ним через всю страну — в Чикаго, потом во Флориду, — через весь мир, если придется. То, что ты купил, твое, и рано или поздно вернется к тебе.

И однажды он откроет дверь, и за ней окажется Гэдж, его безумный двойник с желтыми горящими глазами. Или же Элли войдет в ванную утром и найдет Гэджа в ванне, всего в шрамах и синяках, оставшихся после катастрофы, чистого, но все равно пахнущего могилой.

Конечно, так и будет. Он в этом не сомневался.

— Как я мог сделать такую глупость? — сказал он в пустоту, опять разговаривая сам с собой. — Как?

«Беда, а не глупость, Луис. Тут есть маленькая разница. Эти могилы живут. Имеют силу, как говорил Джуд, и ты теперь — часть этой силы. Они становятся сильнее от твоей беды... да нет, не так. Они питаются ей, живут ей, создают ее... И не только беду. Здоровье. Они сожрали мое здоровье. Стоило один раз поддаться... и они забрали твою жену, и — почти наверняка — твоего лучшего друга, и твоего сына. Вот так. Вот что бывает, когда не успеваешь пожелать, чтобы ушло прочь то, что стучится к тебе в дверь посреди ночи.»

«Теперь я должен покончить с собой, — подумал он, — и это тоже входит в план. Инструменты под рукой, в сумке, как и было задумано. Все было задумано с самого начала. Это кладбище, Вендиго, придумало все это. Оно вытащило на дорогу кота, потом... потом Гэджа, привело домой Рэчел, но только тогда, когда это было нужно. Конечно, мне придется это сделать, и я... хочу этого?

Но сначала что-то надо сделать...»

...С Гэджем. Гэдж был все еще здесь. Где-то.

Он прошел по следам через столовую, через комнату, вниз по ступенькам. Следы были смазаны, так как он прошел по ним в первый раз, не заметив. Они вели в спальню. Он был там, подумал Луис, он был прямо там, и тут он увидел, что его сумка открыта.

Ее содержимое, которое он всегда укладывал аккуратно, было в полном беспорядке. Но нетрудно было заметить, что исчез скальпель, и Луис закрыл лицо руками и сидел так какое-то время.

Наконец он снова открыл сумку и начал рыться в ней.

Снова скрип ступенек.

Открылась дверь кладовой, потом дверца шкафа. Звякнула открываемая банка. Наконец, открылась и закрылась дверь гаража. И дом опустел этим майским утром, стал таким же пустым, как в прошлом августе, ожидая новых жильцов... как будет ожидать еще кого-нибудь в будущем. Может быть, это будет молодая супружеская пара, без детей, но с большими планами и надеждами. Молодые люди, обожающие вино «Мондави» и пиво «Левенбрау» — он будет работать в отделении Северо-Восточного кредитного банка, она окажется зубным врачом или медсестрой. Он будет рубить дрова для камина, а она — гулять в своих вельветах по саду миссис Винтон, собирая высохшие травы и осенние листья, и ее волосы, связанные в хвост, будут особенно яркими на фоне хмурого неба — или тогда погода будет лучше? Они будут гордиться тем, что не обращают внимания на старые предрассудки и живут в доме, несмотря на его мрачное прошлое — и, собрав друзей, будут шутить вместе с ними над привидением, живущим на чердаке, и они выпьют еще по рюмочке и, может быть, будут играть в трик-трак или в покер.

А потом они заведут собаку.

61

Луис подождал, пропуская грузовик «Оринко», нагруженный химическими удобрениями, и пересек улицу у дома Джуда. В руке он держал банку кошачьих консервов.

Черч, увидев его, сел и настороженно уставился на хозяина.

Он поставил банку на капот «чиветта» и посмотрел, как Черч спрыгнул с крыши и начал есть. Луис сунул руку в карман куртки. Черч оглянулся, встревоженный, словно угадав его намерения. Луис улыбнулся и отошел чуть назад. Черч вернулся к трапезе, и Луис достал из кармана шприц. Он освободил его от упаковки и зарядил 74 миллиграммами морфия. Остаток он сунул назад в карман и стал подходить к Черчу, который опять оглянулся Луис сказал:

— Давай-давай, ешь. «Хей-хо, а ну пошли», так ведь? Как только кот повернулся, Луис схватил его поперек туловища и глубоко всадил шприц в заднюю ногу.

Черч взвился в его руках, извиваясь и царапаясь, но Луис крепко держал его, пока весь запас морфия не вошел в тело кота. Только после этого он отпустил его. Черч скатился с крыши машины, шипя, как змея. Шприц еще торчал из его ноги, потом сломался. Луис был спокоен. Он сделал все, что нужно.

Кот кинулся к дороге, потом вернулся к дому, будто что-то припоминая. На полпути он начал шататься, как пьяный. Вскрабкиваясь на первую ступеньку, он упал. Он лежал у крыльца на боку, дыша все тише.

Луис поглядел на «чиветт». Если бы камень не заменил ему сердца, он давно бы увидел то, что увидел сейчас: кошелек Рэчел на сиденье, ее шарф и билеты на самолет компании «Дельта».

Когда он снова повернулся к крыльцу, тело Черча пронизала быстрая, последняя судорога. Черч умер. Еще раз.

Луис стал подниматься по ступенькам.

— Гэдж?

В холле было холодно. Холодно и темно. Слово упало в эту темноту, как камень в бездонный колодец. Следом еще один.

— Гэдж!

Молчание. Даже часы в гостиной не тикали. Никто не завел их этим утром.

Но на полу были следы.

Луис прошел в комнату. Там было накурено, но запах уже успел выветриться. Стул Джуда стоял у окна как-то косо, будто хозяин вскочил с него в спешке. На подоконнике была пепельница с аккуратной горсткой табачного пепла.

«Джуд сидел здесь, ожидая. Чего? Меня, может быть. Ждал, когда я вернусь домой. Но не увидел. Почему-то не увидел.»

Луис увидел пять пустых банок из-под пива, выстроенных в ряд. Этого было мало, чтобы усыпить Джуда, но может быть, он пошел в ванную и там что-то случилось?

Грязные следы доходили до стула. Рядом с человеческими были другие, похожие на кошачьи. Как будто Черч разносил могильную грязь, оставленную ботинками Гэджа. Потом следы уходили к двери, ведущей на кухню.

С бьющимся сердцем Луис последовал за ними.

Он толкнул дверь и тут же увидел ноги Джуда, его старые зеленые штаны и заплатанную фланелевую рубашку. Старик лежал в большой луже засохшей крови.

Луис поднес руку к его лицу, как бы не доверяя своим глазам. Тут он увидел глаза Джуда, широко открытые, смотрящие с осуждением... его, Луиса, а, может быть, и себя?

«Неужели это он? — подумал Луис. — Неужели он сделал это?»

Стэнни Б. сказал Джуду, а Стэнни Б. сказал его отец, а тому — его отец, француз с севера, торговавший с индейцами, еще когда президентом был Франклин Пирс.

— О, Джуд, мне так жаль, — прошептал он.

Невидящие глаза Джуда смотрели на него.

— Так жаль, — повторил он.

Ноги его двигались сами по себе, и он внезапно вспомнил последний День Благодарения, не ту ночь, когда они с Джудом отнесли кота на Кладбище, но индейку, которую приготовила Норма, и как они сидели за столом, они с банками пива, и Норма со стаканом белого вина, и как она накрыла стол белоснежной скатертью, извлеченной из нижнего ящика буфета, как он сделает это сейчас, но тогда она постелила скатерть на стол, а он...

Луис накрыл скатертью лицо Джуда, как парашютом, скрыв его укоризненный взгляд. Почти сразу же белая ткань начала пропитываться багровыми пятнами.

— Мне жаль, — опять повторил он, — очень жа...

Звук замер на его губах. Что-то сдвинулось в глубине дома, что-то скрипнуло... что-то живое. Он был уверен в этом.

Руки его начали трястись, но он подавил дрожь. Он подошел к кухонному столу, вынул из кармана три новых шприца, снял с них упаковку и уложил в ряд. Затем он достал три ампулы и зарядил каждый шприц дозой морфия, достаточной, чтобы убить лошадь, — или быка Хэнрэтти, если это окажется он. Он снова спрятал все это в карман.

Он вышел из кухни, прошел через комнату и встал у лестницы.

— Гэдж!

Откуда-то из тени донесся смешок — холодный и безжизненный, заставивший кожу Луиса покрыться мурашками.

Он начал подниматься.

Путь наверх был долг. Луис походил на осужденного, подходящего к эшафоту таким же долгим (и таким же ужасающе коротким) путем.

Наконец, он достиг вершины, держа одну руку в кармане. Как долго он стоял там, он не знал. Он только чувствовал, что душевное здоровье начинает покидать его. Это было неожиданное, но интересное открытие. Он представлял себе, что чувствует дерево — если деревья что-нибудь чувствуют, — поваленное ураганом, перед тем, как упасть. Это было очень занято.

— Гэдж, поедешь со мной во Флориду?

Новый смешок.

Луис повернулся и увидел свою жену, лежащую мертвой посреди холла. Ноги ее были раскинуты так же, как и у Джуда. Ее голова и спина располагались под углом к стене, словно у женщины, которая заснула, читая.

Он подошел к ней.

«Здравствуй, дорогая, — подумал он, — вот ты и дома.»

Кровь оставила на обоях причудливые пятна. Она лилась из дюжины ран — или из двух дюжин? Его скальпель сделал свое дело.

Вдруг он осознал случившееся и закричал.

Его крик дико метался по пустому дому, отражаясь от стен. Глаза его были выпучены, волосы стояли дыбом, он кричал; из его пересохшего горла исходили адские, ужас-

ные звуки, означавшие конец не только всего, что он любил, но и его собственного здоровья. Все чудовищные образы поднялись внезапно из глубин его памяти. Виктор Паскоу, умирающий на ковре лазарета; Черч, вернувшийся с зеленой глиной в усах; бейсбольная кепка Гэджа, лежавшая на дороге, вся в крови; но больше всего то, что он видел у Чертова болота, то, что повалило дерево, существо с желтыми глазами, Вендиго, тварь с севера, мертвую тварь, пробуждающую ужасающие желания.

Рэчел не просто убили.

С ней было что-то еще... что-то не то.

КЛИК!

Звук раздался в его мозгу. Это был звук открываемой двери.

Он посмотрел вверх, и крик застыл у него в горле. Это был Гэдж. Рот его был запачкан кровью, стекающей с подбородка; губы скривились в отвратительной усмешке. В руке он держал скальпель Луиса.

Когда он начал подходить ближе, Луис отскочил, уже ни о чем не думая. Скальпель чиркнул возле его лица, и Гэдж зашатался. «Он такой же неуклюжий, как Черч», — подумал Луис. Он пнул Гэджа ногой, и тот упал. Мгновенно Луис прижал его к полу, коленом придавил руку, держащую скальпель.

— Не-е-ет! — завизжало то, что было под ним. Его лицо сморщилось. В выпученных глазах горела неугасимая злоба. — Нет, нет, не-е-ет!

Луис достал первый шприц. Нужно было действовать быстро. Оно было скользким, как рыба, и не выпускало скальпеля, как бы сильно он ни сжимал запястья. Лицо его, казалось, менялось, пока Луис смотрел на него. Вот это было лицо Джуда, укоризненно глядящее на него; вот искореженное лицо Виктора Паскоу с безумно вращающимися глазами; вот собственное лицо его, Луиса, так ужасно бледное. Вот оно изменилось снова, сделавшись лицом той твари в лесу — низкий лоб, мертвые желтые глаза, длинный пятнистый язык. Оно ухмылялось и шипело, как змея.

— Нет, нет, нет-нет-нет!..

Оно извивалось в руках Луиса. Шприц выпал и покати́лся по полу. Он потянулся за другим, извлек его и всадил прямо в спину Гэджа.

Оно закричало, бешено извиваясь, едва не сбросив его. Луис быстро достал третий шприц и ввел его в руку Гэджа, продолжая держать его. После этого он встал и начал медленно пятиться. Гэдж, шатаясь, поднялся и пошел за ним. Пять ступенек — и скальпель выпал из его руки. Он воткнулся в дерево и замер так, дрожа. Десять ступенек — и жуткий желтый свет в его глазах начал гаснуть. Дюжина — и он упал на колени.

Теперь Гэдж смотрел прямо на него, и в какой-то миг Луис увидел своего сына — настоящего — с лицом, искаженным болью и страхом.

— Папа! — закричал он и упал навзничь.

Луис на какое-то время застыл на месте, потом подошел к сыну, осторожно, ожидая подвоха. Но это была не хитрость, скрюченные руки не вцепились ему в горло. Он нащупал пульс Гэджа. Последний раз в жизни он выполнял обязанности врача, прощупывая пульс, прощупывая, пока он не угас.

Когда все было кончено, Луис спустился в холл и зашел в угол. Там он упал, колотясь об пол, сильнее и сильнее. Ему казалось, что он может уменьшить себя, засунув в рот палец, и он занялся этим.

Через два часа он оставил это занятие, когда понемногу его сознанием завладела другая идея. Он вынул палец из рта. Он встал и

(хей-хо, а ну пошли!)

и пошел.

В комнате, где прятался Гэдж, он снял с кровати простыню и отнес ее в холл. Он завернул в нее тело жены, осторожно, любовно. От него несло мочой, но он этого не замечал.

Он нашел бензин в гараже Джуда. Пять галлонов в красной канистре. Более чем достаточно. Он начал с кухни, где лежал Джуд под своим обеденным столом, помнившим День Благодарения. Он облил это все, потом перешел с

канистрой в комнату, разбрызгивая бензин по ковру, по софе, по полкам с журналами, по стульям, и так вниз по лестнице и обратно к спальне. Теперь везде пахло бензином.

Спички Джуда все еще лежали возле стола, где он напрасно дежурил, на пачке сигарет. Луис взял их. У входной двери он бросил зажженную спичку через плечо и шагнул наружу. Взрыв огня был таким внезапным и яростным, что опалил ему брови. Он захлопнул дверь и лишь мгновение постоял на крыльце, глядя на языки пламени, танцующие за занавесками Нормы. Потом он спустился с крыльца, замешкался там, вспоминая пиво, выпитое с Джудом миллион лет назад, и слушая, как в доме трещит огонь.

После этого он пошел прочь.

62

Стив Мастертон вышел из-за поворота перед домом Луиса и сразу же увидел дым — не из этого дома, а из соседнего, где жил старик Крэндэлл.

Он пришел сюда так рано из-за того, что тревожился за Луиса — очень тревожился. Чарлтон рассказала ему о последнем звонке Рэчел, и это заставило его поинтересоваться, где Луис и... что с ним такое.

Тревога его была неясной, но крепко засела в голове — он просто не мог успокоиться, не убедившись, что у Луиса все в порядке... по крайней мере, настолько, насколько возможно в его положении.

Весна опустошила лазарет, словно белая магия, и Сурендра отпустил его, сказав, что справится сам. Стив влез на свою «хонду», только в прошлый уикэнд вытащенную из гаража, и отправился в Ладлоу. Может быть, он гнал мотоцикл чуть быстрее, чем обычно, но тревога продолжала грызть его сердце. Вместе с ней пришла абсурдная мысль, что он опоздал. Глупо, конечно, но в глубине души он испытал чувство, похожее на то, что было, когда случилась эта история с Паскоу, — чувство горького удивления и разочарования. Он никогда не был религиозным (а в колледже даже посещал

кружок атеистов, пока ему не сказали по секрету, что это может уменьшить его шансы на дальнейшую учебу), но верил во влияние биоритмов одного человека на других, и ему казалось, что смерть Паскоу задала тон всему году. Действительно, он был плохим. Двое родственников Сурендры оказались на родине в тюрьме по каким-то политическим делам, и Сурендра говорил, что одного из них — дяди, которого он очень любил — уже нет в живых. Сурендра тогда плакал, и слезы на его смуглом, обычно бесстрастном лице, напугали Стива. Матери Чарлтон сделали общую мастектомию, и старшая сестра не очень надеялась, что ее мать доживет до следующих выборов. Сам Стив за год побывал на четырех похоронах — сестры его жены, погибшей в катастрофе; кузена, по нелепой случайности убитого током; деда и, конечно, сына Луиса.

Он любил Луиса и хотел теперь убедиться, что с ним все в порядке. Ему пришлось пережить слишком много.

Увидев клубы дыма, он сперва опять вспомнил про Паскоу, который своей смертью как бы отделил нормальных людей от тех, кому выпало несчастье видеть его в этот момент. Но это было нелепо, и, конечно же, дом Луиса был цел. Он стоял тихий и белый, безукоризненный образчик новоанглийской архитектуры, в лучах утреннего солнца.

Люди бежали к дому старика, и, когда Стив поставил мотоцикл у обочины и слез у дверей дома Луиса, он увидел, как человек подбежал к крыльцу, распахнул входную дверь и тут же отскочил. И правильно сделал; в следующий миг дверное стекло со звоном раскололось, и в образовавшееся отверстие вырвались языки пламени. Если бы тот болван распахнул дверь пошире, его бы поджарило, как омара.

Стив остановился, держа мотоцикл, и на мгновение забыл про Луиса, захваченный древней мистерией огня. Теперь возле дома собралось с полдюжины людей; кроме первого, застывшего на лужайке недалеко от крыльца, они держались на почтительном расстоянии. Теперь лопались окна во всем доме. Осколки стекол плясали в воздухе. Языки пламени облизывали стены, как жадные руки, сдирая белую краску. Пока Стив смотрел, один из легких плетеных стульев на крыльце скрючился и исчез в пламени.

Сквозь треск огня он слышал надсадный крик первого героя, в котором звучал абсурдный оптимизм:

— Старый дурак! Говорили ему не оставлять бензин в доме! Ох, старый дурак! Накрылся дом!

Стив открыл рот, чтобы спросить, вызвали ли пожарных, но тут же услышал вой сирен. Пожарных вызвали, но герой был прав: дом накрылся. Теперь пламя вырывалось из полудюжины разбитых окон, и скат крыши казался почти прозрачным на фоне бушующего за ним огня.

Он повернулся, вспомнив про Луиса — если он дома, почему не прибежал вместе с другими?

Тут Стив что-то увидел, буквально уловил краешком глаза.

За дорогой простиралось широкое поле, поднимающееся на длинный пологий холм. Клевер, хотя еще зеленый, уже высоко поднялся в том мае, но Стив мог различить тропу, наполовину скрытую в зелени. Она поднималась к холму, уходя на самом горизонте в лес, густой и зеленый. Вот там, где яркая зелень травы встречалась с темной зеленью деревьев, Стив заметил какое-то движение — что-то белое, мелькнувшее среди ветвей. Оно почти тут же исчезло из виду, но Стиву показалось, что он разглядел фигуру человека, несущего большой белый сверток.

«Это Луис, — сразу подумал он со странной очевидностью. — Это Луис, и ты должен догнать его, потому что случилось что-то очень нехорошее, и надо его догнать, чтобы не случилось еще худшего.»

Он в раздумьи стоял у дороги, переминаясь с ноги на ногу, будто его вес тяготил его.

«Стив, детка, тебе ведь чертовски страшно?»

Да. Ему было чертовски страшно, непонятно почему. Но была в этом и какая-то... какая-то (притягательность)

да-да, была какая-то притягательность у этой тропы, уходящей по холму в лес — она ведь куда-то вела, не так ли? Все тропы куда-нибудь да ведут.

«Луис. Не забывай про Луиса, Болван! Ты пришел сюда ради него, или ты забыл? Ты не уйдешь из Ладлоу, не сходяв в этот чертов лес.»

— Что там, Рэнди? — закричал герой. Его голос, все еще дрожащий, был так же странно оптимистичен.

Ответ Рэнди был едва слышен из-за нарастающего воя пожарных сирен.

— Мертвый кот.

— Сгорел?

— Да не похоже, — ответил Рэнди. — Просто мертвый.

И стив окончательно понял, будто этот обмен репликами добавил что-то к тому, что он видел: это был Луис.

Он пошел по тропе, уводящей в лес, оставив позади горящий дом. Он изрядно вспотел, пока дошел до опушки, и в тени почувствовал приятную прохладу. Там пахло хвоей, мхом и корой.

Тут же он успокоил шаг, не осознавая вполне, почему он так спешит, почему сердце в его груди бьется так сильно. Он тяжело дышал. Он мог идти тише, но к арке, ограждавшей вход на кладбище домашних животных, он приблизился почти бегом. В боку, под правой подмышкой начало неприятно покалывать.

Глазам его предстали круги могил — жестяные таблички, доски и сланцевые плиты. На дальнем конце поляны он увидел странное зрелище. Там был Луис, карабкающийся на кучу валежника с чрезвычайно сосредоточенным видом. Он одолевал шаг за шагом, устремив взгляд вперед, как загипнотизированный или лунатик. В руках его был белый сверток, который Стив заметил раньше. Вблизи стало ясно, что это. Из свертка торчала одна нога в черной туфле с низким каблуком. И Стив понял с пугающей очевидностью, что Луис несет тело Рэчел.

Волосы Луиса были совершенно белыми.

— Луис! — закричал Стив.

Луис не повернулся, не прервался. Он достиг вершины кучи и начал спускаться с другой стороны.

«Он сейчас упадет, — подумал Стив бессвязно. — Он кажется очень уверенным, но сейчас упадет и свернет себе шею.»

Но Луис не упал. Он спустился с кучи, на миг исчез из глаз и снова появился на дороге, ведущей в дальние леса.

— Луис! — опять прокричал Стив.

Тут Луис остановился и посмотрел назад.

Стива потрясло то, что он увидел. Кроме седых волос, и лицо Луиса было лицом древнего-древнего старика.

Сначала он его просто не узнал. Потом мало-помалу проявлялись знакомые черты. Рот Луиса искривился. До Стива вдруг дошло, что он пытается улыбнуться.

— Стив, — сказал он надтреснутым, неузнаваемым голосом. — Привет, Стив. Я решил закопать ее. Мне надо сделать это самому. И обязательно до темноты. Там земля очень твердая. Ты не хочешь мне помочь?

Стив открыл рот, но не смог выдавить из себя ни слова. Несмотря на удивление, несмотря на страх, он действительно хотел помочь Луису. Здесь, в глубине леса, это казалось правильным, казалось... естественным.

— Луис, — произнес он наконец, — что случилось? Господи, что случилось? Она... она сгорела?

— Я слишком долго медлил с Гэджем, — сказал Луис. — С ним что-то сделали из-за того, что я медлил. Но с Рэчел все будет по-другому. Я знаю.

Он замолчал, и Стив увидел совершенно ясно, что Луис сошел с ума. Луис сошел с ума и смертельно устал, и, может быть, последнее обстоятельство и заставило Стива принять дикое решение.

— Мне может понадобиться помощь, — сказал Луис.

— Луис, если я и захочу помочь тебе, я не смогу перелезть через эту кучу.

— Да нет, — сказал Луис. — Сможешь. Если будешь идти уверенно и не смотреть вниз. Это тайна, Стив.

Он повернулся и, не слушая дальше, двинулся к лесу. Еще некоторое время Стив видел белый сверток, мелькавший между деревьев. Потом он скрылся.

Он подбежал к валежнику и начал, забыв обо всем, карабкаться по нему, цепляясь руками и ногами. Делая это, он испытал внезапный прилив сил, будто вдохнул чистого кислорода. Он верил, что сможет перелезть — и лез. Двигаясь точно и уверенно, он достиг вершины. Там он постоял, отдыхая и высматривая Луиса на тропе, уходящей вдаль от кучи валежника.

Луис обернулся и поглядел на Стива. Он держал в руках тело жены, завернутое в окровавленную простыню.

— Ты можешь услышать голоса, — сказал Луис. — Но это лишь птицы, летящие на юг. Это они. Вот и все.

— Луис!

Но Луис уже пошел дальше.

В какой-то момент Стив едва не побежал за ним.

«Я должен помочь ему, раз уж он хочет... и я хочу помочь ему. Здесь что-то не так, что-то непонятно, и я хочу это выяснить. Это, кажется, очень... очень важно. Это какая-то тайна.»

Тут под ногой у него сломалась ветка. Раздался сухой щелчок, словно выстрел из стартового пистолета. Это вернуло его к реальности. Ужас сковал его, он неуклюже повернулся, расставив руки для равновесия, с пересохшим горлом, с искаженным лицом человека, который очнулся от сна на карнизе небоскреба.

«Она умерла, и я думаю, что это он ее убил, Луис спятил, совсем спятил...»

Но здесь было что-то похуже безумия — намного хуже. Словно где-то в этих лесах скрывался магнит, который тянул к себе что-то в его мозгу. Тянул его туда, куда Луис понес Рэчел.

«Иди, иди по тропе... увидишь, куда она ведет. Мы покажем тебе, Стиви, покажем то, о чем ты никогда не слышал в своем атеистическом кружке...»

Но тут, словно посчитав урожай одного дня достаточным и потеряв к нему интерес, зов леса стих в его мозгу. Стив сделал два неуверенных шага назад к подножию кучи. Еще несколько ветвей с хрустом сломались, и его нога провалилась в груды ветвей; острые сучья набились в туфли, а когда он вытащил ногу, вонзились в пятку. Он свалился назад, к Кладбищу, с трудом увернувшись от сука, грозившего пропороть ему желудок.

Он поднялся на ноги, озираясь, потрясенный тем, что случилось... или могло случиться. Теперь это казалось ему каким-то дурным сном.

И тут из глухого леса за валежником, такого глухого, что свет не проникал туда в самые солнечные дни, раздался

глухой, довольный смех. Смех какого-то громадного создания. Стив даже не мог предположить, что за тварь способна издавать такие звуки.

Он побежал, спотыкаясь, пытаясь кричать, но не в состоянии произнести ни звука. Он добежал до самого дома Луиса и все еще пытался кричать, когда нашел мотоцикл, завел его и выехал на дорогу номер 15. Он едва не столкнулся с пожарной машиной, шедшей из Брюэра. Под шлемом волосы его стояли дыбом.

Вернувшись домой в Ороно, он не мог вспомнить, как он выбрался из Ладлоу. Он позвонил в лазарет, сказал, что заболел, и рухнул на кровать.

Стив Мастертон действительно никогда не вспоминал тот день... разве что в тяжелом сне, в часы перед рассветом. И в этих снах ему чудилось, что что-то громадное хватает его, гонится за ним, чтобы схватить, и почти касается его своей ужасной, мертвой рукой.

Что-то с огромными желтыми глазами, горящими, как прожекторы.

Стив от таких снов просыпается, крича, с выпученными глазами и вспоминает: «Ты можешь услышать голоса, но это лишь птицы, летящие на юг. Это они. Вот и все».

Но он не хотел знать, не хотел думать о том, что это было на самом деле. На следующий год он переехал в другой конец страны, в Сент-Луис.

И за время между тем, когда он в последний раз видел Луиса Крида, и своим отъездом на Запад Стив ни разу не ездил больше в Ладлоу.

Эпилог.

Полиция в тот день приехала поздно. Они задавали вопросы, но не высказывали никаких подозрений. Угли были еще горячими; никто их не разгребал. Луис ответил на вопросы, и его ответы, казалось, удовлетворили полицейских. Как только они постучали, он надел шляпу. Так было лучше. Если бы они заметили его седые волосы, вопросов могло оказаться больше. Еще он натянул садовые

перчатки, и так тоже было лучше. Руки его были исцарапаны и окровавлены.

Той ночью он раскладывал пасьянс.

Он как раз перетасовал карты по новой, когда открылась входная дверь.

«То, что ты купил, твое, и рано или поздно оно вернется к тебе», — вспомнил Луис Крид.

Он не оборачивался, продолжая глядеть в карты, пока медленные, тяжелые шаги приближались. Он увидел даму пик и прикрыл ее рукой.

Шаги затихли за его спиной.

Тишина.

Холодная рука легла на плечо Луиса. Голос Рэчел был глухим, будто в рот набились земля.

— Дорогой, — сказала она.

ПОСЕЛЕНИЕ ИЕРУСАЛИМ

ПОСЕЛЕНИЕ ИЕРУСАЛИМ

2 октября, 1850 года

ДОРОГОЙ БОУНЗ,

Как приятно было войти в этот прохладный, продуваемый свежим воздухом зал, здесь, в Чэпелуэйте, когда все мои многострадальные кости ныли после поездки в том отвратительном экипаже, в котором мне пришлось добираться сюда, когда все мое существо, а в частности — мочевого пузырь, требовали немедленного облегчения и освобождения... Так вот, как же здорово было увидеть прямо за дверью, в которую я вошел, на маленьком столике вишневого дерева, твое письмо, адресованное мне! То, что письмо именно от тебя, а не от кого-нибудь другого, я понял сразу, увидев твой неподражаемо-небрежный почерк на конверте. Уверяю тебя, я занялся расшифровкой твоего послания сразу же после того, как мне позволил сделать это мой измученный дорогой организм, нужды которого требовали безотлагательного удовлетворения (читал я его в богато отделанной, но, все же, очень холодной ванной комнате первого этажа, блаженно вытянувшись в горячей — благодарение Господу — воде, над которой клубился пар от моего дыхания).

Рад был узнать, что ты, наконец, излечился от миазмов, которые так надолго засели в твоих легких. Тем более приятно было прочесть, что лечение благотворно сказалось и на твоём моральном состоянии. Больной аболиционист*, нашедший свое исцеление в солнечном краю (где,

* Аболиционист — человек, борющийся за уничтожение рабства (амер. ист.)

правда, довольно здорово избивают рабов), называемом Флорида! Но шутки в сторону, Боунз, я очень прошу тебя как друг, который тоже однажды побывал одной ногой в долине теней, *будь повнимательнее и позаботливее к себе* и воздержись от возвращения в Массачусетс до тех пор, пока это может хоть сколько-нибудь повредить твоему здоровью. Подумай также о том, что твой острый ум и колкое перо не смогут послужить нам, если ты расклевашься. Ты, надеюсь, помнишь, что Юг славен не только тем, что благоприятно действует на здоровье, но и тем, что там не все настолько же прекрасно с правами человека и с правосудием.

Теперь о доме: дом оказался действительно прекрасным — ничуть не хуже того, как мне описывали его душеприказчики моего кузена, но еще в гораздо большей степени — каким-то зловещим. Расположен он на вершине огромного и сильно выступающего на фоне окружающего ландшафта холма приблизительно в трех милях к северу от Фолмута и в девяти милях к северу же от Портлэнда. За домом — около четырех акров земли, заброшенной и одичавшей до такой степени, что трудно даже представить себе: невероятно разросшийся можжевельник, одичавший виноград, огромные кусты и разнообразные вьющиеся, типа плюща, растения, взбирающиеся по живописным каменным стенам, которые отделяют имение от территории самого города, который находится как бы где-то далеко за его пределами. Ужасные подобию греческих античных статуй годами вглядываются своими невидящими глазами во все это запустение, невозмутимо стоя на своих постаментах, но, ты знаешь, большинство этих статуй производят довольно странное впечатление — почему-то кажется, что они вот-вот бросятся на того, кто рискнет пройти мимо них. Пожалуй, диапазон вкусов моего кузена Стивена находился в рамках неприемлемым и просто откровенно ужасным. Имеется также маленький летний домик, который уже практически похоронен под ярко-красным сумахом. Рядом с домиком, в центре того, что когда-то было садом, находятся совершенно нелепые солнечные часы. Эти часы, пожалуй, —

последняя точка в кратком описании того совершенно сумасшедшего пейзажа, который предстал здесь перед моими глазами.

Все это, однако, с лихвой компенсируется видом, который открывается из гостиной — это совершенно головокружительный вид на атлантический океан, чьи волны с едва уловимым гулом разбиваются о прибрежные скалы, находящиеся у подножия Чэпелуэйтского Холма. На ту же сторону выходит глубокий выступ кабинета с огромным окном, такая ниша, в которой стоит не менее огромный письменный стол. Прекрасное место для того, чтобы начать, наконец, тот роман, о котором я так долго говорил (чем, без сомнения, немало надоел тебе).

День сегодня довольно пасмурный, иногда даже накрапывает дождь. Когда я выглядываю наружу, мне кажется, что я вижу некое подобие синевато-серой грифельной доски, на которой кто-то нарисовал древние, как само Время, скалы, небо и, конечно, океан, который при волнении обрушивается на гигантские гранитные глыбы с удивительным звуком, который доходит сюда, наверх, в виде едва различимой вибрации. Я это чувствую ногами даже сейчас, когда пишу тебе это письмо. Ощущение не из приятных, но, все же, вполне терпимое.

Я знаю, дорогой Боунз, что ты не одобряешь мое частое стремление к уединению, но, уверяю тебя, я чувствую себя сейчас превосходно и вполне счастлив. Кстати, приехал я сюда не один — со мной Кэлвин. Он, как всегда, очень немногословен и надежен как неприступная крепость. Думаю, в середине этой недели мы съездим с ним в город за необходимыми покупками, а также для того, чтобы нанять горничных — нужно поскорее избавиться от того ужасного количества пыли, которое окружает нас здесь!

Писать пока заканчиваю — предстоит еще очень многое осмотреть: многочисленные комнаты, огромное количество совершенно отвратительной мебели и еще многое-многое другое. Еще раз большое спасибо за твое доброе письмо и заботу.

Поклонись от меня своей очаровательной жене.

ЧАРЛЬЗ.

6 октября, 1850 года.

ДОРОГОЙ БОУНЗ,

Какое же здесь замечательное место!

Не перестаю восхищаться и даже поражаться — в частности, реакции горожан из ближайшего к нам пригорода на то, что я поселился здесь. Этот пригород, должен заметить — немного странное, как мне показалось, маленькое местечко с живописным названием Причер'з Корнерз*. Именно там Кэлвин впервые встретился с местными жителями с тем, чтобы договориться с ними о еженедельных поставках нам продуктов. Следующим его поручением было договориться с этими людьми о заготовке для нас необходимого количества дров на зиму. В этот раз мне показалось, что его что-то насторожило. Он вернулся с каким-то хмурым выражением лица и когда я спросил, что его так встревожило, он довольно мрачно ответил:

— Они думают, что вы сумасшедший, мистер Бун!

Я рассмеялся и сказал, что, может быть, они просто слышали о том небольшом воспалении мозга, которое случилось со мной после смерти Сары — в то время я действительно говорил с небольшой сумасшедшинкой, как ты, наверное, сам мог тогда заметить.

Но Кэл возразил мне на это, что никто здесь не мог ничего знать обо мне... Разве что, от моего кузена Стивена, который жил здесь раньше, что очень маловероятно и даже, практически, просто невозможно.

— Я могу привести сказанное этими людьми дословно. Так вот, они сказали, что «... любой, кто собирается жить в Чепелуэйте — либо уже, без сомнения, сумасшедший, либо рискует стать им в ближайшее время.»

Сказанное крайне удивило меня, как ты, наверное, можешь себе представить и я спросил у Кэла, от кого он слышал столь странные слова. Он назвал мне имя угрюмого пьянчуги-лесоруба Томпсона, являющегося владельцем четырехсот акров соснового, березового и елового леса, который он валит с помощью пяти своих сыновей —

* Preacher's Corners — Район проповедников (англ.)

на продажу и для снабжения жителей Портленда, а также окрестных землевладельцев.

Когда Кэл, еще не зная ничего о странной предвзятости ко мне со стороны этого чудака, объяснил ему, куда следует доставить дрова, тот вытаращил глаза и разинул рот, а потом, немного придя в себя, сказал, что дрова будут доставлены его сыновьями только при хорошем дневном свете и, почему-то, только со стороны моря.

Кэлвин, приняв, видимо, мое удивление за огорчение, поспешил успокоить меня тем, что от Томпсона жутко несло дешевым виски и что он вообще нес совершенно несусветную ахинею о какой-то оставленной людьми деревне, о моем кузене Стивене и... о червях! Закончилось все тем, что Кэлвин закончил переговоры о поставке дров не с Томпсоном, а с одним из его сыновей, который, насколько я понял, был еще угрюмее, но немного рассудительнее и трезвее отца. Думаю, что дело здесь просто в необычной реакции жителей Причер'з Корнерз на наше появление в их краях — что-то подобное было и в разговоре Кэла с владельцем главной в Причер'з Корнерз лавки, хотя это и был, в общем-то, совсем короткий и не очень важный разговор.

Можно сказать, что все это совсем не встревожило меня; всем хорошо известно, что простые сельские жители очень любят разнообразить свою жизнь всяческими выдумками, сплетнями и скандалами и я думаю, что бедный Стивен, да и вся, наверное, его ветвь нашего рода вели себя достаточно достойно в подобных ситуациях. Скорее всего, все эти пересуды были вызваны в свое время случаем, о котором я уже рассказывал Кэлу — это история о том, как один из наших предков, живший в этом доме, нашел свою довольно странную и нелепую смерть, упав, совершенно неожиданно для всех, с собственного парадного балкона и тут же скончавшись. Так вот, наверняка, либо эта печальная история, либо что-то еще в этом роде и привело к всевозможным кривотолкам окрестных жителей и к столь странной их реакции на наш приезд сюда.

Расскажу лучше о доме. Дом, сам по себе, не перестает восхищать меня. Двадцать три комнаты, Боунз! Деревян-

ные, например, отделочные панели на верхних этажах и в портретной галерее, несмотря на их довольно почтенный, судя по всему, возраст, продолжают сохранять поразительную долговечность. И это при том, что когда я зашел однажды в последнюю спальню моего кузена на верхнем этаже, я услышал, как за ними шастают крысы — довольно большие, судя по звукам, которые они издавали. Они, пожалуй, настолько крупные, что мне даже показалось на какое-то мгновение, что вовсе не крысы, а люди бродят вокруг меня за стенами. Я подумал, что мне, наверное, не доставит особенной радости встретиться хотя бы с одной из них в том сумраке, который окружал меня и я, на всякий случай, зажег свет, но, однако, не увидел нигде не только ни одной норы, но даже просто крысиного помета. Странно.

Верхняя галерея увешана довольно посредственного качества портретами в рамках, которые также оставляют желать лучшего. Некоторые из портретов очень напоминают Стивена, насколько я его помню. Думаю, что правильно нашел портреты моего дяди Генри Буна и его супруги Джудит; остальные лица мне, к сожалению, незнакомы. На одном из портретов изображен, как мне кажется, мой печально известный родной дед Роберт. Ветвь же рода, к которой относится Стивен, представлена, по-моему, полностью, но ни одно из этих лиц, к очень большому сожалению, мне совершенно незнакомо. Справедливости ради надо заметить, что со всех лиц, запечатленных на этих портретах — как бы плохи ни были последние — исходит свет хорошего, доброго юмора и исключительно высокого интеллекта, которыми просто-таки лучилось каждое письмо, полученное когда-то нами с Сарой от Стивена. Как же глупо и обидно, что люди, в жилах которых течет одна и та же кровь, живут, зачастую, если уж не в раздоре, то, по крайней мере, не зная и даже не стремясь узнать что-нибудь друг о друге! Не говоря уже о том, что разбросаны они чуть-ли не по всему белому свету. Неужели так уж необходимы ссоры между братьями, те жестокие слова, которыми они терзают друг друга в течение многих поколений?! Ведь все это, к тому же,

далеко не лучшим образом сказывается на их совершенно ни в чем не повинных потомках. Не могу не вспомнить сейчас о том, как же повезло тебе и Джону Петти, что вам посчастливилось познакомиться поближе со Стивеном, когда я совсем было уже собрался последовать за моей Сарой в мир иной и как горько и обидно, что я был практически лишен Провидением такой счастливой возможности!.. С каким неподдельным наслаждением послушал бы я его речи (несомненно, полные юмора) в защиту всех этих несуразных статуй, стоящих в саду, и еще более несуразной мебели внутри дома!

Не буду, однако, слишком увлекаться очернением вкусов собственного двоюродного брата. Кто знает, в конце концов, в чем здесь истинная причина? Да и вкусы Стивена — это, просто-напросто, вкусы Стивена, а мои вкусы — это мои вкусы и сравнивать их, наверное, все-таки, не стоит. Добавлю к этому, что вся эта несуразица, упомянутая мною выше, является, может быть, просто шуткой, отражением довольно необычного чувства юмора моего кузена, поскольку в верхних этажах дома в довольно большом количестве представлены настоящие произведения искусства (многие из которых покрыты настолько толстым слоем пыли, что за ним, порой, не сразу разглядишь, что перед тобой истинный шедевр)... Огромные кровати, столы красного и тикового дерева, тяжелые и потемневшие от времени манускрипты... Множество спален, приемных, гостиных, огромный рабочий кабинет в верхнем этаже. Особенно очаровал меня маленький скромный кабинетик внизу. Полы богато отделаны сосной какого-то особого сорта — даже из-под толстого и мягкого слоя пыли они излучают какой-то внутренний таинственный свет. Все здесь полно достоинства... Достоинства и огромного груза лет. Не могу пока сказать, что все это мне безусловно нравится, но думаю, что со временем, когда что-то изменится, когда мы попривыкнем к новому месту, да и к здешнему северному климату, все будет в порядке и встанет на свои места.

Мой Бог! Я же должен бежать! Скоро напишу еще. Дорогой Боунз, расскажи мне о своих успехах. Что

новенького слышно от Петти, да и от других наших общих друзей? Боунз, должен предупредить тебя как друга: *не пытайся* убеждать каждого нового твоего южного знакомого в своих взглядах, иначе ты рискуешь уподобиться одному нашему общему многоречивому и скучному «другу» — я имею в виду мистера Колхауна. Но самое главное — мне слишком хорошо известно, что далеко не все хорошо умеют держать язык за зубами...

Твой искренний и любящий друг,
ЧАРЛЬЗ

16 октября, 1850 года.

ДОРОГОЙ РИЧАРД,

Здравствуй, Как поживаешь? Часто думал о тебе с тех пор, как поселился здесь, в Чепелуэйте. Надеюсь, взаимно. И вот, получаю недавно письмо от Боунза, из которого узнаю, что забыл оставить в клубе свой новый адрес! Написал, кажется, уже всем, кому только можно было написать — по крайней мере всем своим верным и добрым друзьям, которые остались за пределами стен, которые отделяют меня здесь от обычного нормального мира. Господи, как же, все-таки, раскидала нас судьба! Ты — в Бостоне, честно трудишься в «*Либерейторе*» (куда я, кстати, не забыл послать свой адрес), Хэнсон — в Англии, в своем очередном отъявленно увеселительном путешествии, а бедный старый Боунз лечит свои легкие в самом центре львиного логова, называемого Аризона.

У меня все в порядке, Дик. Обещаю подробно написать тебе обо всем, как только освобожусь немного от того бремени забот, которое навалилось здесь на мои бедные плечи — надеюсь, немало заинтересую тебя рассказом о тех событиях, которые происходят здесь, в Чепелуэйте и в его окрестностях.

Так вот, имею удовольствие в ближайшее время предложить твоему вниманию небольшую, но любопытную историю, а пока у меня есть одна просьба к тебе. Помнишь ли ты одного историка, с которым ты познакомил меня на обеде у мистера Клэри? Кажется, его имя — Байглоу. Я

могу ошибиться именем, но одно помню точно: он говорил, что увлекается собиранием различных странных и загадочных исторических событий, относящихся именно к той области, в которой я сейчас поселился. Клоню я вот к чему: будь добр, расспроси его поподробнее обо всем, что ему известно (если что-то известно) о небольшом, когда-то оставленном людьми поселении, даже не о поселении, а о деревушке, называемой ИЕРУСАЛИМ. Меня интересуют все сведения, которыми он, возможно, располагает по этому поводу — начиная с фольклора и заканчивая всевозможными слухами. *Слухи интересуют меня особенно.* Деревушка эта находится недалеко от местечка Причер'з Корнерз, что на берегу Ройал Ривер. Речушка эта является притоком Андроскоджин и впадает в нее приблизительно в одиннадцать мильх ниже по течению, недалеко от Чэпелуэйта. Поверь, что все это нужно мне не из праздного любопытства. Сведения эти крайне необходимы мне в связи с необходимостью найти ответ на некоторые очень интересующие меня вопросы, о чем постараюсь написать позже.

Извини, Дик, что письмо получилось несколько коротким. Вскоре, когда разберусь, наконец, со своими проблемами, требующими безотлагательного решения, напишу обо всем подробнее, а пока передаю горячие приветы твоей жене, обоим сыновьям, ну и, конечно, тебе самому.

Твой любящий друг,
ЧАРЛЬЗ.

16 октября, 1850 года.

ДОРОГОЙ БОУНЗ,

Хочу рассказать тебе одну историю, которая нам с Кэлом показалась немного странной и даже тревожной. Каково, интересно, будет твое мнение? Если ты не увидишь в ней ничего, что могло бы вызвать беспокойство, то она, может быть, немного развлечет тебя или, по крайней мере, хотя бы ненадолго поможет отвлечься от войны с москитами.

Через два дня после того, как я отправил тебе мое последнее письмо, к нам прибыли четыре молодых леди, нанятые нами в Причер'з Корнерз для уборки дома. Возглавляла эту команду пожилая дама с очень строгим выражением лица, которая представилась нам как миссис Клорис. Наконец-то, подумал я, мы избавимся хотя бы от какой-то части пыли, от которой приходилось чихать чуть-ли не на каждом шагу. Все эти женщины показались мне немного нервными. Еще сильнее это стало заметно, когда они приступили к уборке. Одна из этих юных леди даже тихонько вскрикнула от неожиданности, когда я появился вверху на лестнице, чтобы полюбоваться их работой.

Я спросил миссис Клорис о причине столь явного беспокойства молодых леди (миссис Клорис вытирала пыль в холле первого этажа с гримасой такой решимости поскорее закончить свое дело, что ты бы просто поразился — глядя на это лицо с выцветшим от времени цветным платком, обвязанным вокруг волос, можно было подумать, что человек занимается не уборкой пыли, а чисткой выгребной ямы). В ответ миссис Клорис повернулась ко мне и решительно проговорила:

— Им не нравится этот дом, сэр. Не нравится он и мне, поскольку этот дом всегда был *плохим* домом.

От неожиданности у меня просто-напросто отвисла челюсть, а миссис Клорис продолжила уже более мягким тоном:

— Я не имею в виду, что Стивен Бун был плохим человеком. Напротив, он был прекрасным и даже редким человеком. Все время, пока он жил здесь, я приходила к нему убираться каждый второй четверг месяца так же, как прибиралась я и при его отце, мистере Рэндольфе Буне до тех пор, пока он не исчез вместе со своей женой — причем, совершенно бесследно — в 1816 году. Мистер Стивен был хорошим и добрым человеком, да и вы, сэр, тоже, вроде бы, не принадлежите к числу негодяев (простите меня за прямоту и резкость — по-другому я говорить не умею), но этот дом *плохой*, он *всегда был плохим* и ни один из Бунов никогда не был счастлив здесь с тех

пор, Ю как ваш дед Роберт и его брат Филип поссорились не то из-за какого-то воровства, не то из-за каких-то тайных козней друг против друга (здесь она, как бы немного смутившись, ненадолго замолчала) и было это в 1789 году.

Ну и память бывает у людей, Боунз!

Тем временем миссис Клорис продолжала:

— Дом был построен в несчастьи и прожил всю свою жизнь в несчастьи (не знаю, Боунз, известно тебе или нет, но дочь моего дядюшки Рэндольфа, Марселла, стала однажды жертвой несчастного случая, в результате которого погибла, упав с лестницы, ведущей в подвальное помещение; дядюшка Рэндольф, не выдержав отцовских страданий, также вскоре скончался (или же, по неподтвержденным сведениям, покончил с жизнью самоубийством). Эту полную трагизма историю поведал мне в одном из своих писем Стивен, написав его в годовщину рождения покойной сестры). Вот, дорогой Боунз, уже две истории, которые я считаю по меньшей мере странными. Тайнственное исчезновение и трагическая гибель... Это, однако, лишь небольшая часть той истории, которую я предложил твоему вниманию в начале этого письма.

— Так вот, я работала здесь довольно долгое время, мистер Бун и должна кое-что сказать вам. Во-первых, я ни слепая, ни глухая, ни, упаси Господи, сумасшедшая — надеюсь, вы это понимаете. Во-вторых (будьте внимательны, сэр), я *слышала* ужасные звуки здесь, за стенами, сэр, ужасные, леденящие кровь звуки — тяжелые глухие удары, грохот и треск, а однажды — страшные завывания, похожие, скорее, на сдавленный смех. Смех этот был настолько кошмарен, что кровь застыла у меня в жилах от ужаса, который я тогда испытала. *Это очень плохое место*, сэр, — тут она неожиданно замолчала, испугавшись, наверное, что наговорила слишком много.

Что же касается меня самого, то я был тогда в несколько затруднительном положении. Я никак не мог решить то ли мне оскорбиться услышанным, то ли обратить все в шутку и позабавиться, то ли это просто безобидная болтовня выживающей из ума старушки, то ли в сказанном

что-то есть и стоит призадуматься. Боюсь, что в тот день верх взяло, все же, желание поразвлечься:

— И что же, вы думаете, это было, миссис Клорис? Приведения, гремящие цепями?

Она посмотрела на меня как на законченного тупицу и, иронично улыбнувшись, проговорила, как будто объясняя что-то маленькому мальчику или безнадежному дегенерату:

— Призраки? Или, как вы изволили выразиться, приведения? Они вполне могут быть здесь, но их я не слышала и не видела никогда. То, что я слышала в стенах этого дома, не было ни призраками, ни духами, ни привидениями, ни как вам еще будет удобно называть их. Призраки, насколько мне известно, не вопят и не рыдают как проклятые, а также ничем не грохочут, двигаясь ощупью и спотыкаясь в темноте. Это...

— Продолжайте, миссис Клорис, — подбодрил я ее. — Вы уже зашли очень далеко. Будьте добры, закончите, раз уж начали.

Странная череда выражений ужаса, задетого самолюбия и, клянусь, религиозного трепета промелькнула на ее лице.

— Некоторые не умирают, — прошептала она. — Некоторые живут в Сумраке между двумя Мирами. Они продолжают жить для того, чтобы служить... Ему!

На этом ее рассказ закончился. Я пытался еще несколько минут расшевелить ее, но она упрямо молчала и так и не произнесла более ни единого слова. Наконец, я оставил все попытки вытянуть из нее еще хоть что-нибудь, подумав, что еще немного — и она, собрав свои тряпки, уйдет, не закончив работы.

Это конец первого эпизода. Второй произошел на следующий вечер. Кэлвин развел огонь в камине первого этажа, в гостиной, а я уютно устроился неподалеку, коротая остаток вечера за пролистыванием номера *«Интеллидженсера»* и слушая, как снаружи ветер неистово хлещет дождем в окно. Я чувствовал себя настолько уютно и умиротворенно, насколько только может чувствовать себя человек, когда все холодное и печальное находится

за стенами его дома, а все теплое и уютное — внутри; вдруг в дверях появился Кэл. Выглядел он очень взволнованно и явно нервничал.

— Вы не спите, сэр?

— Дремлю, — ответил я. — Что случилось?

— Я нашел кое-что наверху и думаю, вам стоит посмотреть, — ответил он с каким-то странным возбуждением и, вместе с тем, с подавленностью.

Я встал с кресла и последовал за ним. Пока мы поднимались по лестнице, Кэлвин сказал:

— Я читал книгу в верхней библиотеке — довольно странную, надо заметить, книгу — и вдруг услышал шум в стене.

— Крысы, — спокойно ответил я. — Это все?

Выдержав небольшую, но многозначительную паузу, Кэлвин серьезно посмотрел на меня. Светильник, который он держал в руках, дал яркую вспышку, отбросив на все кругом четкие тени и осветив на мгновение портреты, скрытые полумраком. Лица на них, казалось, не улыбались, а злобно ухмылялись, глядя на нас. Ветер снаружи резко взвыл и, довольно нехотя, стал утихать.

— Это были не крысы, — сказал Кэлвин. — Это были какие-то грубые глухие звуки из-за стенных шкафов, как будто кто-то неловко спотыкался и падал с громким глухим стуком. Затем, какой-то совершенно ужасный булькающий звук... просто ужасный, сэр. И вот, это самое *нечто* начало неистово царапаться и скрестись в стену, как будто пыталось прорваться сквозь нее внутрь и... добраться до меня!

Можешь представить себе мое изумление, Боунз. Ты сам хорошо знаешь, что Кэлвин никогда не относился к той категории людей, которые дают волю истерическим страхам и игре больного воображения. Так вот, с этого момента мне действительно начало казаться, что здесь на самом деле есть какая-то тайна и, возможно, довольно скверная тайна...

— Что же дальше? — спросил я его. К этому моменту в дальнем конце галереи уже показался свет, падающий на ее пол из дверей библиотеки, что отдалось в моем

сознании довольно заметной тревогой; ночь не казалась уже такой уютной, как всего несколько минут назад...

— Скребущие звуки прекратились. Через несколько секунд стук и шарканье возобновились, но, на этот раз, удаляясь от меня. На какое-то время все снова стихло и, клянусь, я услышал издалека очень странный, почти неслышимый смех! Подойдя к книжному шкафу, из-за которого доносились звуки, и ухватившись за него покрепче, я принялся толкать и тянуть его, толкать и тянуть, надеясь обнаружить потайную дверь.

— Нашли что-нибудь?

Кэл остановился прямо у входа в библиотеку и ответил:

— Нет... Но я нашел вот это!

Он отступил немного в сторону и я увидел квадратное черное углубление в книжном шкафу слева от входной двери. Книги в этом месте были ненастоящими и за ними Кэл нашел небольшой тайник. Я осветил место своей лампой, но не увидел ничего, кроме толстого слоя пыли, возраст которой исчислялся, должно быть, десятилетиями.

— Здесь было только это, — тихо произнес Кэл и протянул мне пожелтевший от времени лист бумаги с выцветшими следами черных чернил. Это был план какого-то небольшого поселения или деревни. На нем были изображены, насколько я понял, семь зданий и одно здание, рядом с которым было нарисовано нечто вроде шпиля (означавшего, должно быть, церковь). Под планом была выведена престранная надпись: *Червь, порчу несущий*.

В левом верхнем углу была нарисована стрелка, указывающая направление на северо-запад от этой крохотной деревушки. Вдоль стрелки была еще одна надпись: ЧЭПЕ-ЛУЭЙТ.

— Как-то в городе, сэр, я слышал краем уха, как кто-то, довольно суеверно перекрестившись, упомянул об одной оставленной людьми деревушке, название которой — Поселение Иерусалим. Я, почему-то, совершенно уверен, что это именно то место.

— А что это? — спросил я, показав пальцем на надпись под значком, обозначающим колокольню.

— Я не знаю.

В памяти всплыли кое-какие обрывки воспоминаний о сказанном миссис Клорис и лесорубом Томпсоном.

— Червь, — пробормотал я.

— Вы понимаете что-нибудь, мистер Бун?

— Возможно... Как вы думаете, Кэл, ведь было бы небезынтересно взглянуть на это место завтра... Не правда-ли?

Ответом был лаконичный и решительный кивок головы. После этого мы потратили еще почти час на поиски хоть какой-нибудь трещины или отверстия в стенах, но все безуспешно. Ничто, казалось бы, не предвещало повторения тех шумов, которые Кэл слышал собственными ушами.

В ту ночь никаких приключений с нами больше не произошло.

На следующее утро мы отправились с Кэлвином на нашу намеченную с вечера прогулку, маршрут которой почти полностью проходил лесом. Ночной дождь уже закончился, но небо было по-прежнему пасмурным и низким. Краем глаза я заметил, что Кэлвин стал часто поглядывать на меня и я поспешил успокоить его, сказав, что если путь окажется слишком дальним и мы начнем уставать — мы непременно сделаем в ту же минуту привал. В дорогу мы взяли с собой вкусный и обильный ланч, прекрасный компас фирмы «Бакуайт» и, конечно, странную древнюю карту Поселения Иерусалим.

День был каким-то необычно хмурым; пока мы продвигались на юго-восток, минуя одно за одним огромные мрачные деревья, мы не услышали ни одной птицы, ни единого шороха хоть какого-нибудь живого существа. Звуками, которые доносились до нас, были только звуки наших собственных шагов и отдаленный шум прибоя. Единственным нашим попутчиком был запах океана — почти сверхъестественно тяжелый.

С тех пор мы прошли не более двух миль, как вдруг наткнулись на старую, сильно заросшую травой дорогу, которая была застлана когда-то бревнами, превратившимися теперь в настоящие гнилушки; дорога совпадала с

общим направлением нашего движения и, прибавив шаг, мы пошли дальше по ней. Говорили мы мало. День очень сильно давил на нас своей тишиной и зловещим спокойствием.

Около одиннадцати часов до нас донесся звук падающей воды. Дорога круто повернула налево и на противоположном берегу маленького бурлящего ручья с синевато-серым дном появилось, подобно призраку, ПОСЕЛЕНИЕ ИЕРУСАЛИМ!

Через ручей, футов восемь в ширину, был перекинут потемневший и поросший мхом мостик. По другую сторону ручья, Боунз, мы увидели самую очаровательную крохотную деревушку, которую ты, наверное, только можешь себе представить. Стены домов, по понятной причине, были сильно выветрены и размыты многолетними дождями, но сохранились, тем не менее, удивительно хорошо. Несколько домов, построенных в строгом пуританском стиле, стояли совсем недалеко от берега. Дальше, вдоль полностью заросшей травой главной улицы, стояли еще три или четыре здания, которые, должно быть, были когда-то лавками и правительственными учреждениями, а за ними виднелся шпиль обозначенной на карте церкви, уходивший в серое промозглое небо. Краска на стенах облупилась, а крест потускнел и перекосялся. Да и вообще, выглядела эта церковь довольно мрачно и даже, я бы сказал, зловеще...

— Удачно назвали деревушку..., — тихо проговорил позади меня Кэл.

Мы перешли ручей и медленно вошли в деревню. Приготовься, Боунз, в этом месте начинается самое главное!

Как только мы приблизились к первым домам, воздух показался мне каким-то, почему-то, очень тяжелым — просто-таки свинцово-тяжелым. При более близком рассмотрении здания оказались в состоянии почти полного упадка: оторванные ставни, продавленная и осыпавшаяся от многолетних снегов черепица на крышах, заросшие пылью покосившиеся окна... Гипсовые фигурки ангелов, наполовину обсыпавшиеся и перекосившиеся от времени,

имели просто неестественно-страшный вид и отбрасывали на землю еще более ужасные тени.

Первым домом, в который мы вошли, была старая полусгнившая таверна, мне, почему-то, показалось неэтактичным входить в жилые (пусть хоть и когда-то) дома, в которых люди находили уединение и защиту от суетности мира, семейный покой и уют. Старая выцветшая вывеска над полуразвалившейся дверью в таверну гласила: ГОСТИНИЦА И ТАВЕРНА «ГОЛОВА ВЕПРЯ».

Дверь издала адский скрип своей единственной сохранившейся петлей и мы вошли внутрь. Там было довольно темно. Запахи гниения и плесени были почти невыносимыми. Но все эти запахи с лихвой перекрывал один гораздо более сильный запах — скользкий, вязкий и зловонный запах многих и многих лет. И даже не лет, а, наверное, десятилетий... Зловоние было таким сильным, какое может быть только от разлагающегося тела или от оскверненной могилы. Я быстро прижал к лицу носовой платок. Кэл проделал то же самое.

— Боже мой, сэр..., — еле выговорил Кэл, чуть не падая в обморок.

— Давненько не было здесь людей, — закончил я за него.

И это было действительно так. Столы и стулья стояли подобно призрачным и молчаливым стражам. Были они немного покороблены от резких перепадов температуры, свойственных климату Новой Англии, но, все же, в довольно хорошем состоянии — как будто им не верилось, что те, кто когда-то ушли отсюда навсегда, на самом деле больше никогда не вернутся обратно, чтобы заказать стаканчик-другой какой-нибудь хорошей выпивки, закурить глиняную трубку и перекинуться с приятелями в карты. Небольшое квадратное зеркало, висевшее на одной из стен, было *не разбито*... Понимаешь, что я имею в виду? Мальчишки почти всегда, в большей или в меньшей степени, склонны к исследованию и, зачастую, к вандализму... Понимаешь? *А зеркало было цело*... Обычно после таких «нашествий» (невзирая ни на какие возможные наказания) стекла старых домов никогда не остаются

нетронутыми... А уж тем более зеркала. То же самое касается и кладбищ — пусть даже и самых мрачных — хоть один надгробный камень, но все же будет опрокинут безобидными, в принципе, сорванцами. Таких «разбойников» наверняка немало в Причер'з Корнерз, который находится менее, чем в двух милях от Поселения Иерусалим. Нетронутой была даже стеклянная конторка владельца гостиницы (которая, должно быть, стоила ему кругленькой суммы). То же самое можно сказать решительно обо всем, что мы видели вокруг нас. Единственный вред, нанесенный всему окружающему, был вред, причиненный Природой и Временем. Вывод напрашивается сам собой: люди боятся этого места или, по крайней мере, просто избегают появляться здесь. Но почему? Кое-какие мысли по этому поводу у меня есть, но говорить об однозначно-правильных выводах я пока воздержусь, а лучше расскажу тебе о том, что произошло с нами дальше.

Мы поднялись наверх, в гостиничные номера, и увидели, что все кровати аккуратно заправлены и в изголовье каждой, около оловянных рукомоильников, висят опрятные, но уже полуистлевшие полотенца. В таком же образцовом порядке было все и на кухне. Все, на что мог упасть взгляд, было покрыто многолетним слоем пыли и над всем этим безраздельно властвовало ужасное зловоние, распространяемое гниением всего, что только может гнить. Все же остальное, что было в этой кухне, представляло собой настоящий рай для какого-нибудь антиквара и стоило бы немалых денег на бостонском аукционе.

— Что скажешь? — спросил я у Кэла, когда мы, наконец, выбрались обратно на улицу.

— Не нравится мне все это, мистер Бун, — мрачно ответил Кэл. — Могу еще добавить, что для того, чтобы узнать больше, нужно и смотреть больше.

Итак, мы осмотрели еще некоторые здания — коженную лавку с до сих пор висящими на ржавых гвоздях ссохшимися и покрытыми плесенью товарами из кожи, свечную лавку, древесный склад с аккуратно сложенными, но совершенно сгнившими дубовыми и сосновыми досками и, наконец, кузницу.

Постепенно приближаясь к церкви, находящейся в центре деревни, мы зашли, все-таки, и в пару жилых когда-то домов. Оба дома были построены в традиционном пуританском стиле и представляли собой редкую находку для любого антиквара или собирателя древностей. Были они — так же, как и все другие дома в этой деревне — оставлены людьми и наполнены теми же ужасными запахами гниения.

Вокруг — ни единого живого существа. Только мы с Кэлом. Мы так и не услышали ни одной птицы и не увидели ни единого насекомого. Даже паутины здесь нигде не было... Только пыль.

Наконец, мы дошли до церкви. Мрачно, холодно и неприветливо возвышалась она над нами. Окна были черны от царящей внутри тьмы, а благочестие и святость давно покинули эти стены — это я понял сразу и совершенно уверен в том, что только что написал. Тем не менее, мы поднялись по ступеням и я взялся рукой за массивное кольцо закрытой двери. Хмуро посмотрев на Кэлвина, который был ненамного веселее меня самого, я потянул дверь на себя... Интересно, подумал я, как долго не прикасалась к этому кольцу рука человека? Уверен — я был первым за последние лет пятьдесят или даже больше. Дверь еще поддавалась, оглашая округу душераздирающим скрежетом изъеденных ржавчиной петель. В следующее мгновение наши легкие оказались заполненными парализующим дыханием смрадом гниения и плесени, который хлынул на нас подобно страшной волне. Задыхаясь рвотными спазмами и кашлем, мы инстинктивно отпрянули в сторону в поисках более свежего воздуха.

— Сэр, — спросил Кэлвин, еле выговаривая слова. — Вы уверены, что...

— Я в порядке, — поспешил успокоить я его, хотя сам я был весьма далек в тот момент от спокойствия. Даже сейчас, Боунз, когда я пишу тебе это письмо и заново, как в страшном сне, переживаю те ужасные минуты, я чувствую себя ненамного лучше, чем тогда, когда все это происходило с нами наяву. Я и раньше слышал, что существуют такие пагубные для всего живого места, стро-

ения и даже отдельные помещения, где молоко, например, скисает и портится буквально на глазах, но относился к подобным «рассказням» с высокомерным снисхождением. Церковь, в которой мы находились, была именно таким местом, — удрученно думал я, как вдруг услышал резкий вдох изумления Кэлвина и своими глазами увидел то, что только что заметил он.

Это было просто ужасно...

«Картина», открывшаяся моим глазам, поразила меня настолько, что даже затрудняюсь передать те чувства, которые просто захлестнули меня. Это была злобная карикатура на мадонну с младенцем Рубенса, намалеванная углем на церковной стене...

— Господи, — прошептал я.

— Здесь нет Господа, — ответил мне Кэл и его слова, казалось, сотрясли воздух. Я открыл дверь, ведущую непосредственно в саму церковь и запах, окружавший нас до этих пор, превратился просто в настоящие миазмы, вывести которые мы были уже почти не в силах.

Дневной свет еле пробивался внутрь сквозь заросшие пылью окна и едва достигая скамей, которые казались от этого какими-то призрачно-черными — особенно в том месте, где они приближались к алтарю. Еще дальше, почти совсем невидимая, возвышалась величественная дубовая кафедра, с которой когда-то звучали проповеди... Но хуже всего было видно то место, где должно быть распятие — лишь тусклый и едва заметный отблеск золота пробивался оттуда сквозь плотную завесу из пыли, которая поднялась от сквозняка, вызванного нашим появлением. Несмотря на очень плохую видимость, я — каким-то шестым чувством — сразу безошибочно почувствовал и окончательно понял, в чем причина нашего столь сильного беспокойства.

Мы сделали несколько шагов в этом направлении и вдруг Кэл, с каким-то истеричным полувсхлипом-полувздохом, вызванным сильным и неожиданным испугом, порывисто перекрестился. То же самое незамедлительно проделал и я — перед нами висел очень большой, очень красивый и богато отделанный золотом крест, но этот

крест... висел в перевернутом положении!.. Ты понимаешь, Боунз? *Крест был перевернут!..*

— Спокойно, — услышал я собственный голос. — Мы должны сохранять спокойствие, Кэлвин. Мы должны сохранять спокойствие... Спокойно...

Но черная тень уже коснулась моего сердца и я почувствовал такой непередаваемо-сильный страх, какого не испытывал никогда в жизни. Ты знаешь — я побывал уже однажды в когтях у смерти и думал, что нигде не может быть темнее, чем там. Оказывается — может... Очутившись перед символом Сатаны, я ощутил прикосновение Его Тьмы, несравнимой ни с чем...

Мы тихо спустились в проход между скамьями и двинулись к алтарю. Шаги наши оставляли следы в мягком ковре из пыли, которая была здесь повсюду, и отдавались гулким многократным эхом повсюду вокруг, а особенно сильно — сверху. На алтаре нас ожидало еще нечто совершенно неожиданное и весьма мрачное... Не хочу и не могу подробно останавливаться на этом, но несколько слов сказать все же необходимо.

Поставив ногу на первую ступень, ведущую к алтарю, я услышал неожиданный возглас Кэлвина:

— Не делайте этого, мистер Бун! Мне страшно...

Я не послушал его и увидел огромную раскрытую книгу, написанную на Латыни и, насколько я в этом понимаю, еще на каком-то древнем языке — то ли на каком-то до-кельтском, то ли на языке Друидов. Попытавшись вспомнить хоть что-нибудь из того, что я знал об этих языках в юности и оставив, наконец, эту затею, я закрыл книгу и увидел надпись, отиснутую на коже переплета: *De Vernis Mysteriis*. Это была Латынь. Ее я тоже начал постепенно забывать, но все же не настолько, чтобы не суметь перевести. Надпись гласила: *Тайны червя*.

В ту же секунду (занесла же нас нелегкая) мне показалось, что передо мной медленно проплыло побелевшее от страха лицо Кэлвина и послышалось какое-то чрезвычайно странное и монотонное пение очень низких голосов, наполняющих все мое существо отвратительным и неодо-

лимым страхом. Кроме этого я каким-то образом почувствовал (просто ухом услышать это невозможно) еще один звук, гораздо более низкий. Исходил он, казалось, из самых глубин земли. Галлюцинация? Отнюдь! В следующий момент церковь вдруг наполнилась вполне реальными звуками, которые мог бы услышать кто угодно, находишься он тогда рядом с нами. Это были звуки, порождаемые страшной и нарастающей секундой вибрацией прямо у нас под ногами. Эта ужасная вибрация передавалась всему: алтарю, рядом с которым я стоял, оскверненному кресту на стене, нам, наконец, с Кэлвином — то есть, решительно всему.

Через несколько мгновений, не произнеся ни слова, мы с Кэлвином были уже на улице, решив поскорее убраться из этого Богом оставленного места. Ни один из нас ни разу не обернулся, чтобы посмотреть назад — до тех пор, пока мы не очутились по другую сторону ручья. Не знаю, что превратило (как утверждают некоторые) обезьяну в человека, но уж не бег — это точно. Обратный процесс (по крайней мере — в случаях, подобных нашему) гораздо более вероятен. Во всяком случае, я был бы жалким лжецом и глупцом, если бы сказал, что в тот день у нас была обычная увеселительная прогулка.

Такая вот история, дорогой Боунз... Надеюсь, она не скажется отрицательно на твоём выздоровлении и ты не подумаешь, что у меня снова рецидив воспаления мозга. Кэл может подписаться под каждым словом этого письма. Под теми, в том числе, где говорилось об отвратительных, ужасных шумах в стенах.

Писать на этом пока заканчиваю, надеясь поскорее — как только сможешь — увидеть тебя (твой приезд сюда наверняка немедленно положит конец всей этой дьявольщине).

Остаюсь твоим верным другом и поклонником.

ЧАРЛЬЗ.

17 октября, 1850 года.

ДОРОГИЕ ДЖЕНТЛЬМЕНЫ,

В последнем выпуске Вашего каталога (за сентябрь 1850 года), в разделе «Домашнее хозяйство», я прочитал о препарате, предлагаемом Вами к продаже, который называется «Крысиный яд». Я хотел бы приобрести одну (1) 5-фунтовую банку этого вещества по предложенной Вами цене (30 центов). Вы можете прислать мой заказ по адресу: Штат Мэн, округ Камберленд, Причер'з Корнерз, Чепелуэйт, Кэлвину МакКэнну.

Благодарю Вас за внимание и заранее благодарен.
КЭЛВИН МакКЭНН.

19 октября, 1850 года.

ДОРОГОЙ БОУНЗ,

Все, о чем я тебе уже писал, продолжается...

Шумы в стенах усилились и я все ближе и ближе подхожу к выводу, что крысы здесь совершенно ни при чем. Мы с Кэлвином предприняли еще одну безуспешную попытку найти какой-нибудь ход или, хотя бы, какую-нибудь трещину или отверстие в стенах, но, как ты уже, наверное, понял, не нашли ни единой дырочки. Думаю, мы неплохо вписались бы в какой-нибудь очередной детективный роман миссис Рэдклифф. Как ты считаешь, Боунз? Кэл утверждает, однако, что больше и сильнее всего звуки доносятся снизу, со стороны подвала, Им мы и займемся завтра с самого утра. Тот факт, что именно там нашла свою смерть несчастная сестра кузена Стивена, меня совершенно не радует... И наталкивает, к тому же, на мысль, что совпадение это, может быть, совсем не случайно...

Ее портрет, кстати, висит в верхней галерее. Довольно непримечательное и грустное лицо — даже если художник и приукрасил его. Насколько я знаю, она никогда не была замужем. Временами мне начинает казаться, что миссис Клорис была, может быть, совершенно права, когда говорила, что этот дом *плохой*. Он действительно не принес ни одному из своих последних жителей ничего, кроме страданий и мрака... Я начинаю постепенно понимать это.

Сегодня мне удалось увидеть грозную миссис Клорис и поговорить с ней во второй раз. И мне, следовательно, есть что добавить к написанному ранее. На мой взгляд, миссис Клорис — самый уравновешенный человек в Причер'з Корнерз из всех, кого я видел здесь до сих пор. Встречи этой я искал специально — особенно после одного весьма неприятного визита, который мне пришлось нанести сегодня и о котором я сейчас тебе расскажу. Итак, начну с того, что дрова на зиму, о которых договорился Кэл, должны были быть доставлены нам сегодня утром. Когда часы пробили полдень, а дров все еще не было, я решил совершить свою ежедневную прогулку и направился к Томпсону — человеку, с которым Кэл договаривался о поставке дров.

Стояла чудесная осенняя погода. День был удивительно светлым и ярким, а воздух освежал и бодрил. Кэл подробно рассказал мне, как найти дом Томпсона, но сам, к сожалению, остался дома, пытаясь найти хоть какую-нибудь зацепку в документах покойного кузена Стивена. Так вот, когда я добрался до дома лесоруба, я пребывал в совершенно прекрасном расположении духа. Такого замечательного настроения у меня не было по крайней мере уже несколько последних дней. Я собирался лично познакомиться с Томпсоном и великодушно простить ему задержку с поставкой дров.

Целью моей прогулки оказался сильно заросший сорной травой большой двор с двумя или тремя домами, явно требовавшими ремонта или хотя бы свежей покраски. Рядом с сараем безмятежно прогуливалась огромная и грязная свинья. По ее легкомысленному похрюкиванию я понял, что она, наверное, еще ничего не знала о том, что в ноябре ее обязательно заколют. В дальнем конце загаженного двора, между жилым домом и вторым сараем, я увидел женщину в сильно поношенном пальто из грубой пряжи. Она кормила спящих вокруг нее кур, разбрасывая вокруг себя пшено, которым был наполнен ее передник. Когда она обернулась на мой оклик и увидела, кто ее приветствует, ее лицо тут же побледнело и исказилось от страха.

Столь неожиданная реакция на мое появление и столь резкая перемена в выражении лица — от полного покоя и умиротворения до крайней степени испуга — очень удивили меня. Я успел только подумать тогда, что эта бедная глупая женщина, может быть, просто приняла меня за покойного Стивена, а она, судорожно перекрестившись и застыв от ужаса на месте издала такой дикий крик, на который способна только насмерть перепуганная женщина. Пшено просыпалось, а куры, наруганные не меньше своей хозяйки, разбежались по всему двору, громко хлопая крыльями и кудача.

Еще до того момента, когда я успел произнести хоть слово, на пороге появилась огромная и неуклюжая фигура мужчины, одетого только в нижнее белье. В одной его руке было ружье, а в другой, почему-то, кувшин. Почему — я понял в следующую секунду, разглядев его покрасневшие и мутные глаза и нетвердую, пошатывающуюся походку. По этим же недвусмысленным признакам я определил, что передо мной — дровосек Томпсон собственной персоной.

— Бу-у-ун! — взревело это чудовище. — Будь ты п-проклят! Какого дьявола тебе н-нужно от м-м-меня?!

Он изо всех сил швырнул кувшин оземь и тоже перекрестился.

— Я пришел, — начал я, стараясь, насколько это позволяли обстоятельства, сохранять самообладание, — потому, что нам не были доставлены дрова. Мой человек договорился с вами о том, что...

— Будь проклят и твой человек вместе с тобой! — не дав мне закончить, снова зарычал Томпсон. Только в этот момент я понял, что за маской неистового гнева и за грубой бранью этот человек пытается скрыть свой смертельный испуг. Я даже начал опасаться того, что с перепугу он на самом деле может пустить в ход свое ружье. Я начал как можно осторожнее:

— Будьте любезны... Может быть, вы...

— Подите вы к дьяволу со своей любезностью!

— Ну, хорошо, хорошо, — спокойно ответил я, стараясь сохранить в этой неприятной ситуации хотя бы чувство

собственного достоинства. — Я зайду к вам в другой раз, когда вы будете получше себя чувствовать, а пока от души желаю поскорее прийти в себя.

С этими словами я развернулся и не спеша направился вниз по дороге, ведущей в деревню.

— Забудь дорогу сюда! — ревел сзади меня Томпсон. — Ты проклят! Проклят! Проклят!

Краем глаза я заметил, как этот дикарь, не унимаясь, схватил с земли камень и швырнул мне его вдогонку. Я решил не доставлять ему удовольствия и не стал уворачиваться — камень попал мне прямо в плечо.

Итак, я отправился искать миссис Клорис, желая узнать, по крайней мере, причину столь явной враждебности ко мне со стороны Томпсона. Она вдова (оставь только, пожалуйста, свои бесконечные шуточки по поводу моей возможной женитьбы: эта женщина, к тому же, старше меня лет на пятнадцать, не меньше, а мне самому, как ты знаешь, сорок с лишним). Живет одна, в очаровательном маленьком коттедже на самом берегу океана. Я застал ее развешивающую постиранное белье во дворе и встретила она меня, как показалось, вполне приветливо. Я увидел в этом хороший знак и как-то сразу почувствовал, что сюда я пришел не зря. Словами это объяснить трудно — если вообще возможно — но предчувствие было очень сильным и сулило удачу.

— Мистер Бун! — вполне искренне улыбнулась мне миссис Клорис и сделала полу-реверанс. — Вы пришли справиться насчет стирки? Сентябрьскую я сделать еще не успела — ревматизм совсем замучил, да и вообще трудно стало управляться одной.

— Хотел бы я, чтобы причиной моего визита к вам, дорогая миссис Клорис, была стирка! Я пришел к вам за помощью... И очень прошу вас рассказать мне все, что вам известно о Чепелуэйте, а также о местечке под названием Поселение Иерусалим. Мне также очень хочется узнать — может быть, с вашей помощью — почему люди здесь относятся ко мне с таким страхом и подозрительностью.

— Поселение Иерусалим!.. Значит, вы уже знаете о нем...

— Да, — ответил я. — Даже побывал там со своим другом неделю назад.

— Господи! — вздрогнула она и стала бледной как простыни, рядом с которыми стояла. Я успокаивающе дотронулся до нее рукой, чтобы остановить напавшую на нее мелкую дрожь. В какой-то момент мне показалось даже, что глаза у нее закатываются и она вот-вот упадет в обморок от страха.

— Миссис Клорис, простите меня, если я сказал что-нибудь...

— Войдите, — тихо промолвила она, не дослушав моих извинений. — Вы, все-таки *должны* знать то, о чем я вам сейчас расскажу... Боже милостивый, неужели опять наступили дни дьявола?!..

Дальше она не смогла сказать ничего более вразумительного до тех пор, пока не напилась крепкого чая в своей залитой ярким солнечным светом кухне. И даже после этого она еще некоторое время задумчиво и печально смотрела на океан, пока, наконец, не почувствовала, что может говорить спокойно. В этот момент мы оба пристально смотрели на Чепелуэйтский холм, доминирующий над всем окружающим пейзажем, и на мой дом, высящийся на самой его вершине подобно маяку. Огромные окна гостиной, выходящие на океан и хорошо видимые даже с такого большого расстояния, очень красиво отражали яркие лучи начинающего клониться к закату солнца. Картина была просто изумительно красива, но, вместе с тем, и как-то странно-тревожна... Вдруг миссис Клорис неожиданно повернула ко мне свое осунувшееся от переполнявшего ее страха лицо и неожиданно четко и убедительно произнесла, очень серьезно глядя мне прямо в глаза:

— Мистер Бун, вы должны *немедленно* уехать из Чепелуэйта!

Я был просто поражен, а она, тем временем, продолжала:

— Я почувствовала дыхание дьявола в воздухе повсюду вокруг в первый же день вашего приезда сюда. На прошлой неделе — как раз тогда, когда вы побывали в этом

проклятом месте — были совершенно явные предзнаменования... Большое темное пятно неожиданно появилось на лице луны; на кладбище всю ночь кричала огромная стая козодоев; у одной женщины случились преждевременные и совершенно страшные роды... Вы немедленно должны уехать!

Совладав, наконец, с собой, я начал как можно более мягко:

— Милая миссис Клорис, ведь все это выдумки. Вы же умная женщина и должны хорошо это понимать.

— Выдумки?! Выдумки то, что Барбара Браун родила ребенка, у которого не было глаз?! Или то, что Клифтон Брокетт наткнулся в чепелуэйтском лесу на поляну с совершенно белой травой, хотя ее ничто не загораживает от солнечного света?! Все это, по-вашему, выдумки?! Да и вы сами — вы же сами побывали в Поселении Иерусалим и собственными глазами видели, что там уже многие и многие годы нет ни единой живой души!

Ответить мне было нечего; перед глазами возникла, как наяву, та ужасная церковь...

Пытаясь хоть как-то успокоить себя, она крепко сцепила вместе свои старческие узловатые руки и, закрыв глаза, прижала ладони ко лбу, как бы загораживаясь от всего того, что повергало ее в такой ужас.

— То, о чем я вам сейчас расскажу, я узнала от моей матери и от матери моей матери. Вы хорошо знакомы, мистер Бун, с историей вашего рода с тех пор, как он появился в Чепелуэйте?

— В общем — не очень и довольно отрывочно, — ответил я. — Дом этот принадлежал ветви нашего рода, происходящей от Филипа Буна с восьмидесятих годов восемнадцатого века; его брат Роберт — мой дед — переехал отсюда в Массачусетс из-за конфликта по поводу каких-то пропавших бумаг. Что же касается ветви Филипа, то мне известно о ней не очень многое: известно лишь, что ее постоянно преследовал какой-то непонятный злой рок. Причем, преследовал он их неотступно, из поколения в поколение — трагически погибла Марселла, разбился насмерть Стивен. Дом в Чепелуэйте перешел ко мне,

кстати, именно по его воле. Он очень хотел, чтобы этот дом навсегда остался родовым домом Бунов, чтобы наш род не рассеивался по всему свету и не прекратил постепенно свое существование. Он рассчитывал, видимо, на то, что на мне это проклятие, наконец, закончится.

— Оно не закончится никогда, — прошептала миссис Клорис. — Вам известна настоящая причина ссоры между Филипом и Робертом?

— Мне известно только то, что Роберт Бун якобы выкрал какие-то важные документы из письменного стола своего брата Филипа, — ответил я.

— Филип Бун был сумасшедшим, — тихо и очень убедительно возразила мне на это миссис Клорис. — И он был человеком, который путался с нечистой силой. То, что Роберт Бун пытался похитить у своего брата (заметьте — только *пытался*, но не похитил), было вовсе не документами. На самом деле это была оскверненная и богохульная библия. Это было просто дьявольское ее извращение, написанное на древних языках — Латыни, языке Друидов и на каких-то еще других... *это была дьявольская книга...*

— *De Vermis Mysteriis*. То есть — *Тайны червя*, — подсказал ей я и тут же пожалел о такой своей поспешности и непредусмотрительности — бедная женщина в испуге отшатнулась от меня так, как если бы ее кто-то сильно толкнул.

— Так значит, вы знаете о ней?

— Я видел ее... И дотрагивался до нее собственными руками.

Мне показалось, что миссис Клорис снова вот-вот потеряет сознание от страха. Ее рука судорожно взметнулась к горлу, а глаза округлились настолько, что я не на шутку испугался, что бедной старушке может действительно стать очень плохо — либо от спазматического удушья, вызванного сильным испугом, либо просто от нервного перенапряжения. Когда она снова овладела собой, я продолжил:

— Да, я действительно видел ее — в Поселении Иерусалим, на алтаре в этой ужасной церкви.

— Значит, она все еще там... Все еще там...

Ноги несчастной миссис Клорис подкосились и она тяжело опустилась в кресло.

— Боже милостивый, — взмолилась она. — Как же я надеялась, что Ты давно уже закинул эту проклятую книгу в самое сердце преисподней!

— Какое отношение имел Филип Бун к Поселению Иерусалим?

— Кровавое отношение... И кровная связь, — был мрачный ответ. — На нем была Печать Зверя, но никто не догадывался об этом до тех пор, пока в ночь с 31 октября на 1 ноября 1789 года Филип Бун не исчез... Вместе с ним бесследно исчезло и все население этой проклятой деревушки...

К сказанному она больше почти ничего не добавила. Думаю, что она и на самом деле не знала ничего больше того, о чем уже сумела рассказать мне. Она только повторила еще несколько раз, что я обязательно должен немедленно уехать из Чэпелуэйти. Состояние бедной перепуганной женщины было близко к иступлению. Взгляд — остановившийся и остекленевший. Плохо слушающимся языком она без конца и очень невнятно повторяла что-то вроде того, что «кровь приводит только к крови» или что-то о «кровных узах» и каких-то там связях, а еще — что-то о «тех, кто *наблюдает* и тех, кто *охраняет*».

Сумерки за окном сгущались все больше и больше, а вместе с этим росло и волнение бедной миссис Клорис. Для того, чтобы хоть как-то ее успокоить, я пообещал серьезно подумать обо всем, что услышал от нее.

Мой путь домой пролегал по дороге, затененной длинными и мрачными тенями от придорожных деревьев и кустов. Солнце уже подходило к горизонту, от утреннего прекрасного настроения не осталось и следа, а в голове роились вопросы, которые мучают меня и до сих пор. Кэл встретил меня совсем не радующей новостью о том, что шумы в стенах усилились еще больше. Я попытался убедить себя в том, что это, все-таки, крысы, но в моем воображении тут же возникло искаженное от ужаса лицо миссис Клорис.

Над океаном показалась луна. Она была полной и цвет ее очень напоминал цвет крови, а лунная дорожка, простиравшаяся от горизонта до самого берега, была просто пунцово-алой. Я снова вспомнил ту церковь и

(здесь строка перечеркнута)

Лучше бы тебе не видеть всего этого, Боунз. Это слишком страшно. Думаю, что сейчас мне лучше всего заснуть. Но в мыслях, мой дорогой друг, я с тобой.

С уважением,
ЧАРЛЬЗ.

(Из записной книжки Кэлвина МакКэнна)

20 октября 1850 года

Сегодня утром нашел в библиотеке одну весьма интересную книгу. На вид — довольно древний фолиант в кожаном переплете и с замком, с которым пришлось довольно долго повозиться, прежде чем удалось открыть его. Успел сделать это еще до того, как проснулся мистер Бун. Радости это, однако, доставило мне не много, так как содержание книги оказалось зашифрованным. Шифр, думаю, несложен. Надеюсь, мне удастся разгадать его так же просто, как удалось справиться с замком. Я почти уверен, что это чей-то дневник. Почерк, кстати, очень напоминает почерк мистера Буна. Чья бы это могла быть книга, запрятанная в одном из самых дальних углов библиотеки и закрытая, к тому же, на замок? Выглядит она очень старой, но определить ее возраст, хотя бы приблизительно, затрудняюсь. Записи сохранились довольно хорошо благодаря тому, что были защищены — хотя бы в какой-то степени — от действия воздуха, влаги и пыли. Мистер Бун намерен тщательно осмотреть все подвальные помещения. Боюсь, что все эти изматывающие нервы изыскания могут плохо повлиять на его здоровье. По крайней мере пока. Попытаюсь попробовать убедить его в этом...

Вот, как раз, и он.

20 октября 1850 года

БОУНЗ,

Я не могу писать... Я уже не могу писать обо всем этом...

(Из записной книжки Кэлвина МакКэнна)

20 октября 1850 года

Боюсь, он все-таки подорвал себе здоровье. Налицо все признаки нервного срыва...

Господи! Ниспошли выздоровление мистеру Буну и помощи нам всем!

Я, кажется, тоже уже не могу не думать обо всем этом кошмаре постоянно. Мысли эти основательно поселились в моем мозгу и терзают его практически беспрестанно, подстегиваемые этими ужасными звуками из подвала!..

Сейчас я один. На часах половина девятого. Весь дом погружен в тишину, но вот...

Сегодня я нашел мистера Буна спящим, уронив голову на письменный стол. Когда я подошел поближе, чтобы помочь ему перебраться на кровать, я увидел, что глаза у него полуприкрыты, а сам он — бледен как полотно. Это был глубокий обморок. Я привел его в чувство и перенес на кровать, где он и спит до сих пор. Но за те несколько мгновений, когда мистер Бун пытался смущенно оправдать свою слабость и успокоить меня, я ощутил ужасный, просто парализующий страх!

Его кожа сейчас слишком похожа на воск и слишком прохладна. Но это не воспаление мозга и не лихорадка — благодарение Господу! Я совершенно не могу оставить его даже для того, чтобы сходить за врачом. Но если бы я даже и смог, — кто бы вернулся со мной сюда? Кто бы отважился переступить порог этого проклятого дома?!

Еще этот подвал! Мысли о нем и о том, что в нем может быть, преследуют меня постоянно!

22 октября 1850 года

ДОРОГОЙ БОУНЗ,

Я снова в порядке. Некоторая слабость еще, все-таки осталась. Проспал тридцать шесть часов! Если выразаться точнее, то это был не совсем сон, а нечто среднее между сном и полубоддрствованием, между сознанием и совершенно бессознательным состоянием. Но теперь я снова, наконец, пришел в себя... Какая жестокая, просто дьявольская шутка! Я никогда не приду в себя, никогда больше не стану собой — тем, что я был раньше... Никогда!.. Я столкнулся лицом к лицу с таким непередаваемым безумием и ужасом, которые находятся выше человеческого понимания.

И конца этому кошмару не видно...

Думаю, я умер бы в эту же минуту, если бы не поддержка Кэла. Кэл — единственный островок здравомыслия, пусть даже и маленький, в этом океане совершенно жуткого, убийственного безумия!

Ты должен знать обо всем этом.

Мы с Кэлвином взяли по длинной и толстой свече, каждая из которых давала очень яркий и сильный свет и направились к входу в подвал. Кэлвин пытался отговорить меня от этой затеи, напоминая о моем недавнем недомогании и стараясь убедить меня в том, что самое большее, что мы, может быть, найдем в подземелье, без сомнения окажутся просто огромные крысы, которых он без труда перетравит всех до единой и без моего участия, как только получит заказанный им специальный крысиный яд.

Отговорить ему меня, однако, не удалось.

— Поступайте, как вам виднее, мистер Бун, — только и проговорил он, обреченно перекрестившись.

Вход в подвал представлял собой огромный и очень тяжелый люк недалеко от кухни, поднять который нам обоим стоило очень больших усилий.

Из темноты, открывшейся нам под люком, тут же поднялся зловонный, почти непереносимый смрад. Он был почти осязаем и сразу же напомнил нам тот запах, который густым туманом окутывал нас в Поселении Иерусалим. Пламя свечи, которую я держал в руках сразу померкло,

затрепетало и чуть не погасло от того мертвого воздуха, который хлынул на нас в первые секунды из черных глубин подземелья. Лестница, ведущая вниз, была деревянной и сильно прогнила. В одном месте несколько ступеней не было вообще. Вместо них ужасающе черным зевом зияла огромная и, казалось, бездонная дыра. Тут же я ярко представил себе ужасную картину того, как несчастная Марселла нашла здесь свою трагическую смерть.

— Будьте осторожны, мистер Бун, — услышал я предостерегающий голос Кэла.

Я успокоил его, сказав, что у меня нет совершенно никакого желания сворачивать себе шею и мы начали медленно и очень осторожно спускаться.

Благополучно миновав опасную лестницу, которая оказалась намного длиннее, чем можно было предположить, мы, наконец, почувствовали ногами земляной пол. Несмотря на свет двух свечей, которые мы держали в руках, видно было очень плохо и, неловко повернувшись, я задел левым плечом гранитную стену фундамента, отчего почти весь рукав сразу же стал мокрым. Поднеся свечу поближе к стене, я увидел, что вся она покрыта какой-то непонятной и совершенно отвратительной слизью. Место это совсем не показалось мне похожим на крысиный рай. Насколько я мог видеть, здесь не было ни одной норы, ни одного ящика, какого-нибудь сломанного шкафа или еще чего-нибудь в этом роде, где они могли бы устраивать свои убежища. Мы подняли свечи повыше, но это лишь немного расширило небольшое пятно света вокруг нас, за которым начиналась непроглядная тьма. Пол имел небольшой уклон в сторону главной гостиной и столовой — то есть, на запад. В этом направлении мы и двинулись. Тишина, нарушаемая лишь тихими звуками наших шагов, была совершенно полной, а зловоние становилось все более и более сильным. Непроглядная тьма вокруг нас была настолько густой и почти осязаемой, что казалось, она вот-вот раздавит нас за то, что мы принесли с собой два маленьких язычка пламени, дерзко нарушивших своим светом ее безраздельное и многолетнее господство в этом зловещем подземелье.

В дальнем конце коридора гранитные стены были, зачем-то отделаны полированным деревом, которое казалось совсем черным и совершенно не отражало света. В этом месте коридор заканчивался, образуя довольно большую нишу под главной гостиной. Из-за очень плохой видимости осмотреть ее можно было, только войдя непосредственно внутрь, что мы с Кэлвином и решили сделать.

Едва войдя в нишу, мы каким-то неведомым чувством сразу же отчетливо почувствовали совершенно явственное дыхание прошлого. Его присутствие было настолько очевидным и реально ощутимым, что нам сразу стало как-то очень не по себе. Ощущение было таким, как будто мы совершенно неожиданно, а самое главное — наяву, перенеслись во времени на много-много лет назад. Почти точно в центре ниши стоял ступ, а над стулом, на крюке, вбитом в одну из балок перекрытия, висел обрывок полуистлевшей пеньковой веревки, на конце которой когда-то явно была петля.

— Господи, — прошептал Кэл. — Ведь здесь, значит, он и повесился!

— Именно так, — подтвердил я. — Неподалеку от того места, где, упав с лестницы, насмерть разбилась его дочь.

Кэл начал говорить еще что-то, но, посмотрев на него, я увидел, что его глаза остановились вдруг на каком-то предмете, расширились от страха, а относительно спокойная до этого момента речь мгновенно переросла в дикий крик непередаваемого ужаса. В следующую секунду то, что так напугало Кэлвина, увидел и я...

Как я могу описать тебе, Боунз, то что предстало перед нашими глазами?! Разум простого жителя земли совершенно бессилен перед такой задачей...

Дальняя стена ниши как-то непонятно повернулась и из еще более глубокой черноты, открывшейся за ней, вдруг появилось непередаваемо-страшное лицо... Бездонные глаза, глядевшие на нас искоса и немного исподлобья, были черны как глаза самой смерти. Ужасный взгляд этот сопровождался не менее страшным и безгубым оскалом. В следующий момент это нечто протянуло к нам свою желтую истлевшую и ссохшуюся руку и, издав какой-то

непонятный и совершенно отвратительный звук, сделало нетвердый шаг в нашу сторону и...

я увидел синеваато-багровый след от веревки на его шее!

За спиной этого монстра показалось еще нечто человекоподобное — это была молодая (если так можно выразиться) девушка с вздувшимся от разложения мертвенно-бледным лицом, по которому тоже блуждало некое подобие улыбки. Завершить описание этих исчадий ада можно тем, что голова девушки была вывернута под немыслимым углом и почти лежала на плече — шейные позвонки были явно сломаны.

Они хотели *нас*. Я знаю это точно. Они хотели утащить нас в свою адскую тьму и навсегда сделать нас своими рабами. Именно так бы все и произошло, если бы я не вышел из вполне понятного оцепенения и не швырнул в них тяжелой свечой, которую держал в руке. За свечой последовал стул, оказавшийся под другой рукой. Свечу Кэлвина задуло неожиданно возникшим откуда-то сквозняком, а в следующее мгновение я почувствовал, как неудержимо меркнет и мое сознание.

Очнулся я в своей комнате. Рядом с кроватью сидел мой верный друг Кэлвин.

Если бы я мог уехать отсюда — я сделал бы это, не колеблясь ни секунды, не тратя времени даже на то, чтобы переодеться из пижамы, в которой сейчас нахожусь. Если бы я только мог... Но сделать это я теперь просто не могу. Не спрашивай меня, почему — я просто знаю это и все. Я стал одним из действующих лиц в жуткой и мрачной драме и уйти в сторону я теперь просто не в состоянии. От меня это теперь не зависит. Как же права была миссис Клорис, когда говорила о крови, которая может привести тоже только к крови и о тех, кто *наблюдает* и тех, кто *охраняет*. Боюсь, я разбудил Силу, полвека дремавшую в мрачной церкви деревушки под названием Поселение Иерусалим, Силу, погубившую моих предков, подчинив их черным силам зла и сделав при этом Бессмертными.

Боюсь, Боунз, что это еще далеко не все. Мне кажется, что все только начинается и самое страшное еще впереди.

Если бы я знал... Если бы я только знал обо всем этом раньше!

ЧАРЛЬЗ.

P.S. Все написанное в этом письме написано пока только для меня — мы изолированы от Причер'з Корнерз глухой стеной человеческого отчуждения. Уж я-то, по крайней мере, точно не могу появиться там, чтобы отправить это письмо. Это, может быть, смог бы сделать Кэлвин, но он не хочет оставлять меня здесь одного. Может быть, с Божьей помощью, письмо это как-нибудь и дойдет до тебя Ч.

(Из записной книжки Кэлвина МакКэнна)

23 октября 1850 года

Сегодня к утру мистер Боунз уже немного оправился после вчерашнего и мы смогли поговорить немного о том, что же, все-таки, произошло с нами вчера в подвале. С первых же слов, которыми мы обменялись, сразу стало ясно, что увиденные нами существа были отнюдь не галлюцинацией... Они были *реальными*! Я пока, правда, не понял, что мистер Бун думает по поводу того, вернутся они или нет. Что же касается меня, то мне все это представляется очень зловещим и труднодоступным для понимания нормального человека. Шумы в стенах появились снова и душа моя полна самыми безрадостными и тревожными предчувствиями, а все происходящее сейчас вокруг нас воспринимается мной как затишье перед страшной бурей...

Желая хоть как-то отвлечься от одолевающих меня мрачных мыслей, я решил заняться разборкой документов в письменном столе одной из спален верхнего этажа. По первым же письмам и счетам я понял, что комната принадлежала раньше Роберту Буну. Уже через несколько минут на глаза мне попала бумага, которая сразу же очень заинтересовала меня. Это был небольшой прямоугольник плотной глянцевой бумаги с рекламой мужских

касторовых шляп. Но заинтересовали меня, разумеется, не шляпы, а то, что было на оборотной, чистой стороне. В самом верху была написана фраза:

Счастливые смиренны.

За ней следовал совершенно бессмысленный, казалось бы, набор букв:

с н а о т н и п ы е с е и ч е н я
н ч е с л л я в в е т м т р о н о ы

Я сразу понял, что это не что иное, как шифр. И шифр этот, возможно, именно тот, с помощью которого удастся прочесть книгу, найденную мной три дня назад в верхней библиотеке (см. запись от 20 октября сего года). Шифр оказался очень простым. Именно таким нарочито простоватым шрифтом пользовались во время войны за Независимость для передачи секретных военных донесений. Если убрать ненужные буквы (каждую вторую), то шифр примет следующий вид:

с а т и ы с и е н
ч с л в е м р н ы

Если же прочесть получившееся не слева направо, как обычно, а сверху вниз, то получится фраза написанная вверху этой рекламной открытки: «Счастливые смиренны».

Прежде, чем показать ее мистеру Буну, нужно проверить, подойдет ли шифр к книге.

24 октября 1850 года

ДОРОГОЙ БОУНЗ,

Спешу сообщить тебе замечательную новость. Кэл, всегда немногословный и даже молчаливый до тех пор, пока не удостоверится полностью в том, что то, что он собирается сказать, действительно сказать необходимо, до тех пор, пока он не удостоверится в том, что это досто-

верно и в том, что он прав (довольно редкая, кстати, и достойная уважения черта), сообщил мне сегодня, что он нашел дневник моего покойного деда Роберта. Записи в дневнике оказались зашифрованными, но Кэл справился и с этим. Он сказал, что книга обнаружена им, в общем-то, случайно и что шифр оказался простым, но я уверен, что за всем этим стоит долгий и кропотливый труд этого редкого человека.

В любом случае, находка эта должна пролить какой-нибудь свет на то, что мы никак не можем понять, а может быть даже и вообще снять покров тайны со всего, происходящего здесь.

Первая запись датирована 1-м июня 1789 года, последняя — 27-м октября 1789 — то есть, за четыре дня до загадочного исчезновения Филипа Буна и населения целой деревни, о котором говорила миссис Клорис. Почти каждое слово дневника создает впечатление, что его автор одержим очень сильной навязчивой идеей (если он вообще не сумасшедший), но проливает свет на очевидность связи между братом моего деда, Филипом, Поселением Иерусалим и книгой, до сих пор находящейся на алтаре той страшной церкви, о которой ты уже знаешь.

Деревушка эта был построена, оказывается, задолго до появления Чепелуэйта (первый камень которого был заложен в 1782 году) и даже до появления Причер'з Корнерз (который был основан в 1741 года и назывался он тогда Причер'з Рест). Начало Поселению Иерусалим было положено группой пуритан в 1710-м году. Возглавлял эту группу религиозный фанатик по имени Джеймс Бун. То, что этот Джеймс имеет непосредственное отношение к нашему роду, не вызывает у меня теперь никаких сомнений. Более того — он, по-видимому, является его непосредственным родоначальником. Как же права была миссис Клорис в своей суеверной, как мне показалось сначала, убежденности, что кровные узы в моем случае имеют решающее значение! Сейчас я с некоторым содроганием вспоминаю, что она ответила на мой вопрос о том, какое отношение имел Филип к Поселению Иерусалим. Ее слова были именно «кровные узы» или «кровавое отношение»

или что-то еще в этом духе — сейчас я уже не помню доподлинно точно. Я писал тебе об этом в одном из первых писем отсюда и боюсь, эти ее слова очень точно соответствуют истинному положению вещей...

Очень скоро деревушка превратилась в небольшое поселение пуритан, построенное вокруг церкви, в которой проповедовал Бун. В дневнике неоднократно упоминается также о том, что Джеймс Бун постоянно имел связь с несколькими женщинами, уверяя каждую из них в том, что он выполняет тем самым волю Господа и что они должны неукоснительно поддерживать его в этом. Таким образом почти каждая женщина в этой мрачной и практически изолированной от всего остального мира деревушке стала иметь от него со временем по крайней мере по одному ребенку. Поселение это действительно было по меньшей мере странным. Вера в непорочное зачатие и вера в колдовство шли здесь рука об руку, а все обитатели его жили в постоянном страхе и находились в абсолютно полном подчинении, просто в рабстве у полусумасшедшего священника, на столе которого рядом с библией соседствовало страшное, просто дьявольское ее извращение, о котором я уже писал тебе в одном из предыдущих писем. Ни в чем не повинные, насколько я понимаю, люди, которые по злой воле судьбы оказались в этом поселении, представляли собой какое-то совершенно жуткое подобие религиозной общины. Самые смелые из них и не потерявшие вконец своего лица и веры в Бога регулярно совершали тайные обряды изгнания нечистой силы, но это никогда не приводило ни к каким результатам. Напротив, со временем и у детей и у взрослых все чаще стали появляться различные физические и умственные отклонения, которые часто соседствуют с нечистой силой. Особенно часто случалось это у детей, причиной чего, конечно же, было и совершенно невероятное кровосмешение. Я думаю, что один из потомков Джеймса Буна (такое же предположение, кстати, и даже не предположение, а уверенность, высказывает и автор дневника, Роберт Бун)... Так вот, один из его потомков, которого миновала эта ужасная напасть, покинул Поселение Иерусалим (или же

был изгнан из него) и направился на юг, в сторону Массачусетса, откуда и берет начало наша ветвь рода Бунов. Я думаю, что... Даже нет, теперь я тоже почти уверен в этом — слишком много совпадений и просто фактов подтверждают мои мысли... Этот человек, судя по всему, поселился именно в той части Массачусетса, которая позже стала суверенным штатом Мэн и которая является родиной первых Бунов нашей ветви. И этот человек был, по-видимому, первым из них. Имя этого человека — Кеннет Бун. Это был мой прадед — теперь я, наконец, знаю это точно. Осев в Массачусетсе, Кеннет Бун занялся торговлей пушниной и нажил на этом довольно большое состояние. Настолько большое, что под конец жизни он даже делал большие капиталовложения в другие предприятия, что тоже принесло довольно большую прибыль уже после его смерти в 1763 году. Именно на эти деньги и был выстроен Чэпелуэйт — дом, в котором сейчас живу я, последний из рода Бунов и в котором вначале поселились два брата — Филип и Роберт Бун. Они же, кстати его и построили вскоре после смерти Кеннета Буна. *Кровные узы*, как сказала бы сейчас миссис Клорис. Каждый раз, когда в моей памяти всплывали эти ее слова, меня охватывал какой-то непонятный, леденящий кровь страх. Теперь я начинаю постепенно понимать его причину... Вдумайся, Боунз, какая жестокая игра судьбы, какая безукоризненно-логичная и, вместе с тем, страшная последовательность событий: Кеннет Бун, чудом сумевший избежать страшной участи стать в лучшем случае сумасшедшим, совершенно безликим и жалким существом, а в худшем — пособником злых сил, подобно своему отцу Джеймсу Буну, исчезает из Поселения Иерусалим и начинает совершенно новую жизнь в Массачусетсе, проживает ее в труде и семейном счастье, дает жизнь двум своим сыновьям, Роберту и Филипу; по прихоти судьбы братья оказываются после смерти отца в Чэпелуэйте и, руководствуясь самыми благими намерениями, в дружбе и согласии, выстраивают на деньги, доставшиеся им в наследство от отца, большой красивый дом, объявив его родовым домом Бунов... *Выстраивают его менее, чем*

в двух милях от того проклятого богом и людьми места, о котором ты уже знаешь из моих писем!.. Если все обстоит именно так, как я себе это представляю (у меня, по крайней мере, не осталось уже никаких сколько-нибудь существенных сомнений по этому поводу), то не кажется-ли тебе, мой дорогой друг, что всем этим безраздельно руководит какая-то невидимая и сверхъестественная сила?

Судя по дневнику Роберта Буна, Джеймс Бун, будучи уже глубоким старцем, был жив еще в 1789 году! То есть, зная, что на момент основания Поселения Иерусалим ему было 25, без труда можно сосчитать, что к тому времени ему было уже 104 года!.. Ниже я привою без изменений небольшой отрывок из дневника Роберта Буна:

4 августа 1789 года.

Сегодня я впервые увидел Человека, с которым встретился несколько дней назад мой Брат и который так сильно и так странно подействовал на него, что бедный Филип приходил в себя после этой встречи несколько дней. Одолеваемый любопытством, я отправился посмотреть на этого Человека сам. Деревня, в которой видел его Филип, находится менее, чем в двух милях от нас. Должен отметить, что Человек этот действительно излучает какой-то странный и довольно сильный Магнетизм, который очень Подавляюще подействовал и на меня. Человек этот, облаченный в черную Сутану, оказался очень высоким и совершенно неправдоподобно древним Старцем с ослепительной седой длинной бородой. Ему, наверное, лет сто, не меньше. Очень удивило меня то, что Человек этот, подобно Султану в Гареме, был окружен довольно большой группой Женщин, которые явно были его Женами; Ф. уверяет меня, что этот Человек, несмотря на свой довольно преклонный, по меньшей мере, возраст, еще вполне сохранил свою мужскую Силу...

Не менее жуткое впечатление произвела на меня и сама Деревня — никогда больше не отважусь я побывать там, даже под страхом смерти. Совершенно безлюдные Улицы ее тихи и наполнены только почти осязаемым Страхом, который излучает этот ужасный Человек. Но, пожалуй, больше всего поразило меня в этой Деревне то, что почти все Лица, которые мне довелось увидеть *там* имели поразительное сходство друг с другом и с этим Черным Священником. Я не имею в виду, что на всех них была одинаковая Печать Страха и Безликости, делающая всех однолико-безликими. Я имею в виду как раз то, что именно черты лица почти всех Жителей этой ужасной Деревни были практически *одинаковыми*. Я говорю как раз о том, что все эти несчастные Люди были почти как капли воды похожи друг на друга...

Мне казалось, что каждый мой шаг, пока я находился в этом страшном Месте, направлялся этим седовласым Старцем. Его Лицо постоянно находилось перед моими глазами даже в те моменты, когда я не видел Его...

Лица всех обитателей Деревни были очень сильно осунувшимися от многолетней усталости от Страха, которым было пропитано *все* кругом. Они были даже не осунувшимися, а как бы иссохшими, как будто их год за годом безвозвратно покидали все жизненные соки, делающие лица обычных людей здоровыми и счастливыми. Очень часто я замечал у этих несчастных Людей различные физические отклонения, не заметить которые просто невозможно. А среди Детей, о ужас, я видел несколько Ребятишек, у которых не было либо носа, либо глаза, либо обоих глаз сразу... Я видел Женщин, которые вдруг неожиданно начинали плакать и, невнятно причитая, ежеминутно простирали руки к небу с каким-то очень странным блеском в воспаленных от слез Глазах. Иногда некоторые из них ни с того, ни с сего, совершенно не к месту выкрикивали сдавленными голосами цитаты из Священного Писания и совершенно непонятные за-

клинания на каком-то незнакомом мне и, по-видимому, очень древнем языке...

Старец предложил мне остаться у него в Иерусалиме и помогать ему вести Службы, но я был настолько поражен и, не скрою, испуган всем увиденным, что, вежливо извинившись, отказался и не замедлил поскорее выбраться из этого страшного Места, твердо решив впредь больше никогда там не появляться...

Далее в дневнике говорилось о том, что потрясение Филипа от первой встречи с Джеймсом Буном сменилось вскоре восхищением и даже преклонением перед ним, которое росло день ото дня. 1 сентября 1789 Филип принял веру, проповедуемую Буном и стал членом его общины. Брат Филипа, Роберт, говорит в своем дневнике: «Я Поражен и переполнен Ужасом — мой Брат меняется просто на глазах. Мне кажется, что он становится похожим на того страшного Старика даже внешне, становясь при этом все более и более жалким человеком».

Первое упоминание о книге относится к 23 июля того же года. Тогда Роберт уделил ей в своем дневнике совсем немного внимания, буквально несколько слов: «Вчера Филип вернулся из этой проклятой деревушки довольно рано — вскоре после обеда. Он был очень не в себе, на нем просто лица не было. Таким я не видел его еще никогда. До самого вечера он не проронил ни слова и лишь перед тем, как уйти спать, подошел ко мне и тихо проговорил, что Бун попросил его навести с моей помощью справки насчет книги с весьма странным названием *De Vermis Mysteriis* (что в переводе с Латыни означает «Тайны червя») и насчет возможности ее приобретения. Просьба эта, как, впрочем, и название книги показались мне по меньшей мере весьма странными, но, желая сделать приятное брату, я пообещал ему написать письмо насчет этой книги одному своему хорошему знакомому — совладельцу книжного агентства «Джонс и Гудфеллоу». Филип был очень благодарен мне за это. Причем выражение лица его, когда он с горящими глазами признательно тряс мне руку, было таким, как будто я избавил его от смертной казни...»

Следующая запись в дневнике, относящаяся к этой книге, датирована 12 августа: «получил сегодня два письма... одно — из агентства «Джонс и Гудфеллоу». В нем говорилось о книге, к которой проявлял столь странный интерес Филип. Книга эта, оказывается, представляет собой большой библиографический раритет и в Америке имеется всего лишь пять экземпляров ее оригинального издания. Несмотря на то, что я довольно много лет хорошо и близко знаком с Генри Гудфеллоу, письмо было написано довольно сдержанным и даже холодным тоном...»

13 августа:

Филип чрезвычайно взволнован письмом, полученным из книжного агентства; почему — говорить отказывается. Сказал только, что Бун просто *одержим* желанием получить эту Книгу. Никак не могу понять, почему и зачем она ему нужна. Ведь, судя по Названию, Книга эта представляет собой просто-напросто какое-нибудь безобидное Руководство по садоводству...

Очень беспокоюсь за Филипа. С каждым днем он становится все более и более странным. Теперь я уже даже начинаю жалеть о том, что мы вообще приехали в Чэпелуэйт. Лето очень знойное, душное и просто переполнено тревожными Предзнаменованиями... Все это очень настораживает и даже угнетает меня.

В дневнике Роберта имеются еще всего два упоминания об этой злосчастной книге. Мне кажется, что он так и не понял до самого конца истинного смысла и значения того, что с ней связано. Для него это была просто книга... Ниже я привожу без изменений еще одну небольшую выдержку из его дневника, датированную 4 сентября того же 1789 года:

Сегодня отправил Генри Гудфеллоу еще одно письмо, в котором написал, что Брат мой Филип выражает очень сильное Желание Приобрести Книгу,

насчет которой я интересовался в предыдущем Письме. Когда я писал это Письмо, меня одолевало сильное и очень, очень нехорошее предчувствие... Все мое естество активно сопротивлялось этому Шагу, а внутренний голос настоятельно убеждал не делать этого. Интуиция почти никогда не подводит меня и я всегда очень внимательно прислушиваюсь к ней, но на этот раз я пошел против собственной воли и сделал то, о чем так Просил меня Брат... В качестве благодарности Филип почему-то Пообещал мне отречься вскоре от принятого им недавно совершенно порочного, на мой взгляд, Вероисповедания, которое просто на глазах превращает его в какое-то жалкое подобие человека. Несмотря на его клятвенные заверения непременно сделать то, что он обещает, я ему, все-таки, не поверил. Бедный Филип, по-моему, уже просто не принадлежит себе...

16 сентября:

Сегодня днем пришла Книга. К ней было приложено письмо от мистера Гудфеллоу, в котором он сдержанно просит меня не обращаться к нему впредь ни с какими просьбами... Волнение Филипа по поводу прибытия Книги описать просто невозможно. Книга представляет собой огромный древний манускрипт в толстом кожаном переплете, написанный на Латыни и еще на каком-то древне-английском языке, о котором я имею довольно смутное представление. Довольно увесиста и, что самое странное, мне показалось, что она излучает какие-то странные и весьма заметные Тепло и Вибрацию, особенно когда держишь ее в руках. Создается странное впечатление, что Книга эта является источником какой-то необычной и очень сильной Энергии. Я еще раз напомнил Филипу о его обещании выйти из Секты Буна. Он же, с силой вырвав Книгу у меня из рук, рассмеялся мне в лицо очень неприятным, диким и злым смехом. Подняв ее высоко над головой, он закричал пронзительным и совершенно диким Голосом:

— Вот она! Вот она! Червь! Тайна Червя!!!

Уже в следующее мгновение он что было духу мчался в направлении этой треклятой Деревушки к своему сумасшедшему Проповеднику. С тех пор я не видел Филипа уже несколько дней...

О книге в дневнике больше ни слова, но я, тем не менее, сделал некоторые выводы, которые представляются мне вполне, по крайней мере, вероятными: во-первых — книга эта была, как и говорила миссис Клорис, причиной разрыва между Филипом и Робертом; во-вторых — содержание ее совершенно несовместимо с именем Бога и полно различных небогоугодных магических заклинаний друидского, по-видимому, происхождения (известно, что многие религиозные ритуалы друидов, в том числе и ритуалы жертвоприношения, связанные с большим количеством крови, были запечатлены для истории летописцами римских завоевателей Британии, но известно также, что многие из этих книг, практически все из них, впоследствии были запрещены к печати во всем мире как книги откровенно богопротивного и даже дьявольского содержания); в-третьих — этот отвратительный Бун и Филип собирались использовать книгу для каких-то своих явно небогоугодных целей. Возможно, я и ошибаюсь и на самом деле в их действиях нет никакого злого умысла, просто так все искажено и эксцентрично, но лично я в это совершенно не верю. Напротив, я думаю, что Бун сознательно связал себя, да и не только себя, со злыми и очень могущественными силами, существующими вне времени и пространства и дающими ему такую власть над людьми. Более того, у меня нет никаких сомнений, последние из них были полностью развеяны нижеследующими строками из дневника Роберта Буна, которые полностью подтверждают мои мысли по этому поводу и говорят сами за себя:

26 октября 1789 года

Сегодня Причер'з Корнерз наполнен гулом перепуганной и возмущенной толпы. На мое несчастье я именно в этот злосчастный день оказался в городе и

почти сразу же оказался цепко схваченным за руку одним из местных жителей по имени Блэксмит. Пристально глядя мне в глаза и еле сдерживаясь, он злобно прошипел:

— Что там вытворяют ваш Брат и этот сумасшедший Антихрист?!

Оказалось, что накануне другой горожанин, некий Гуди Рэнделл, видел в ночном небе какое-то очень плохое Предзнаменование (какую-то Комету или еще что-то в этом роде), предвещающее *большое несчастье*, а к утру на одном из дворов отелилась Корова, принеся Теленка... с двумя Головами.

Что же касается меня, то я, пожалуй, знаю, что происходит. По крайней мере, *я совершенно уверен в том, что ничего хорошего это действительно не предвещает* — на днях я увидел, наконец, Брата. После его месячного с лишним отсутствия. Он изменился за это время до полной неузнаваемости и выглядел просто *страшно*... Волосы его стали совершенно седыми, а от дико воспаленных глаз с совершенно красными белками и почти черными кругами вокруг исходил Страшный, Безумный, Дьявольский Свет, который я ощущал, казалось, физически, испытывая при это очень сильную и никогда не испытываемую мной раньше Боль. Мне показалось, что он очень хотел сказать мне что-то, но, не оказавшись способным ни на что, кроме еле слышимого сбивчивого и совершенно невнятного шепота, он со стоном убежал и спрятался в Подвале. Несмотря на все мои уговоры и увещевания, вызвать его оттуда мне так и не удалось. И с тех пор всегда, когда он ненадолго появляется дома, он, как загнанный и ничего не понимающий зверь, постоянно скрывается в этом холодном Подземелье... Все же остальное время он, без сомнения, находится в Поселении Иерусалим.

Еще одна новость не из разряда приятных: наш дом, а точнее — весь чердак и все подсобные постройки, где я не бываю каждый день, облюбовала себе для гнездовья огромная стая Козодоев... Правильнее бу-

дет сказать, пожалуй, что это не новость, а просто-напросто очень плохой Знак. Пронзительные еженощные Крики этих адских Созданий не просто лишали меня сна — они стали уже настоящей Пыткой!

27 октября 1789 года

Сегодня, когда Филип в очередной раз отправился в свое дьявольское Поселение, я последовал за ним, скрываясь за высокой травой и деревьями на довольно значительном от него расстоянии — вполне достаточном для того, чтобы он меня не заметил. Затрудняюсь сказать, почему и зачем я это сделал. Причина здесь, конечно, не в любопытстве, а, скорее, просто в моем нервном перенапряжении и в беспокойстве за Брата, который гибнет просто на глазах. Всю дорогу нас сопровождали уже люто ненавидимые мной Козодои, оглашая округу резкими и совершенно жуткими криками, которые очень сильно и болезненно действуют на мою тоже уже начавшую расшатываться психику. Продолжалось это монотонное и заунывное песнопение вплоть до самой Деревни. По мере приближения к ней оно постепенно померкло на фоне других, еще более жутких Звуков, о которых чуть позже. Деревню отделял от леса небольшой полуручей — полуречка в несколько метров шириной. Брат мой перешел его по мосту и вошел в Деревню, я же решил не следовать за ним дальше и остался на этой стороне. Несмотря на то, что к тому моменту, когда мы Дошли до Деревни, уже наступила Ночь, все Дома, кроме Церкви, были погружены во Тьму. Как я ни напрягал зрение, я так и не смог разглядеть ни единого огонька за их мрачными Окнами. Церковь же — напротив, была ярко освещена изнутри очень ярким, но, вместе с тем, каким-то призрачным и страшным Сиянием, Волнами исходящим наружу через высокие узкие Окна. Свет этот был поистине Адским... Кроме этого Света из Церкви доносились совершенно ужасные,

леденящие душу Голоса. Это были даже не голоса, в общепринятом понимании, а какие-то дьявольские Завывания, которые то взмывали вверх в адском Хохоте, то опускались вниз до страшных Рыданий, которые доносились, казалось, из самых глубин Преисподней.

Все ведет к развязке, неминуемой и пока еще невидимой. Я совсем потерял возможность спать из-за тех Снов, которые приходят и приходят ко мне. И в то же время я не могу бодрствовать из-за безумных Кошмаров, которые вновь и вновь приходят ко мне наяву. Ночь полна безумными Звуками и мне страшно...

И все же у меня навязчивая потребность двигаться дальше, наблюдать, осознавать. Такое чувство, как будто сам Филип зовет меня. Филип и Старик...

Ангелы...

Проклятье! Проклятье! Проклятье!

На этом дневниковые записи Роберта Буна обрываются. Обрати внимание, Боунз, на то, что он упоминает о том, что Филип как бы зовет его. Я сделал этот последний вывод из тех строчек, которые касаются разговора с миссис Клорис и другими, но особенно потрясли меня те страшные фигуры в подвале. Они были как бы мертвыми, но в то же время оставались живыми. Мы идем, Боунз, несчастливый, просто проклятым путем. На всех нас лежит проклятие, которое невозможно предать земле. Здесь, в этом городе и в этом доме, все живет, окруженное привидениями и призраками. И даже кое-чем похуже и пострашнее... Кульминация завершения нашего рода неотвратимо близка... Я — последний из рода Бунов. Мне страшно, что об этом знает кто-то еще, и что я являюсь маленьким звеном в каком-то дьявольском вожделении, стоящем за гранью разумного понимания. Через неделю годовщина Кануна Дня Всех Святых.

Как мне быть дальше? Если бы ты мог посоветовать мне, помочь мне чем-нибудь! Если бы ты только был здесь!

Я должен знать все. Я должен вернуться в эту заброшенную деревеньку. Да поможет мне Всевышний!

ЧАРЛЬЗ.

(Из записной книжки Кэлвина МакКэнна)

25 октября 1850 года

Мистер Бун спит практически весь день. Лицо его стало мервенно-бледным и очень осунулось. Боюсь, что рецидив воспаления мозга неизбежен.

Наполняя водой его графин, я увидел два неотправленных во Флориду письма, адресованных мистеру Грегсону. Я взял на себя грех и прочел эти два письма, руководствуясь самыми лучшими побуждениями. Из писем я узнал, что мистер Бун намеревается посетить Поселение Иерусалим еще раз. Если я позволю ему сделать это, то это путешествие станет для него смертельным ударом. Смею ли я, пока он спит, незаметно ускользнуть в Причер'з Корнерз по неотложным хозяйственным делам. Я должен это сделать, но вдруг он тем временем проснется! Что будет, если я вернусь и обнаружу, что его уже нет?! Опять эти звуки в стенах... Слава Богу, что он спит и ничего не слышит! Мой разум до сих пор содрогается при мысли о них и при воспоминании о том, что мы видели в подвале.

Принес ужин мистеру Буну на подносе. Он намеревается встать чуть позже. Несмотря на его уловки, я знаю, чего он хочет. Он хочет дожидаться, пока я уеду в Причер'з Корнерз, а дальше... У меня в багаже лежало несколько снотворных порошков, прописанных ему врачом во время последней болезни. Ничего не подозревая, он выпил порошок вместе с чаем и опять заснул. Мне вдруг показалась ужасной мысль оставить его наедине с существами, шастающими за стенами, и я запер его на ключ в его комнате. Просто на всякий случай, единственно — из-за заботы о его нервах.

Господи, сделай так, чтобы я застал его на месте живым и безмятежно спящим, когда вернусь обратно!

Били камнями! Они били меня камнями! Как бешеного шелудивого пса! Ублюдки! Чудовища! А ведь называют себя людьми! Все мы здесь узники...

Всюду ангелы и саранча! Они слетаются в тучу и я никак не могу разобрать, то ли это уже галлюцинаторный бред, то ли все это наяву...

26 октября 1850 года

ДОРОГОЙ БОУНЗ,

Уже смеркается, а я только что проснулся, проспав целых 24 часа. Я подозреваю, что моя добрая нянюшка Кэл просто подсыпал мне в чай снотворное, поняв мои намерения. Он настоящий верный друг. Скажу больше — Кэлвин МакКэнн один из моих самых лучших и близких друзей и я не буду говорить ему ни слова о его маленькой хитрости со снотворным, когда он вернется.

Я все еще, слава Богу, в здравом рассудке. Завтра наступит день. Я спокоен и решителен, хотя чувствую, что меня совсем скоро опять скрутит лихорадка и рассудок мой снова помутится... Если это произойдет, то это произойдет обязательно завтра. Возможно, ночью будет еще терпимо, но даже под страхом смерти я не решусь отправиться в эту деревню ночью.

Мне кажется, Боунз, что это последнее мое к тебе письмо. Храни тебя Господь.

ЧАРЛЬЗ.

P.S. Я снова слышу голоса ангелов и хлопанье их крыльев. Кэл уверен, что я ничего не слышу, но я слышу все.

Ч.

(Из записной книжки Кэлвина МакКэнна)

27 октября 1850 года

5 часов утра

Он не поддается никаким увещаниям. Отговорить его просто невозможно. Что ж, я пойду с ним.

4 ноября 1850 года

ДОРОГОЙ БОУНЗ,

Я слаб, но рассудок мой ясен. Не знаю точно, какой сегодня день, но время заката подсказывает мне, что я правильно вписал дату записи. Я сижу за своим рабочим столом. Именно за тем столом, на котором я написал первое письмо тебе из Чэпелуэйта. Пишу тебе и смотрю на черный зловещий океан, в котором быстро затухают последние отблески заката. Вот я уже не вижу их совсем. Эта ночь — *моя ночь*.

Как бьется о скалы прибой! Он швыряет брызги пены в темнеющее небо и я чувствую, как пол дрожит у меня под ногами. В окне я вижу свое отражение, мертвенно-бледное, как у какого-нибудь вампира... Ничего не ем уже с 27 октября. Кэл не приносит мне больше ни завтрака, ни обеда, ни ужина... Он не приносит мне больше вообще ничего...

О, Кэл! Его нет больше, Боунз! Теперь я вижу перед собой только убогого блаженного с иссохшими руками и лицом, похожим на черепную маску... Это мое отражение в окне. Меня утешает только одна странная мысль о том, что Кэлвина наверняка не преследовали такие кошмары, которые преследуют в последние дни меня — трясущиеся призраки, которые сидят в засаде и поджидают моего появления в страшных коридорах лихорадки. Даже сейчас руки мои трясутся и я перепачкал всю страницу кляксами.

Кэлвин ужасно разволновался, когда я хотел было ускользнуть от него тем утром. Я думал, что проявил тогда недюжинную смекалку. Сказав ему, что мы должны отправляться, я попросил его отправиться в Тэндрелл — это в нескольких милях отсюда, чтобы нанять экипаж. Объяснил я это ему тем, что так мы, якобы, сможем проехать мимо возможных местных жителей, оставшись неузнанными. Он согласно кивнул головой и через несколько минут я уже наблюдал за тем, как он удаляется от дома вдоль прибрежной полосы. Когда он, наконец, исчез из вида, я стал быстро собираться в дорогу. Погода стояла уже морозная, особенно по утрам. Дул порывистый бриз, предвещающая скорое наступление зимы. Я надел пальто и

теплый шарф и в какое-то мгновение подумал, что не помешал бы и пистолет, но тут же улыбнулся своей наивности — чем может помочь пистолет там, куда я собираюсь отправиться?!

Я вышел через столовую и быстрым шагом направился в сторону Поселения Иерусалим. Перед тем, как войти в лес, я на мгновение бросил последний взгляд на море и небо, в последний раз вдохнул полной грудью свежего воздуха — ведь его вкус намного лучше, чем то гнилье, которым мне предстояло дышать уже совсем скоро. Глядя в небо, я увидел большую чайку, делающую широкие круги под облаками.

Вдруг я что-то почувствовал и, обернувшись, увидел перед собой... улыбающегося Кэлвина МакКэнна!

— Вам не следует идти туда одному, сэр, — сказал он и лицо его было настолько неумолимо, что я даже почти не пытался возразить ему.

— Кэлвин, — начал было я.

— Нет, ни слова, сэр, прошу вас. Мы пойдем туда вместе и сделаем то, что должны сделать. Иначе мне, для вашего блага, придется вернуть вас домой любым способом. Умоляю, не сердитесь на меня. Вам не здоровится и одному вам идти туда никак не следует.

Невозможно описать ту сложную гамму чувств, которые бушевали тогда во мне, натываясь друг на друга — растерянность, досада, задетое самолюбие... Но самое большое из них — любовь и чувство огромной благодарности.

Дальше мы шли молча. Все в лесу казалось вымершим. Не пела ни одна птица, не стрекотал ни один древесный сверчок. Казалось, мы были накрыты какой-то гигантской прозрачной полусферой, через которую не проникал внутрь ни единый звук из внешнего мира. Чувствовался только запах морской соли, да издалека доносилось слабое дуновение дыма горящих осенних листьев. Листья шуршали под нашими ногами пестрым многоцветным ковром, но в моих глазах только один цвет — *красный*...

Вскоре запах соли в воздухе растаял и на его место пришел тот зловещий запах, о котором я уже писал тебе.

Когда мы подходили к мосту через ручей, уже почти у цели нашего путешествия, мне показалось, что Кэлвин хочет что-то сказать мне, но он лишь посмотрел на меня и промолчал, переведя затем взгляд на острый шпиль церкви, который, казалось, мог проткнуть небо. Постояв в нерешительности несколько секунд, мы двинулись дальше.

Быстрым шагом миновав мост, мы, не останавливаясь, направились прямо к церкви Джеймса Буна. Дверь в нее была по-прежнему приоткрыта в том же положении, в котором мы оставили ее в прошлый свой приход сюда, но темнота внутри казалась несравнимо более зловещей. Когда мы поднимались по ступеням, глухой отзвук шагов от двери гулким молотом отдавался у меня и в голове и в сердце, а руки и ноги просто ходуном ходили от дрожи. Не останавливаясь, мы сразу прошли внутрь. Зловоние там было почти невыносимым... Но главным было не это.

Внутри царил дикий погром, как будто перед нами здесь побывала целая свора вандалов. все скамьи были опрокинуты и разбросаны. Распятие, которое в прошлый раз было перевернутым, теперь уже просто лежало на полу, а весь проход между скамьями был залит лужами запекшейся и побуревшей крови... Единственным местом, не тронутым этим ураганом, был алтарь, а над самым алтарем, пристально глядя на нас остекленевшими глазами, будто явившись из богохульной книги, висел заколотый ягненок.

— Господи! — прошептал Кэлвин.

Обходя лужи на полу, мы подошли поближе. Стены и свод отражали звуки наших шагов, трансформируя их в страшный грохочущий хохот. Приблизившись и поставив ногу на первую ступень, мы увидели, что ягненок совершенно цел. Но он был как бы совершенно выжат — ни в одном его кровеносном сосуде не осталось, казалось, буквально ни одной капли крови. Кровью была залита вся книга, весь алтарь и все вокруг него, но... все, что было написано на открытых страницах, было видно просто прекрасно, как будто кровь, залившая ее, превратилась в прозрачное и чистое красное стекло...

— Что вы собираетесь делать? — замирающим голосом спросил меня Кэл.

— Я собираюсь сделать то, — решительно ответил я. — То, что должен был сделать давно — я собираюсь уничтожить ее.

В то же мгновение я услышал страшный гул в голове и почувствовал, что у меня начинает темнеть в глазах. Мельком посмотрев на Кэла, я понял, что с ним происходит то же самое. Я протянул руки к книге и попытался взять ее. И тут же, немедленно, началось такое, что описать простому смертному просто невозможно... Со страшным гулом и вибрацией пол заходил у нас под ногами, а своды, казалось, обрушатся на нас в следующее мгновение. Стало невыносимо жарко, и я думал, что на нас вот-вот вспыхнет одежда. Безумец, как я мог думать в тот момент о таких пустяках?! Вдруг перед нами из небытия возник Старик Бун. Он был точно таким, каким описывал его Роберт в своем дневнике... Мне стало настолько непередаваемо страшно, что я думал, что немедленно сойду с ума. Покидающим меня сознанием я успел отметить две вещи. Первой был истощенный, но доносящийся как бы сквозь густую пелену вопль Кэла: *«Бежим! Бежим!»* Второе, что я увидел уже почти ничего не видящими глазами, было совсем страшным. Какая-то неведомая сила оторвала ноги Кэлвина от земли и, искорежив все его бедное тело, со страшной силой швырнула о дальнюю стену, где он в ту же секунду и скончался. Не помня себя от ужаса, я опрометью вылетел из церкви и долго бежал до тех пор, пока силы не оставили меня окончательно...

Теперь я понял, наконец, все. Я должен умереть, Боунз... Иначе это проклятье, тяготеющее над родом Бунов, не закончится никогда. Я, Чарльз Бун, последний из этого злосчастного рода и на мне он должен закончиться — во имя Бога и во имя человечества.

Прощай, мой друг. Через несколько минут я умру.

Храни тебя Господь!

Твой
ЧАРЛЬЗ.

Разбирая семейный архив, я обнаружил несколько весьма интересных документов. Это — письма, написанные одним из моих предков — сэром Чарльзом Буном. Пересказывать их содержание не имеет смысла — все письма прилагаются. Хочу исправить лишь одну ошибку, допущенную моим досточтимым прародителем. Он, по счастью, оказался не последним представителем рода Бунов. На сегодняшний день таковым являюсь я. Бедный Чарльз Бун! По-видимому, он был очень неплохим человеком, но, к сожалению, совершенно сошел с ума и погиб, покончив жизнь самоубийством.

Дом, родовой дом Бунов, доставшийся мне по наследству, просто прекрасен, но требует капитального ремонта.

В стенах очень много крыс. Судя по звукам — довольно больших.

ДЖЕЙМС РОБЕРТ БУН,
2 октября 1971 года

АДОВА КОШКА

АДОВА КОШКА

Хэлстону показалось, что сидящий в кресле на колесиках старик выглядит больным, чем-то сильно напуган и вообще готов умереть. Подобное ему приходилось наблюдать и ранее. Среди профессионалов Хэлстон был известен как одиночка, независимый боевик, умеющий сосуществовать с обычными бандюгами. За время своей «деятельности» на этом поприще он ликвидировал восемнадцать мужчин и шесть женщин, так что знал, как выглядит смерть.

Дом — по сути большой особняк — был холодным и хранил покой. Тишину нарушало разве что глуховатое потрескивание огня в камине да доносившееся снаружи подвывание ноябрьского ветра.

— Я хочу, чтобы вы нанесли свой удар. — Голос старика чем-то напоминал хруст сминаемой старой бумаги. — Насколько я понимаю, именно этим вы занимаетесь.

— С кем вы разговаривали? — поинтересовался Хэлстон. Ему было тридцать два года, он имел самую заурядную внешность. Однако его движения отличались легкой, смертельной грацией, словно это была акула в образе человека.

— Я говорил с человеком по имени Сол Лоджиа. Он сказал, что вы знаете его.

Хэлстон кивнул. Раз Сол порекомендовал его этому человеку, значит, все в порядке. Если же в комнате вмонтированы «жучки», то все, что скажет старик Дроган, грозит ему серьезными неприятностями.

— Кому я должен нанести удар?

Дроган нажал на какую-то кнопку на подлокотнике своего кресла, и оно поехало вперед, издавая при этом шум, напоминающий жужжание мухи, попавшей в бутылку. Приблизившись, Дроган обдал его мерзким запахом старости, мочи и страха. Хэлстон почувствовал отвращение, но виду не подал, и лицо его продолжало оставаться по-прежнему спокойным.

— Ваша жертва находится как раз у вас за спиной, — мягко произнес Дроган.

Хэлстон отреагировал мгновенно. Зная, что от скорости реакции зависела порой его жизнь, не только мозг, но и все тело постоянно находилось словно на чеку. Он соскочил с дивана, припал на одно колено, повернулся, одновременно просовывая руку внутрь своего сшитого по специальному заказу спортивного плаща, где в кобуре под мышкой висел опять же специальный револьвер 45-го калибра. Секундой позже оружие оказалось у него в руке, он целил в... кошку.

Какое-то мгновение Хэлстон и кошка смотрели друг на друга. И это было неожиданно странно для Хэлстона, который не отличался большим воображением и не был суеверен. В ту же самую секунду, когда он бросился на колено и поднял револьвер, ему показалось, что он знает эту кошку, хотя будь это действительно так, он наверняка запомнил бы существо со столь характерной внешностью.

Ее морда была словно разрезана надвое: половина черная, половина белая. Разделительная линия, прямая, как струна, шла от макушки ее плоского черепа, спускалась к носу и оттуда переходила на рот. В сумраке этой изысканно обставленной гостиной ее глаза казались громадными, а черные зрачки, преломлявшие свет от камина, сами походили на тлеющие ненавистью угольки.

Эта мысль, тяжелая и странная, подобно эху, вернулась к Хэлстону: мы знаем друг друга — ты и я.

Потом это прошло. Он убрал револьвер и встал.

— За это мне следовало бы вас убить, — сказал он Дрогану. — Я не люблю шуток.

— А я и не шучу, — ответил тот. — Садитесь. Вот, загляните сюда. — Он извлек из-под прикрывшего его колени пледа толстый бумажный пакет и протянул его Хэлстону.

Хэлстон послушно сел. Кошка, примостившаяся было на спинке дивана, мягко юркнула к нему на колени. Несколько секунд она смотрела на Хэлстона своими огромными темными глазами со странными окруженными двойным золотисто-зеленым ободком зрачками, потом свернула клубочком и замурлыкала.

Хэлстон вопросительно посмотрел на Дрогана.

— Она ведет себя очень дружелюбно, — сказал старик. — Поначалу. Вообще же эта кошка уже убила в моем доме троих. Остался один лишь я. Я стар, я болен... и мне хотелось бы умереть не раньше положенного срока.

— Я не могу в это поверить, — пробормотал Хэлстон. — Вы наняли меня, чтобы я убил кошку?

— Пожалуйста, загляните в конверт.

Хэлстон открыл его. Конверт был заполнен сто- и пятидесятидолларовыми купюрами — все они были старые. Начав их пересчитывать, он дошел до трех тысяч, после чего остановился.

— Сколько здесь?

— Шесть тысяч долларов. Следующие шесть тысяч вы получите, когда предъявите мне доказательства, что кошка... устранена. Мистер Лоджиа сказал, что это ваша обычная такса.

Хэлстон молча кивнул, одновременно продолжая механически поглаживать лежавшую на коленях кошку, которая, все так же мурлыкая, погрузилась в сон. Кошек Хэлстон любил. Если на то пошло, это было единственное животное, вызывавшее в нем симпатию. Они всегда гуляют сами по себе. Господь — если он вообще существовал — сделал из них идеальное орудие убийства. Да, они всегда были сами по себе. Как и Хэлстон.

— Я мог бы ничего не объяснять, но все же сделаю это, — сказал Дроган. — Предостережь — значит вооружить, так, кажется, говорят, а мне не хотелось бы, чтобы вы с излишней легкостью шли на это дело. Кроме того, у

меня есть на то и свои собственные причины, так сказать, для самооправдания. Просто не хотелось бы выглядеть в ваших глазах безумцем.

Хэлстон снова кивнул. Про себя он уже решил, что нанесет этот столь необычный удар, так что дополнительных обсуждений действительно не требовалось. Но коль скоро Дроган намерен поговорить, он послушает.

— Для начала, вы знаете, кто я такой? Откуда у меня средства на жизнь?

— Фармацевтические предприятия Дрогана, — ответил Хэлстон.

— Да. Одна из крупнейших фармацевтических компаний Америки. А краеугольным камнем нашего финансового успеха является вот это. — Он вынул из кармана халата маленький пузырек без этикетки и протянул его Хэлстону.

— Три-дормаль-фенобарбин, состав «Ж», — сказал Дроган. — Предназначен исключительно для безнадежно больных людей, поскольку очень быстро формируется механизм зависимости от препарата. Это одновременно болеутоляющее средство, транквилизатор и умеренный галлюциноген. Оказывает поразительно благотворное воздействие на безнадежно больных людей, поскольку помогает им свыкнуться со своим состоянием и потому легче переносить его.

— Вы тоже принимаете его? — спросил Хэлстон.

Дроган проигнорировал его вопрос.

— Препарат широко распространен по всему миру. Он полностью синтезирован, его разработали в середине пятидесятых годов в наших лабораториях в Нью-Джерси. Свои эксперименты мы ставили преимущественно на кошках, поскольку их нервная система имеет уникальную структуру.

— И скольких из них вы таким образом отправили на тот свет?

Дроган чуть поджался, напрягся.

— Подобная постановка вопроса является нечестной и предвзятой.

Хэлстон пожал плечами.

— За четырехлетний период между разработкой препарата и его утверждением Федеральной фармацевтической ассоциацией пять тысяч кошек были... э-э, ликвидированы.

Хэлстон тихонько присвистнул. Его пальцы нежно гладили голову спящей кошки, ее черно-белую мордочку. Кошка тихонько, умиротворенно урчала.

— И теперь вы полагаете, что эта кошка пришла, чтобы убить вас?

— Я не испытываю ни малейшего чувства вины, — проговорил Дроган, однако его старческий голос стал на тон выше и в нем зазвучали нотки раздражения. — Пять тысяч испытуемых животных погибли ради того, чтобы сотни тысяч человеческих жизней...

— Давайте оставим это, — сказал Хэлстон. Оправдания всегда утомляли его.

— Кошка появилась у нас семь месяцев назад, — продолжал Дроган. — Лично мне она никогда не нравилась. Типичные разносчики инфекции... постоянно бегают где попало... или роются в помойках... подбирают Бог знает что... это моя сестра захотела взять ее в дом. С нее все и началось. Она поплатилась за это. — Он с нескрываемой ненавистью посмотрел на кошку.

— Вы сказали, что кошка убила троих.

Немного дрожащим голосом Дроган начал свой рассказ. Кошка лежала на коленях Хэлстона, сильные, опытные пальцы убийцы нежно прикасались к ее шерстке, и она мягко урчала во сне. Иногда из камина доносился похожий на хлопок звук — это лопалась в пламени сосновая шишка, — и тогда кошка напрягалась, как стальная пружина под слоем мышц, покрытых шерстью. Снаружи доносилось завывание холодного ветра, кружащего около большого каменного дома, затерявшегося в коннектикутской глубинке. В глотке этого ветра клочкотала зима. А голос старика все скрипел и скрипел.

Семь месяцев назад их было здесь четверо: Дроган, его сестра Аманда семидесяти четырех лет — на два года старше его, ее давняя подруга Кэролайн Бродмур (из тех, уэстчестерских Бродмуров, как сказал Дроган), давно

страдавшая от эмфиземы, и Ричард Гейдж — слуга, работавший в доме уже двадцать лет. Гейдж, которому было под шестьдесят, водил большой «линкольн», готовил еду и по вечерам разносил напитки. Еще к ним приходила дневная служанка. Подобным образом вся четверка прожила где-то около двух лет, являя собой образчик немного странной компании богатых пожилых людей и их семейного вассала. Единственным занятием этих чудаковатых стариков было ожидание — кто кого переживет.

И потом появилась эта кошка.

— Первым ее увидел Гейдж, когда она крадучись бродила вокруг дома, — продолжал Дроган. — Поначалу он пытался было прогнать ее, швырял в нее палки, камни, несколько раз даже попал. Но кошка все не уходила. Естественно, ее привлекал запах еды. Сама же была — сплошные кожа да кости. Таких бросают у обочины дороги, чтобы подышали. Как это ужасно, бесчеловечно — обрекать животное на медленную голодную смерть.

— А что, лучше испытывать на прочность их нервную систему? — спросил Хэлстон.

Дроган пропустил мимо ушей его замечание и рассказывал дальше. Он ненавидел кошек. Всегда ненавидел. Когда стало ясно, что она не уходит, он приказал Гейджу отравить ее — большую, аппетитную порцию кошачьей еды обильно сдобрил три-дормаль-фенобарбином.

К этой еде кошка даже не прикоснулась.

К этому времени Аманда Дроган уже успела заметить кошку и настояла на том, чтобы ее взяли в дом. Сам Дроган отчаянно протестовал, но сестра взяла верх. Впрочем, ей всегда это удавалось.

— Да, Аманда все устроила по-своему, — сказал Дроган. — Сама на своих руках принесла ее в дом. А та так мурлыкала, прямо как сейчас у вас, мистер Хэлстон. Но ко мне она ни разу даже не приближалась. Да, не приближалась... пока. Сестра поставила ей блюдечко с молоком, которое она немедленно осушила. «О, вы только посмотрите на это бедное существо, она проголодалась», — сестра чуть не плакала. Они с Кэролайн прямо-таки на цыпочках ходили вокруг нее. Разумеется, таким образом

они хотели отомстить мне, прекрасно зная, как я отношусь к кошкам... как я всегда к ним относился, особенно после того, как началась работа над три-дормалем. Им очень нравилось поддразнивать меня, они просто наслаждались этой игрой. — Он мрачно взглянул на Хэлстона. — Но они и поплатились за это.

В середине мая Гейдж, как обычно, встал в половине шестого утра, чтобы зажечь в доме свет. Его крик разбудил и Дрогана, и Кэролайн Бродмур.

Аманда Дроган лежала на полу у основания главной лестницы среди осколков разбитой фаянсовой тарелки и содержимого пачки «Маленькие котята» — это такая еда для кошек. Ее незрячие глаза неподвижно уставились в потолок. Она потеряла много крови — кровотечение было изо рта и из носа. У нее были сломаны спина, одна нога, а шея вообще оказалась разможенной.

— Кошка спала у нее в комнате, — заметил Дроган, — и она всегда ухаживала за ней, как за младенцем... «Она такая гоодная, доогой. Ведь она же поугоодаась, пуавда ведь? Иви ты хочешь выйти и сдеуать пи-пи?» Мерзость какая — слышать подобное из уст старой закаленной в боях Аманды. Как я полагаю, она разбудила ее своим мяуканьем. Аманда взяла тарелку и пошла вниз — ей все время казалось, что Сэмми не любит есть «Котят» всухомятку. Мол, она предпочитает их с молоком. И вот... И вот она встала и хотела спуститься, чтобы налить в тарелку молока. Кошка терлась от ее ноги. А Аманда была уже старуха, ноги плохо слушались ее. Да к тому же полусонная. Когда они подошли к краю лестницы, кошка бросилась ей под ноги... в общем, сделала подножку...

«Да, — подумал Хэлстон, — пожалуй, все могло быть именно так. Вроде бы ничего преднамеренного». Он мысленно представил себе, как старуха падает вперед, катится вниз по ступеням, испуганная настолько, что не в состоянии закричать и позвать на помощь, разбудить спящий дом. «Котята» веером разлетаются по сторонам, тарелка разбивается, а сама она кувырком летит вниз и плюхается на пол. Ее старушечьи кости вконец переломаны. За ней

спускается кошка, лакомясь «Маленькими котятами», разбросанными по ступенькам...

— А что сказал судебный следователь? — спросил Хэлстон.

— Смерть от несчастного случая, конечно. Но я-то знал.

— Но почему вы после этого не избавились от кошки? Уже после смерти Аманды?

Очевидно, потому, что Кэролайн Бродмур пригрозила покинуть дом, если он это сделает. Она вообще была истеричка, к тому же буквально помешалась на кошке. Плюс ко всему она была очень больная женщина, и время от времени у нее появлялись... фантазии. Как-то она сказала Дрогану, что не сомневается в том, что душа Аманды переселилась в Сэмми. И поскольку Сэмми была кошкой Аманды, теперь она сама будет ее любить и ухаживать за ней, как это делала бы сама Аманда.

С годами Хэлстон научился довольно неплохо читать между строк и смекнул, что Дроган и Кэролайн Бродмур когда-то в далеком прошлом были любовниками, и ему никак не хотелось терять ее из-за какой-то кошки.

Она действительно могла бы уехать.

— А это было бы равнозначно самоубийству, — сказал Дроган. — Ведь у нее никого нет, абсолютно никого. Здесь она жила на втором этаже в специально оборудованной комнате, в которой поддерживалась атмосфера повышенной влажности. Женщине было семьдесят лет, мистер Хэлстон. Едва достигнув двадцати одного года, она стала высаживать в день по две пачки сигарет, а то и больше. Ее эмфизема оказалась крайне запущенной. Я хотел, чтобы она осталась здесь, и если кошке суждено было тоже остаться...

Хэлстон кивнул в знак понимания и многозначительно посмотрел на часы.

— Умерла она ближе к концу июня, — сказал Дроган, — смерть наступила во сне. Доктор отнесся к этому достаточно спокойно... просто пришел и выписал свидетельство о смерти, и все. Но в ее комнате находилась кошка! Гейдж сказал мне об этом.

— Но ведь она должна была когда-нибудь умереть от эмфиземы, — сказал Хэлстон.

— Ну конечно же, — лицо Дрогана исказилось странной, какой-то колючей улыбкой. — Именно это и сказал врач. Но я-то знаю. Я все помню. Моя мать рассказывала мне. Кошки любят приканчивать стариков и маленьких детей именно во сне. Тогда они похищают их дыхание.

— Но это же просто миф, разве не так?

— Как и большинство мифов, основанных на фактах, — возразил Дроган. В свете камина щеки его ввалились, голова стала походить на череп. — Кошки любят царапать своими когтями мягкие вещи. Подушку, толстый плюшевый коврик или... одеяло. Одеяло младенца в яслях или одеяло старика. Дополнительный груз на теле слабого человека...

Дроган умолк, но Хэлстон воочию представил себе и эту картину. Кэролайн Бродмур лежит в своей спальне, дыхание с хрипом вырывается из ее пораженных недугом легких, оно едва различимо на фоне жужжания специальных увлажнителей и кондиционеров. Кошка со странной черно-белой окраской молча запрыгивает на ее старческую постель и вглядывается своими сверкающими черно-зелеными глазами в старое, изрытое морщинами лицо. Затем она подкрадывается к ее худой груди и с тихим урчанием ложится на нее... дыхание замирает... затихает... а кошка все урчит и урчит, пока старуха медленно выпускает дух под давящим ей на грудь живым грузом.

Он никогда не был особенно впечатлительным человеком, но мысленно нарисованная им самим картина заставила содрогнуться даже его.

— Дроган, — Хэлстон продолжал поглаживать голову тихо урчащей кошки. — Но скажите, ради Бога, почему вы вообще не отвели ее к ветеринару и не усыпили там? Мой дядюшка подобным путем избавился в прошлом году от своего пса, и это обошлось ему долларов в двадцать.

— Похороны состоялись первого июля, — Дроган словно не слышал Хэлстона. — Я распорядился, чтобы Кэролайн поместили в наш фамильный склеп рядом с сестрой. Она бы сама захотела того же. Третьего июля я

позвал Гейджа в эту самую комнату и передал ему плетеную корзину, в которой сидела кошка, приказав отнести ее к ветеринару в Милфорд. Он сказал: «Слушаюсь, сэр», взял корзину и вышел. Это было очень на него похоже. Больше я его живым не видел. «Линкольн» врезался в бетонный бордюр моста на скорости более чем шестьдесят миль в час. Смерть Дика Гейджа наступила мгновенно.

У него на лице были обнаружены многочисленные царапины.

Хэлстон молчал. Помимо его воли, воображение уже начало рисовать следующую картину ужаса. В комнате стояла полная тишина, если не считать уютного потрескивания дров в камине да столь же уютного урчания свернувшейся у него на коленях кошки. Чем не превосходная иллюстрация к поэме Эдгара Геста: «...Свет добрый камин, а кот на коленях. Вы скажите — нет слаще лени».

Но видение все же возникло.

Дик Гейдж подъезжает на «линкольне» к повороту на Милфорд, превышая разрешенный лимит скорости примерно миль на пять. Рядом с ним на сиденье та самая зловещая корзина. Дик внимательно следит за дорогой, за едущими рядом машинами, возможно, он обгоняет большой грузовик и потому не замечает странную черно-белую кошачью морду, раздвигающую прутья старой корзины, много лет служившей для загородных поездок. Да, пожалуй, именно в тот момент, когда он обгоняет большой грузовик, кошка бросается ему на лицо и, выпустив острые когти, начинает полосовать кожу. Зловещие лапы тянутся к глазам, чтобы ранить их, вырвать и ослепить человека. Шестьдесят миль в час, гул мощного двигателя «линкольна» — и когтистая лапа впицается ему в переносицу, вызвав приступ дикой, едва переносимой боли. «Линкольн» начинает заносить вправо, под колеса надвигающегося грузовика, водитель которого отчаянно давит на клаксон, издающий душераздирающий хриплый сигнал сирены, но он ничего не слышит, потому что кошка истошно орет. Эта тварь, подобно огромному мохнатому черному пауку, всем

телом распласталась на лице Дика. Уши плотно прижаты к голове, зеленые глаза горят, как адские прожекторы, из приоткрытого рта брызжет слюна, сильные задние лапы, подрагивая, впиваются в мягкую плоть стариковской шеи. Машину резко заносит вправо, а Гейдж уже не только не видит, но вряд ли и понимает, что впереди бордюр моста. Кошка выпрыгивает, а «линкольн», подобно сияющему черному снаряду, врежется в твердь бетона. Гейдж со страшной силой ударяется о рулевое колесо, которое сминает, сплюсчивает его грудь...

Хэлстон сглотнул слюну, издав при этом непонятный сухой шелчок.

— А кошка вернулась? — пробормотал он.

Дроган кивнул.

— Через неделю. Точнее, в тот самый день, когда хоронили Дика Гейджа. Она вернулась.

— Она пережила автомобильную катастрофу? И это при скорости шестьдесят миль в час? Трудно в это поверить.

— Говорят, у каждой из них по девять жизней. Тогда-то я и начал подумывать, что эта адова кошка. Что-то вроде... демона, посланного, чтобы...

— Покарать вас?

— Я не знаю. Но я боюсь этого. Я кормлю ее, точнее — женщина, которая приходит убираться, кормит. Она ей тоже не нравится. Говорит, что такая кошачья морда — сущее проклятие. Божье проклятие. Разумеется, она из местных, — старик попытался было улыбнуться, но это у него не получилось. — Я хочу, чтобы вы убили ее, — сказал он. — Вот уже четыре месяца, как я живу вместе с ней под одной крышей. Она подкрадывается ко мне в темноте. Она смотрит на меня. Кажется, что она... выжидает. В конце концов я вступил в контакт с Солом Лоджиа, и он порекомендовал мне вас. Даже как-то назвал вас...

— Одиночкой... То есть я предпочитаю работать автономно.

— Да. И он еще сказал: «Хэлстон никогда не попадался. Даже подозрение на него не падало. Он всегда опускается на ноги... как кошка».

Хэлстон посмотрел на старика в кресле на колесиках. Неожиданно его длинные мускулистые пальцы нервно пробежали по кошачьей спине.

— Нет! — воскликнул Дроган. Он прерывисто вздохнул. Краска подступила к его впалым щекам. — Нет... Не здесь. Увезите ее.

Хэлстон невесело улыбнулся. Он начал медленно, очень нежно поглаживать голову и спину спящей кошки.

— Хорошо, — произнес он, — я принимаю этот контракт. Вы хотите получить ее тело?

— Господи Иисусе, нет! — с отвращением прокричал старик. — Убейте ее! Закопайте ее! — Он сделал паузу, затем резко повернул свое кресло в сторону Хэлстона. — Мне нужен только хвост, — сказал он. — Я хочу швырнуть его в огонь и понаблюдать, как он будет гореть.

Хэлстон вел свой «мустанг» модели 1972 года, под капотом которого билось изношенное и усталое сердце «студебеккера» выпуска 56-го. Машина была латаная-перелатаная, и ее выхлопная труба свисала к земле под углом двадцать градусов. Он самостоятельно переделал в ней дифференциал и заднюю подвеску, а кузов оснастил кое-какими деталями от других моделей.

Из дома Дрогана он выехал около половины десятого. Сквозь рваные облака ноябрьского вечера виднелся холодный узкий полумесяц. Все окна в машине были открыты, потому что ему казалось, будто затхлый запах немощи и страха успел впитаться в его одежду, а ему это очень не нравилось. Холод был стальным и резким, вроде лезвия остро отточенного ножа, но, несмотря ни на что, доставлял удовольствие. Да и мерзкая вонь быстро выветривалась.

Он свернул с основного шоссе у Плейсерс Глен и проехал через опустевший город, охрану которого нес один-единственный светофор-мигалка. Хэлстон, однако, не превысил установленных тридцати пяти миль в час. Выехав за пределы города и оказавшись на шоссе номер 35, он дал чуть больше воли своему «мустангу». Студебеккерский мотор работал мягко, и его урчание чем-то походило на урчание кошки, часом раньше лежавшей на

коленях Хэлстона в доме старика. Он улыбнулся при этом сравнении. По занесенным снегом, замерзшим ноябрьским полям, кое-где покрытым остовами кукурузной стерни, он пронесся, делая уже семьдесят миль в час.

Кошка сидела в хозяйственной сумке, в которой для прочности были сделаны двойные стенки; сверху ее надежно стягивал толстый шпагат. Сумка лежала на заднем сиденье. Когда Хэлстон укладывал ее в сумку, и сейчас в дороге, она продолжала мирно посапывать. Возможно, она понимала, что нравится Хэлстону, и чувствовала себя с ним как дома. И он, и кошка в сущности были одиночками.

Странное задание, подумал Хэлстон и неожиданно удивился, поймав себя на мысли, что считает это заданием. Может быть, самым удивительным во всем этом было именно то, что кошка действительно ему нравилась, он чувствовал некую близость, существовавшую между ними. Раз уж ей удалось избавиться от таких трех старых перечниц, значит, немалая была в ней сила... особенно, если говорить о Гейдже, который вез ее в Милфорд «на свидание» с ухмыляющимся ветеринаром, а тот уж точно находился в предвкушении того момента, когда сможет засунуть ее в миниатюрную газовую камеру размером с микроволновую печь. Хэлстон действительно испытывал некоторую расположенность к кошке, хотя и не собирался отказываться от своего намерения выполнить контракт. Однако он сделает все это с соблюдением должного приличия и убьет ее быстро и профессионально. Остановит машину на краю какого-нибудь заснеженного поля, вытащит кошку из сумки, свернет ей шею, после чего отрежет хвост, чтобы показать его старику. А потом, думал он, я похороню ее, как полагается, не нужно, чтобы она досталась мусорщикам или каким-нибудь бродягам.

Именно в тот момент, когда он размышлял обо всем этом, кошка неожиданно предстала перед ним, прямо над приборной доской — черно-белая морда была повернута к нему, а рот, как показалось Хэлстону, чуть-чуть приоткрылся в хищной ухмылке.

— Черт! — прошипел Хэлстон, невольно бросив взгляд направо, — в стенке, двойной стенке сумки была програ-

зена большая дыра. Он снова посмотрел вперед, и в это самое мгновение кошка, приподняв лапу, ударила его по лицу. Он резко откинулся назад... и услышал, как завизжали колеса «мустанга».

Машина метнулась через двойную желтую полосу на шоссе, ее занесло куда-то назад. Кошка продолжала стоять на приборном щитке машины, он что было силы ударил ее, зверь зашипел, но с места не двинулся. Хэлстон нанес еще один удар, но вместо того, чтобы отскочить в сторону, она бросилась ему на лицо.

«Гейдж, — подумал он. — Прямо как Гейдж».

Нога давила на педаль тормоза. Кошка сидела у него на голове, стараясь поглубже вонзить когти, чтобы удержаться. Ее мохнатое брюхо закрывало ему обзор дороги. Хэлстон, превозмогая боль, продолжал стискивать руль. Он еще раз треснул кошку, потом еще, еще. И в этот момент его неожиданно швырнуло вперед от сильного удара, резко натянулись ремни безопасности. Дикое, нечеловеческое завывание женщины, кричавшей от адской боли — последнее, что запечатлелось в его мозгу. И все-таки он нашел в себе силы для еще одного удара, но рука лишь скользнула по упругим кошачьим мускулам.

Вслед за этим его сознание погрузилось в непроглядную тьму.

Луна скатилась за горизонт. До рассвета оставался примерно час.

«Мустанг» лежал на брюхе в поросшем низким кустарником овраге. В его радиаторной решетке запутались клочья колючей проволоки. Весь перед машины превратился в кучу металлолома.

Постепенно Хэлстон начал приходить в себя. И первое, что он увидел, когда открыл глаза, была кошка, сидевшая у него на коленях. Она спокойно мурлыкала и смотрела на него своими сияющими на черно-белой морде зелеными глазами.

Ног своих он не чувствовал.

Он скользнул взглядом мимо кошки и увидел, что перед машины был полностью разрушен, а задняя часть ввалив-

шегося в салон двигателя раздробила его ноги, а самого его намертво зажала, словно похоронила.

Где-то далеко заухала сова, почуявшая добычу.

А совсем близко, словно внутри, — мерное кошачье урчание.

Казалось, она улыбается ему.

Хэлстон видел, как она встала, выгнула спину и потянулась. Внезапно со страшной гибкостью хищника она, как колышущаяся промасленная ткань, кинулась ему на плечо. Хэлстон попытался поднять руку, чтобы сорвать ее.

Рука не шелохнулась.

«Спина, — словно врач-профессионал, подумал он. — Перелом позвоночника. Я парализован».

Кошка страшно мурлыкала ему прямо в ухо, и звук этот казался раскатами грома.

— Убирайся вон! — прокричал Хэлстон. Голос его звучал сухо, даже сипло. Кошка на мгновение напряглась, затем откинулась назад. Внезапно ее когти полоснули Хэлстона по щеке, до этого она не выпускала их. Резкая боль молнией кинулась к горлу. Потекла струйка теплой крови.

Боль.

Чувствительность не потеряна.

Он приказал голове повернуться вправо, и та подчинилась. На какое-то мгновение его лицо утонуло в сухом, мягком мехе. Хэлстон заорал на кошку. Она издала удивленный, рассерженный звук — йоук! — и прыгнула на сиденье. Прижав уши к голове, эта тварь по-прежнему не отрывала от него горящих гневом глаз.

— Что, не надо мне было этого делать, да? — прохрипел он.

Кошка открыла пасть и зашипела. Глядя на эту странную, шизофренически раздвоенную морду, Хэлстон понял, почему Дроган называл ее адовой кошкой. Она...

Его мысли внезапно прервались, когда он почувствовал слабую покалывающую боль в обеих кистях и в предплечьях.

Чувствительность восстанавливается. Вот они — булавочные уколы.

Выпустив когти, кошка с шипением бросилась ему на лицо.

Хэлстон закрыл глаза и открыл рот. От хотел укусить кошку в живот, но смог ухватить только клочок шерсти. Когти вцепились ему в уши, кошка давила на них всей своей тяжестью. Жгучая, нестерпимая боль. Хэлстон попытался поднять руки. Они чуть дернулись, но так и не оторвались от коленей.

Он нагнул голову вперед и принялся трясти ею так же, как делает человек, которому в глаза попало мыло. Шипя и повизгивая, кошка продолжала держаться. Хэлстон чувствовал, как по его щекам медленно струится кровь. Уши жгло так, будто они пылали в огне.

От откинул голову назад и зашелся в страшном крике — очевидно, в аварии он повредил шейные мышцы, и сейчас они дали о себе знать. Но кошку он все же скинул — до него донесся негромкий шлепок со стороны заднего сиденья.

Струйка крови затекла в один глаз. Он снова попытался пошевелить руками, хотя бы одну из них поднять, чтобы вытереть кровь. Они подрагивали у него на коленях, но двигаться по-прежнему отказывались. Он вспомнил про свой висевший под мышкой специальный револьвер 45-го калибра.

«Если я только смогу дотянуться до него, киска, от всех твоих девяти жизней не останется даже воспоминания».

И снова покалывание в руках, уже сильнее. Тупая боль в ступнях, зажатых и, конечно же, раздробленных разбитым двигателем, легкие покалывания в бедрах — ощущение точно такое же, как если вы спали и у вас затекла нога, а потом начала отходить, когда вы сделали несколько первых шагов. Этого было достаточно, чтобы понять, что спина у него цела и ему не придется остаток жизни проводить в качестве живого трупа, прикованного к инвалидному креслу.

«А может, у меня самого осталось в запасе несколько жизней?»

Теперь надо разобраться с кошкой. Это самое главное. Потом выбраться из этих развалин — может, кто-нибудь

будет проходить мимо, так что он постарается сразу решить обе проблемы. Хотя весьма маловероятно, что кому-то вздумается прогуливаться по этой пустынной дороге, да еще в половине пятого утра, однако какой-то шанс оставался. И...

А что там кошка сзади делает?

Ему не хотелось, чтобы она ползала по лицу, но еще меньше он хотел, чтобы она оставалась там, за спиной, вне поля его зрения. Он попытался было разглядеть ее в зеркальце заднего вида, но из этого ничего не вышло. От удара оно сдвинулось набок, и все, что он сейчас мог видеть в нем, это лишь овраг, в котором закончилось его путешествие.

За спиной раздавалось урчание, чем-то похожее на упругий звук разрываемой ткани.

Урчание.

«Вот ведь адова кошка. Вздумала там поспать».

Ну, а если даже не так, если она лежала бы там и замышляла убийство, что бы она смогла сделать? Весу в ней было килограмма два с половиной, не больше. А скоро... скоро он сможет двигать руками настолько, чтобы дотянуться до своего револьвера. В этом он был уверен.

Хэлстон сидел и ждал. Чувствительность продолжала возвращаться к нему, напоминая о себе почти уже непрерывными булавочными уколами. Абсурд, конечно (а может, это явилось следствием его близкого соприкосновения со смертью?), но в течение минуты или около того он испытал сильную эрекцию.

Далеко на востоке высветилась на горизонте узенькая полоска приближавшегося рассвета. Где-то запела птица.

Хэлстон снова попытался пошевелить руками, но смог приподнять их лишь на какую-то долю дюйма, после чего они вновь упали ему на колени.

«Нет пока. Но скоро».

Послышался слабый удар по спинке соседнего с ним кресла. Хэлстон обернулся и посмотрел на черно-белую морду, мерцающие в сумраке кабины лучистые глаза с огромными темными зрачками.

Хэлстону захотелось поговорить с ней.

— Еще не было случая, чтобы я не выполнил порученного мне задания, — проговорил он. — Это, кошка-кисонька, могло бы стать первым. Но скоро я снова обрету руки. Пять, ну от силы десять минут. Хочешь услышать мой совет? Выпрыгивай в окно. Все окна открыты. Убейся и уноси с собой свой хвост.

Кошка не мигая смотрела на него.

Хэлстон еще раз проверил руки. Они отчаянно тряслись, но все же приподнялись сантиметра на полтора. Он позволил им шлепнуться обратно на колени. Свалившись на мягкое сиденье «мустанга», они слабо белели в полумраке кабины.

Кошка ухмылялась, глядя ему в лицо.

Тело ее напряглось, и еще до того, как она прыгнула, Хэлстон знал, что именно она собирается сделать, и потому широко раскрыл рот, чтобы завопить что было сил.

Она опустилась ему прямо на промежность — и опять когти впиваются в его плоть.

В этот момент Хэлстон искренне пожелал действительно быть парализованным. Боль была гигантская, раздражающая. Он даже представить себе не мог, что на свете существует подобная боль. Сейчас кошка казалась ему шипящей сжатой пружиной ярости, вцепившейся в его гениталии.

Хэлстон на самом деле взвыл, широко раскрыв рот, внезапно кошка изменила свои намерения, пулей метнувшись к его лицу. В этот самый момент он наконец-то осознал, что это действительно более, чем просто кошка, это омерзительное существо, охваченное желанием убивать.

Он перехватил последний взгляд этой черно-белой убийцы, увидел ее прижатые, словно приклеенные к голове уши, ее громадные, наполненные сумасшедшей ненавистью и... ликованием глаза. Она уже избавилась от трех стариков, и теперь была очередь его, Джона Хэлстона.

Подобно яростному снаряду она ударилась о его рот. Хэлстон едва не подавился. Желудок сжался в комок, и его вырвало. Рвотные массы забрызгали лобовое стекло настолько, что через него уже ничего не было видно, а сам он закашлялся.

Теперь уже он, как кошка, сжался в пружину, стараясь освободить тело от остатков паралича. Он резко поднял руки, чтобы схватить кошку, его помутневший рассудок пронзила настолько странная по своей жестокости мысль, что он не сразу осознал ее, а руки смогли схватить один лишь хвост этого исчадия ада.

Каким-то образом ей удалось втиснуть ему в рот все свое тело — сейчас ее странная черно-белая морда прогнала себе дорогу где-то внутри его горла.

Из глотки Хэлстона вырвался ужасный надрывно-хриплый рев; само горло раздулось и трепетало, словно сопротивлялось проникновению внутрь этой неумолимой живой смерти.

Его тело дернулось; один раз... потом еще. Ладони туго сжались в кулаки, затем медленно, вяло разжались. Глаза блеснули какой-то нечаянной улыбкой и тут же остеклели. Казалось, Хэлстон устремил свой незрячий взгляд сквозь забрызганное лобовое стекло «мустанга» куда-то вдаль, в сторону зарождавшегося рассвета.

Из его распоротого рта свисал пятисантиметровый кончик пушистого черно-белого хвоста.

Затем и он исчез.

Где-то снова закричала птица... и вскоре сельские поля Коннуктикута стали заполняться нежно молчаливыми лучами рассвета.

Фермера звали Уил Росс.

Путь его лежал к Плейсерс Глен, где он намеривался заменить распресвал на своем тракторе. В ярком свете позднего утра он заметил какой-то большой предмет, лежавший в кювете у дороги. Он подъехал поближе, чтобы разобраться, и увидел в придорожной канаве «мустанг», застывший в каком-то нелепо-пьяном наклоне над землей; в его радиаторной решетке застряли куски колючей проволоки, чем-то напоминающие разодранные мотки для вязания.

Он стал спускаться с дороги и неожиданно замер как вкопанный.

— Святой Моисей, спаси и помилуй!

За рулем сидел человек, лицо его было залито кровью. Взгляд остекленевших глаз был устремлен куда-то в вечность. Пересекавший грудь ремень безопасности походил скорее на врезавшуюся в тело перевязь для пистолетной кобуры.

Дверцу явно заклинило, но Росс напрягся и, вцепившись в ручку обеими руками, все же распахнул ее. Как бы в знак протеста она противно заскрипела.

Он наклонился вперед и отсоединил ремень, намереваясь поискать в карманах спортивного плаща мужчины какие-нибудь документы. Рука уже потянулась было к плащу, когда он заметил, что прямо над пряжкой ремня рубаша мертвеца разорвана, и в этом месте образовалось какое-то вздутие. Тотчас же на рубаше, подобно зловещим розам, стали расползаться пятна крови.

— Что за черт! — воскликнул Росс. Он наклонился еще ниже и, ухватив рукой край рубашки мужчины, потянул ее из брюк. Движения рук запечатлелись в его памяти навечно, оставив странный рубец на всю жизнь.

Уил Росс посмотрел... и истошно заорал.

Прямо поверх пупка Хэлстона в его животе была прогрызена дыра, из которой торчала покрытая кровавыми потеками черно-белая голова кошки. Ее огромные глаза с яростью смотрели на Уила.

Росс отскочил назад, продолжая кричать, он закрыл лицо ладонями. В небо взметнулись сотни ворон, кормившихся на пустынном кукурузном поле.

Кошка вылезла наружу и с омерзительной истомой потянулась.

Затем она выскочила в открытое окно машины. Росс смотрел ей вслед, медленно опустив руки. Она прыгала по высокой мерзлой траве, пока совсем не исчезла из виду.

Словно у нее остались еще какие-то незавершенные дела.

С о д е р ж а н и е

КЛАДБИЩЕ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ*	6
Перевод В.Эрлихмана	
ПОСЕЛЕНИЕ ИЕРУСАЛИМ*	348
Перевод А.Мясникова	
АДОВА КОШКА	406
Перевод В.Владимирова	

Литературно-художественное издание

Стивен Кинг
**КЛАДБИЩЕ ДОМАШНИХ
ЖИВОТНЫХ**

Выпуск 3

Сдано в набор 01.09.92. Подписано в печать 25.01.93.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 27 п. л. Печать офсетная. Тираж 115 000 экз.
Зак. № 1114

ТОО «Татьяна» г. Санкт-Петербург,
ул. Салтыкова-Щедрина, д. 14, пом. 2. Тел. 273-72-02

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени
ПП «Техническая книга» Мининформпечати РФ.
198052 г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

Страховая компания «СИТРАФИКО»

- УВЕРЕННОСТЬ И СПОКОЙСТВИЕ
 - МОЩНАЯ ОПОРА ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ
КОММЕРСАНТОВ И СОЛИДНЫЙ ПАРТНЕР
ДЛЯ ПРЕУСПЕВАЮЩИХ БИЗНЕСМЕНОВ
-

Мы возьмем Ваш риск на себя при страховании имущества, перевозимых грузов, КРЕДИТОВ И ФИНАНСОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, КОММЕРЧЕСКИХ РИСКОВ, имущественных прав, неправомерного использования интеллектуальной и промышленной собственности, жизни и трудоспособности граждан, сухопутных и транспортных средств, предприятий и граждан, ВОЗДУШНЫХ СУДОВ, риска вложения средств в ценные бумаги.

*Осмотрительные деловые люди
делают ставку на «СИТРАФИКО»
и никогда не жалеют о своем выборе*

117218 Москва В-218, а/я 81
ул. Кржижановского, 15, корп. 3

Тел./факс 125-00-06

Россия 140160
г. Жуковский Московская обл.,
ул. Жуковского, д. 3

Тел. 556-34-62

Тел./факс 556-42-80

***Василиса премудрая и прекрасная в сказках
победила врагов и несчастья.***

ИЧП «Фирма Василиса» и Российское
телевидение показывают лучшие фильмы
нашей родины всех жанров.

Мелодрамы:

«Очень верная жена»,
«Проснуться в Шанхае»,
а для детей
«Собачье счастье!».

Детективы:

«Дом свиданий»,
«Клан»,
«Джокер».

Комедии:

«Агенты КГБ тоже влюбляются»,
«Эффект Дориана».

Трагедии:

«Не любовь»,
«Стерва».

Мы уверены, что наше отечественное кино
выживет и победит, как сказочная Василиса.

И в этом только мы, соотечественники,
можем помочь друг другу.

***"Возьмемся за руки друзья;
возьмемся за руки друзья, ей богу!"***

Булат Окуджава.

Контактные телефоны
ИЧП «Фирма Василиса»
по рекламе и прокату фильмов

924-32-86
253-51-89

АВИАБАНК

AVIABANK

*Акционерный коммерческий банк «АВИАБАНК»
создан в форме открытого акционерного общества
с Уставным Фондом 300 миллионов рублей*

*Акционерами банка могут быть
любые юридические и физические лица,
в том числе иностранные,
на добровольной основе
путем приобретения его акций*

УСЛУГИ

ВЕДЕНИЕ СЧЕТОВ

КРЕДИТЫ

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ДЕПОЗИТЫ

ФАКТОРИНГ

ЛИЗИНГ

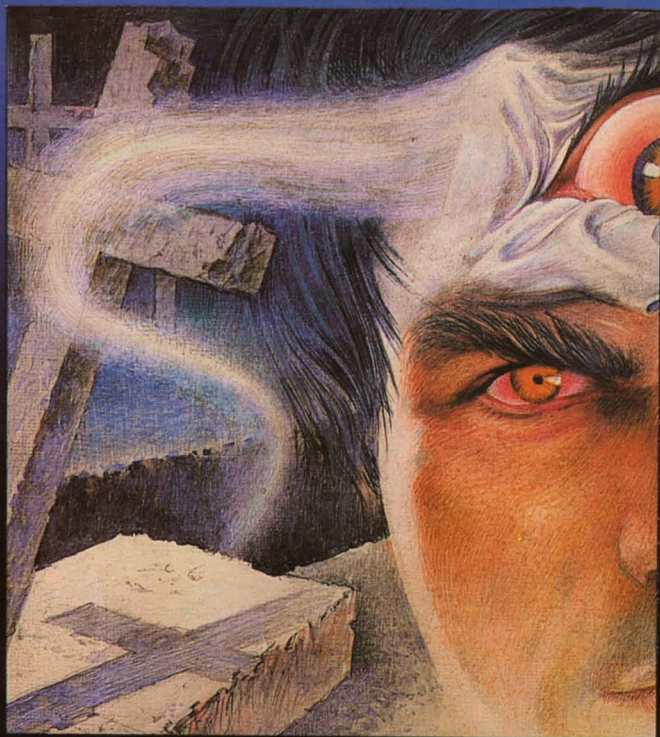
ЧАСТНЫЕ ВКЛАДЫ

и др.

101849 Москва, Центр,
Уланский переулок, 16
Тел. 207-58-56, 207-68-24
Факс 207-04-67

Жуковский филиал
«АВИАБАНКА»
140160 г. Жуковский М.О.,
ул. Фрунзе, 17
Тел. 556-31-97, 556-44-19
Факс 556-54-87

СТИВЕН КИНГ

В следующем выпуске — один
из самых страшных романов
Стивена Кинга
«Темная половина».
Кровавые убийства,
дьявольские перевоплощения,
инфернальное зло,
прорывающееся
в наш реальный мир
Не рекомендуется
читать людям
с неустойчивой психикой.